

**КАК МЫ БИЛИ
ЯПОНСКИХ
САМУРАЕВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ • 1958

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

И. Сталин.

Затерянное в сопках тихоокеанского побережья приграничное озеро Хасан вошло в историю человечества. Впервые это название облетело мир, когда публиковались короткие, сдержанные сообщения ТАСС и штаба Первой (Приморской) армии о советском отпоре японским провокаторам войны. Потом оно повторилось в простых, скромных рассказах командиров, политработников и красноармейцев, участников разгрома японских захватчиков. Отныне это название никогда не умрет. Безвестное географическое имя наполнилось глубоким содержанием. Оно будет всегда напоминать человечеству, как у маленького озера доблестные сыны советского народа, защищая Заозерную и Безымянную сопки, продемонстрировали миру мужество нашего народа и силу советского оружия.

Военное столкновение у озера Хасан войдет в мировую историю, как начало разгрома дикарского похода фашизма против культуры, накопленной человеческим трудом и мыслью. Здесь миролюбивый социализм впервые скрестил свое оружие с оружием воинствующего империализма, показал грозную силу своего ответного удара и доказал превосходство своей военной организации. Здесь мир увидел, что воспитанные в русском народе тысячелетней историей упорной борьбы беззаветное мужество, настойчивость в достижении цели, смелость и героическая любовь к родине в эпоху социализма умножились под руководством партии Ленина — Сталина, что эти чудесные качества теперь принадлежат всему содружеству национальностей, сплотившихся вокруг великого русского народа.

Когда Герой Советского Союза Валерий Чкалов в 1937 году возвращался из Америки в СССР на пароходе «Нормандия», у него произошел интересный разговор с одним пассажиром-буржуа.

— Вы богаты? — спросил капиталист Чкалова.

— Да, — ответил Чкалов. — У меня сто семьдесят миллионов.

— Рублей?

— Человек, — разъяснил Чкалов. — Они работают на меня, а я на них.

Этот ответ чрезвычайно показателен для понимания природы героизма в стране, где каждый работает на всех, на все социалистическое общество, и все на каждого.

Особенность советского героизма — это глубокое гражданское сознание необходимости героического шага, предпринятого для общества, для народного хозяйства, для обороны страны. Одно чувство руководит бойцами армии индустриализации и Рабоче-крестьянской Красной армии — социалистическая родина должна быть богатой и сильной; мы должны работать скорее и лучше всех; мы должны выпускать продукции больше и дешевле всех; мы должны летать выше и быстрее всех.

Любовь к родине — матери народов — всегда составляла отличительную черту всех великих революционеров, чьи замечательные жизни являются образцом для советских людей. Стоит почитать тюремные дневники Феликса Эдмундовича Дзержинского, письма из ссылки, чтобы понять, как велико было у него это священное чувство. В одном из писем к сестре Дзержинский писал, что его любовь к родине можно «вырвать только с душой».

Советские люди стремятся отдать своей родине все лучшее, что у них есть, все свои силы, самих себя.

Герой Советского Союза, участник боев в районе озера Хасан, капитан Д. Левченко сказал: «Когда вместе со своими товарищами я защищал от озверелых самураев сопку Безымянную, я думал о всей нашей великой земле».

Во имя могущества родины установил свой рекорд в угольной промышленности забойщик Алексей Стаханов. Ведомые этой великой идеей, подхватили прекрасный почин Стаханова рабочие и работницы в других отраслях промышленности и на транспорте, колхозники и колхозницы в сельском хозяйстве — Бусыгин, Кривonos, Виноградовы, Сметанин, Демченко, Анге-

лина, Борин и др. Матери-родине посвятили свои производственные подарки молодые патриоты Московского автозавода имени Сталина, готовясь к двадцатилетию ВЛКСМ. Их примеру последовали миллионы молодых людей во всех уголках нашей необъятной страны.

Родина! Сколько связано с этим священным словом. Лучшие умы русского народа мечтали о свободной родине. Подобно гетевскому Фаусту, они грезили:

«Я целый край создам обширный, новый,
И пусть мильоны здесь людей живут
Всю жизнь, ввиду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд...
Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром — ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот хозяин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!
Всю жизнь в борьбе суровой, непреклонной
Дитя, и муж, и старец пусть ведет,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ»¹.

Вековая мечта угнетенного человечества нашла свое воплощение в нашей родине, материализовалась в замечательных делах на нашей советской земле, в социализме.

Много выстрадал наш народ, прежде чем создал свободную и счастливую родину. Об этих страданиях прекрасно сказала знаменитая артистка Малого театра — дочь крепостного крестьянина Л. П. Никулина-Косицкая (1829 — 1868). Она первая из актрис играла Катерину в «Грозе» Островского. Когда ей говорили, что она замечательно правдиво плачет на сцене, актриса отвечала: «Чему-чему, а плакать-то нас научили».

Кровью лучших своих сыновей заплатили рабочие и крестьяне нашей страны за право строить свою жизнь без поработителей и угнетателей. Вот почему никому и никогда не отдадим мы этого права. Советские люди — патриоты своей родины. Советский патриотизм и героизм не отделимы друг от друга.

И герои-хасановцы дрались так мужественно потому, что защищали от капиталистов *свой народ, свою родину.*

Армия патриотов, обладающая передовой военной техникой, непобедима. Но такую армию не может создать ни фашист-

¹ В. Гете, Фауст, часть II, стр. 297 — 298. Изд-во «Академия».

ская Япония, ни фашистская Германия, никакая другая фашистская страна.

Буржуазный «патриотизм», проповедующий уничтожение народов других стран ради умножения хозяйских капиталов, чужд солдатам из рабочих и крестьян. «Движущей силой» империалистических армий является страх. Но эта «сила» ненадежна. Из опыта войны в Испании мы знаем, что когда у марокканских солдат страх перед республиканцами превосходил чувство страха перед итальянскими и германскими офицерами,— они теряли боеспособность, бежали с поля брани или сдавались в плен. Вот почему капиталисты стараются отравить сознание солдат своих армий ядом разбойничьих идеологий. В фашистской Германии пропагандируются зоологические теории, что человек не равен человеку, что арийская раса должна господствовать над остальными расами. Японскому солдату внушают теорию о превосходстве желтого народа над белым и т. п.

Такая армия, «армия, борющаяся во имя неправильной политики, не поддерживаемой народом»¹, — не может победить.

Подлинно патриотической и поэтому победоносной может быть только армия, защищающая интересы народа, связанная с народом, поддерживаемая народом. Такой армией является наша доблестная Красная армия. Представителями ее боевых традиций являются славные участники хасанских событий. Они покрыли себя неувядаемой славой. Имена героев, павших от пуль врагов, бессмертны.

Героизм советских патриотов, прославившихся в боях с самураями, как и героизм всех советских людей, основан на глубокой идейной убежденности в правоте нашего дела, великого дела партии Ленина — Сталина. «...наша Красная армия, — говорит товарищ Сталин, — имеет ту особенность, что она является орудием утверждения власти рабочих и крестьян, орудием утверждения власти диктатуры пролетариата, орудием освобождения рабочих и крестьян от ига помещиков и капиталистов. Наша армия есть армия освобождения трудящихся»².

Наша Красная армия сильна своими нерушимыми связями

¹ «История Всесоюзной коммунистической партии большевиков», стр. 233. Госполитиздат, 1938 г.

² И. Сталин, О трех особенностях Красной армии, стр. 4. Воениздат, 1938 г.

с народом. Горячую поддержку великого народа непрестанно ощущали участники боев у озера Хасан. Многочисленные телеграммы, пламенные заверения миллионов рабочих, колхозников, интеллигентов прибывали в район Посьета со всех концов страны. Все, кто мог, лично помогали бойцам героической Первой (Приморской) армии. Сознание единства, монолитности армии и народа умножало силы красных бойцов. Это сознание в соединении с первоклассной техникой сделало свое дело, и знамя Страны советов, знамя, пробитое пулями во многих победоносных боях, вновь победно заалело над Безымянной и Заозерной.

Совсем иное происходило в лагере самураев — растерянность, подавленное состояние солдат, ощущение страха, предчувствие неизбежной смерти. «Страшно», «что-то ужасное», «настроение подавленное», «воевать невыносимо» — эти слова из позиционного дневника японского унтер-офицера Сато верно передают моральное состояние японских солдат, «дух» и «волю» которых самурайским офицерам пришлось подогреть спиртными напитками.

Мужество и отвага бойцов Первой (Приморской) армии — вооруженной силы героического народа — войдут в историю нашей родины, как образцы беспримерной доблести советских патриотов. Это не героизм одиночек, — это героизм масс. Подвиги у озера Хасан возвеличивают славу нашей страны, так же как возвеличили ее беспримерные подвиги бессмертных героев гражданской войны — Котовского, Чапаева, Щорса, Лазо, так же как возвеличивают ее герои социалистического труда — сыны трудового народа великой страны.

Память об этих подвигах сохранится в веках.

СССР — страна героев. Героизм есть высшая мобилизация воли, ума, дарований человека на выполнение какой-либо ответственной задачи. Героизм — это раскрытие способностей, талантов личности. Этому раскрытию способствует партия Ленина — Сталина и лично товарищ Сталин, заботливо выращивающий людей.

В нашей стране, осуществившей принцип социализма «от каждого по способностям — каждому по труду», развитие дарований, творческих способностей людей поддерживается всем народом. Это хорошо выразил Герой Советского Союза Г. Ф. Байдуков. «Мы, — сказал он о своем перелете из СССР в Америку, — получили не только деньги на организацию пе-

релета, а еще и то, чего не могут дать самые богатые владыки мира, — любовь своего народа, помощь всей страны».

Герой Советского Союза М. В. Водопьянов по возвращении из экспедиции на Северный полюс на одном из митингов говорил, что чувство страха, безнадежности никогда не заглядывало ему в глаза: все участники экспедиции хорошо знали, что при любых обстоятельствах их не бросят на произвол судьбы, что товарищ Сталин человека не оставит.

Герой Советского Союза капитан Д. Левченко выразил эту мысль так: «Я иду один, но я не одинок. За моей спиной мощная, непобедимая, оснащенная самой передовой техникой армия. Если что случится, она всегда выручит». Советский героизм — это коллективное действие, а не единичный подвиг. Люди в нашей стране привыкли ощущать плечо соседа.

Четыре человека добровольно провели 274 дня на льдине. Они не кривили душой, они не преувеличивали, утверждая, что повседневно ощущают связь со страной, ее внимание. Так было в действительности, — вся страна, затаив дыхание, следила за жизнью героев зимовки «Северный полюс» — Папанина, Ширшова, Кренкеля, Федорова. И когда их льдина раскололась, для снятия доблестных зимовщиков были мобилизованы все силы.

Героические сыны нашей родины всегда твердо смотрят в будущее, уверенные в том, что в трудный час советский народ придет к ним на помощь, уверенные в том, что работа, которую они делают, нужна народу, нужна науке, нужна всему человечеству.

Новый человек — хозяин своей судьбы — живет на нашей земле. Его профессия — строитель, он строит чудесное здание коммунизма.

Строя это здание, он совершает подвиги, он совершает их во имя народа, во имя родины.

Этому человеку чужда грязная мораль старого мира, он свободен от уз частной собственности, он, как говорил великий пролетарский писатель М. Горький, «обладает доверием к организующей силе разума..., чувствует себя творцом нового мира... Он молод не только биологически, но и исторически. Он — сила, которая... осознала свой путь, свое значение в истории, и он делает свое дело культурного строительства со всей смелостью, присущей юной, еще не работавшей силе, руководимый простым и ясным учением»¹.

¹ М. Горький, Публицистические статьи, стр. 361. Огиз — Ленинград, 1933 г.

В нашей стране, где труд уже стал «делом чести, доблести и героизма», где служба в Красной армии является почетной обязанностью, героизм стал нормой советского поведения.

Трое советских богатырей — Чкалов, Байдуков и Беляков — впервые в истории человечества прокладывают великий воздушный путь из СССР в Америку через Северный полюс. Этот подвиг они совершают не во имя богатства или личной славы. Они совершают его во имя родины, которая их взрастила и воспитала.

Единственным их побуждением было «овладеть куском мира, который не подчинялся еще человеку, прославить могущество и культуру своего народа» (Г. Байдуков).

За 24 часа Владимир Коккинаки вместе со штурманом Бряндинским совершает «прыжок» свыше шести тысяч километров от сердца страны — Москвы — до берегов Тихого океана.

Несколько времени спустя не менее замечательный подвиг совершают три отважные советские женщины — Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова. Они побивают международный женский рекорд дальности, они прославляют крылатое племя нашей страны.

На восточном побережье Новой Земли, в заливе Литке, заболел цынгой зимовщик Трапезников. Об этом узнали его товарищи, зимующие в становище Лагерное. Пытаясь помочь ему, они пробирались в залив Литке, но безуспешно. Тогда стахановец Журавлев взялся достичь залива через хребты центральной части Новой Земли и ледники. Несколько суток шел он в горах, рискуя сорваться с высоких круч, пробирался в пловучих льдах Карского моря — и достиг цели. С большими трудностями доставил он больного Трапезникова на полярную станцию Маточкин Шар, где ему была оказана медицинская помощь.

Врач идет на лыжах в бурю за десятки километров, чтобы оперировать больного. Лесник, не умеющий плавать, бросается в ледяную воду, чтобы спасти тонущего ребенка. Колхозник остается на охране общественной собственности во время пожара его собственного дома.

Все они — и летчик, и врач, и хасановец, и колхозник — герои. Их поступки нельзя объяснить, руководствуясь нормами морали буржуазного общества — общества, в котором человеческие отношения подчинены наживе, эксплуатации. Но их легко понять, если смотреть на них глазами советского человека.

Советский строй, в противоположность всем общественным порядкам, существовавшим в долгой истории человечества, порождает и воспитывает миллионы героических характеров. Человек любой профессии может стать героем. Радист и арктический зимовщик, комбайнер и животновод, артист и врач, инженер и учитель, токарь и ткач, железнодорожник и грузчик, летчик и моряк — каждый на своем участке — становятся творцами новых подвигов, дерзают на смелые шаги, опрокидывающие старые нормы и представления. Эти явления вызваны советским строем, они являются плодом новых общественных отношений и в то же время гигантским фактором быстрого развития этих отношений.

Воля советских людей, собранная воедино, способна делать чудеса. Энергия наших людей является гигантской силой именно потому, что она направлена по одному пути с ходом истории. Этой энергии враги советского народа могут противопоставить только злобу прошлого, только ненависть к будущему.

Герои нашего народа, на каких бы участках они себя ни проявляли — в ледяных просторах Северного океана или в поднебесье, в научной лаборатории или при защите рубежей страны, — служат делу социализма, делу прогресса.

В этом служении видят они высший смысл своей жизни. Великим примером для них является героический образ Ленина, его ближайшего соратника товарища Сталина. «Если бы, — говорил товарищ Сталин, — каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной»¹.

Героизм социалистический принципиально отличен от героизма буржуазного. Героика буржуазии рождена практикой мошенника и грабителя, она неизбежно связана с закрепощением человеческой личности.

«Жизнь, построенная капиталистическим государством, отвратительная своим лицемерием, неспособным скрыть цинизм ее непримиримых противоречий, страшна для людей слабой воли, а свирепая конкуренция крупных зверей буржуазии спо-

¹ И. В. Сталин, О Ленине, стр. 123. «Молодая гвардия», 1938 г., изд. 3-е.

собна воспитывать только волю шакалов и волков мелкого мещанства»¹.

«Герой» буржуазии — «сильный человек» — тот, кто умеет жестоко угнетать других, кто может содрать шкуру с ближнего, кто в стремлении к власти и деньгам идет через горе народа, через трупы голодных и замученных им людей.

Излюбленный «герой» буржуазии наших дней — фашистский громила, человеконенавистник, каннибал XX века. Послужной список этого громилы — зверские истязания революционеров, пытки, бомбардировка незащищенных городов, убийства испанских и китайских женщин и детей.

Когда советским героям — подлинным героям народа — придется померяться силами с фашистскими бандитами, профессиональными убийцами, когда советскому народу придется на поле брани скрестить оружие с врагом, победа останется на стороне советских патриотов. События у озера Хасан — яркое тому подтверждение.

Японские самураи любят заглядывать в «историю». С большой охотой вспоминают они победы над русским самодержавием, одержанные в русско-японской войне 1904 — 1905 годов. Но поражение русской армии на полях Манчжурии и гибель флота при Цусиме являются трагедией русского народа лишь постольку, поскольку народ «отвечает» за самодержавие, бездарных генералов, тупых офицеров, военную бюрократию Российской империи, поскольку последствия подготовленного ими поражения легли на плечи русского народа.

«Падение Порт-Артура, — писал Владимир Ильич Ленин в 1905 году, — подводит один из величайших исторических итогов тем преступлениям царизма, которые начали обнаруживаться с самого начала войны... Генералы и полководцы оказались бездарностями и ничтожествами. Вся история кампании 1904 г. явилась, по авторитетному свидетельству одного английского военного обозревателя (в «Times»²), «преступным пренебрежением элементарных принципов морской и сухопутной стратегии». Бюрократия гражданская и военная оказалась такой же тунеядствующей и продажной, как и во времена крепостного права. Офицерство оказалось необразован-

¹ М. Горький, Публицистические статьи, стр. 367. Огиз — Ленинград, 1933 г.

² «Времена». (Примечание редакции Сочинений Ленина.)

ным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием»¹.

Величайшая трагедия русского государства в прошлом заключалась в том, что патриотизм и национальное чувство были чужды господствовавшим паразитическим классам России. «Бархатную книгу» — родословную чиновных боярских родов, составленную еще при правительнице Софье, — больше чем на половину заполнили фамилии проходимцев разных национальностей, авантюристов, раздобревших на поте и крови русского народа.

Презиралось все свое, национальное, русское, и насаждалось все иностранное.

«Воспитание солдат царской армии было целиком заимствовано из Германии. Солдат был лишен права отвечать на вопросы своего командира простым, честным «не знаю», он должен был ответить словами «не могу знать». Этими словами солдата заставляли отказываться от его способности и права знать все то, что хотя немного выходило за пределы «Воинского устава» — одного из наиболее мерзких документов, созданного буржуазной цивилизацией»².

«Германский элемент» в русском государстве нанес большой вред нашему народу.

Нет, не на полях Манчжурии в 1904 году сражался русский народ с самураями, а в дальневосточной тайге, в Спасске и под Волочаевкой. В 1922 году советский народ вышвырнул японских самураев из пределов Дальнего Востока. Отличная военная техника японцев оказалась недостаточно сильным средством в борьбе даже с таким оружием, как... деревянные пушки, которые широко применяли дальневосточные партизаны. Не помогли и карательные экспедиции, бесчеловечные расправы утонченных мастеров пыток, вышколенных японской разведкой, над советскими рабочими.

История русского народа есть героическая история победоносной борьбы с многочисленными врагами, пытавшимися закабалить русский народ, лишить его государственной самостоятельности.

Еще в VIII и IX веках Византия — сильнейшее государство того времени — поощряла набеги своих купцов-работорговцев на русские земли. Русские жили на речном пути из Северной Европы в Византию. Они хотели мира. Но когда

¹ Ленин, Соч., т. VII, стр. 47, изд. 3-е.

² М. Горький, Публицистические статьи, стр. 386. Огиз — Ленинград, 1933 г.

набеги участились, когда сынов свободного племени стали уводить в рабство, наши предки сумели дать отпор грозной Византии. Русские воины на утлых ладьях появились перед Царьградом, и императоры Византии должны были просить у русских мира и дружбы. А так как византийцы изменяли своему слову, то русские дружины и во второй, и в третий раз разбивали войска двуличных императоров.

Японские самураи, питающие «особое» пристрастие к «истории», могли бы у своих единомышленников, немецких фашистов, ознакомиться с историей русско-германских отношений — история не плохой учитель! Новгородцы, псковитяне и смоляне не препятствовали тевтонским рыцарям, немецко-католическим миссионерам и купцам селиться на балтийском побережье. Но когда тевтонские псы-рыцари, как их метко окрестил К. Маркс, попытались распространить свою власть на русские земли, когда, поощряемые папой римским, они предприняли крестовые походы на Северную Русь, русские дружины Ярослава победили их прославленные в Европе войска, а сын Ярослава Александр Невский с новгородским ополчением нанес рыцарям такое поражение на Чудском озере, что они униженно признали себя пленниками Великого Новгорода.

Друзья японских фашистов — Гитлер, Розенберг и компания — не могут назвать ни одной даты на протяжении многовековой русской истории, когда бы военное столкновение русских с германцами закончилось для немцев благополучно. А ведь предки гитлеровцев — хищники-рыцари — были военными профессионалами, в то время как русский народ, чуждый войне как профессии, брался за оружие лишь для того, чтобы защитить свою территорию, свой труд и культуру.

Одним из своих предшественников германские фашисты считают Фридриха Второго. Русскому народу приходилось скреплять оружие с этим высокомерным полководцем. В 11759 г. в битве под Кунерсдорфом из своего 48-тысячного войска Фридрих потерял свыше 17 тысяч человек: 7 627 человек убитыми, 4 524 — пленными, остальные дезертировали. В этой битве русские захватили в качестве трофеев 28 знамен и 172 пушки. Сам Фридрих едва не попал в плен. Случайно спасшись от казаков, окруживших его, он провел бессонную ночь под Этшером. Могущественный император был близок к мысли о самоубийстве. Утром он написал в Берлин брату Генриху и министрам письмо, которое фашистские историки, по вполне понятным причинам, предпочитают замалчивать.

«Из 48-тысячной армии, — писал Фридрих, — я в настоящий

момент не имею и трех тысяч. Все бегут, и я теряю мужество. В Берлине поступят правильно, если подумают о своей безопасности. Стряслось ужасное несчастье; последствия дела хуже, чем само дело. Я не вижу выхода из положения и, чтобы не солгать, считаю все потерянным. Я не переживу гибели моей родины. До свиданья навсегда».

На русских равнинах нашло себе могилу страшное монгольское нашествие. Потерпев первоначально, из-за междоусобицы князей, поражение, русский народ сохранил свою культуру и язык, свою государственную организацию и не только восстановил свою независимость после великой Куликовской битвы в 1380 году, но и распространил свое культурное влияние на бывших поработителей.

Когда в первой четверти XVII века поляки напали на Русь, весь народ поднялся на защиту родины. Во главе ополчения стали народные герои — Минин и Пожарский. Польским панам пришлось уйти побитыми.

В течение длительного времени вели шведы войны с русским народом. Армия шведского короля Карла XII была одной из лучших европейских армий, но в бою под Полтавой в 1709 году Петр Первый разбил эту армию наголову. У русского народа хватило терпения и умения, чтобы в течение нескольких лет «научиться у шведов побеждать шведов».

Народ, поднявшийся на национально-освободительную войну, во главе с талантливым полководцем Кутузовым разгромил в 1812 году могущественное войско Наполеона, с триумфом прошедшего по всей Европе.

Никогда не будет забыта героическая борьба советских рабочих и крестьян против нашествия империалистических разбойников четырнадцати держав. В этой борьбе под руководством партии Ленина — Сталина Красная армия, полуголодная, слабо вооруженная, наголову разбила первоклассные, хорошо одетые и отлично вооруженные империалистические армии. Вооруженный народ проявлял подлинные чудеса храбрости.

Советский народ — мирный народ. Он занят творческой работой по строительству социализма. Вот уже двадцать один год на необъятных просторах нашей родины идет эта великая стройка. Свободный советский народ создает новую экономику, новый общественный уклад, воспитывает нового человека, отличного по своим качествам от человека эпохи капитализма.

Советский народ — мирный народ, но миролюбие не озна-

чает слабости. За эти годы мы создали передовые заводы и фабрики, производящие орудия мирного труда, и построили первоклассную военную промышленность. В грозный час всю свою военную технику мы двинем на врага и не сомневаемся, что наши самолеты полетят быстрее всех, выше всех и дальше всех, наши пушки будут стрелять лучше всех, наши танки будут подвижнее всех.

«Рабоче-крестьянская Красная армия, как и весь Советский Союз, готова всегда жить в мире со всем миром. Но Красная армия так же готова каждый миг в порошок стереть врага, дерзнувшего напасть на страну трудящихся.

Наша армия существует не для нападения, но только до момента нападения врага на нашу родину. Она будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий, если враг ее понудит к этому»¹.

Вместе с бойцами Красной армии на защиту родной земли встанут все от мала до велика. Комсомолка-трактористка депутат Верховного Совета СССР М. Мухортова выразила чувства и мысли всего советского народа, когда сказала: «Если родине будет грозить опасность, то мы пересядем с тракторов на танки и будем бить врага. Своей счастливой жизни мы никогда и никому не отдадим».

В борьбе за свое счастье советские патриоты покажут такие чудеса героизма и храбрости, каких не показывала ни одна армия в мире. Заповедь наших красноармейцев «Красная армия не отступает — боец не сдается в плен» — заповедь всего многонационального советского народа, скрепившего свое моральное и политическое единство долгими годами дружбы и совместной работы под победоносным знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

«Мы, большевики, ученики Ленина и Сталина, никогда не сомневались в нашей конечной победе. Теперь, когда силы наши удесятерились, мы вовсе и не ставим вопроса, победим ли мы врага, или нет. Победим безусловно. Сейчас не в этом уже дело. Сейчас вопрос ставится так: какой ценой, какими усилиями, какими жертвами мы победим? Я лично думаю, — так думает товарищ Сталин, так думает товарищ Орджоникидзе, весь наш ЦК и Правительство, — что мы должны победить врага, если он осмелится на нас напасть, малой кро-

¹ К. Е. Ворошилов, Речь на Красной площади в день XX-летия Октябрьской Социалистической революции. «Правда» от 10 ноября 1937 г.

вью, с затратой минимальных средств и возможно меньшего количества жизней наших славных бойцов»¹.

Героический дух русского народа, воспитанный многовековой борьбой против врагов, живет в сердцах сынов нашей родины. И всем, кто с разбойничьими целями идет на нашу страну, мы скажем словами нашего знаменитого предка Александра Невского:

«Если кто с мечом к нам войдет — от меча и погибнет.
На том стоит и стоять будет русская земля».

В боях у озера Хасан за неприкосновенность священных рубежей нашей страны проявились лучшие качества советских людей, воспитанных великой партией Ленина — Сталина. Многочисленные наши друзья во всех частях земного шара были восхищены мужеством, доблестью, бесстрашием советских патриотов. Грозную силу оружия Красной армии вынуждены были признать и многочисленные наши враги из стана капитализма, из стана фашизма. Верные сыны социалистической родины не только не отдали японским империалистам ни одного вершка советской земли, но и поставили на колени одну из лучших армий японского фашизма — Квантунскую армию. Японская военщина устами своих дипломатов запросила пощады. Следуя своим традициям, военные заправила Японии должны были бы учинить «харакири», т. е. самоубийство посредством вспарывания живота. Но, видимо, миф о древнем японском самурае, который предпочел самоубийство потере чести, давно перестал вдохновлять современных самураев, которые предпочитают сохранность собственной шкуры сохранению чести их самурайского государства.

Японские фашисты стараются дать свое освещение событиям в районе озера Хасан, стремятся сохранить хорошую мину при дурной игре.

Шпион-итальянец Амлето Веспо, находившийся долгое время в Манчжурии на службе японской разведки и лучше дру-

¹ К. Е. Ворошилов, За мощное стахановское движение в стране и Красной армии, стр. 20 — 21. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935 г.

гих знающий методы подобного освещения, пишет в своей книге «Секретный агент в Японии»¹:

«Что можно сказать о японской армии и флоте? Это тема, которая, по мнению японцев, стоит вне дискуссий: японская армия и флот могут померяться силами с армией и флотом всего мира и... конец всей дискуссии. Это мнение разделяется всеми, начиная с императора, кончая последним рядовым.

Армия императора, прямого потомка богини солнца Аматерасу-О-Ми-Ками, должна быть непобедимой. А если непобедима армия, то логически следует, что непобедимым должен быть каждый ее представитель.

Писать, например, что японский отряд был разбит, значит нанести оскорбление и армии, и микадо, и богине солнца, не более и не менее. Писать, что китайцы бомбардировали японский военный эшелон и убили несколько сот японских солдат, значит говорить о чем-то совершенно невозможном. Поэтому правильнее переименовать нескольких китайцев, причинивших ту или иную неприятность, в Советское правительство, свести к минимуму размеры катастрофы, сократить число убитых и раненых и, конечно, не упоминать о солдатах, дабы спасти честь японской армии, что равносильно чести микадо и чести дряхлой Аматерасу-О-Ми-Ками.

Японские официальные сообщения ничего общего с фактами не имеют. За четыре с половиной года, что я работал для японской армии в Манчжурии, я ни разу не читал правдивого сообщения об одной хотя бы из тех стычек с партизанами, которые происходили почти ежедневно».

Как бы ни информировала японская военщина мир о событиях на озере Хасан, какую бы она хорошую мину ни делала, «игра» ее все равно остается плохой. «Шила в мешке не утаишь» — говорит русская пословица, и эту пословицу полезно усвоить самураям.

Нам трудно сказать, в какой мере хасанские события умили аппетиты японской военщины поживиться за счет священной советской земли.

«Но если наглядных уроков на озере Хасан недостаточно, если враг в состоянии забыть сокрушительную силу советского оружия и героизм красных бойцов и их командиров, мы должны им сказать: господа, то, что вы получили на Хасане, — это только «цветики», а «ягодки», настоящие «ягодки»

¹ Книга вышла в лондонском издательстве «Виктор Голланц».

еще впереди. (А п л о д и с м е н т ы.) Всякому беспокойному или наглому врагу, безразлично где бы и когда бы он ни осмелился сунуть свой нос на нашу землю, придется отведать этих советских «ягодок». Пусть помнят те, кому забывать не следует, что мы совсем не обязаны всегда ограничивать действия наших войск районом, на который воровски и нагло нападает враг. Наоборот, нам сподручнее и легче громить врага на его собственной территории. Так оно и будет — на всякое нападение и удар мы будем отвечать тройными ударами всей мощи нашей доблестной Красной армии»¹.

¹ К. Е. Ворошилов, Речь на Красной площади в день XXI годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции в СССР (7 ноября 1938 г.), стр. 13. Воениздат, 1938 г.

СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛИ НИКОГДА НИКОМУ НЕ ОТДАДИМ

*Приветствие актива партийных и непартийных
большевиков Н-ской группы войск*

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Наш дорогой друг, вождь и отец! Собрание актива партийных и непартийных большевиков Н-ской группы войск Дальневосточного Краснознаменного фронта от всей души приветствует Вас и в Вашем лице великую партию Ленина — Сталина.

Части группы, вдохновляемые Вашим именем, доказали всему миру готовность всего нашего народа с оружием в руках отстаивать каждый вершок родной земли. Японские империалисты жестоко поплатились за свою наглую попытку посягнуть на границы нашей родины. Актив заверяет Вас и в Вашем лице нашу партию и весь советский народ в том, что бойцы, командиры и политработники группы ни одной пяди нашей священной земли никогда никому не отдадут.

Заверяем Вас в том, что самурайская гадина, в случае повторения своих захватнических попыток, получит новый сокрушительный удар.

Наши части используют перемирие для большего укрепления своей мощи на основе кратковременного и богатого боевого опыта. Мы еще теснее сплачиваем массы вокруг нашей коммунистической партии и, верные Вашим указаниям, держим части в состоянии полной готовности, чтобы никакая случайность и никакие фокусы наших врагов не могли достигнуть нас врасплох.

Да здравствует наш великий, могучий советский народ!
Да здравствует любимый товарищ Сталин!

По поручению актива партийных и непартийных большевиков Н-ской группы войск — Штерн, Семеновский.

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ ПОЛНОСТЬЮ ВЫПОЛНЕНО

*Приветствие актива партийных и непартийных
большевиков Н-ской группы войск*

ТОВАРИЩУ ВОРОШИЛОВУ

Дорогой Климент Ефремович! Актив партийных и непартийных большевиков Н-ской группы войск Дальневосточного Краснознаменного фронта гордится тем, что может доложить Вам, любимому наркому обороны, о полном выполнении боевой задачи, поставленной Вами перед частями группы.

Бойцы, командиры и политработники группы в прошлых боях за честь нашей родины, неприкосновенность наших границ показали мощь и грозную силу оружия нашей Красной армии. В страданные дни боя мы чувствовали постоянную заботу и внимание нашей партии, всей страны и, в первую очередь, нашего наркома.

Мы считали и считаем, что бой за высоту Заозерную — лишь первое предупреждение нашего народа самурайской сволочи. Наши части находятся в полной боевой готовности, изучают уроки борьбы, еще более крепнут на полученном боевом опыте и готовы выполнить любой Ваш приказ.

Мы уверены в победе. Залогом этой уверенности является Ваше личное руководство нашими действиями. С именем великого Сталина мы шли в бой за высоту Заозерную, с этим именем, как знаменем нашего народа, мы будем отстаивать каждую пядь родной земли и под этим знаменем разгромим врага на его же территории.

Да здравствует наш любимый нарком Климент Ефремович Ворошилов!

Да здравствует великий вождь народов товарищ Сталин!

Да здравствует великая партия Ленина — Сталина!

Да здравствует наша любимая родина!

По поручению актива партийных и непартийных большевиков Н-ской группы войск — Штерн, Семеновский.

I. ЛЮБИМЫЙ КРАЙ СОВЕТСКОГО НАРОДА

ЮР. ЖУКОВ И Р. КРОНГАУЗ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

«Владивосток далеко, но, ведь, это
город-то нашенький...»

В. И. Ленин.

Июньским вечером 1938 года над небольшим, но очень оживленным городом появился красивый краснокрылый самолет. Самолет летел издалека. Его нетерпеливо ждали, и, когда он коснулся колесами аэродрома, навстречу ему поспешила толпа людей.

— Ну вот, мы и прилетели, — просто сказал встречающим рослый, плечистый командир самолета.

Но тут же он, что-то вспомнив, торопливо полез в кабину самолета и вернулся с большой кипой газет.

— Вот, чуть было не забыл. Берите, товарищи. Это вчерашний номер «Правды». Берите, берите, тут на всех хватит!

Этот сюрприз произвел ошеломляющее впечатление. Здесь привыкли читать московские газеты на десятый день после их выхода в свет. И вдруг — вчерашний номер «Правды»...

Командир самолета лукаво усмехнулся:

— Ну что ж, теперь видите — Дальний Восток перестал быть далеким!

Эта крылатая фраза скоро облетела весь мир. В Европе и Азии, Америке и Австралии — всюду говорили о храбрых русских — Коккинаки и Бряндинском, — которые одним взма-

хом крыльев соединили столицу СССР с дальневосточным Приморьем. А оно, в действительности, лежит не столь уж близко. Путь туда по железной дороге равен, примерно, четверти экватора.

Дальний Восток... Его скромно называют краем, хотя слово «край» не дает никакого представления об этой огромной стране, раскинувшейся от незамерзающей бухты Посъет до вечных льдов Ледовитого океана и от Забайкалья до берегов Тихого океана. Географы подсчитали, что территория этого края превышает 2,5 миллиона квадратных километров. Это значит, что Дальний Восток мог бы вместить пяток таких государств, как Япония, да еще Германию и Италию в придачу,— так велик этот край!

Дальневосточный край тянется на 7 000 километров вдоль восточного края Азии. Он делится на восемь областей — Хабаровскую, Приморскую, Уссурийскую, Амурскую, Еврейскую автономную, Камчатскую с Чукотским и Корякским национальными округами, Нижне-Амурскую и Сахалинскую.

Даже на самом быстром самолете невозможно облететь все уголки этого богатейшего, изобильного края. На его просторах высятся гигантские горные хребты — Яблонувый, Становой, Сихотэ-Алинь, Колымский, Анадырский и другие. В его обширных пространствах расположены плодороднейшие низменности — Зее-Бурейская и Уссурийская. Далеко в море выдается огромный полуостров Камчатка, который и сам по себе целая страна. Окутаны туманами в море Беринга Командорские острова. Несметные нефтяные богатства таит в своих недрах остров Сахалин.

Горяча советская жизнь на необъятных просторах Дальнего Востока. Лес и уголь, хлеб и нефть, пушнина и золото, рис и олени,— трудно даже перечесть все отрасли народного хозяйства края.

Здесь с огромной быстротой сооружают новые города и переделывают старые, строят корабли и сеют сахарную свеклу, делают консервы из крабов и создают сложные машины, бьют китов и добывают драгоценные металлы. У берегов Тихого океана быстро вырастает могучий индустриальный форпост Советского государства.

Но многие ли знают, что эти берега до середины прошлого века были белым пятном на карте? Что даже в конце пятидесятых годов географы всего мира были убеждены, будто Сахалин является полуостровом?

Откиньте полвека назад! Вот здесь на тысячи и тысячи

Приморье ДВК.

километров лежит безлюдная тайга. На морских берегах равнодушно разгуливают тигры и медведи. Тысячи лет ждал этот край человека. И только в 1785 году сюда причалил на своих фрегатах храбрый французский путешественник Лаперуз, только что открывший пролив между южной оконечностью Сахалина и японским островом Хоккайдо,— впоследствии этот пролив назвали его именем.

Лаперуз был потрясен зрелищем, открывшимся его взору. Он красочно живописал потом высокие хребты, покрытые рощами гигантских дубов, серебристые реки, в водах которых отражались плакучие ивы, высокие сосны, первобытный клен. Он восхищался исполинскими яблонями, обремененными спелыми плодами, которых никогда не касалась рука человека, пестрым ковром из ароматных роз, ландышей и красных лилий. Он поражался несказанному плодородию почвы, которой никогда не касался плуг.

Но спустя три года храбрый путешественник погиб при крушении у Соломоновых островов. Речи его были забыты, и о далеком благодатном крае долго никто не вспоминал. Лишь изредка, однажды в десятилетие, появлялись у этих берегов парусные корабли мореходов. Здесь отдавали свои якоря Крузенштерн — первый русский, объехавший вокруг света, англичанин Броутон, русский путешественник Гаврилов. Но никому из них не посчастливилось отыскать устье Амура — этой могучей реки, которая одна лишь могла стать осью колонизации края.

И когда Гаврилов доложил, что доступ к Амуру закрыт зыбучими песками, император Николай I написал на полях доклада: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, оставить. Лиц, посылавшихся на Амур, наградить». Вот тут-то и начинается история одного молодого человека, которого мировое общественное мнение окрестило русским Колумбом, а неблагодарные русские историки предали забвению. В старинных книгах сохранилась биография этого молодого человека, открывшего для России Приморье. Зовут его Геннадий Невельский.

В те годы, когда возвратился ни с чем из своей поездки капитан брига «Константин» Гаврилов, Геннадий Невельский учился в петербургском морском училище. Еще в детстве он зачитывался сказочными рассказами казаков Хабарова, Пояркова, Дежнева, Стефанова, Стадухина, Атласова и других, которые со второй половины XVI века устремились на северо-восток Азии, где, по слухам, были скрыты сказочные

богатства. Молодой Невельский увлекся рассказами о Дальнем Востоке. И больше всего его интересовал вопрос об устье Амура. Ведь этот вопрос решал судьбу колонизации Востока!

— Не может быть, чтобы такая громадная река, как Амур, терялась в прибрежных песках,— твердил он, доказывая нелепость официальной версии географов.

На него смотрели с презрением, как на мальчишку. Резолюция Николая I положила конец всяким попыткам пересмотреть географию Приморья. Но в мозгу юноши уже созрел дерзкий замысел. Когда Невельский кончил училище, он с головою ушел в разработку каких-то планов. И вот однажды этот молодой, образованный, подающий блестящие надежды офицер явился в морское министерство и изъявил желание принять командование убогим транспортом «Байкал», который отправлялся на Камчатку для портовой службы в холодном и бурном Охотском море.

Князь Меншиков, возглавлявший морское министерство, всячески отговаривал Невельского от этой затеи, доказывая ему, что он губит свою карьеру. Но Невельский был упрям. Министр пожал плечами и подписал назначение.

21 августа 1848 года «Байкал» поднял паруса и ушел в кругосветное плавание. Целый год плыл он на Дальний Восток. Явившись в назначенный ему порт, молодой капитан вдруг самовольно покинул его и вышел в открытое море. Собрав свою немногочисленную команду, он мужественно сказал ей:

— Господа, я не хочу подвергать вас каким-либо опасностям. Я самовольно ушел из гавани. Всю ответственность и грядущую кару за это я беру на себя. Служа под моим начальством, вы не отвечаете за мои распоряжения...

7 октября 1849 года «Байкал», распустив паруса, двинулся туда, где, по предположениям Невельского, должно было находиться устье Амура. Спустя несколько дней Невельский увидел отлогие песчаные берега Сахалина, окруженные с моря множеством отмелей. Сердце храброго моряка сжалось. Неужели Лаперуз и Крузенштерн правы? Неужели Сахалин действительно полуостров? Но вдруг Невельский заметил на горизонте нечто вроде озера, скрытого мелями. Он спустил шлюпку и поплыл вперед на разведки. Прошло еще несколько томительных часов, и парусник «Байкал» первым из всех европейских судов вступил в мутные воды глубокого пролива, отделявшего Сахалин от материка.

Молодой моряк облегченно вздохнул. Он увереннее двигался дальше. Ему предстояло разоблачить еще одну ошибку знаменитых исследователей и доказать, что Амур впадает в Великий океан. После долгих лишений и трудностей Невельский достиг гигантской песчаной отмели, которая далеко выдавалась в пролив из Татарского залива. Эта мель и сбивала с толку исследователей, которые думали, что пески преграждают выход Амура к океану.

Но Невельский не растерялся. Он несколько дней терпеливо исследовал пролив, отыскивая путь к устью Амура. И вот заветная мечта осуществлена. Истрепанный парусник вошел в устье Амура, и его молодой капитан первым вступил на берег пустынного края.

Какая буря негодования обрушилась на голову дерзкого капитана, осмелившегося нарушить указ императора! И только тогда, когда Николай I понял, как ценно для империи приобретение такой огромной колонии, сановники переложили свой гнев на милость и пожаловали Невельского званием контр-адмирала.

Впрочем, помнили о нем недолго. Еще не заросла травой его могила, а о смелом контр-адмирале уже никто из царских чиновников не вспоминал. Зато наш народ надолго сохранит память о «русском Колумбе»...

Прекрасный, но совершенно безлюдный, пустынный край, разведанный смелыми русскими путешественниками, в середине прошлого века был присоединен к Российской империи. В 1858 году Россия заключила с Китаем Айгунский договор, по которому она приобрела весь левый берег Амура и правый берег от впадения реки Уссури, а также все побережье Тихого океана до границы Кореи. Вскоре к России перешел и Уссурийский край.

Хунчунское соглашение, подписанное в 1886 году, уточнило границу России и Китая.

Таким образом, крепостническая Россия стала владельцем огромного, богатейшего края. Однако царизм не обладал достаточными силами для того, чтобы освоить эти богатства, заселить и оживить край, который тысячелетиями спал мертвым сном. Бумажные крысы из министерства государственных имуществ, разворовывавшие миллионы из казны, жалели отпустить гроши на освоение края.

В 1858 году — в том самом году, когда Россия приобрела Дальний Восток, — граф Муравьев-Амурский представил в это министерство проект массового переселения крестьян в

В заливе Петра Великого.

Приморье. На проекте появилась красноречивая резолюция обер-форшмейстера:

«Министерство категорично желало бы, чтобы в один год шло на Амур не более 500 мужицких семей, ибо, по приблизительному расчету, содержание каждого семейства обойдется в 150 рублей, а сумма сия весьма высока и обременительна для правительства. А посему надобно определить выдачу переселенцам не больше чем по 3¹/₂ копейки на каждую наличную душу обоего пола и на платеж прогонных денег не больше чем ¹/₂ копейки на версту на каждую подводу...»

Проекты колонизации и промышленного развития гнили в архивах министерств.

Прошло полвека, и князь Львов в 1909 году меланхолически подвел итоги:

«Запольный хутор», как назвал Дальний Восток один исследователь, дешево достался «по случаю». Изучить его, устроить — этого мы не сумели. После первых же скороспелых попыток, под давлением досадливых неудач, Петербург махнул рукой на новое приобретение...»

Царские чиновники не придумали ничего более оригинального, чем... превратить этот далекий, полупустынный край в место суровой и жестокой каторги.

Русский писатель Чехов оставил горестную, полную скорби книгу об угрюмой жизни каторжного Сахалина. «Кругом море — посредине горе» — такую поговорку сложили каторжане. Это был забытый и пустынный угол мира. Такой же окраиной страны много лет была и Камчатка. Старинные ученые, приезжавшие туда, писали в своих дневниках: «Кажется, что она страна больше к обитанию зверей, нежели людей, способна...» Целые столетия существовала у Камчатки такая слава!

И только двадцать один год тому назад гром Октября разбудил край, спавший тысячелетия мертвым сном. Отважные и мужественные революционеры, которых царизм слал на каторгу, не были сломлены зверствами царских чиновников. Забайкалье, служившее местом ссылки, явилось рассадником революционных идей. Уже в 1900 году здесь был создан первый рабочий кружок.

В 1905 году развернулось широкое революционное движение и на самом Дальнем Востоке. Народ свято чтит память

Пейзаж ДВК.

рабочих, солдат и матросов, погибших смертью храбрых на баррикадах революционных боев в Николаевске-на-Амуре, во Владивостоке...

Народ разоренного, отсталого края стихийно поднимался против царя, против капиталистов, против продажных генералов, проигравших войну с Японией и готовых отдать за бесценнок богатейший край страны.

Ценою величайших жертв, ценою титанических усилий трудящиеся Дальнего Востока, руководимые большевиками, свергли капиталистов, разгромили их белых наемников, помогли доблестной Красной армии отразить нашествие интервентов, пытавшихся прибрать богатейший край к своим рукам, и возродили этот край. А богатства Дальнего Востока поистине сказочные, хотя край до сих пор изучен едва на 10—15 процентов.

Еще три века тому назад вологодский крестьянин Ерофей Хабаров, именем которого теперь называется краевой центр Хабаровск, выдвинулся как предприимчивый и энергичный исследователь Сибири. Он снарядил целую экспедицию для завоевания «Даурской земли». Пробравшись на Амур, Ерофей Хабаров три с половиной года воевал с туземцами, и потом воевода Францбеков и дьяк Степанов написали с его слов донесение царю:

«...И по тем рекам живет многое множество тунгусов, а вниз по славной, по великой реке Амуре живут даурские люди пахотные и скотные, и в той великой реке Амуре рыба калужка и осетры и всякой рыбы много против Волги. А в градах и улусех луги великие и пашни есть, а леса по той великой реке Амуре темные, большие, соболя и всякого зверя много... А в земле золото и серебро виднеется... Прибыль-де, государь, будет тебе большая от землицы сей. Куда река Лена годится против реки Амура...»

С той поры прошли века. Сотни ученых и исследователей изучали Дальний Восток. Особенно широко поставлено изучение природных богатств края сейчас. И все-таки до сих пор мы знаем о Дальнем Востоке ничтожно мало, и до сих пор очень часто жизнь приносит геологам неожиданные сюрпризы.

В 1936 году, например, один профессор совершал прогулку по берегу таежной речки Чердымовки. Уровень воды в реке упал, и обнажился необычный для этих мест пропласток почвы. Профессор заинтересовался находкой, нагнулся и... обнаружил крупнейшее месторождение марганцевой руды. Лю-

Улов рыбы. Камчатка.

бопытнее всего, что пласт этой руды подходил как раз под дом, в котором помещалась геологоразведка!

В недрах Дальнего Востока таятся самые различные ценнейшие ископаемые. Здесь найдено свыше пятидесяти видов их: и марганец, и медь, и платина, и цинк, и угли, и нефть, и драгоценные камни, и серебро, и железо, и золото...

Запасы золота здесь, по предварительным исчислениям геологов, измеряются тысячами тонн. Его находят всюду: и на богатейшей золотоносной Колыме, и на берегах Зеи, и в горах Чукотки, и по всему Охотскому побережью. Даже до революции, когда Дальний Восток был полупустыней и золото добывали лишь по берегам Зеи, Селемджи, Буреи и Амгуни, край давал 1 500 пудов золота в год. Это равнялось одной тринадцатой всей мировой добычи золота и одной трети добычи золота в России. Сейчас мы вышли по добыче золота на второе место в мире. Понятно, «львиную долю» этой добычи дает Дальний Восток.

Только в одном Ольгинском районе обнаружено более 7 миллионов тонн магнитного железняка. В районе Малого Хингана геологи нашли около миллиарда тонн железной руды, в Уссурийском районе — 100 миллионов тонн, в Нижне-Амурском — 50 миллионов.

В Ольго-Тетюхинском районе покоятся большие запасы свинца, цинка, серебра, олова, висмута, кадмия. Сучан, Бурей, Хунгари, Камчатка и многие другие районы располагают богатейшими залежами угля. На острове Сахалине добывается нефть. Имеются месторождения молибдена, вольфрама, ртути, сурьмы, магния, графита, мышьяка...

В крае насчитывается более 150 видов промысловых зверей и животных. Вот некоторые из этих пород: барс (леопард), тигры — амурский и корейский, рысь, дикий кот, соболь, выдра, колонок, солонгой, горноста́й, хорза, барсук, ласка, росомаха, медведи — черный гималайский и бурый манчжурский, белка манчжурская, бурундук, пищуха, заяц, волк серый, волк красный, лисица, енотовидная собака, лось уссурийский, изюбр, пятнистый олень, косуля, кабарга, марал, кабан дикий, снежный баран, северный олень, камчатский медведь, соболь камчатский, лисица камчатская, песец голубой, песец белый.

Представители пернатых: фазан, тетерев уссурийский, каменный глухарь, серый рябчик, дикуша — егерный рябчик, японский ибис, коллица, даурский журавль, белая тундровая куропатка, всевозможных пород гуси и прочая водоплавающая дичь.

Стадо северных оленей.

Пятнистые олени.

Моря Дальнего Востока населяют такие животные: нерпа (тюлень), сивуч, морской бобер, котик, кит, морж, лахтак, белуха.

В водах края, в его морях, озерах и реках насчитывается 730 видов различных рыб.

В районе Камчатки водятся много крабов. Всего ракообразных десятиногих насчитывается здесь около 130 видов. Часто встречаются камчатский краб, плосконогий (синий) краб, колючий краб, стригун, плавунец, стыдливый краб.

На территории Дальнего Востока — от Забайкалья до Сахалина, от Уэлле́на до Посьета — насчитывается около 2 500 видов высших растений, кроме мхов, лишайников и водорослей. Из них наиболее интересны: ель аянская, лиственница даурская, кедр корейский, тисс остроконечный (самое долговечное растение, живет до 1 600 лет, реликт третичного периода; местное название — «негной-дерево»; идет на поделку художественных изделий; встречается в южной части края), пихта цельнолистная (самое высокое дерево на Дальнем Востоке, — высота достигает 45 метров, диаметр — 2 метров, ценная техническая порода), дуб монгольский, ясень манчжурский, орех манчжурский (плодовое дерево; древесина идет на изготовление фанеры и применяется в самолетостроении), чозения декоративная, пирамидальная (наиболее быстро растущая порода; достигает 37 метров высоты), бархатное дерево (прекрасный пробконос; древесина идет на фанеру), липа амурская, виноград амурский (ягодное растение; из плодов готовится прекрасное вино, не уступающее по своим качествам крымским), крыжовник, смородина, бамбук курильский (может употребляться в кустарной промышленности), мак снотворный, черемша (высоковитаминное луковичное растение).

Такова красноречивая статистика научных работников. Мы нарочно привели ее здесь в таких широких размерах, чтобы показать все разнообразие богатств чудесного края.

Только организованному социалистическому хозяйству под силу освоить эти поистине несметные богатства, поставить их на службу человеку. Большевики пробудили дремавший тысячелетиями край и с неслыханной стремительностью преобразуют его лицо.

Под руководством большевистской партии, выполняя непосредственные указания товарища Сталина, трудящиеся Дальнего Востока превратили некогда дикий и пустынный край в край сталинских новостроек.

Дальневосточная тайга.

Товарищ Сталин лично руководит огромной творческой работой, преобразующей лицо Дальнего Востока. Партия, правительство оказывают молодому краю огромную поддержку и помощь. Яркий пример: только за один последний год советское правительство вложило в развитие края столько же средств, сколько было вложено царским правительством за все годы его существования!

Великое преобразование Дальневосточного края началось в 1932 году, когда товарищ Ворошилов после своей поездки на Дальний Восток доложил товарищу Сталину, что здесь надо готовить мощный отпор японским захватчикам, которые точат зубы на наш Дальний Восток.

И огромный, веками дремавший в недвижности край сразу же превратился в единую гигантскую новостройку. На Дальний Восток устремились тысячи поездов. Ехали коммунисты, мобилизованные ЦК ВКП(б), ехали комсомольцы, получившие путевки ЦК ВЛКСМ, ехали бетонщики, ученые, чернорабочие, рыбаки, судостроители, ехали люди самых разнообразных профессий и специальностей.

Поезда везли в далекую тайгу машины самых последних, самых современных конструкций, строительные материалы, станки и инструмент.

И вот прошло пять лет. На Дальнем Востоке воздвигнуты десятки новых заводов, новых городов. Край соединен со столицей новой прекрасной двухколейной железной дорогой, которая легла на месте жалкой однопутной дороги, кое-как построенной инженерами царского министерства путей сообщения. Новую железную дорогу получил Биробиджан. Сквозь тайгу, через болота и топи пролегла железная дорога Волочаевка — Комсомольск-на-Амуре.

Комсомольск-на-Амуре... Этот город-новостройка также имеет свою особую историю, которой можно посвятить целые книги.

Этот город создан в далекой тайге по личному указанию товарища Сталина.

Здесь, в 400 километрах от Хабаровска, на берегу могучего Амура уже раскинулись грандиозные цехи новых заводов, укрепляющих могущество края, легли новые кварталы будущего города.

Шесть лет назад, когда решался вопрос о строительстве новых мощных заводов на Дальнем Востоке, проникшие в руководящий аппарат края подлые троцкистско-бухаринские наемники японской разведки пытались подставить эти буду-

щие заводы под удар японской артиллерии. Маскируясь под заботливых строителей, коварные враги доказывали, что новые заводы можно строить только вблизи от границы, под Хабаровском, куда подходит железная дорога.

Но сталинский Центральный Комитет большевистской партии мудро предотвратил опасность.

Под личным руководством товарища Сталина большевики Дальнего Востока разоблачили гнусные планы подрывной деятельности наемных фашистских бандитов. Врагам не удалось совершить задуманного ими подлого предательства.

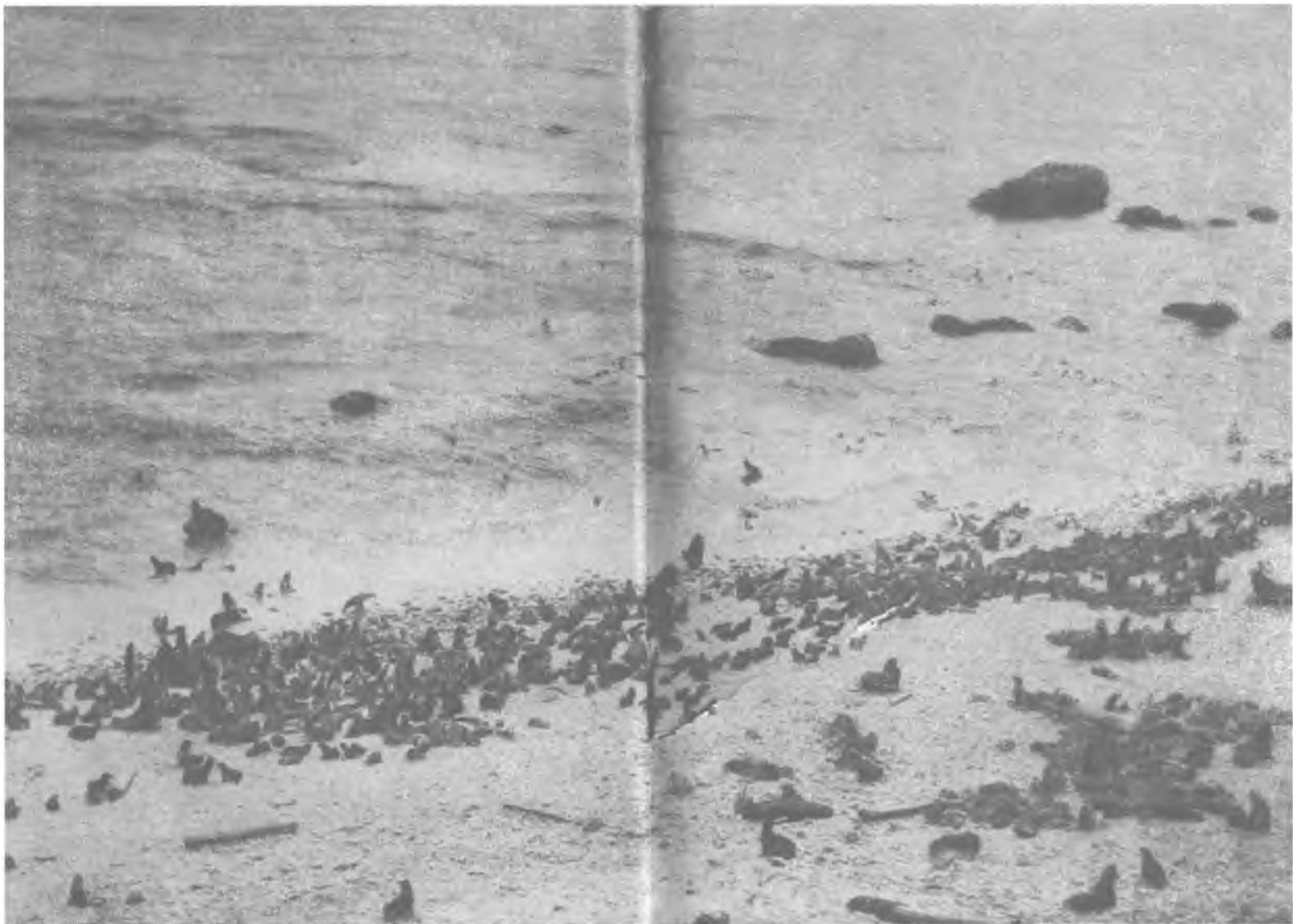
И стройка сразу же развернулась в самом быстром темпе. ЦК ленинско-сталинского комсомола, по указанию Центрального Комитета большевистской партии, отобрал и послал на стройку нового города в тайге самых лучших, самых проверенных комсомольцев.

И вот шесть лет назад здесь, в дремучем лесу, в мороз и ветер смелые комсомольцы приступили к трудной, большой стройке. Они рубили вековые сосны, долбили мерзлую землю, клали кирпичи, дерзко наступали на тайгу. А тайга упорно сопротивлялась, и первое время жизнь в лесу была для молодых строителей серьезным, большим испытанием. Один из них, молодой осетин, до сих пор вспоминает, как всю ночь просидел на дереве, спасаясь в тайге от медведя. Бригада комсомольцев на вырубке леса как-то за один день убила... 153 змеи. Змеями, комарами, хищным зверем кишела тайга. Но молодежь не отступала. И зимой 1934 года к ним, первым основателям города, пришла помощь.

В суровую зимнюю пору сюда, в дикий уголок края, пришли пешком из Хабаровска еще несколько тысяч комсомольцев. Они шли 400 километров пешком по замерзшему Амуру. Ведь тогда еще не было железной дороги в Комсомольск, и зимой сюда можно было попасть только пешком по льду из Хабаровска. Это был смелый и необычайно самоотверженный переход. Его справедливо прозвали «снежным маршем».

Стоял сорокаградусный мороз, свистела и выла пурга, а комсомольцы, забывая об обмороженных ногах, неумоимо, по колена в снегу, целых 14 дней шли на помощь своим товарищам — строителям города юности. По ночам на берегу Амура горело много костров, и около них в легких палатках спали уставшие за день комсомольцы...

Но не было среди них уныния и грусти.

Котики на Командорских островах.

Весело звенела в лесу задорная песня:

Кругом сопок обошли,
На Амуре встали...

И все бригады лесорубов дружно подхватывали:

Эй, эй, эх-ха-ха,
На Амуре встали.

Потом снова заливался высокий, звонкий голос:

На Востоке можно жить,
Есть что строить, соорудить...

И опять хор, весело подсвистывая, вторил:

Эй, эй, эх-ха-ха,
Есть что строить, соорудить...

Они строили заводы, дома, школы, клуб, баню, проводили электричество, вырубали дороги в лесу и даже организовали в тайге Осоавиахим. Об этом очень интересно вспоминает комсомолец Василий Спирин, один из героических строителей Комсомольска.

Вот его рассказ:

«Приехал я на стройку города в тайге вместе с ростовскими комсомольцами. Пошел с ребятами корчевать лес. А в свободное время увлекался, конечно, как и в Ростове, стрельбой. Тушил свечки из малокалиберной, нитки пуль перерывал — стрелял хорошо.

И вот, как-то раз, один парень из комитета комсомола мне и говорит: «Довольно, Вася, фокусами забавляться, лучше бы ты Осоавиахим у нас устроил!» Я согласился. Ребята выбрали меня в совет Осоавиахима. Однако стрелять нам нечем — ни оружия, ни патронов. И вот, когда Амур уже замерз, решили послать меня в Хабаровск — достать для стрелковых кружков все необходимое. Ну, ладно, еду. Дали мне валенки, два кило хлеба (тогда, ведь, карточки были) и посадили на грузовую машину.

Дороги, конечно, никакой нет — торосы, снег. Ехал по Амuru четверо суток. Весь хлеб поел. Грустный сижу и задумчивый. А тут еще заносы. Слез в Малмыже, дают мне одну соленую кету. А мне еще трое суток надо ждать, пока прояснится погода! Председатель сельсовета пожалел меня и дал кило муки. Печь я ничего не умею, сменял эту муку на

Первые дома Комсомольска («Копай-город»).

Комсомольск. Начальная школа социалистического города.

фунт хлеба. Разложил его по пятьдесят граммов на день и жду.

Тут подвертывается еще одна машина: какие-то краснофлотцы везут в Хабаровск мерзлую рыбу — максун. Весь кузов полон, а в кабинке два шофера сидят.

Прошусь с ними. «Ладно, — говорят, — садись на максунов сверху». Едем мы день через всякие сугробы, и вдруг опять на нас нападает пурга. Света не видно! Надо отсиживаться. Машину занесло. Порубили мы мерзлую рыбу топориком, погрызли ее и легли спать. Закутался в тулуп, а ночью ветер одну полу поднял. И вот, встаю я утром, а одна нога почему-то не действует. Распухла, как тесто. Прыгал, прыгал — не проходит. Ну, думаю, дело мое плохо!

Добрались мы до деревни: разрезал я валенок, гляжу — вся моя нога черная. Помазала какая-то бабка мне ее жиром и причитает: «Эх, сынок, не твоя это нога уже». Я не выдержал и заревел.

А ехать дальше надо. Валенки у меня разрезанные. На улице 30 градусов. Нога ноет. Что делать? Тогда шофер — очень душевный краснофлотец был — говорит: «На тебе, обувайся!» Отрезает он от своего тулупа овчинный рукав и натягивает на мою больную ногу, а сам едет вроде как в жилете. В кабине, говорит, не так холодно.

В Хабаровск мы добрались на пятнадцатые сутки. Пошел я в крайком комсомола, как дед-мороз, — с палкой. Хромаю, вид у меня совсем не военный, не похож на председателя Осоавиахима. В крайкоме видят, что на ноге у меня рукав обут, и смеются: «Откуда ты такой взялся?» А секретарь узнал, в чем дело, и даже разговаривать о деле не захотел — велит сейчас же в больницу идти.

Пришел я к доктору. Сидит бородатый такой дядя. Очки на нем, белый передник. Ну, стащил я свой рукав с ноги, а он и шепчет — отрезать такую ногу надо! Я, однако, не желаю. Говорю, что без ноги мне неудобно будет за рябчиками ходить. Разозлился на него и ушел из больницы. Потаскился к своим знакомым ребятам да там у них и свалился без памяти. Лежу я на кровати, а они меня гусиным жиром мажут. Десять дней пролежал — не пускали, потом встал. Однако ногти все слезли, хоть боль и отошла. Пошел в город. Все достал, что нам требовалось. Везу десять тысяч патронов, пятьсот противогазов, двадцать винтовок и свою ногу — целую, невредимую. Прихожу в свой комитет к ребятам и говорю: «Извиняюсь, товарищи, что запоздал. Хотела тайга мою но-

гу забрать. Но вот винтовочки и патроны я все ж таки привез...»

Вот так мы и устроили в Комсомольске Осоавиахим. Обучил я здесь 300 классных стрелков. Устроил школу инструкторов, и лучше всех у меня стреляли девчата-официантки из третьей рабочей столовой».

Трудности стройки города юности в тайге усугублялись тем, что на стройке в течение длительного периода орудовала банда врагов народа, пробравшихся к руководству. Эта банда устраивала диверсии, поджигала бараки и цехи заводов, организовывала перебои в снабжении, массовые заболевания.

Молодые строители не дрогнули перед трудностями. Они разоблачили врагов, ликвидировали последствия вредительства и построили город в тайге. Теперь Комсомольск уже стал индустриальным центром, имеющим краевое значение.

По дальневосточным представлениям, Комсомольск уже «старый» город. Есть города много моложе. На берегу красивой голубой реки Уссури, например, в феврале 1938 года возник город с чисто производственным наименованием — Лесозаводск. В этом городе уже живут десятки тысяч жителей.

Когда-то на месте нынешнего Лесозаводска стояли два села — Донское и Медведицкое — и небольшая деревня Лутковка. Были здесь две церкви, кабак и маленький лесопильный заводик купца Бородина, на котором работали 75 крестьян. Сейчас здесь широко раскинулся крупнейший в крае лесокombинат со своим рабочим городком, детскими учреждениями, почтой, школой, универмагом, амбулаторией. Этот комбинат обрабатывает уже сейчас 40 процентов всего уссурийского лесосплава. А ведь стройка еще далеко не закончена, — комбинат увеличится больше чем вдвое!

Враги народа, орудовавшие на Дальнем Востоке, пытались навредить и здесь. Вначале комбинат построили на болоте. Болото пришлось осушить. Потом комбинат подожгли, и он сгорел дотла. В 1934 году все пришлось начинать заново. Мужественные строители работали дни и ночи и, наконец, с честью выполнили задание партии и правительства.

Город Лесозаводск, насчитывающий всего полгода отроду, еще многого не имеет. Здесь нет еще театра, хороших кафе, столовых, нехватает электрической энергии для освещения всех жилищ. Но уже сейчас в городе работают двадцать школ, созданы четыре больницы, два клуба, Дворец культуры, скоро будет построен стадион, спортивные площадки на предприятиях.

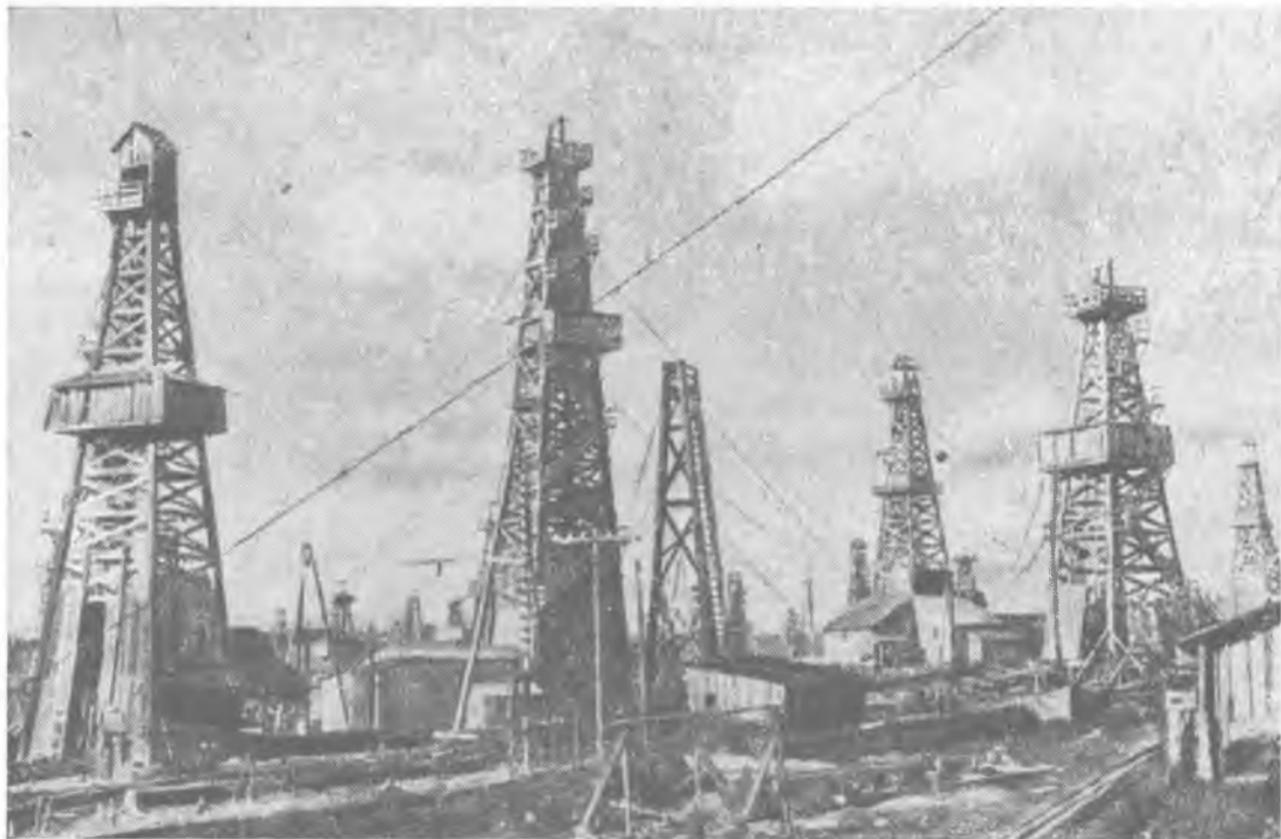
Молодой город окружен могучими лесами. В заповедниках множество ценных зверей и дичи. В садах растут яблоки, сливы, вишни, дикий виноград. В полноводной Уссури много ценных пород рыбы,— здесь и сом, и осетр, и сазан, и даже камбала. Благодатный Уссурийский край дарит строителей молодого города всеми своими богатствами.

Лесозаводск — это лишь крохотная точка на карте края. Такие молодые города возникают сейчас и на севере, и на юге, и на востоке, и на западе края. Бурно растущая промышленность края вызывает к жизни новые и новые поселки и города.

Социализм привел в движение все могучие производительные силы советского Дальнего Востока. В 1913 году, например, здесь было добыто всего 345 тысяч тонн каменного угля. Уже через год после того, как край стал советским, добыча угля повысилась больше чем втрое. А в 1937 году добыча угля здесь возросла до 6 миллионов тонн. Это почти в 18 раз больше, чем до революции! Но и этого мало растущему краю. Большевики все время заботятся о том, как еще больше увеличить добычу угля. Работают партии геологов, они отыскивают новые и новые месторождения угля. Добыча топлива механизмуется. В 1936 году механизмами добывали уже 89 процентов всей добычи угля. Тщетно пытались сорвать механизацию добычи угля троцкистско-бухаринские диверсанты, проникшие в угольную промышленность. Их гнусные замыслы были разгаданы доблестной разведкой. Японская агентура разоблачена и уничтожена. Дальневосточная угольная промышленность развивается теперь еще быстрее.

Бурным темпом развивается добыча нефти. До революции нефть на Дальнем Востоке не добывали вовсе. Ее начали добывать на Сахалине только в 1928 году — по окончании разведочных работ. А сейчас добыча нефти уже возросла в 13 раз!

Особенно разительны успехи в освоении огромного богатейшего района Дальневосточного края, который зовут «Золотой Колымой». Одно это название достаточно убедительно говорит о характере производительных сил Колымы. Еще недавно Колыма, где зимой морозы достигают 68 градусов, была безлюдной пустыней. Но здесь под льдом и снегами таились величайшие богатства. И вот большевики сумели освоить и этот далекий и пустынный край. Здесь возникли новые города — Магадан, Ягодный, Хаттынах, Урутукан и другие. Сооружены прекрасные автомобильные дороги, протянувшиеся

Оха. Нефтяные вышки.

на тысячи километров. Выстроены новые электростанции в тайге, работают самые мощные в мире предприятия золотой индустрии. Стахановцы этой золотой индустрии работают с исключительным энтузиазмом. Они из года в год выполняют и удваивают и без того грандиозные планы добычи золота. И недаром каждой осенью товарищ Сталин, по инициативе которого был организован Дальстрой, освоивший Колыму, поздравляет строителей Колымы с достигнутыми успехами, выражая уверенность в будущих успехах.

А будущее Колымы поистине грандиозно. Здесь открыты не только богатейшие запасы золота, — геологи нашли на Колыме богатейший угольный бассейн, запасы ценнейших, редких металлов, не менее ценных, чем золото. Большевики расширяют свое наступление на колымскую тайгу. Вся Колыма превратилась в гигантскую сталинскую новостройку площадью в полмиллиона квадратных километров, — здесь строят новые и новые дороги, взрывают вечную мерзлоту, добывая из-под льда и торфа золото, сооружают новые прииски и города...

Большевики успешно развили и рыбную промышленность Дальнего Востока. В 1923 году здесь было всего два маленьких рыбоконсервных предприятия. Сейчас здесь работает 41 мощный рыбоконсервный завод (а всего их в СССР в 1936 году было 55). До революции в водах Дальнего Востока ловили всего 1 369 тысяч центнеров рыбы. В 1937 году здесь выловлено 3 214 тысяч центнеров...

Освоены и лесные богатства края. Только за пять последних лет большевики удвоили продукцию дальневосточной лесной промышленности. Лесозаготовки широко механизуются.

В крае заново создано мощное машиностроение. Растет пищевая промышленность. Край быстро индустриализируется. Достаточно сказать, что за последние 14 лет промышленная продукция Дальнего Востока возросла в 25 раз! При этом все время резко повышается удельный вес тяжелой промышленности: в 1928 году она занимала всего 10 процентов в общей продукции предприятий края, а сейчас уже около 35 процентов...

Неузнаваемо меняется лицо и старых городов Дальнего Востока. Мы расскажем здесь весьма поучительную историю одного из любимых городов советского народа, лежащего в 9 300 километрах от столицы, — Владивостока, о котором

Сплав леса для лесозавода.

Владимир Ильич с такой теплотой сказал шестнадцать лет назад: «Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенький!»

В прошлом веке здесь, на берегу Тихого океана, была основана маленькая скучная деревушка с громким названием «Владей-Востоком». Сюда из Николаевска-на-Амуре был переведен царский военный флот. Но шли годы, шли десятилетия, а Владивосток оставался все таким же грязным, глухим городком. Приморье все больше и больше прибирали к рукам иностранные купцы, и прослуживший несколько лет на Дальнем Востоке генерал Унтербергер меланхолично записывал в свои мемуары:

«Преобладающими являются во Владивостоке германские, а в Николаевске японские суда...»

Советский Владивосток, как небо от земли, отличается от царского Владивостока.

Еще на вокзале этого большого красивого города путешественник живо ощущает, какая оживленная и шумная тут жизнь. Каждый день во Владивосток приезжает огромное количество людей. Отсюда зимовщики направляются на полярных кораблях в Арктику. Девушки, приехавшие на Восток по призыву Валентины Хетагуровой, здесь, в порту, садятся на пароходы, чтобы добраться до берегов Камчатки. Рабочие с приисков направляются отсюда дальше в сокровищницу страны — золотую Колыму. Множество народу сразу едет с вокзала в порт. Огромный красивый порт — центр и нерв городской жизни! Во все страны мира ведет отсюда большая морская дорога. Стоят у причалов прекрасной бухты Золотой Рог могучие океанские корабли под красным флагом. Непрерывно днем и ночью идут тут погрузочно-разгрузочные работы.

Интересно поглядеть в порту и на большие пловучие заводы-краболовы. Некоторые из них уже вернулись из плавания. Палубы кораблей очищены, и краболовы готовы выйти на новый рейс к другим участкам моря. А всего несколько дней назад здесь, на этих судах, шла горячая и спешная работа. Острой палочкой вытаскивали работницы барахтающихся в сетях крабов, снимали с них бугорчатый панцирь, отделяли ядовитую печень. В больших чанах-крабоварках кипели очищенные крабы. А затем их аккуратно укладывали в красивые консервные коробки. Это советский экспорт. Дальневосточных крабов покупают у нас многие страны мира.

Порт Владивосток бывает особенно оживлен к концу осени. Возвращаются из далеких и трудных плаваний корабли.

Владивосток. Порт.

На берегу ждут моряков их родные, друзья, ребятишки. Встречают оркестрами, цветами, веселыми песнями... Приходит с добычей китобойная флотилия, возвращаются из учебных походов военные моряки. С жизнью порта связана работа многих научных учреждений города. Одно из них — Тихоокеанский институт рыбного хозяйства. Занимается он изучением всего морского животного населения — от китов и кашалотов до самых мельчайших рачков и рыбешек.

Культурной, кипучей жизнью дышит советский Владивосток, далекий город на берегу Тихого океана, где солнце встает на 7 часов раньше, чем в нашей Москве. С каждым годом ширится местная промышленность, увеличивается число заводов и фабрик, многэтажных жилых домов, школ, техникумов, вузов. Во Владивостоке живет очень много студентов. Тут есть университет, много техникумов, филиал Академии наук, Географическое общество ученых.

Неузнаваемо изменился Хабаровск. Здесь выросли новые заводы, театры, парки, музеи, военные учебные заведения. Неузнаваем город Ворошилов — бывший Никольск-Уссурийск. больше похожий в прошлом на большую деревню, чем на город. Сейчас и здесь выросли большие заводы. Заново создан город Биробиджан — столица Еврейской автономной области, — о ней одной можно написать целую книгу...

А что происходит в дальневосточной деревне? Еще недавно в районе Осиновой Речки стояла хмурая, неприступная тайга. В 1927 году на Осиновую Речку прибыли переселенцы из Белоруссии. Они вступили в бой с тайгой. Было трудно. Но люди не падали духом. Они вырубали и выкорчевали лес, построили деревню, распахали поля, и вот уже колхоз «Переселенец» убирает высокие урожаи.

В прошлом году этот колхоз получил самый большой урожай во всем Хабаровском районе. В этом году колхозники «Переселенца» подали заявку на участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке: они получили в среднем не менее 150 центнеров картофеля с гектара.

Колхоз «Красный Сучан», привольно раскинувшийся в красивой долине Сучана, близ Тихого океана, славится своим богатством. У него свыше 3 000 гектаров земли, коневодческая и молочнотоварная ферма, свиньи английской породы, прекрасный сад, в котором растут яблоки, сливы, груши, крыжовник, малина. Один этот сад дает ежегодно колхозу 20 000 рублей дохода! Большой доход дает и пасека из 820 ульев.

Уборка урожая в приграничном колхозе имени Буденного.

Пройдитесь по улицам этого колхоза. Он выглядит, как настоящий город. Здесь есть большой клуб, кинотеатр, ресторан, универмаг, телеграф, почта. Колхоз имеет свою лесопилку, кирпичный завод и даже небольшую гостиницу. Недавно сюда проведена железнодорожная ветка.

Кто же обладает всем этим богатством? В колхозе всего 32 семьи. На каждую из них приходится почти по 20 гектаров посева, свыше шести голов крупного рогатого скота, по три лошади, по свинье, более чем по 25 ульев пчел.

Зажиточно, культурно живут дальневосточники. И, пожалуй, наиболее ярки и показательны в этом отношении факты из жизни национальных меньшинств Дальнего Востока, которые в прошлом владели жалкое существование под игом русского самодержавия и были попросту обречены на вымирание.

В составе населения Дальнего Востока встречаются представители более чем 75 национальностей. Основную массу населения составляют русские, украинцы, белоруссы, евреи и коренные народности края — эвенки, эвены, нанайцы, нивхи, ительмены, унанганы, удэге, якуты...

И всюду — в больших городах и таежных деревушках, в стойбищах нанайцев и в ярангах чукчей — кипит ключом новая, интересная жизнь. В Биробиджане, например, уже четвертый год работает Государственный еврейский театр, на содержание которого правительство отпускает ежегодно миллион рублей. В Чаунском районе Камчатки чукчи потребовали: «Организуйте для нас газету». И вот уже в этот далекий район везут типографию, а пока что газета печатается в десяти экземплярах на пишущей машинке, и ее, как драгоценность, бережно возят из одного стойбища в другое. Работы пишут в «Чаунскую правду»:

«Сегодня кочевница Ечен подала заявление о приеме в сочувствующие ВКП(б). Она была совсем неграмотная. Теперь умеет читать и писать. Она — активный агитатор среди женщин-кочевниц...»

Тридцать печатных газет выходят на Камчатке! Многие из них издаются на местных национальных языках. Даже небольшой количественно народ алеуты имеет свою «Алеутскую правду», и в ней сообщаются последние новости Командорских островов:

«Сегодня пущена электростанция на острове Медном. Во всех квартирах рабочих и охотников-алеутов загорелись лампочки Ильича...»

Наглядное представление об интереснейших переменах в жизни окраинных областей Дальнего Востока дают как будто бы скучные отчетные ведомости тихоокеанских портов. В 1927 году пароход «Колыма» справлялся со снабжением всей Чукотки за один рейс: он доставлял всего 1 500 тонн груза. Прошло 11 лет, и в 1938 году Чукотка требует почти в десять раз больше груза: 14 000 тонн! По ходатайству депутата Верховного Совета СССР Тывлянта в этом году втрое увеличивается ввоз вельботов, кунгасов, снастей для рыбаков Чукотки.

Но мало этого,— чукчи и эскимосы предъявляют усиленный спрос на шелк, бархат, шерстяные ткани. Эти товары ввозятся в 1938 году на сумму в 5 миллионов рублей. Кроме того, на Чукотку будет доставлено в эту навигацию несколько тысяч экземпляров «Вопросов ленинизма» товарища Сталина, труды Ленина, Маркса, художественная литература.

На Командорские острова везут на полтора миллиона рублей различных товаров и продовольствия. Среди грузов на пароходах — пакетики с огородными семенами: жители Командорских островов, затерянных в суровом море Беринга, начинают разводить свои огороды...

Ярко и образно рассказали о своих успехах, о новой, радостной жизни чукчи, эскимосы, орочи, ительмены, коряки, алеуты Камчатки в своем открытом письме к двадцатилетию Октябрьской революции:

«Хочется найти самые лучшие, теплые слова, чтобы выразить благодарность нашей партии, любимому другу, учителю товарищу Сталину за то, что он дал всем нам счастливую жизнь.

В эти дни хочется вспомнить нашу жизнь в прошлом. Тяжело вспоминать. Проходили годы, много прошло лет. Наши отцы со смертельным страхом встречали каждую зиму. Зима действительно была страшна. Семь месяцев завывала пурга, выли голодные собаки, плакали, умирали с голоду люди. В холодных зимних ярангах никогда не было слышно смеха.

С Большой Земли к нам приезжали и приплывали на кораблях японские, американские купцы. Они нас называли вымирающими дикарями.

...Многие из нас, голодая, дрожа от холода, часто завидовали зверю. Дикарь, по крайней мере, имел право свободно бродить по тайге, а нас царские правители облагали

непосильным ясаком, сажали в тюрьмы, избивали, грабили. Горсть порошу отнимала добытую трудом и горем пушнину. Спаивая забитых голодом, холодом охотников, купцы за бутылку «шальной воды» отнимали у нас все, обрекая на голодную смерть наши семьи. Наша жизнь для них была дешевле жизни собаки.

Потом русских купцов-грабителей сменили японские интервенты. Жизнь стала еще тяжелее.

Но вдруг над северной тайгой взошло необыкновенное солнце. Оно в тысячу раз горячее настоящего солнца,— это пришла советская власть. Полярная ночь нашей голодной жизни рассеялась в прах.

В тайгу пришли люди не злые, они здоровались с нами за руку, они называли себя большевиками, нас — товарищами, они с радостью восклицали имена, которыми мы сейчас дорожим больше всего на свете,— имена Ленина и Сталина.

Наш народ никогда не знал, что такое книга, кино, радио, школа. Советская власть построила нам сто восемнадцать национальных школ. Советская власть каждый год принимает наших братьев, товарищей учиться в школах больших городов — Ленинграда, Москвы, Хабаровска.

Нам теперь не страшен холод. Спросите теперь советского эскимоса, чукчу, коряка, кому теперь страшны зимы, морозы, пурга? Никому. Каждый — в теплом жилище, где светло, весело. Даже старики улыбаются, слушая, как из патефона льется радостная музыка. А на обеденных столах появилась разная пища — овощи, молоко, чай, сахар, хлеб.

Теперь у нас навеки отпал животный страх голода. Пусть будет зима самая злая, самая длинная, пусть будет полярная ночь самая холодная,— никто не боится смерти. Каждый знает, что в любое время зимы в случае надобности советская власть пришлет нам большой пароход, ломающий льды, и привезет все, что нужно.

И, главное,— мы стали равноправными гражданами Советского Союза. У нас есть своя власть. У нас есть новая родина, самая большая в мире.

Великий Сталинский Закон дает эскимосу, чукче, людям всех народностей равное право выбирать руководящие государственные органы и быть избранными в них.

Днем и ночью, зимой и летом мы будем бдительно охранять то, что дала нам советская власть! Надо с такой же чуткостью, с какой мы выслеживаем зверя, следить, разоблачать всех врагов народа, троцкистов, бухаринцев и прочих

Старый дом-балаган удэгейца и его новый бревенчатый дом.

наймитов японо-германских фашистов, которые хотят отнять у советского народа радостную жизнь.

Но это им не удастся. У каждого из нас, кто подписал это письмо, и многих других охотников, рыболовов, оленеводов грудь украшена красными значками ворошиловских стрелков.

Мы будем бить врагов, как зверей, с одного выстрела наповал».

...Вот так строится, растет, крепнет могучий Дальневосточный край. Здесь кипит чудесная, увлекательная борьба с природой. Человек переделывает природу, закаляясь в этой борьбе. И самой острой, самой волнующей проблемой огромного края является нехватка рабочих рук.

В самом деле, край, где одно Приамурье с его береговой полосой тянется на 7000 километров, требует огромного количества строителей, педагогов, инженеров, разведчиков, поваров, врачей—людей всех специальностей, какие есть на земле.

Жена командира Красной армии Валентина Хетагурова обратилась к девушкам Советской страны с призывом:

«Дорогие подруги! Вместе со всеми дальневосточницами я зову вас приехать к нам... Нам нужны слесари и токари, учительницы и чертежницы, машинистки и счетоводы, конторщицы и артистки. Все в равной степени. Нам нужны просто люди смелые, решительные, самоотверженные. И вот, мне хочется, чтобы вслед за нами, подругами дальневосточных командиров, в наш край поехали тысячи отважных и смелых девушек. Я призываю вас, дорогие подруги, сестры, комсомолки, девушки нашей страны, помочь нам в большом и трудном деле. Бросим клич — на Восток! Вас ждут там замечательная работа, замечательные люди, замечательное будущее...»

Валентина Хетагурова рассказала девушкам Советской страны о той кипучей, увлекательной работе, которая их ждет, рассказала и о своей жизни, полной отваги и мужества.

Это было в 1932 году. Молодая семнадцатилетняя девушка Валя поехала с подругами из Ленинграда далеко на Восток. Она знала, что там нужны рабочие руки, смелость, решительность, инициатива для того, чтобы дикую в прошлом окраину сделать чудеснейшим уголком нашей великой страны.

«Я со своей подругой,— писала Хетагурова в своем письме к советским девушкам,— попросилась в самый глухой район на побережье Тихого океана. К нашей стройке надо было пять дней плыть по огромному озеру. Помню, мы бросили жребий — кому ехать на моторке, кому на кунгасе. Мне достался кунгас. Ветхое суденышко долго добиралось к другому

Товарищ Хетагурова беседует с девушками, приехавшими по ее призыву на Дальний Восток.

берегу. Высадились ночью. Меня удивил в ту ночь смешной светильник: в блюде была налита касторка, и небольшой фитиль поставлен в ломоть картофеля. С первых же дней я полярбила свой маленький поселок, свою бухту. Кругом было столько дела, что хотелось успеть как можно больше. Вначале жили в землянках и бараках, и мы, женщины, собирали мох, чтоб забивать щели, засыпали золой потолки, ходили на корчевку леса, на субботники. Сами шили коврики, шторы, проложили аллеи, сажали цветы, устраивали лагеря для детей. Когда пролетал самолет, то нам сбрасывали на парашюте газеты и почту. У нас не было в поселке женщины, которая бы не овладела военной специальностью, чтоб быть полезной тогда, когда потребуете защищать родину. Были среди нас пулеметчицы, радистки, связистки, медицинские сестры.

Мы ждем вас, подруги,— писала Валя Хетагурова.— Приезжайте. Тут нужны люди смелые, решительные, самоотверженные... Мы надолго отобьем охоту у врагов зариться на наш советский социалистический Дальний Восток...»

Письмо Валентины Хетагуровой нашло живейший отклик у всей молодежи СССР. На Дальний Восток устремился целый поток телеграмм и писем, неизменно начинавшихся словами: «Отвечая на призыв Вали Хетагуровой...»

28 апреля 1937 года от перрона Северного вокзала Москвы отошел специальный поезд. 400 девушек столицы уезжали в Комсомольск-на-Амуре. Это был первый отряд добровольцев, которые вскоре получили имя «хетагуровок».

Хетагуровки ехали на Дальний Восток партиями и в одиночку, организованно и неорганизованно. Крайком комсомола создал специальную комиссию по приему молодых патриоток. Девушек направляли в Комсомольск, на Камчатку, во Владивосток, на лесоразработки, на транспорт — всюду, где были нужны умелые женские руки.

Но вскоре работники крайкома комсомола столкнулись с таким фактом. На Дальний Восток вдруг посыпались тысячи писем от молодых парней. Молодые рабочие, инженеры, техники обиженно писали:

«Почему Валентина Хетагурова звала только девушек? Мы тоже хотим работать на Дальнем Востоке, хотим бороться с природой, осваивать богатства края, готовиться к защите края от нападения врагов!..»

Претензия была справедлива. Пришлось еще расширить прием добровольцев.

10 мая 1938 года краевая комиссия по приему молодежи

хетагуровского призыва подвела некоторые итоги своей работы. За этот год она получила 80 тысяч заявлений добровольцев из всех республик и областей Советского Союза. На Дальний Восток уже прибыли 11 500 молодых патриотов. Среди них 600 инженеров и техников, 420 медицинских работников, 140 специалистов сельского хозяйства, 380 учителей, 800 культурных работников — воспитателей детдомов и детских садов, пионервожатых, работников клубов, 1 100 токарей, слесарей, электромонтеров и т. д.

Для добровольцев, которые имели низкую квалификацию, были организованы курсы шоферов, трактористов, комбайнеров, бухгалтеров, лаборантов, дежурных по станции и работников других специальностей.

Вскоре «Комсомольская правда» получила и опубликовала очень интересную корреспонденцию хетагуровки Рахили Гуревич, которая вот уже год работает на Камчатке. Мы приводим здесь это искреннее и теплое письмо:

«В мае исполняется год с того дня, как я и еще семь девушек из города Харькова уехали по призыву Валентины Хетагуровой на Дальний Восток.

Мы ехали в Хабаровск по своей собственной инициативе, не получив ни от кого приглашения. Признаться, было немного страшновато: как-то нас примут там, на Востоке? Но нас приняли очень радушно.

— Куда вы хотите поехать? — спросили нас. — Мы можем предложить вам путевки на Камчатку...

У меня захватило дыхание от волнения, когда я услышала это. Несколько минут я не находила слов, чтобы ответить. Камчатка! К стыду своему, я очень смутно представляла себе, что это такое. Вспоминались лишь отрывочные сведения из старых учебников географии. Это было что-то романтическое, волнующее. Чудились неприступные голые скалы, сплошные туманы, вой ветра. Мне казалось, что и солнце там бывает только изредка.

Недолго раздумывая, мы согласились и получили путевки, на которых было написано: «Западный берег Камчатки, рыбный комбинат имени товарища Микояна».

Не буду подробно описывать замечательное путешествие по морю к берегам Камчатки. Скажу только, что оно продолжалось две недели и что я запомнила его на всю жизнь.

Наконец, наш пароход «Эскимос» стал на рейде у самого комбината. Горел закат, погрузившийся в волны Охотского

моря. В розовых отцветах сияли и без того возбужденные лица моих подруг...

...Короткое лето Камчатки начинается в июне. Сразу же расцветает буйная растительность, местами дремучая, совершенно непроходимая. Море и горные реки буквально кишат рыбой разных видов и размеров. Рыба идет косяками, сплошной стеной. Ее бьют у берега, ловят руками. Честное слово, это иногда напоминает сказку!

На колхозных огородах в эту пору сажают картофель, сеют морковь, огурцы, капусту. Оказывается, даже клубника здесь поспевает. А сколько прекрасных ягод мы собираем на лужайках тундры — морошку, бруснику, клюкву. Огромные пространства тучных пастбищ — прекрасные базы для развития животноводства. Несметные богатства — металлы, минералы — таятся в недрах нашего полуострова.

Осенние месяцы дождливы. Часто спускается туман, налетают порывы резкого ветра. Но все это продолжается не дольше двух месяцев. Уже во второй половине октября к нам приходит зима и падает первый снег. И вот тут мы узнаем замечательные прелести зимы Дальнего Востока. Какое обилие снега выпадает здесь!

Из дверей нашего дома видна чудесная картина: среди окрашенных розовато-фиолетовыми тонами сопок раскинулось селение, накрытое лазурным куполом неба. Светлыми струйками тянутся к небу дымки затопленных печей. Солнце еще не взошло, но вот-вот его лучи брызнут из-за горизонта.

Радио возвещает начало утренней зарядки. Невольно вспоминается: а ведь куранты на башнях Кремля сейчас бьют лишь 10 часов вечера. Мы делаем зарядку, берем лыжи и выбегаем во двор. Полчаса лыжной прогулки, и мы готовы к трудовому дню.

На заводе, в политотделе, в конторе, в районном комитете партии и комсомола — всюду нашлась для хетагуровок большая и интересная работа. Каждая из нас сознает важность доверенного ей участка и старается это доверие оправдать. Наш день насыщен до предела. Чем только мы ни занимаемся: мы учим и учимся, мы и агитаторы, и артисты в драмкружке, и пропагандисты, и слушатели школ и курсов.

Свой отдых мы проводим весело и интересно.

Я уже упоминала о том, что лыжная прогулка стала обязательной деталью нашей утренней зарядки. Надо сказать, что лыжи здесь очень прочно вошли в быт. На лыжах ходят в командировку. На лыжах бегают детишки с корзинками в ма-

Пейзаж Камчатки.

газин. И пожилые отцы семейств в свободные часы прокладывают лыжни с гор.

Год пролетел очень быстро, и мы не только не скучаем по Украине, а, наоборот, все больше и больше начинаем любить нашу Камчатку. Нас теперь не пугают ни пурга, ни восьмибальный ветер, который швырял нам в лицо колючие иголки снега, когда мы шли в далекие дома организовывать изучение избирательного закона.

Знаком теперь нам и шторм, когда приходилось убирать с берега ящики с банками для консервов. Вспоминается непроглядная ночь, когда мы шли по берегу Охотского моря на кустовое собрание комсомольцев. Помнится, как мы, гордые доверием избирателей, везли материалы выборов на легкой нарте к самолету, который должен был доставить эти материалы в окружной центр.

Конечно, у нас в жизни еще много трудностей, еще много недостатков, но мы не страшимся их. Мы всегда с нетерпением ждем теплых, радостных писем от родных, друзей и знакомых. Их много приходит к нам, и они воодушевляют нас в трудную минуту.

Мы ценим высокое доверие, которое оказала нам родина, поручив нам ответственную работу на далеком Камчатском полуострове. От всей души и сердца мы хотим все свои силы вложить в замечательное дело освоения Камчатки...»

Дальний Восток стал любимцем советской молодежи. Этот цветущий край привлекает к себе взоры миллионов советских людей, которые гордятся его успехами и мечтают о том, чтобы поехать туда, на берега Тихого океана.

Но с особой силой развернулось высокопатриотическое движение советской молодежи в самый последний период, когда, неоднократно битые советскими пограничниками, японские самураи затеяли новую провокацию у озера Хасан. В эти дни количество заявлений от добровольцев сразу возросло до 100 000. Только за первые три дня августа в крайком комсомола явилось 500 молодых патриотов из Москвы, Донбасса, Воронежа, Чернигова, Краснодара и Алтая. Они заявляли:

«Мы ехали сюда для того, чтобы принять участие в мирном труде дальневосточников, но сейчас мы просим послать нас в ряды бойцов доблестного Дальневосточного Краснознаменного фронта...»

Отважная молодежь Дальнего Востока прекрасно отдает себе отчет в том, что японская военщина, которая давно уже зарится на прекрасный советский край и уже десятки раз пы-

гальсаь спровоцировать войну с СССР, может в любую минуту возобновить свои атаки на советскую землю. Она помнит завет отцов, выгнавших штыками японских интервентов в 1922 году:

«Будьте на-чеку! Коварный и хитрый враг с японских островов всегда нападает внезапно и вероломно. Учитесь метко стрелять, готовьтесь к тому, чтобы в любую минуту стать в ряды РККА...»

Тысячи ворошиловских стрелков, медицинских сестер, парашютистов, сотни летчиков работают у станков, учатся в институтах, обрабатывают колхозные поля, готовые в любую минуту стать рядом с бойцами РККА. Одно лишь первое отделение Осоавиахима города Ворошилова за последние месяцы подготовило свыше 300 ворошиловских стрелков, 800 значкистов ПВХО.

На масложирокомбинате имени Микояна, например, из 139 комсомольцев 56 имеют военные специальности. Члены комитета Хохлов и Гусильников научились водить танк, секретарь комитета ВЛКСМ Безверхов приобрел специальность разведчика, комсомолец Будник — пилот, комсомолки Вагина и Василенко — химики...

Мобилизационная готовность молодежи на Дальнем Востоке высока, как нигде, и это понятно: ведь именно здесь, в непосредственной близости от дальневосточного очага войны, военная угроза чрезвычайно реальна.

Вспомните, ведь японский империализм в течение десятилетий точит зубы на советский Дальний Восток. Необычайно хищный и жадный, он, захватив огромную страну Манчжурию, которая почти в пять раз больше самой Японии, сразу же начал готовить здесь плацдарм для нападения на СССР.

На тысячи километров протянулась извилистая граница СССР с Манчжурией, порабожденной японцами семь лет назад. Советские пограничники, охраняющие рубежи, изо дня в день наблюдают страшные контрасты между жизнью советских людей и жизнью манчжур. Они видят грязные, полуразрушенные фанзы манчжурских бедняков, видят, как японские офицеры издеваются над крестьянами, заставляя их рыть окопы, строить бетонные укрепления, опутывать колючей проволокой голодную, вымирающую страну, превращая ее в исходную позицию для нападения на нашу родину.

Выжимая последние соки из японских, корейских и манчжурских рабочих и крестьян, японские империалисты добывают миллиарды иен и тратят их на сооружение военных,

стратегических предприятий и укреплений в Манчжурии. За семь лет хозяйничанья в покоренной стране японцы соорудили здесь химические, машиностроительные, судостроительные заводы. Уже к началу 1936 года в Манчжурии было построено свыше 150 аэродромов и посадочных площадок,— японские генералы мечтают совершать отсюда воздушные налеты на советский Дальний Восток.

Мечтам не суждено сбыться, если они беспочвенны. Зарвавшаяся японская военщина подрубила сук, на котором она сидит. Ее хозяйничанье привело Манчжурию в состояние полнейшего разорения. До оккупации Манчжурия имела активный торговый баланс. Сейчас у нее огромный, все растущий пассив. Основные отрасли манчжурской промышленности — маслособойная и мукомольная — пришли в упадок. Манчжурские крестьяне питаются гаоляном. В 1937 году они собрали гаоляна на своих полях на 142 тысячи тонн меньше, чем в 1936 году. Народ голодает. Жизненный уровень населения непрерывно падает. Мудрено ли, что в Манчжурии с огромной силой разгорается повстанческое движение. В одной лишь северо-восточной части Манчжурии партизанским движением охвачено 18 уездов, — 250 тысяч партизан подняли знамя восстания против японских захватчиков.

И все-таки, ослепленные безумием, японские генералы все еще не оставили своих кровавых мечтаний. В 1937/38 году они затрачивают на военные расходы половину всего государственного бюджета — 1 400 миллионов иен. Японские политики состязаются друг с другом в самых бредовых и диких замыслах:

«Будет бесполезно для Японии высадить десант во Владивостоке, не попытавшись овладеть Сибирской железной дорогой вплоть до Иркутска», заявили японские государственные деятели Терауци и Мотоно.

Профессору Коноэ этого кажется мало. Он хочет большего и требует... перенести столицу Японии в нашу Сибирь:

«Установление центра государства в Сибири явится самым верным, самым прочным путем к расцвету Японии».

Но японский публицист Иосимура не удовлетворен и этим. Он уже заглядывает за Урал.

«Во времена Наполеона, — пишет он, — Москва была далеко; ныне, в век авиации, при условии «независимости» Монголии, Урал и районы, расположенные западнее его, не так далеки...»

Все это похоже на горячечный бред сумасшедшего, одержимого манией величия. Но японские поджигатели войны не только болтают,— они действуют. Они засылают на советскую землю полчища шпионов и вредителей. Они пытаются совершать диверсии. Они провоцируют вооруженные столкновения на границе. Поэтому, в интересах мира, Советский Союз вынужден держать наготове смирительную рубашку для безумца, который одержим навязчивой идеей — во что бы то ни стало проглотить Дальний Восток.

На протяжении тысячи километров вдоль границы с Манчжурией зорко охраняют социалистическую родину доблестные пограничники и бойцы Рабоче-Крестьянской Красной армии, готовые в любую минуту нанести сокрушительный отпор всякому, кто посмеет напасть на СССР. Партия, правительство, товарищ Сталин с мудрой прозорливостью предугадали подлые замыслы врагов и своевременно навесили крепкие замки на дальневосточные границы.

10 января 1936 года глава советского правительства В. М. Молотов выступал с докладом о народнохозяйственном плане на второй сессии ЦИК Союза ССР. То были довольно тревожные дни: фашистские поджигатели войны лихорадочно орудовали в Европе и Азии.

Товарищ Молотов подвел итоги прошедшего года, дал анализ задач четвертого года второй пятилетки и перешел к вопросу о международном положении. Говоря о растущей опасности для мира, глава советского правительства сказал, в частности, и о японских провокациях:

«...Остается нерешенным главный вопрос во взаимоотношениях СССР с Японией. От сделанного нами три года тому назад предложения о заключении советско-японского договора о ненападении Япония до сих пор уклоняется. Такое поведение нельзя не считать подозрительным.

С другой стороны, попытки новых и новых нарушений наших границ со стороны японо-манчжурских военных отрядов не прекращаются и не сокращаются. Укажу хотя бы на инцидент, имевший место 12 октября в районе Ново-Алексеевки, когда на советскую территорию на расстоянии свыше 1—2 километров от линии границы перешло около 50 японо-манчжурских солдат, открывших ружейный и пулеметный огонь по нашим пограничным нарядам. В результате перестрелки с нашей стороны был убит пограничник, командир отделения Котельников, и ранено двое других пограничников. Получив энергичный отпор и понеся соответствующие потери,

нарушители границы вернулись на манчжурскую территорию, но провокационный характер таких инцидентов понятен и без дальнейших пояснений...

...Ясно одно, что игра с огнем вдоль наших дальневосточных границ не прекращается и что японская военщина подбегает к нашим границам как непосредственно, так и через другие территории».

И тут же товарищ Молотов с убийственной иронией оценил перспективы этой игры с огнем:

«... все еще находятся господа империалисты, которые живут мечтой насильно оседлать свободные народы Советского Союза и посадить нам на шею иностранных помещиков и капиталистов. Мы скажем на это: господа хорошие, протрите глаза, вы опоздали родиться!..»

Бурными овациями встретили избранные народом это заявление главы своего правительства. А товарищ Молотов продолжал:

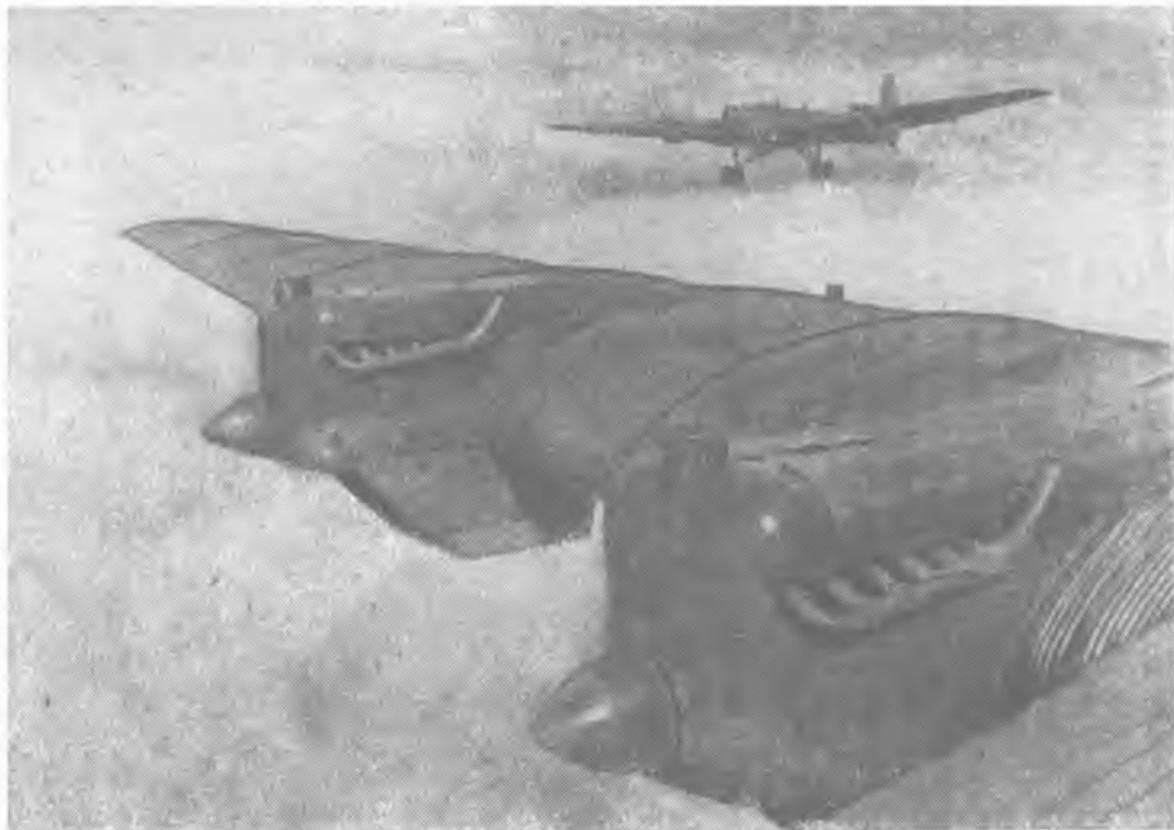
«...Мы пережили в свое время трудную пору иностранных военных интервенций, но тогда мы были слабы, голодны и еще по-настоящему не успели глотнуть чистого воздуха. Но и тогда империалистические планы разгрома нашего государства провалились с треском.

С тех пор дело в нашей стране круто изменилось.

Народное хозяйство уже не похоже на то, что было 10—15 лет тому назад. Проведена техническая реконструкция всех важных отраслей промышленности и уже выросли на этой новой базе новые люди, освоившие технику и по-стахановски быстро двигающие вперед производительность социалистического труда.

С тех пор до основ перестроилась самая отсталая часть нашей страны — деревня. Колхозы и ликвидация последнего капиталистического класса — кулачества закрепили дело ликвидации классов в нашей стране. Вместе с уничтожением последних капиталистических классовых прослоек в деревне, которые, как мелкие паразиты, были особенно живучи, все доходы нашей страны идут целиком в руки трудящихся и их государства. Улучшилась жизнь, и теперь, как никогда, широко распахнулись двери к счастливой, культурной жизни для народов нашего Союза. Первыми плодами нашей победы мы уже пользуемся и видим, что впереди нас ожидает невиданный рост материального благосостояния и культуры всех народов Советского Союза.

И даже после этого не перевелись еще на свете такие гос-

ОКДВА. Воздушные корабли под облаками.

пода, которые в слепой ненависти к новому миру строят планы захватов и расчленения Советского Союза. Ну, что им на это сказать? Мы, действительно, появились на свет без разрешения этих господ (смех, аплодисменты) и безусловно против их воли... (Смех, аплодисменты.)

Значит, пришло время, когда старый мир должен уступить дорогу новому миру».

С тех пор, как были сказаны эти замечательные слова, прошло два с половиной года. За эти годы советский Дальний Восток неизмеримо вырос и окреп вместе со всей страной. Неизмеримо выросли и окрепли и вооруженные силы Дальнего Востока. В этом прекрасно убедились в августовские дни 1938 года японские генералы, которые очертя голову бросили на штурм сопки Заозерной целые дивизии своих солдат. Весь мир понял, что они действительно опоздали родиться. Пусть же они подумают об этом, протирая залитые кровью глаза!

А наш советский Дальний Восток, прекрасный и могучий Дальний Восток, расцветет после этих грозowych дней еще краше. И никогда никакому врагу не удастся топтать его чудесную изобильную землю своими кровавыми солдатскими сапогами!

II. ШТУРМОВЫЕ НОЧИ СПАССКА. ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ

1918—1922 г.

М. И. ГУБЕЛЬМАН

РАЗГРОМ ЯПОНСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ

После Великой Октябрьской социалистической революции империалисты начали интервенцию на западных и восточных границах Советской России. 12 января 1918 года без разрешения советской власти вошел во Владивостокский порт японский крейсер «Ивами», а 14-го — крейсер «Асахи».

По заявлению японского консула, военные суда были посланы для защиты японских подданных, проживающих в городе. Было очевидно, что это только предлог для интервенции, которая имела целью захватить край, задушить здесь советскую власть и угрожать советской власти в России.

Появлению на владивостокском рейде японских крейсеров предшествовала провокация. 5 января неизвестные «бандиты» напали на гостиницу «Версаль». Они явились якобы для проверки документов и ограбили иностранцев — американцев, англичан, греков и других. Ни один из японцев, живших в этой гостинице, не пострадал.

Империалисты поспешили использовать японскую провокацию для антисоветской кампании. Телеграф немедленно разнес по всему миру сообщение, что «жизнь иностранцев на Дальнем Востоке в опасности и сохранность их имущества не гарантирована, так как на Дальнем Востоке анархия».

Интервенты наметили план разгрома Советов и уничтожения большевиков. Главной силой, которая должна была вы-

ступить против Советов, была Япония. Японская военщина спешила оправдать «доверие» Антанты, которое облегчало ей осуществление ее затаенной мечты — захватить советский Дальний Восток.

В конце января 1918 года японцы попытались захватить Забайкалье и Сибирь и таким образом изолировать весь Дальневосточный край от Советской России.

В Забайкалье выступил японский агент, бывший есаул казачьего войска Семенов. Он двинул войска из Манчжурии и дошел почти до станции Карымская. Но тут поднялись рабочие Забайкальской железной дороги. В тылу у Семенова оказались революционные силы, и он вынужден был от Оловянной броситься обратно к Манчжурии.

В это время впервые на Дальнем Востоке появился замечательный большевик, впоследствии ставший вождем дальневосточных партизан, — Сергей Лазо. Он был послан Центральным Исполнительным Комитетом Сибири в Забайкалье, чтобы возглавить борьбу против бандита Семенова.

Красная гвардия разгромила семеновцев в Забайкалье. Тогда японские интервенты попробовали устроить провокацию в другом месте — на Амуре. Это так называемое Благовещенское восстание марта 1918 года. Оно было организовано японцами и возглавлялось их агентом — эсером атаманом Гамовым.

Мятеж в Благовещенске был разгромлен силами рабочих и крестьян в течение нескольких дней. Такого жестокого отпора японцы и белогвардейцы не ожидали.

В Благовещенске-на-Амуре японцы организовали из «резидентов» вооруженный отряд, насчитывавший больше 300 человек. Он состоял главным образом из японских офицеров. Оружием они владели прекрасно. Однако в бою с Красной гвардией отряд потерял, по сведениям из японских газет, 190 человек.

Разгром контрреволюционной агентуры империалистов в Забайкалье и на Амуре, конечно, не остановил попыток японских интервентов захватить наш край; они продолжали свою подрывную работу, организуя и снабжая контрреволюционные отряды. В этих отрядах органы контрразведки и управления были в руках японцев, которые каждодневно вмешивались во внутреннюю жизнь Советов.

Все это японцы проделывали якобы для защиты своих «резидентов». Сколько же было этих «резидентов» на Дальнем Востоке?

Во Владивостоке их было 3 283 человека, в Никольск-Уссурийске — 325, в Хабаровске — 573, в Благовещенске — 338, в Нерчинске — 19, в Чите — 215, в Сретенске — 308. В подавляющем большинстве это были японские шпионы, жившие под видом фотографов, парикмахеров, купцов, владельцев транспортных контор, прачечных, домов терпимости и т. д.

В апреле 1918 года разогнанная Советами меньшевистско-эсеровская владивостокская городская дума выпустила заявление, в котором заявляла, что при советской власти она совершенно бессильна создать порядок. Вслед за этим японцы организовали повторную провокацию. На японскую контору «Исидо» было совершено «нападение». При нападении якобы было убито два японских работника и один был ранен. Это было 4 апреля, а 5-го японские войска высадились во Владивостоке. Интервенция фактически началась.

Японский адмирал Като заявил, что высадка произведена для защиты интересов Японии и держав Согласия. В тот же день был высажен английский десант.

6 апреля 1918 года Владивостокским советом была получена телеграмма товарища Ленина и товарища Сталина, которая стала для дальневосточных Советов программой действий на время интервенции:

«Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей — не делайте себе иллюзий: — японцы, наверное, будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил. Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и железнодорожных материалов. Не задавайтесь неосуществимыми целями. Готовьте подрывы и взрывы рельсов, увоз вагонов и локомотивов, готовьте минные заграждения около Иркутска или в Забайкалье. Извещайте нас два раза в неделю точно, сколько вагонов и локомотивов вывезено, сколько осталось. Без этого мы не верим и не будем верить ничему... Помощь нашу мы обуславливаем вашими практическими успехами в деле вывоза из Владивостока вагонов и паровозов, в деле подготовки взрыва мостов и прочее».

Это была короткая, четкая и ясная директива о том, что надо делать для того, чтобы японская интервенция нанесла советской власти наименьший ущерб.

Большевики Дальнего Востока немедленно перестроили свою работу и организовали вывоз всего, что только можно было перебросить за Урал и в Европейскую Россию.

Военные запасы во Владивостоке были колоссальны. Пороху было более 100 тысяч пудов. На протяжении 5—6 километров сплошной массой стояли штабеля снарядов выше трехэтажного дома. Специалисты установили, что если бы где-нибудь произошел взрыв, то вследствие детонации взорвались бы все снаряды и порох и в радиусе 50 километров ничего не осталось бы. Владивосток со всеми строениями и крепостью был бы уничтожен.

В складах Владивостока находилось тогда одного военного снаряжения и обмундирования на миллиарды рублей.

Империалисты поставили себе задачей ни в коем случае не пропустить ничего для Советской России, где разгоралась борьба с контрреволюцией.

Японские империалисты в день высадки десанта во Владивостоке вновь бросили Семенова из Манчжурии в Забайкалье, но Красная гвардия под командованием товарища Лазо нанесла ему поражение под Оловянной, заняв ее. Семеновцы с японскими офицерами-инструкторами бежали за реку Оюун. Их преследовала Красная гвардия и в конце июня загнала семеновцев обратно в Манчжурию. В то же время в Приморье на гродековском фронте были разбиты японские агенты Калмыков и Сахаров. Попытка японцев силами белогвардейцев разбить красные войска не удалась.

К этому времени начался чехословацкий мятеж.

Чехословацкий корпус, растянувшийся от Пензы до Владивостока, 26 мая захватил Челябинск, 28 мая — Пензу и Сызрань, 31 мая — Томск, 7 июня — Омск, 8 июня — Самару, 29 июня — Иркутск.

29 июня были арестованы многие члены Владивостокского совета. Большевицкая организация ушла глубоко в подполье.

Образовалось так называемое «автономное правительство Сибири» во главе с эсером Дербером. Этот проходимец прежде всего выпустил воззвание с благодарностью интервентам за выступление против большевиков.

Дальневосточные большевики не сложили оружия. 31 июля Красная гвардия перешла в наступление по всему уссурийскому фронту. Красногвардейские части были численно значительно слабее интервентов, тем не менее они много раз наносили поражения интервентским частям.

На гродковском фронте. Наступление.

В боях под Никитовкой и Антоновкой белогвардейцы были разбиты. Красная гвардия захватила трофеи — четырехорудийную батарею, 7 пулеметов, много оружия, патронов, 150 оседланных лошадей. Был занят разъезд Краевский. Атаман Калмыков бежал в одних кальсонах. По ошибке его пропустили, приняв за крестьянина.

План японских интервентов — руками чехо-словаков захватить Приморье и уничтожить силы революции — также провалился. Тогда в августе 1918 года начался первый поход японских интервентов.

2 августа японцы высадились в Николаевске-на-Амуре и в Де-Кастри.

9 августа на уссурийский фронт прибыл 25-й батальон Мидльсекского полка английских войск под командованием полковника Уорда, затем прибыли колониальные войска, 12-я дивизия японских войск, латыши, итальянцы, поляки и т. д.

На Дальнем Востоке против Красной гвардии сражались войска двенадцати государств, но возглавлялись они японцами. Главнокомандующий всеми интервентскими войсками, член Высшего военного совета Японии генерал Отани, отдал приказ генералу Оои занять Уссурийскую и Амурскую железные дороги.

Интервенты несли большие потери от огня метких стрелков-дальневосточников. Японское командование сообщало, что в бою возле Краевского было убито 200 бойцов. Следует при этом учесть, что японцы всегда преуменьшали свои потери в несколько раз. Но численный перевес был на стороне интервентов, и наши части вынуждены были отойти — сначала к Усури, затем к Хабаровску

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ОТПОР

Стиснутые с трех сторон, совершенно отрезанные от советского Дальнего Востока, революционные части не могли надеяться на то, что они смогут своими силами вести фронтную борьбу против армий интервентов.

25 августа 1918 года 5-й съезд Советов Дальнего Востока вынес решение: «Ни одной пяди своей социалистической родины без боя не уступать, а если под напором огромных сил противника все же должны будем отойти от занятых позиций, то сделать это в последнюю минуту только для того,

Группа солдат интервентских армий в Приморье.
Справа — японец.

чтобы, собравшись со свежими силами, вновь ринуться на обнаглевших врагов».

Одновременно конференция на станции Урульга Забайкальской железной дороги с участием большевиков Восточной Сибири и забайкальцев вынесла решение: военные действия на сплошном фронте прекратить, объявить всех участников контрреволюционного восстания врагами народа и перейти на формы и методы партизанской борьбы.

Контрреволюция торжествовала. Она кричала о победе. Интервенты и белогвардейцы сразу же бросились в города и начали жестоко грабить городское население, затем кинулись по деревням, станциям, поселкам. Начались насилия над женщинами, убийства. Убивали рабочих, людей, сочувствующих Советам, членов семей красноармейцев.

Газета «Далекая окраина», приветствовавшая японских интервентов, 30 сентября вынуждена была напечатать корреспонденцию о том, что на разъезде Буссе японцами зверски расстреляны Фома Юрченко и Антон Сухин, которые пришли на железную дорогу, чтобы наняться ремонтными рабочими. Убитые, как сообщала газета, никакого участия в революционном движении не принимали.

Немедленно белыми была объявлена мобилизация молодежи. Отважная молодежь, вместо того чтобы идти к интервентам и белогвардейцам, захватывала оружие и уходила в тайгу.

К 1 октября 1918 года на Дальнем Востоке одних японских войск было 73 000 человек. Действовали японские агенты: «атаманы» Калмыков, Семенов, Гамов. Белогвардейские контрразведки многих арестовывали, пытали, расстреливали.

Между Хабаровском и станцией Никольск-Уссурийск ходил желтый поезд японского агента—бандита Калмыкова. «Каратели» из этого поезда, по данным «юридического отдела» Калмыкова, за короткое время расстреляли семь тысяч рабочих.

В Чите под руководством японских империалистов действовал Семенов, в Макеевке—барон Тирбах, в Даурии—барон Унгерн. В короткий срок эти патентованные убийцы сократили население Забайкалья на 30,8 процента, убив несколько сот тысяч человек.

Выступая на чрезвычайном заседании пленума Моссовета 3 апреля 1919 года, товарищ Ленин говорил: «Все силы международных капиталистов хотят нам дать этой весной

последний бой. К счастью, это силы дряхлеющего, умирающего, безнадежно больного старика — международного капитализма. Но, как бы то ни было, сейчас военные силы, скопленные против нас, чрезвычайно велики. В частности, Колчак двинул теперь все свои резервы, он имеет у себя добровольцев — белогвардейцев, банды очень внушительных размеров, он имеет помощь Англии и Америки оружием и припасами в громадных размерах»¹.

Центральным Комитетом партии на Восточный фронт был командирован товарищ Сталин. Под его руководством Красная армия сначала остановила движение Колчака, затем нанесла ему смертельный удар. Это был поворотный пункт в истории борьбы с интервенцией на Дальнем Востоке, в истории борьбы с колчаковщиной. Разбить Колчака в тот момент означало ликвидировать интервенцию. Уничтожение колчаковских сил означало изоляцию Японии, и это имело огромное значение.

Белогвардейские полчища Колчака, прорвавшись весной 1919 года к Волге, получили от товарища Фрунзе такой же сокрушительный удар. Они покатались к Уралу и за Урал.

Красная армия, по директивам ЦК нашей партии, под руководством товарищей Сталина и Фрунзе, гнала белогвардейские армии, нанося им поражение за поражением.

Осенью колчаковцы потеряли рубеж Тобола и безудержно отступали внутрь Сибири.

Можно привести тысячи примеров зверств японских интервентов и белогвардейцев. Вот рассказ очевидца о том, как убивали шашками красногвардейцев и подозреваемых в большевизме.

«Рубили во дворе, где жил капитан Попов... Делалось это, конечно, ночью... Тех, кого рубили, когда они умирали, увозили на Ингоду и спускали в прорубь, а тех, кого расстреливали, увозили расстреливать в сопки и бросали на съедение волкам»².

«По приказу Левицкого вырезали из тела куски мяса, отрезали уши, носы и выкалывали глаза. Трупы замученных были сфотографированы американцами. Были сожжены 90-летняя старуха, много крестьян и детей... В селе Ключевском во время подобных ужасов убежало из деревни до

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 209.

² К. П. Даурец, Семеновские застенки. Записки очевидца, стр. 42. Харбин, 1921 г.

20 детей, которые после были найдены замерзшими под штабелями бревен... Население деревень бежало в лес, где многие из них замерзли».

В Троицкосавске несколько сот человек, находившихся на излечении в больнице, были изрублены в куски. Японские агенты вытаскивали людей из домов, рубили и бросали в колодцы, в проруби. Жгли целыми деревнями. Уничтожали все, что только можно было, грабили ценности, золото.

Японская военщина распорядилась всеми ценностями, которые были на Дальнем Востоке.

О диких расправах и грабежах японских интервентов на Дальнем Востоке свидетельствует также донесение колчаковского ставленника генерала Иванова-Ринова «штабу главнокомандующего Временного сибирского правительства» от 25 октября 1918 года за № 00529.

«...Хабаровск, Нижний Амур и железная дорога Хабаровск — Никольск заняты атаманом Калмыковым, которого поддерживают японцы, за что Калмыков предоставляет им расхищать неисчислимые ценности Хабаровска. Японцы, в свою очередь, предоставляют Калмыкову открыто разбойничать, именно: разграбить хабаровский банк, расстреливать всех, кого захочет, смещать и назначать начальников окружных управлений Хабаровска и осуществлять самую дикую диктатуру.

Семенов, поддерживаемый японцами, позволяет своим бандам также бесчинствовать в Забайкалье, именно: реквизировать наши продовольственные грузы, продавать их спекулянтам, а деньги делить между чинами отрядов»¹.

В Японию было вывезено огромное количество хлопка, селитры, пороху, железа, меди, серебра и золота. Еще 2 октября 1918 года, когда японские империалисты только что добрались до Зей, штаб главнокомандующего союзными армиями на Дальнем Востоке сообщил в Зейскую золото-сплавочную лабораторию:

«Ввиду того, что в России еще не установилась законная власть, которая могла бы распорядиться государственными ценностями, во исполнение приказа главнокомандующего союзными войсками генерала Отани уведомляю, что нахожу необходимым наложить свою печать на железный шкаф, находящийся в кладовой зейского казначейства, в котором хра-

¹ «Японская интервенция 1918 — 1922 гг. в документах». Центр. архив, 1934 г.

Интервенты-японцы возле убитых ими партизан.

нится казенное золото в количестве 56 пудов 3 фунтов 5 золотников 36 долей.

Майор генерального штаба главнокомандующего союзными армиями Шого Хасабе»¹.

В январе 1919 года управляющий Амурской областью писал генералу Хорвату:

«30 января 1919 г., № 118.

Хранившееся в с. Уголовском золото в количестве около 12 пудов взято японским штабом и находится в Хабаровске. Без выдачи этого золота предприятия Бурейского горного округа не могут приступить к заготовкам довольствия, что возможно сделать только зимним путем. Население округа является необеспеченным, ходатайствую о скорейшем возврате золота Комиссии по денационализации приисков Амурского и Бурейского округов для выдачи по принадлежности».

Так японская военщина захватывала в свои руки ценности и распоряжалась хозяйственной жизнью края через поставленных ею атаманов и чиновников, грабила народное достояние.

В сентябре 1918 года японские интервенты появились в Бочкареве и в Благовещенске, Амурской области. Золотопромышленники, пароходовладельцы — вся буржуазия встречала их хлебом-солью, приветствовала криками «ура» и цветами. С ненавистью встречали их рабочие и крестьяне, готовясь к борьбе.

На глазах всего населения японо-белогвардейцы начали расстреливать людей, одетых в защитную форму, подозревая их в большевизме. Пошли порки, избиения, аресты. За 10 дней, с 19 по 29 октября, было посажено в благовещенскую тюрьму свыше 2 000 человек.

Японцы требовали от населения сдачи оружия, казенного обмундирования, выдачи в селах и деревнях всех советски настроенных жителей.

Крестьяне отказались выполнять эти требования. 19 октября 1918 года в селе Среднебелое крестьяне разбили белогвардейский отряд, прибывший для разоружения населения. Был разбит и второй отряд белых, прибывший на помощь первому из Благовещенска.

Большевики старались объединить разрозненные выступления. Благовещенский комитет большевиков укреплял под-

¹ «Японская интервенция 1918 — 1922 гг. в документах», стр. 34. Центр. архив, 1934 г.

польные организации в области. В крупных деревнях — Ивановском, Жарикове, Борисоглебовке, Мазанове, Завитой, Желтоярове — в октябре 1918 года были организованы подпольные комитеты для развертывания массовой работы и руководства партизанским движением.

14 декабря 1918 года большевики в селе Сохатино провели съезд крестьян от 24 сел Мазановской, Желтояровской, Завитинской и Красноярской волостей. На съезде присутствовало около 30 делегатов. Съезд постановил организовать партизанские отряды. Местная сохатинская молодежь создала партизанский отряд из 60 человек.

Крестьянские съезды происходили по всей Амурской области. Крестьяне и рабочие на своих спинах испытали господство белых и интервентов. Они убедились в правильности указаний большевиков, что только вооруженной борьбой можно избавиться от японо-белогвардейских насильников.

В конце 1918 года в большое село Мазаново пришел отряд белогвардейцев и японцев. Японцы хватали девушек и женщин и насиловали их, делали поголовные обыски у жителей. При обысках забирали все ценное: деньги, золото, часы и т. д. Тех, кто пробовал протестовать, нещадно избивали. Несколько крестьян было убито японцами.

7 января 1919 года под руководством большевиков крестьяне села Мазаново восстали. На помощь им пришло около тысячи вооруженных партизан из окрестных деревень. Японцы и белогвардейцы были разбиты и бежали в город Свободный, были убиты 60 японцев и 32 белогвардейца. Мазановские крестьяне объявили власть Советов восстановленной. Амурское «правительство» эсера Алексеевского направило в Мазаново большой карательный отряд с пулеметами и орудиями.

Три дня защищали повстанцы советскую власть в Мазанове, но отстоять не смогли: слишком неравны были силы.

Заняв Мазаново, японцы и белогвардейцы сожгли дома и перебили население. Деревню Сохатино, помогавшую мазановцам, карательный отряд расстрелял и сжег орудийным огнем.

В мазановском бою погибли славные и верные сыны революции — председатель штаба партизан товарищ Кулинич¹, секретарь штаба товарищ Новиков и многие другие. Но ма-

¹ Товарищ Кулинич был прислан из Москвы в качестве уполномоченного по разгрузке Владивостока и продвижению грузов в Советскую Россию.

зановское восстание явилось сигналом к массовому партизанскому движению в Амурской области.

10 января 1919 года в селе Ильиновке под руководством большевиков состоялся крестьянский съезд. Съезд вынес решение о разделении Амурской области на два района во главе с районными революционными комитетами партии.

19 января в деревне Красный Яр состоялся областной съезд партизан, избравший областной революционный штаб. Были проведены крестьянские съезды во всех волостях Амурской области. Эти съезды призывали всех крестьян, казаков и трудящихся вступать в партизанские отряды для борьбы с интервентами и белогвардейцами.

Руководили этой борьбой большевики из глубокого подполья. В начале февраля 1919 года для организации партизанских выступлений выехали в область руководители подпольной организации.

С 1 по 3 февраля около деревни Иннокентьевской партизаны бились с японцами, посланными в район для установления «порядка». Японский отряд пытался сбить партизан с занятых ими позиций, но не смог. Японцы отступили, оставив на месте боя убитыми семь солдат, два пулемета, ящики с ручными гранатами и много продовольствия.

Получив подкрепление из Благовещенска, японский отряд вновь повел наступление на Иннокентьевскую. Не принимая боя, партизаны отступили до Виноградовской заимки, что в 50 километрах от Благовещенска и в 6 километрах от Андреевки по направлению к Ивановке. 4 февраля 1919 года японо-белогвардейский отряд прошел Андреевку. В нем было 500 человек пехоты, два казачьих эскадрона русских белогвардейцев и конная японская разведка, два орудия и два пулемета. У партизан — 250 человек, причем многие из них не имели огнестрельного оружия.

Японцы спешно двинулись по дороге на село Ивановское.

План повстанцев заключался в том, чтобы пропустить японцев с горы в ложину, отрезать им путь отступления на Андреевку, окружить и уничтожить.

Этот план выполнить не удалось. Преждевременный, а может быть и провокационный, выстрел предупредил японцев. Они бросились обратно, рассыпались в цепь и повели наступление на партизан, стараясь обойти их с правого, а затем с левого фланга.

Было 40 градусов мороза, лежал снег. Для метких стрелков нашей засады японцы представляли великолепную цель.

Первая цепь японцев была почти полностью уничтожена. Вторая цепь прошла дальше первой и залегла. Но и в таком положении она оставалась прекрасной мишенью для партизан. Пристрелявшись, они не давали японцам подниматься ни на одну секунду. Попытка японцев обойти партизан не удалась, и отряд отступил к Андреевке, оставив на снежном поле убитыми свыше 400 солдат, майора Хори и поручика Фурутани.

Партизаны потеряли убитыми 36 и ранеными 18 человек. В середине февраля 1919 года партизаны обоих районов Амурской области были объединены в революционную армию под единым командованием товарища Драгошевского¹ и Реввоенсовета.

Части революционной армии вблизи деревни Малоперки напали на японский разведывательный отряд численностью в 68 человек и полностью его уничтожили. Повстанцам досталось 68 винтовок, много патронов, обмундирование и пр.

В конце февраля партизанский отряд устроил засаду японцам около села Белогорки. Батальон японцев был уничтожен полностью. Партизанам достались трофеи — одно траншейное орудие, два пулемета и все личное вооружение японских солдат. Партизаны не имели никаких потерь.

Почти в это же время партизанские отряды подверглись нападению японцев у деревни Павловки. Заняв позицию на окраине деревни, партизаны встретили японцев сильным ружейным, пулеметным и орудийным огнем. Бой длился около 12 часов. Четыре раза цепи японцев подходили к деревне, но были отброшены. Израсходовав все патроны и снаряды, партизаны вынуждены были отойти.

В 6 часов 15 марта 1919 года разведка партизан в 4 километрах от деревни Чудиновки обнаружила японский отряд силой около 400 штыков с пулеметами.

Обладая количественным превосходством, партизаны развернулись в цепи, охватывая при помощи конной разведки расположение японцев полукругом.

Японцы и партизаны залегли друг против друга на расстоянии 150—200 метров.

Партизанам помогал мороз. Японцы не привыкли к холо-

¹ Товарищ Драгошевский — горный техник Тетюхинского рудника, член Владивостокского совета, активный организатор и участник уссурийского фронта. Он отступил с отрядом красногвардейцев из Приморья в Амурскую область. Позже товарищ Драгошевский был предательски захвачен белогвардейцами на Амуре и расстрелян.

дам. Защищаясь от мороза, они накидывали на себя много теплой одежды, становились неуклюжими, малоподвижными и были прекрасной мишенью. Наши стрелки — охотники и фронтовики — меткими выстрелами вырывали из японских рядов десятки солдат. Огромная снежная площадь покрылась японскими трупами. Весь японский отряд был уничтожен. Партизаны захватили 380 винтовок, столько же комплектов обмундирования, большое количество пулеметных и ружейных патронов, два пулемета «нарисаки», аптеку и много военного снаряжения.

Партизаны потеряли трех человек убитыми и 48 ранеными, из которых 11 умерли.

Партизаны вошли в Чудиновку, и разведка сообщила о движении больших сил японцев и белогвардейцев с Юхтинского и Черновского разъездов. Главком товарищ Драгошевский выбрал позиции, и партизаны приготовились к бою. Враг спустился с горы в долину. Обнаружив цепи партизан, японцы открыли по ним огонь.

Бой начался в 13 часов и продолжался до 20 часов. В этом бою участвовало семь эшелонов японских войск. У японцев было много пулеметов, батарея и два броневика. Несмотря на это, партизаны разгромили их, перерезали железную дорогу и заняли деревню Желтый Яр на реке Зее.

Японцы потеряли в этом бою убитыми: одного генерала, несколько штабных чинов, много офицеров и около 800 солдат. Кроме того японцы потеряли ранеными свыше 1 000 человек.

Партизаны захватили три трехдюймовых орудия, около 400 снарядов к ним, более 1 000 винтовок, 15 000 патронов и много другого вооружения и снаряжения.

Потери партизан были тяжелы, но все же значительно меньше японских — 118 убитых и около 200 раненых. Павшие в бою партизаны были похоронены в Чудиновке в братской могиле.

28 марта Амурская партизанская армия повела наступление на Бочкарево с двух сторон с целью захвата на станции боеприпасов. В результате боя было убито около 450 японцев и белогвардейцев, партизаны потеряли 107 человек убитыми и около 30 человек ранеными.

Партизаны не только наносили сильные удары японцам и белогвардейцам, но и лишали их почти всех путей сообщения и средств связи. Так, например, партизанским отрядом с 29 по 31 августа на участке железной дороги Малиновка —

Дальневосточный партизан.

Завитая было уничтожено 8 казарм и 21 мост. Другим отрядом на участке Екатеринославка — Завитая были уничтожены все мосты, казармы и множество телеграфных столбов. Отряд «Черный ворон» на участке Екатеринославка — Бочкарево уничтожил десять мостов и разрушил станцию Поздеевку. В августе — сентябре Архаробуреинский партизанский отряд на линии железной дороги сжег 59 мостов, прервал телеграфное сообщение между станциями Бурей и Облучье, испортил телеграф на Амуре, уничтожил подводный кабель на реке Бурее и отрезал станцию Иннокентьевскую от Благовещенска и Хабаровска.

Уже из этих фактов видно, насколько фальшивы и лживы утверждения японских генералов о «непобедимости» японской армии. После целого ряда поражений в боях с партизанами положение японских войск в Амурской области к 20 декабря 1919 года стало весьма тяжелым и угрожало им полным разгромом.

После боев с японцами и белогвардейцами партизанские отряды 4 февраля 1920 года окружили Благовещенск. В ночь на 6 февраля власть в Благовещенске перешла в руки Временного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Пала последняя опора японских интервентов в Амурской области. Японцы были полностью окружены партизанами. Интервентам, чтобы не быть окончательно разгромленными, не оставалось ничего другого, как уйти.

23 февраля началась эвакуация японских войск, которая закончилась 3 марта. Амурская область была освобождена от японских интервентов.

Несмотря на то, что к концу 1919 года японцы перебросили в Приморье отборные войска численностью в 120 тысяч человек, Колчак уже ничего не мог сделать. Он посылал для мобилизации молодежи карательные экспедиции в Приморье, Забайкалье, на Амур, но это не помогало.

В феврале 1919 года один из таких отрядов в количестве около 400 человек под командованием генерала Смирнова пришел в Сучанскую долину Приморья, в деревню Казанку. Генерал Смирнов созвал сход.

Вся деревня с ужасом смотрела, как колчаковцы раскаленными на огне шомполами пороли крестьян, требуя, чтобы

они сдали оружие и сказали, кто в деревне стоит за советскую власть и за большевиков.

То же самое было проделано колчаковцами в деревнях Хмельницкой, Серебряной и в других местах.

Крестьяне видели, что колчаковцы такие же злейшие враги трудящихся, как и японские интервенты, семеновцы и калмыковцы.

В середине февраля 1919 года сучанские партизаны выпустили воззвание: «Всем, всем, всем!»

В этом воззвании сучанские партизаны писали:

«Пламя революционного восстания рабочих и крестьян охватило все села Сучана. Вот уже неделя, как восставшие против белогвардейщины и интервенции красные партизаны выдерживают бешеный напор генерала Смирнова. Бандиты расстреливают и порют раскаленными на огне шомполами крестьян и рабочих. Мы восстали потому, что страстно хотим помочь нашей Советской стране свергнуть палача Колчака, восстановить советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке и прогнать интервентов...

Организуйте партизанские отряды, идите в бой с нашим вековечным врагом!

Да здравствуют Советы!»

ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ ЗАНИМАЛИ ГОРОДА...

В начале 1919 года Колчак доживал свои последние дни. Весь колчаковский тыл был охвачен крестьянскими восстаниями. В марте и апреле 1919 года к восставшим присоединились сотни деревень Приморья. Выступления крестьян, поддержанные партизанами, в целом ряде мест перерастали в крупные вооруженные столкновения с колчаковскими карательными отрядами и японцами.

В мае 1919 года партизанский отряд сделал налет на винокуренный завод Пьянкова.

Партизанский отряд 5 июня совершил налет на станцию Ипполитовку, Уссурийской железной дороги, уничтожил полностью находившийся там японский отряд и захватил большое количество оружия, снаряжения и боеприпасов.

14 июня в районе станции Евгеньевки партизаны разрушили железнодорожный мост и на протяжении 60 саженей разобрали железнодорожный путь.

20 июня партизаны произвели налет на разъезд Кнюринг,

разрушили телеграфный аппарат, сожгли два моста. 25 июня партизанами был разрушен железнодорожный мост на Сучанской ветке около деревень Романовки и Тигровой, взорваны подъемные машины, испорчен телеграф.

Для согласования действий партизанских отрядов 27 июня 1919 года в селе Сергеевке, бывшего Ольгинского уезда, Приморской области, открылся первый уездный съезд трудящихся. На съезде было 140 делегатов и много гостей. Они пришли таежными тропами из мест, расположенных за сотни верст.

Съезд постановил:

«Омское правительство Колчака считать врагом народа и беспощадно бороться с ним. Единственной властью в России признать ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Совет народных комиссаров — власть, служащую интересам трудящихся всего мира и находящуюся в Москве...»

Съезд послал консульскому корпусу во Владивостоке следующее заявление:

«Мы, крестьяне и рабочие Ольгинского уезда, заявляем вам, что ведем и будем вести беспощадную борьбу с правительством Колчака и признаем единственное правительство России — советское правительство в Москве. Мы заявляем вам, находящимся в Сибири и на Дальнем Востоке, что вы своим присутствием и своими действиями разжигаете и поддерживаете кровавую гражданскую войну в России. Вы помогаете кучке офицеров и чиновников издеваться над волей большинства, творить неслыханное насилие над рабочими и крестьянами. Мы заявляем вам, экспедиционным войскам, что мы не воюем с народами ваших стран и не хотим воевать с вами. Но до тех пор, пока вы находитесь на нашей территории вооруженными, пока вы поддерживаете врагов, мы будем вести борьбу до последней капли крови. Первый съезд крестьян и рабочих заявляет волю народа, и, в сознании народной мощи и достоинства, он восстановил власть Советов, избрав Ольгинский уездный исполнительный комитет, который всемерно поддерживает.»

Съезд предлагает всем иностранцам вести с этой истинной властью народа надлежащие переговоры по всем вопросам».

Съезд избрал товарища Лазо командующим партизанскими отрядами Приморья.

Оперативный план действий партизанских отрядов был

разработан под руководством товарища Лазо и сводился к следующему.

Тетюхинско-ольгинский отряд находится в селе Новицком, между Бухтой Чен-ю-вай и сучанским рудником, с другим отрядом в 250 человек. Он охраняет побережье от возможной высадки интервентов и белогвардейцев с Японского моря.

Сучанские шахтеры и крестьяне были разделены на три отряда.

Первый отряд в 120 человек должен был из Казанки напасть на 500 японцев, расположенных на станции Сица.

Второй отряд в 270 человек наступал на станцию Фанза. Ему предстояло выбить 250 японцев, расположившихся на ней, занять станцию, после чего взорвать подъемники на станциях Сихотэ-Алинь и Бархатная.

Третьему отряду сучанцев в 100 человек совместно с отрядом в 250 человек владивостокских грузчиков и портовых рабочих, стоявших в Петровской долине, было поручено занять станции Кангауз и Моленный Мыс. Японский гарнизон этих пунктов состоял из 600 человек.

Цемухинцам было поручено занять станции Романовку и Новонежино. В Романовке было 200 американцев, в Новонежине — 250.

Командование 500 партизанами цемухинцами и майхинцами принял на себя лично командующий партизанскими силами Приморья товарищ Лазо.

1 500 партизан бросились в бой против 3 500 интервентов, во много раз лучше снаряженных и вооруженных.

Тетюхинско-ольгинский отряд, охраняя побережье, беспрерывно тревожил противника и отвлекал его силы, удерживая их на Сучане, где находилась основная база вооружения и снабжения японцев.

Первый сучанский отряд в 120 бойцов нанес жестокое поражение 500 до зубов вооруженным японцам на станции Сица и заставил их бежать на главный сучанский рудник. Партизаны захватили много вооружения, боеприпасов и продовольствия.

Не менее блестяще выполнил приказ товарища Лазо второй сучанский отряд. Выбив японцев со станций Фанза, Сихотэ-Алинь, Бархатная и Тахэ, он занял эти станции и взорвал подъемники.

Партизаны третьего сучанского отряда молниеносным ударом сбили японские части, бывшие в два раза многочислен-

нее их, обратили японцев в бегство и нанесли им значительные потери.

Самый тяжелый участок достался цемухинцам и майхинцам, которыми непосредственно руководил товарищ Лазо. Ведя бой на открытой местности, отряд Лазо потерял 13 человек убитыми и 11 ранеными.

Это было первое крупное сражение в Приморье, данное по единому плану товарища Лазо. Этот бой, принесший победу над интервентами, показал прекрасные боевые качества и преимущества партизанских отрядов над превосходившими их численно и технически силами интервентов.

Среди партизан Дальнего Востока было много самоотверженных, беззаветно преданных партии Ленина — Сталина героев, как, например, адъютант товарища Лазо — комсомолец Миша Попов.

Миша вырос в Нерчинско-заводском районе. Его воспитывали политические каторжане Кутомарской тюрьмы, и с малых лет он ненавидел царский режим. С первых дней революции Миша активно участвовал в организации молодежи, и, когда образовался забайкальский фронт против бандита Семенова, он одним из первых пришел в отряд товарища Лазо. Вместе с ним он провел весь период борьбы с семеновцами в Забайкалье и вместе с ним прибыл в партизанские отряды Сучанской долины.

Во всех боях Миша Попов принимал активное участие. Он был хороший стрелок и прекрасно владел шашкой. После сучанского боя, когда интервенты потерпели поражение, они решили бросить опромные силы для окружения и уничтожения партизанских отрядов Сучана. Товарищ Лазо изменил план отхода в тайгу и дал поручение своему адъютанту Мише Попову вместе с шахтером-комсомольцем Байбородовым отвезти сообщение об этом в революционный штаб и в исполком Ольгинского уезда.

Выполнив приказ товарища Лазо, комсомольцы возвращались обратно. Между тем, белогвардейцы устроили засаду возле деревни Хмельницкой. Заметив врага, товарищи Попов и Байбородов повернули лошадей, но было уже поздно. Залпом белогвардейцев был убит Байбородов, а Миша Попов, раненный в ногу, был придавлен своей лошадью. Он был схвачен белогвардейцами и приведен в штаб генерала Смирнова в Хмельницкую.

В штаб были приглашены японские, сербские и американские офицеры, согнано местное население. На глазах у всех

Мишу Попова сначала избивали шомполами, а затем начался «допрос».

Жестоко избивая, выворачивая Мише Попову руки, бандиты спрашивали:

— Где партизаны?.. Сколько их?.. Что решено делать?.. Где находится штаб Лазо?..

Комсомолец Попов молчал. Его вновь били, истязали и спрашивали... И в ответ враги получили неожиданно:

— Не скажу!.. Да здравствуют Советы!

Бандиты загоняли Мише Попову иголки под ногти, выворачивали ноги, кололи шилом.

Японские офицеры предложили пытать его раскаленными шомполами.

Все тело Миши Попова было исполосовано раскаленными шомполами. Оно горело, и от него несло жареным мясом.

Не добившись от Попова никаких сведений, палачи замучили его насмерть.

Крестьяне, видевшие истязания Миши Попова, с гордостью вспоминали мужественного комсомольца. Они помнили, как Миша Попов еще несколько дней назад играл с их детьми, плясал с девушками и парнями на вечеринке, как вместе с ними задушевно пел и веселился. Они рассказывали по всей Сучанской долине о кровавых зверствах белогвардейцев и интервентов и о героической смерти комсомольца Миши Попова.

В результате сучанского боя партизаны лишили колчаковцев и интервентов возможности на ближайшее время пользоваться сучанским углем. Обогащенные трофеями, партизаны под напором огромных сил интервентов вскоре ушли снова в тайгу.

Операции партизан на Сучане отвлекли значительные силы белогвардейцев и интервентов, которые предназначались к отправке на сибирский фронт против Красной армии. Сучанские события имели также большое политическое влияние на массы. Партизаны, рабочие и революционные крестьяне области наглядно убедились, как велики их силы, когда ими руководит несокрушимая воля большевистской партии.

Одновременно с этим на Сучане и в других местах Приморья партизанские отряды разрушали коммуникационные линии противника.

28 июня 1919 года на 209-м километре Уссурийской железной дороги партизаны направили пустой паровоз навстречу японскому бронепоезду. Произошло крушение.

30 июня севернее станции Мучная той же дороги партизанами был спущен под откос другой японский бронепоезд.

12 июля партизанскими отрядами на 172-м и 201-м километрах Уссурийской дороги были спущены под откос два поезда, в том числе один японский.

31 октября партизанский отряд около разъезда Дроздово той же дороги спустил под откос воинский поезд с броневиками.

Партизанские отряды разрушали тыл Колчака, особенно железные дороги. Вследствие этого огромное количество военных грузов из Владивостока, предназначенных для белого фронта, не могло быть отправлено.

Партизанские отряды, перейдя в наступление, очень быстро оттеснили войска белогвардейцев и интервентов от деревень и сел к городам и к линиям железных дорог.

То упорной, длительной борьбой, то стремительным натиском отвоевывали партизаны у врагов территорию необъятного края.

14 декабря 1919 года в далеком Охотске приисковые рабочие и солдаты местного гарнизона свергли колчаковскую власть, организовали Военно-революционный комитет и передали ему власть.

В декабре 1919 года партизанский отряд в деревне Отрадное разбил японский кавалерийский отряд: было убито 70 японцев. Партизаны потеряли убитыми 18 человек. На разъезде Гедике, Уссурийской железной дороги, партизаны произвели налет на японский военный транспорт. Уничтожив конвойный отряд, партизаны захватили шесть бомбометов, четыре пулемета, 400 винтовок, патроны, гранаты и пр. Партизанские отряды выбили японский гарнизон из деревни Роскошь. Партизанами было захвачено большое количество имущества и снаряжения.

Наращение революционного движения шло быстро. Японские империалисты растерялись. Их дипломаты, прежде не желавшие вступать ни в какие переговоры с советскими организациями, быстро меняли тактику.

Японский консул пришел в Центральное бюро профсоюзов Владивостока и пригласил членов бюро посетить банкет, устраиваемый японским командованием. Центральное бюро ответило отказом.

26 января партизанские отряды Никольск-Уссурийского района под руководством товарища Андреева (позже сожженного японцами и белогвардейцами в паровозной топке) за-

няли станцию Никольск-Уссурийск. Весь гарнизон колчаковских войск, находившийся под влиянием нашей парторганизации, восстал и признал товарища Андреева командующим районом.

26 января также восстал гарнизон станции Океанской. Восставшие назвали себя 3-м партизанским полком и ушли к партизанам.

Утром 31 января партизанские отряды заняли окраины Владивостока, а к 11 часам — главные улицы города. На станцию Владивосток прибыл под красным знаменем вооруженный партизанский бронепоезд 1-го Дальневосточного советского полка.

Колчаковские генералы во главе с Розановым под охраной и покровительством японских офицеров были посажены на пароход и отправлены в Японию.

7 февраля 1920 года в городе Зее власть перешла в руки Совета рабочих депутатов, а 13 февраля японский агент бандит Калмыков, видя неизбежность занятия Хабаровска партизанами, захватил более 36 пудов золота и со своим отрядом численностью около 1 200 человек скрылся на китайской территории.

Перед уходом из Хабаровска Калмыков расстрелял семь человек из «вагона смерти» и до 40 человек из своего отряда, подозреваемых им в большевизме.

Все армии Колчака были разбиты, Колчак был арестован восставшими черемховскими рабочими и расстрелян в Иркутске. Полное поражение колчаковщины в Сибири и на Дальнем Востоке произвело сильное впечатление на державы Антанты. 16 декабря 1919 года в Лондоне было созвано специальное совещание «по русскому вопросу», в котором участвовали представители пяти держав — Англии, Франции, Италии, США и Японии. Убедившись в том, что их ставка на Колчака безнадежно проиграна, союзники приняли решение вывести свои войска из Сибири и Приморья.

Но японские интервенты уходить с советской земли не хотели. Мало этого, японцы захватили в свои руки северный Сахалин. 21 марта 1920 года главнокомандующий экспедиционными силами на Сахалине установил японскую гражданскую администрацию не только на Сахалине, но и в Николаевске-на-Амуре и в Де-Кастри.

Захватывая Приморье, японцы разрабатывали план уничтожения революционных вооруженных сил на всем нашем Дальнем Востоке.

Еще в марте 1920 года японцы решили сделать попытку захватить Николаевск-на-Амуре, занятый партизанами. Японцы решили одним ударом уничтожить все партизанские силы. В ночь с 11 на 12 марта 1920 года генерал Исикава, нарушив мирный договор, неожиданно открыл ураганный ружейный и пулеметный огонь по партизанским казармам, домам и учреждениям. Враги уничтожили почти весь партизанский штаб, но, несмотря на это, натолкнулись на непреодолимое сопротивление партизан. В результате четырехдневного сражения японцы были полностью уничтожены.

3 апреля собрался Владивостокский совет рабочих, красноармейских и краснофлотских депутатов. В этот день товарищ Лазо произнес на заседании Совета свою последнюю речь.

Товарищ Лазо говорил:

«Товарищи! После долгого перерыва, после тяжелой кровавой борьбы мы снова собрались здесь, во Владивостоке, в этом «окне» Советской России, на берегах Великого океана, в этом центре интервенции на Дальнем Востоке. Здесь собрался Совет, и этот факт громче многих слов говорит нам о мощи Советской России, о силе международной пролетарской революции.

В борьбе за восстановление Совета во Владивостоке и во всех краях пролито много крови и еще будет пролита кровь, но рано или поздно советская власть восторжествует здесь...

Товарищи! Пусть мы здесь слабы, пусть нас может раздавить удар японского империализма, пусть этот удар разобьет Совет, но этот удар не может предотвратить неумолимый ход истории. В глаза угрожающего японского империализма мы смотрим открыто, мы смотрим как победители... Мы знаем, — пусть разгромят японцы Владивостокский совет, но живы будут Советы. С новой, во много раз большей силой поднимутся они не только у нас, но и в Японии...

Еще новые и новые жертвы будут вырваны из рядов борющегося пролетариата, но это не задержит его победоносного шествия».

ПОДЛОЕ НАПАДЕНИЕ

Японцы решили повторить попытку уничтожить наши силы в большом масштабе, по всему Приморью.

В ночь с 4 на 5 апреля японцами во Владивостоке был занят вокзал, затем — гауптвахта, телеграф, радио и комендант-

ское управление. Обстреляны и заняты здания земской управы, гостиница «Золотой Рог», штаб войск, тюрьма и пр. К утру весь город был в руках японцев. В результате выступления — сотни убитых и арестованных.

Как действовали японцы, видно из следующего рассказа.

«Вечером 4 апреля, — показывает очевидец, — мы с несколькими товарищами пили чай на вокзале. Было 10 часов. Вошел милиционер, предупредил публику о занятии вокзала японцами и просил очистить зал. При выходе из зала я увидел две роты японцев с офицерами, уже занимавшими вокзал. Японцы схватили меня за руку, сняли фуражку и хотели прострелить ее в том месте, где на ней находилась красная звезда. Потом сбили меня с ног и начали бить прикладами».

Японское осведомительное бюро сообщало о событиях 4 — 5 апреля, что будто бы неизвестные русские солдаты стреляли по гаражу японской базы снабжения и будто бы это послужило причиной занятия вокзала. Все показания очевидцев категорически опровергают это лживое утверждение.

Гревс в своей книге «Американская авантюра в Сибири» пишет:

«Выступление японцев явилось враждебной оккупацией Владивостока, сопровождавшейся бессмысленной, вызвавшей человеческие жертвы стрельбой на улицах.

Открыли стрельбу японцы. Сигналом для ее начала послужили две красные ракеты, которые видел американский офицер, стоявший на вахте американского судна».

После занятия вокзала и станции Владивосток японцы захватили станции Первая и Вторая Речки.

Штаб крепости был занят после предварительной разведки. Арестованных белогвардейских офицеров и бандитов японцы выпустили, взяв их под свое покровительство.

Японцы выпускали на свободу белогвардейцев и в других местах. Белогвардейцы под защитой японцев разгуливали в погонах, угрожая жителям близкой расправой.

По указанию освобожденных контрреволюционеров японцы расстреливали мирных жителей и солдат. Расправа с населением продолжалась всю ночь.

События 4 — 5 апреля в Корейской слободе, по сообщениям очевидцев, рисуются в следующем виде.

Рано утром слобода была оцеплена японскими войсками. Они открыли стрельбу из винтовок по зданию, где помещались редакция корейской газеты, лютеранская молельня, 28-е

городское училище, женская и воскресная школы. В здании находилась команда комендантской роты (около 50 человек), несшая охрану Корейской слободы. Солдат обезоружили, арестовали и связали им руки. При аресте их били прикладами, на улице заставили лечь в грязь и снова стали яростно избивать. Захваченное здание при уходе японцы подожгли.

По словам корейцев-очевидцев, из горевшего здания неслись отчаянные крики. К месту пожара японцы никого не подпускали. Сколько человек было там сожжено японцами, — выяснить не удалось.

После японские войска без всякого повода открыли по слободе ружейный огонь, от которого погибло несколько десятков корейцев.

При допросе японцы избивали корейских женщин, детей, стариков, пытаясь, где организаторы корейского национально-революционного движения.

Много корейских крестьян, рабочих, интеллигентов, борющихся за национальное освобождение своего народа, было убито японскими империалистами. В кровавые дни 4—5 апреля в Никольск-Уссурийске от рук японских палачей погиб старейший борец корейского национально-революционного движения П. С. Цой.

Зверства японских войск не прекращались и после 4—5 апреля. В комиссию по расследованию событий явился рабочий Коваленко и рассказал следующее:

«7 апреля, приблизительно в 6½ часов утра, я проходил по путям железной дороги вблизи Корейской слободы. Впереди меня шел японский патруль. Навстречу попался наш солдат в форме. Японцы приказали ему поднять руки вверх, а затем один из японцев ударил его в лоб штыком с такой силой, что выскочили мозги... Обыскав убитого, они забрали все документы... Там же, неподалеку, я видел лежавшие со стороны бухты трупы пяти корейцев и трех русских солдат».

Советский морской штаб во Владивостоке находился в таком месте, что пройти к нему можно было только мимо японского Красного креста.

4 апреля около 12 часов ночи из морской учебной команды сообщили, что высланный в морской штаб караул из 25 человек попал под сильный японский огонь около Мальцевского базара и вынужден был вернуться обратно. Ответного огня караул не открывал.

На обратном пути отряд был сильно обстрелян из винтовок и пулемета. И на этот обстрел отряд не отвечал, а пере-

Расстрелянные японцами рабочие города Спасска.

бежками укрылся в корпусе, занятом морской учебной командой. Тогда японцы, укрывшиеся под флагом Красного креста, перенесли огонь на здание морской учебной команды.

Японцы предательски пользовались и белым парламентарским флагом. Начальник морской команды рассказывает:

«Человек 40 японцев с белым флагом вошли со Светланской улицы в наш экипаж и направились в помещение, занимаемое японским Красным крестом. Вслед за тем экипаж стали окружать со всех сторон густые цепи японцев. Наши часовые у главных ворот экипажа были ими сняты и уведены неизвестно куда. Матрос, отправившийся для проверки постов, также был окружен японскими солдатами. Увидев, что его хотят арестовать, он бросился бежать обратно в помещение роты. Японские солдаты открыли по нему огонь. Матрос был ранен в правую руку, но все-таки вернулся в роту и доложил, что часовые сняты и арестованы, японцами.

Пулеметный и ружейный огонь из помещения Красного креста поддерживался японцами с самого рассвета. Обстреляны были фельдфебель и матрос. У корпуса № 7 к ним присоединился один чешский солдат. Из японского Красного креста открыли ураганный пулеметный огонь. Чешский солдат, пытавшийся перебежать первым, был убит».

Особенную злобу проявляли японцы против красного флага, красной звезды и других знаков принадлежности к революционной армии и коммунистической партии. Красные флаги срывались со зданий и с автомобилей и яростно уничтожались. На форменной военной одежде японцы прежде всего отыскивали и срывали красные звезды.

Японское командование делало все, чтобы не дать возможности ни русским властям, ни корреспондентам иностранных газет выяснить точное число убитых и арестованных советских граждан.

Зверства японского командования вызвали массовые протесты. Граждане, приходившие в комиссию, созданную приморским правительством для расследования событий 4—5 апреля, сообщали потрясающие факты, указывая места, где японцы зарывали свои жертвы.

Корреспондент «Чикаго Дейли Ньюс» мистер Пуд предоставил в распоряжение комиссии фотографические снимки открытых населением трупов людей, убитых и тайно зарытых японцами.

Вечером 5 апреля в Раздольном и во многих пунктах При-

морья японское командование пригласило для переговоров командиров наших частей. Все явившиеся на переговоры командиры были расстреляны.

На линии железной дороги Владивосток — Никольск-Уссурийск 5 апреля утром уже везде хозяйничали японцы.

Вот рассказ одного из пассажиров:

«На Барановском разъезде наш поезд был окружен японскими солдатами. Все мы были выведены из вагонов. Японский офицер совместно с есаулом Ширяевым (известный агент японцев из банды Калмыкова; в Иманском уезде его сворой замучены тысячи рабочих, казаков и крестьян) и еще одним русским офицером начали обходить выстроенных пассажиров. По указанию Ширяева и других русских белогвардейских офицеров японцы хватали и арестовывали «подозрительных». Ширяев и другой русский офицер были в японской форме. Нас, арестованных, японцы посадили в теплушку при своем бронепоезде. Одного из арестованных они убили и бросили под откос. Охранявшие нас японцы показали нам знаками, что то же самое ожидает и нас. В бронепоезде мы пробыли двое суток... Нас постоянно и без всякого повода избивали. Японские солдаты отобрали у нас все, что было ценного».

В районе южных постов — Славянка, Барабаш, Посъет, Новокиевск — японские части также выступили в ночь с 4 на 5 апреля, выполняя разработанный во всех деталях план.

В рапорте таможенному инспектору о выступлениях японцев в урочище Барабаш заведующий таможенным постом Кишкин сообщает:

«5 апреля около 2 часов дня к посту подошел японский отряд и потребовал сдать все оружие вверенного мне поста.

Я заявил, что мы, служащие таможенного учреждения, не являемся военной силой, охраняем границу русского государства от вторжения контрабандных товаров и что без оружия вести борьбу с контрабандистами мы не можем. При этом я сослался на случай насильственного освобождения контрабандистов, задержанных со спиртом. Японцы на это сказали, что японскими войсками занят весь Южноуссурийский край и что японский спирт не является уже контрабандным. При этом они заявили, что «теперь вообще от русских отходит инициатива пограничной охраны».

Из этих сообщений очевидно, что японские войска повсюду заранее знали, что 5 апреля весь Уссурийский край будет ими занят.

В Никольск-Уссурийске заседал съезд трудящихся Приморья и Амура. При захвате города японцами многие из делегатов съезда были убиты, многие арестованы, связаны по рукам попарно и избиты.

В Никольск-Уссурийске было убито несколько сот человек.

Профессиональные союзы ушли в подполье. Помещения их были разрушены, имущество расхищено японскими громадами.

События в Спасске развивались по тому же плану.

Механик Спасской авиамастерской рассказывает:

«Утром 5 апреля мастерская приступила к обычным работам. В районе станции Евгеньевки была заметная лихорадочная деятельность среди японских войск. Приблизительно в 7 часов утра в районе вокзала раздался револьверный выстрел, послуживший сигналом к японскому наступлению. Вскоре начался обстрел авиамастерской японцами одновременно с трех сторон без всякого предупреждения. Мастерские и невооруженные бойцы выскочили из вагонов и стали разбегаться в разные стороны. Некоторые, успевшие захватить винтовки, отступали, отстреливаясь. У вокзала расстреливали всех военных, взятых в плен с оружием в руках.

В спасском бою активное участие принимал весь командно-политический состав штаба командующего Спасско-Иманского района. Пробиваясь из окружения, бойцы подбирали раненых товарищей и уносили их с собой.

Японское командование надеялось неожиданным нападением 5 апреля нанести революционным частям войск Спасского района сокрушительный удар, овладеть их оружием и заставить их сдаться.

Однако японское командование не сумело выполнить намеченный им план.

Революционные части гарнизона Спасска и партизанский отряд оружия из рук не выпустили. Вместе с рабочими авиамастерских, авиашколой и железнодорожным батальоном они с боем, переходившим иногда в рукопашную схватку, пробивались через кольцо японских войск, нанесли им большой урон и ушли в сопки.

В 4 часа дня 6 апреля состоялось заседание городского самоуправления Спасска. Постановление заседания было передано японскому командованию 7 апреля, и в тот же день был получен ответ. В нем японцы писали:

«Проявление большевизма-коммунизма спасским времен-

ным городским самоуправлением японскими войсками ни в коем случае допущено не будет. Остальные политические убеждения преследоваться не будут».

Японская военщина решила, что управлять страной русский народ может только с разрешения японцев.

8 апреля к Спасску стали подходить революционные части, отступившие из Никольск-Уссурийска и Раздольного (конно-егерский драгунский полк и остатки инженерной роты). Они окружили Спасск 9 апреля утром и начали обстреливать город из бронепоезда. Огонь был сосредоточен по вокзалу Спасска и местам, где расположились японские части и их штаб.

11 апреля наши войска повели энергичное наступление. Передовые части заняли предместья Слободки, но, по приказу товарища Андреева, они были отведены. В течение 12 и 13 апреля наши части отошли на станцию Свягино. Потери японцев доходили до 500 человек.

Весь путь от Евгеньевки до Никольск-Уссурийска нашими войсками был испорчен, все мосты либо сожжены, либо взорваны. На работу для ремонта пути японцы насильственно сгоняли окрестное население.

Японское командование выпустило обращение к населению, в котором заявляло, что столкновение произошло якобы по вине русского командования, что они, японцы, «хотели вступить в переговоры, а русские открыли стрельбу». Это был обычный для японцев способ оправдания провокационных действий, который японцы продолжают применять и теперь в Манчжурии и Китае.

Выступление японцев в Хабаровске произошло следующим образом. Представитель японского командования 3 апреля объявил об эвакуации японских войск из Хабаровска. Однако скоро выяснилось, что это был обман с целью ослабить бдительность советской власти и командования хабаровского гарнизона.

Командующий японской армией в Хабаровске генерал Сиродзу лицемерно писал: «В стране водворился долгожданный порядок и мир, за сохранение и поддержание которого японцы боролись... Жалко покидать население Дальнего Востока, с которым мы познакомились так близко, так кровно, питая к нему самую теплую дружбу. Желаем полного успеха в строительстве и сохранении мира и порядка».

Японские военные после опубликования статьи генерала Сиродзу ходили по советским казармам и давали бойцам «по-

дарки» — чай, сахар, виски¹ и разные безделушки. В газете было помещено объявление о том, что 5 апреля, в 9 часов утра, японские войска будут проводить «практическую оружейную стрельбу», и поэтому японское командование просило не беспокоиться. Наше командование в данном случае не проявило достаточной бдительности и дало захватить себя врасплох.

За несколько дней до 4—5 апреля японские части устроили «репетицию» выступления. Они цепями пошли на наши казармы. Наши части, принимая оборонительное положение, также рассыпались в цепи. Прележав друг против друга несколько десятков минут, цепи расходились... Встревоженное действиями японцев, наше командование спрашивало их, что означает эта недопустимая «игра»... Японцы любезно улыбались и отвечали, что они проводят тактические занятия своих частей.

Утром 5 апреля японские войска в Хабаровске стали окружать наши казармы. Японские батареи ровно в 9 часов утра открыли оружейную стрельбу по государственным учреждениям, штабу революционных войск, по бывшему кадетскому корпусу, всинским казармам и общественным зданиям. Нанятая японцами банда вооруженных негодяев обливала горячим составом здания и поджигала их. Возникли большие пожары. Едкий дым окутывал Хабаровск. Шла ружейная и пулеметная стрельба, грохотали оружейные залпы. Японцы проявили невероятную жестокость. Они расстреливали мирное население, шедшее с базара и на базар, стреляли по школам, по рабочим домам, по крестьянам, приехавшим из деревень на рынок.

В «Правде» от 3 апреля 1937 года напечатан рассказ очевидца: «5 апреля... в ограду здания команды выздоравливающих вошли под командой японского офицера 40 японских солдат в сопровождении белогвардейского офицера. Было приказано выстроить всю команду в две шеренги. Стали вылезать на улицу—кто на костылях, кто без руки и т. д. ... Белогвардейский офицер, подойдя к шеренге калек, начал стрелять в упор из браунинга. Японский офицер, достав шпагу, подает команду своим солдатам, и они залпом из 40 винтовок начали расстреливать больных и калек...».

Наши войска оказали в неравном бою жестокое сопротивление. Они штыковыми ударами пробивались через густые цепи

¹ В и с к и — водка.

Плоды японской «цивилизации» на Дальнем Востоке. Сгоревшее здание в Хабаровске.

японцев, нанося им большие потери. Потеряв многих убитыми, советские части отошли на левый берег Амура, который был свободен от японцев.

В кровавые дни 4—5 апреля наша партия и рабочий класс понесли большие потери. Были замучены и сожжены в топках паровозов председатель Военного совета, вождь дальневосточных партизан товарищ Лазо, члены Военного совета товарищи Луцкий, Сибирцев, командующий Никольск-Уссурийским районом товарищ Андреев. Об этой дикой расправе японских империалистов и их наемников-белогвардейцев с руководящими военными и политическими работниками Дальнего Востока читинская газета «Дальневосточный телеграф» осенью 1921 года писала:

«Из следственной комиссии во Владивостоке, Полтавская, 3, арестованные товарищи Лазо, Луцкий и Сибирцев были переведены в японский штаб, а оттуда позже в японскую контрразведку на Китайской улице, откуда числа 15—20 апреля были переведены ночью на Первую Речку в распоряжение японских войск. Дальше трагедия переносится на Иман-Уссури. После заключения мирного соглашения между японцами и приморским временным правительством японское командование занимало всю магистраль Уссурийской железной дороги, а наши части ушли за тридцативерстную полосу.

Числа 25—28 мая в почтовой теплушке японцы привезли товарищей на Уссури (депо Иманского района).

В районе Иман-Уссури «действовал» в это время бочкаревский белобандитский отряд под руководством японского командования. Японцы в мешках передали товарищей бочкаревым. Последние перенесли их в депо, где, согнав бригаду с одного из паровозов (номер был установлен), затащили эти мешки в паровозную будку.

Первым был сожжен товарищ Лазо, которого вынули из мешка и хотели живым затолкать в топку. Завязалась борьба. Товарищ Лазо, обладая большой физической силой, уперся руками. Удар по голове лишил его сознания, и он свободно был протолкнут. Эту сцену видел один человек из паровозной бригады, который опознал товарища Лазо, когда его вытаскивали из мешка. Сцена борьбы, вероятно, утомила этих негодяев. С другими товарищами было поступлено иначе: они были убиты в мешках и затем уже брошены в топку».

Советские представители в русско-японской согласительной комиссии по ликвидации событий 4—5 апреля товарищи Уткин и Граженский были убиты японскими наймитами — бело-

гвардейскими офицерами — в поезде комиссии, которая находилась под «охраной» японских войск. Погибло много наших партизан и красноармейцев.

В самом начале выступления японцев в ночь на 5 апреля во Владивостоке был организован революционный штаб. В его задачи входило руководство парторганизацией, перевод ее на нелегальное положение, вывод войсковых частей и расположение их в местах, исключающих возможность неожиданного нападения японских войск.

Ревштаб снабжал отступающие части деньгами, продуктами питания, вооружением, медикаментами и т. д.

Ревштаб устанавливал связь с частями наших войск, отступивших из Шкотово, Владивостока, Никольск-Уссурийска, Раздольнинского, Спасского районов и других мест, усиливал их политсостав, давал указания о направлении движения. Ревштаб выделил уполномоченных на железную дорогу, в военный порт, в Добровольный флот и в важнейшие места области, взяв их под свое наблюдение и контроль.

В задачу Советов не входило концентрировать силы в Приморье. Основная задача была — разбить забайкальскую пробку и соединиться с советской Сибирью. Поэтому революционный штаб вынес решение: всем частям отходить за Амур и двигаться в Забайкалье. Было очевидно, что за Владивосток придется дольше всего сражаться, так как это последний пункт советской территории, где японцы попытаются удержаться.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ РЕСПУБЛИКА

Советские войска не поддались на японскую провокацию. Выполняя директиву советского правительства, они не вступали в вооруженные столкновения с японцами. Еще не были ликвидированы польский и врангелевский фронты, и вступать в решающую борьбу с японскими интервентами было преждевременно.

Чтобы избежать непосредственных столкновений с японскими войсками, было организовано «буферное государство». 22 октября в Чите состоялась конференция по объединению областей Дальнего Востока в Дальневосточную народную республику.

Японские власти заявили:

«Японское императорское правительство не может терпеть, что Читинское правительство ДВР, проникнутое большевист-

скими идеями, могло иметь твердую почву для дальнейшего развития».

В противовес ДВР японцы создали в Приморье «правительство» во главе с бывшими купцами братьями Меркуловыми. Усилился террор во Владивостоке, был введен двенадцатичасовой рабочий день, рабочим не выдавали заработной платы. Во Владивостоке уже было 15 000 безработных.

Японские империалисты старались начисто ограбить Владивостокский порт. Они вывозили на миллионы рублей разных ценностей.

Партизаны не прекращали борьбы. Они захватили катера «Павел», «Амур», затем в Советской гавани был захвачен крейсер «Лейтенант Дыдымов». Работали нелегальные партийные и профсоюзные организации.

По мере укрепления международного положения Советской России советское правительство все более настойчиво требовало прекращения японской интервенции.

Наши делегаты на Вашингтонской конференции в конце 1921 и начале 1922 годов опубликовали секретные документы, разоблачавшие новую подготовку японцами белогвардейских выступлений для вооруженного захвата Дальневосточного края.

Японский министр иностранных дел Уцуда заявил в парламенте, что никаких захватнических целей Япония в Сибири не преследует. Наша делегация ответила, что японское заявление — обман и маневр для отвлечения внимания иностранцев, главным образом американцев, от истинного положения на Дальнем Востоке, и требовала немедленного увода войск из Приморья. Японцы ответили, что их войска с нашей территории будут выведены, но не указали срока.

Японская военщина решила доказать, что она не оккупирует русскую территорию против воли ее населения, а поддерживает «местные силы». С этой целью она организовала поход генерала Молчанова.

ГЕНЕРАЛ В МОСКВУ СОБРАЛСЯ, В ВОЛОЧАЕВКЕ ПОПАЛСЯ

Еще до Вашингтонской конференции японцы бросили все силы контрреволюции, скопившиеся в Приморье, в бой против Народно-революционной армии. Они пропустили их через «нейтральную зону», снабдили их оружием и снаряжением.

Так в ноябре 1921 года началось наступление белогвардейцев, объявивших о новом походе «на Москву».

Однако силы революции на Дальнем Востоке все время

росли. НРА¹ преградила путь белым и перешла в наступление.

28 декабря 1921 года части НРА под станцией Ин нанесли белогвардейцам первый серьезный удар. Наступая на станцию Ин, белогвардейцы двинули глубоко в наш тыл Камский пехотный полк. Партизанский отряд Петрова-Тетерина, стремительно окружив этот полк, вступил с ним в бой при поддержке бронепоезда № 8. Камский полк был уничтожен почти целиком. Не повезло также главным силам белых под станцией Ин. Потеряв 332 человека ранеными и убитыми и 50 человек пленными, до 100 лошадей и 2 пулемета, белые отошли к Волочаевке. После инского боя белогвардейцы сильно укрепили позиции у Волочаевки и считали их неприступными.

11 и 12 января 1922 года части НРА повели первое наступление на Волочаевку. Белые превосходили наши силы и по количеству и по своей боевой подготовке. Они пропустили наступавшую сводную бригаду НРА к Волочаевке и нанесли ей удар с флангов. Части бригады отошли к станции Ольгохта. Вышедший в тыл Волочаевки у Дежневой партизанский отряд также не имел успеха и ушел в сопки. Первое наше наступление не удалось.

В это же время, в ночь с 11 на 12 января, другой партизанский отряд, действуя в тылу врага, ворвался в Хабаровск. Налет имел целью нанести удар резервам белой армии в Хабаровске, уничтожить штаб Молчанова и оттянуть белые части с восточного фронта.

Приамурские партизаны, обезоружив команду на радиостанции вблизи Хабаровска, заручившись паролем и снимая на пути патрули, беспрепятственно вошли в город. Неожиданное нападение партизан внесло панику в ряды белых. На сторону партизан перешла часть каппелевских солдат.

16 января партизанский отряд окружил деревню Князеволконку и в течение часового боя уничтожил весь гарнизон белогвардейцев. Появление партизан в Хабаровске и в его районе заставило белогвардейцев оттянуть с волочаевского фронта некоторые свои части для укрепления тыла.

Во второй половине января 1922 года для единого руководства партизанским движением был организован штаб партизанских отрядов Приморья. Вся Приморская область была разделена на следующие районы: Сучанский — с отрядом в 443 штыка, 60 сабель, 5 пулеметов; Никольск-Уссурий-

¹ Народно-революционная армия.

ский — 146 штыков, 12 сабель, 1 пулемет; Спасский — 60 штыков, 3 сабли, 3 легких пулемета; Ольгинский — 240 штыков, 3 пулемета, 45 сабель; Анучинский — 511 штыков, 13 пулеметов, 3 орудия конной батареи; Ханкайский и Иманский. Кроме того на линии железной дороги между Владивостоком и Иманом действовали две подрывные группы, подчинявшиеся непосредственно штабу партизанских отрядов. Ему же подчинялся корейский партизанский отряд.

Учтя опыт боев 11—12 января, части НРА вели усиленную боевую подготовку.

5 февраля была занята нами станция Ольгохта. В течение 6, 7, 8 и 9 февраля части НРА с упорными боями двигались к Волочаевке, прикрывавшей подступы к Хабаровску.

Район Волочаевки, всего 18 километров по фронту, был сильно укреплен инженерными сооружениями. Он имел стрелковые и пулеметные окопы, несколько рядов проволочных заграждений и отлично оборудованные артиллерийские позиции.

На волочаевском фронте ко дню боя у белых было 3 500 штыков, 1 300 сабель, 99 пулеметов, 11 орудий и 3 бронепоезда.

10 февраля началось общее наступление на Волочаевку. Увязая в глубоком снегу при сорокаградусном морозе, бойцы мужественно шли в атаку. Однако к 5 часам вечера 10 февраля атака была отбита на всем фронте.

Один из командиров пишет:

«Ужаснее всего была наша беспомощность перед проволочными заграждениями: ни ножниц для резки проволоки, ни топоров у нас не было...

На южном участке фронта рота 6-го пехотного полка мужественно и упорно преодолевала проволоку, другая рота поддерживала ее, но обе эти геройские роты все же не смогли прорваться через заграждения и целиком погибли».

В 8 часов 12 февраля с помощью подошедших бронепоездов № 8 и 9 атака Волочаевки возобновилась. Около 10 часов 6-й пехотный и 3-й Читинский полки пошли на штурм, бронепоезд № 8 атаковал бронепоезд противника и, заставив его уйти, ворвался в расположение пехотных частей белых. Кавэскадрон Особого амурского полка вышел в тыл противника и поджег деревянный мост в 6½ километрах за Волочаевкой. Части белых дрогнули и стали откатываться. В 11 часов 12 февраля волочаевская укрепленная позиция уже была в наших руках.

Жестокий, поистине легендарный волочаевский бой дал

Волочаевский бой. У проволочных заграждений.

блестящие результаты. Заняв Волочаевку, части НРА 12 февраля совершенно очистили левый берег Амура от белогвардейских войск и, преследуя их, 14 февраля вступили в Хабаровск, радостно встреченные населением.

Отступавшие белые части преследовались нашей армией и всюду терпели поражение.

ИНТЕРВЕНТЫ ОТКАТЫВАЮТСЯ К МОРЮ

Даже в самом Владивостоке партизаны производили смелые налеты. Партизанский отряд захватил у белых парусно-моторную шхуну «Михаил» и, отправившись на ней к острову Аскольд, занял радиостанцию.

На перегоне Мучная — Манзовка партизанский отряд взорвал японский воинский поезд. Были разбиты четыре вагона с военным грузом, остальные вагоны сброшены под откос.

Видя полный разгром белогвардейцев, японцы спешили им на помощь, укрепляя свои гарнизоны в городах, находившихся еще в руках белогвардейцев, и в других важных пунктах Приморья.

После боя на бикинских позициях белогвардейцы поспешно отошли и укрылись в «нейтральной зоне». Это было нарушением нашего договора с японцами, заключенного 29 апреля 1920 года, согласно которому была установлена «нейтральная зона» — 30-километровая полоса между рекой Иман и станцией Уссури.

Преследуя белогвардейцев, наши части 2 апреля 1922 года подошли к станции Евгеньевке и Спасску, где находился значительный гарнизон японских войск с броневиками и 52 орудиями полевой артиллерии. Наше командование вступило с японцами в переговоры. Во время переговоров японцы неожиданно открыли огонь по нашим частям. 47 бойцов были убиты и ранены.

Японцы, сбросив с себя маску нейтралитета, перешли в наступление. Это было того же 2 апреля 1922 года, когда в Вашингтоне делегат Японии барон Шидехара заявлял, что никакого вмешательства во внутреннюю борьбу в Приморье со стороны японцев не было.

В Приморье японские интервенты все больше и больше теряли почву под ногами. Буквально все трудовое население восстало против захватчиков. На новое наступление японских войск против НРА трудящиеся Приморья ответили новыми ударами по японским тылам.

18 июня 1922 года отряд партизан сделал налет на пороховой склад Русского острова и забрал 60 пудов динамита, бикфордов шнур и капсюли.

Того же 18 июня партизанский отряд имени РКСМ устроил засаду и напал на крупный японский отряд, направлявшийся в деревню Кондратенково. Завязался бой. Ввиду обхода японцев с фланга и сильного артиллерийского обстрела комсомольский партизанский отряд отошел. Японцы заняли Кондратенково, но на другой день ушли обратно.

Партизаны громили также японских наймитов — каппелевцев. Под городом Ольга партизанский отряд напал на каппелевцев. Бой продолжался около часа. Каппелевцы отошли в город, потеряв двух убитыми и семь тяжело ранеными.

Партизанские отряды все ближе и ближе подходили к городам, где еще находились десятки белых под защитой своих хозяев-японцев.

Дачные места Владивостока и Никольск-Уссурийска стали объектом нападений партизанских отрядов.

22 июня партизаны близко подошли к Владивостоку и заняли многие дачные местности около города.

23 июня на перегоне разъезд Озерный — станция Ипполитовка подрывная команда партизан спустила под откос японский бронепоезд. 24 июня партизаны подошли к форту № 6 Владивостокской крепости и обстреляли японские казармы.

27 июня около станции Ипполитовка партизанами был сфужен под откос второй японский бронепоезд с пятью вагонами.

Японские интервенты чувствовали, что почва уплывает у них из-под ног во Владивостоке. Они призвали к себе на помощь все реакционные силы бывшей царской России. 23 июня 1922 года во Владивостоке был созван земский собор из попов, кулаков, купцов, генералов и других продавшихся японским империалистам людей. Земский собор избрал генерала Дитерихса «правителем Приамурского края». «Правительство» Дитерихса было последней соломинкой, уцепившись за которую японские интервенты пытались удержаться в Приморье.

Но не в силах был Дитерихс помочь японцам и остановить разбушевавшееся партизанское движение. К концу июня — началу июля взрывы мостов и порча полотна Уссурийской железной дороги стали повторяться все чаще и чаще.

За два дня — 9 и 10 июля — по всей Уссурийской железной дороге и Сучанской ветке партизанами было взорвано четыре моста и на значительном расстоянии уничтожен путь.

Были сброшены под откос три товарных поезда и уничтожен японский бронированный вагон.

Японское командование, видя, что удержаться ему не удастся, начало разрушать крепость Владивосток. 12 июля японцы взорвали крепостной форт № 7. Населению японцы объяснили, что это учебная минная работа японских сапер. Русское военное имущество, оцениваемое в сотни миллионов рублей, все время вывозилось японскими пароходами в Японию и Корею.

Победы НРА и партизан заставили японских дипломатов заговорить с ДВР другим языком.

19 июля японский генеральный консул Яманучи обратился к особо уполномоченному ДВР с заявлением о том, что «японское правительство решило произвести полную эвакуацию японских войск из Приморья не позднее 1 ноября и изъявляет свое согласие на участие в конференции с участием представителей РСФСР».

Конечно, на захватнических планах Японии на Дальнем Востоке и в Сибири сказывались также последствия экономического кризиса, развертывавшегося в Японии. За первые пять месяцев 1922 года из наличного золотого фонда в 550 миллионов иен ушло за границу 350 миллионов, или почти 64 процента. Япония уже израсходовала на интервенцию свыше 600 миллионов иен и понесла большие потери людьми.

Японские коммунисты успешно боролись за организацию лиги против интервенции в России («Тайро хикансе Досикай»).

Коммунистическая партия Японии выдвигала лозунги о немедленной и полной эвакуации японской армии из Приморья, об установлении торговых сношений с Советской Россией и ее признании «де-юре».

Японский генерал Тачибана 18 августа отдал приказ о том, что эвакуация японских войск из Приморья должна начаться 26 августа.

Устанавливая на словах для успокоения и усыпления масс сроки эвакуации своих войск, японские интервенты в то же время прощупывали штыком прочность нашего сопротивления на Дальнем Востоке.

1 августа 1922 года японцы повели наступление на партизанские части Никольск-Уссурийского района, находившиеся в долине реки Раковки.

Партизаны ответили тем, что в Приханхайском районе спустили под откос японский бронепоезд, а в ночь на 6 августа

на перегоне Голенки — Липовцы взорвали другой японский бронепоезд.

19 августа японцы повели наступление в Сучанском районе на расположившуюся у деревни Перетино роту 3-го партизанского батальона, но, потеряв трех убитыми и четырех ранеными, отошли. Мало того, японские интервенты готовились 26 августа 1922 года сосредоточить «армию воеводы Дитерихса» около Спасска и перенести ставку Дитерихса в Никольск-Уссурийск.

Видно было, что японские интервенты из кожи лезут вон, чтобы остаться в захваченном ими Приморье. Большевики Дальнего Востока это понимали, и под их руководством партизаны не давали японским захватчикам и их соратникам-дитерихсовцам ни часу покоя. 23 августа около станции Угольная партизаны взорвали каппелевский воинский эшелон, направлявшийся в сторону Никольск-Уссурийска.

Конференция для переговоров с ДВР была назначена японцами на 4 сентября 1922 года в Чанчуне, но, по распоряжению начальника японского генерального штаба, белогвардейцы продолжали получать оружие.

Натиск партизан на Владивосток все усиливался. 13 августа Владивосток был окружен сплошным кольцом партизанских отрядов. Они появились на Первой Речке, на Русском острове, на окраинах города.

24 августа на 35-м километре Сучанской ветки партизаны взорвали фугасом эшелон белых.

26 августа в Сучанском районе партизаны сделали налет на склад офицерских вещей в бухте Горностая и захватили много обмундирования.

27 августа в Спасском районе подрывная команда партизан свалила 15 телеграфных столбов на тракте Татьянавка — Спасск, сняла 500 метров телефонного кабеля и к каждому сваленному столбу привязала воззвание на японском языке.

29 августа партизанский отряд напал на каппелевскую кавалерию, расположившуюся в деревне Речице, и разогнал ее.

31 августа в Никольск-Уссурийском районе подрывная команда партизан взорвала каппелевский бронепоезд, состоявший из броневика и девяти вагонов.

Во время конференции в Чанчуне японские интервенты новым наступлением в Приморье попытались влиять на ход переговоров.

8 сентября японцы в Посьетском районе повели наступление

на партизанский отряд, который ответил контрнаступлением. Японцы в панике бежали.

На другой день, 9 сентября, японцы и каппелевцы вновь повели наступление, но были отбиты сильным пулеметным и ружейным огнем. Отступив на километр и приведя свои силы в порядок, они снова начали наступать. Бой продолжался до темноты. Японцы и каппелевцы отступили, понеся большие потери.

Того же 9 сентября японцы вместе с каппелевцами повели наступление на партизанский отряд, расположенный в верховьях реки Сидими.

На удары японцев и каппелевцев партизаны отвечали еще более сильными контрударами. 15 сентября спасским партизанским отрядом в районе разъезда Дроздов были взорваны бронепоезд и эшелон каппелевцев.

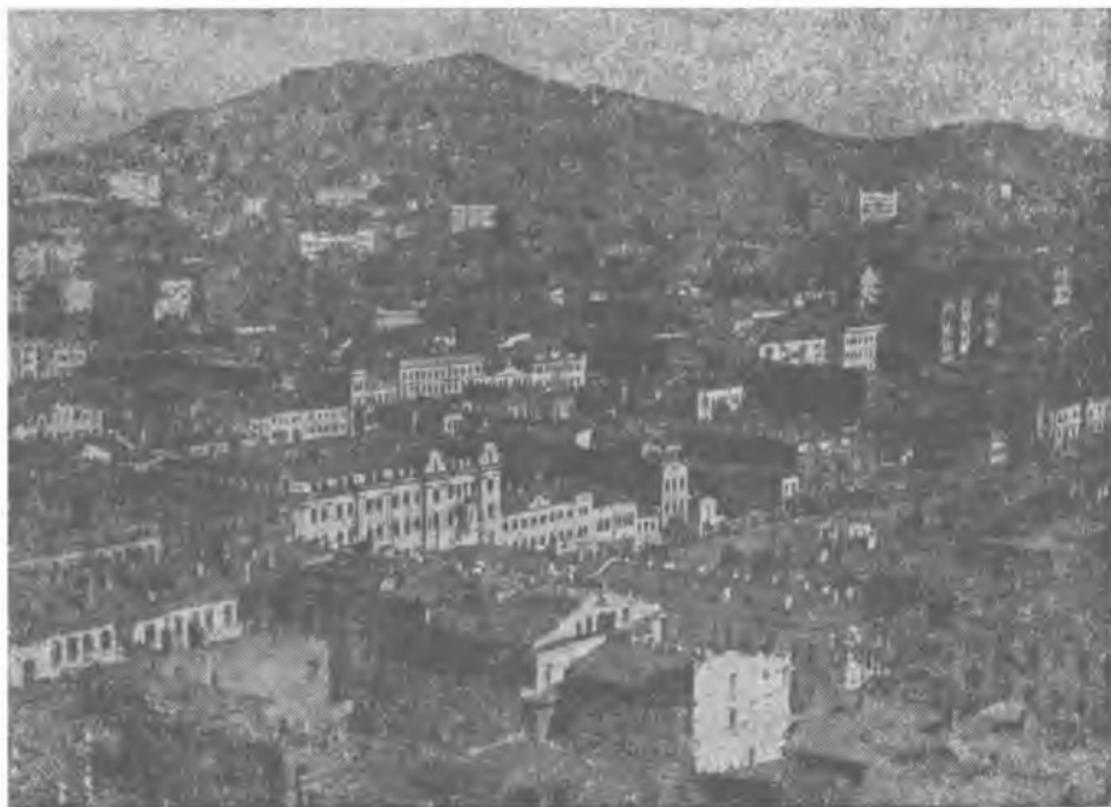
Чанчуньская конференция закончилась 25 сентября 1922 года, не дав никаких результатов. Но требования наших дипломатов вскоре были подкреплены действиями Народно-революционной армии.

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

С каждым днем росла и крепла мощь Страны советов. Было ясно, что дни последнего интервента, оставшегося на советской территории — японской военищины, — уже сочтены.

6 октября 1922 года у деревень Краевская и Духовская и станции Свиягино «рать» Дитерихса была разбита. В этом бою части НРА захватили 2 орудия, 12 пулеметов и почти полностью уничтожили Корниловское военное училище. Было взято в плен 60 юнкеров. Убитыми и ранеными белые потеряли до 200 человек. Белые спешно отходили к укрепленному району Спасска.

В 5 часов 30 минут 8 октября части НРА перешли в атаку на Спасск. Ожесточенные бои шли весь день. С рассветом 9 октября штурм Спасска возобновился. К 9 часам 9 октября 6-й Хабаровский полк занял форт № 7 и продолжал наступление по улицам города. В 9 часов 30 минут батальон Волочаевского полка овладел фортом № 5, а 5-й Амурский полк — станцией и поселком Евгеньевка. К 14 часам 25 минутам был занят весь Спасский укрепленный район. Были захвачены штаб генерала Молчанова и знамя генерала Каппеля, две батареи артиллерии, бронепоезд и 284 человека пленных. В бою под Спасском белые потеряли много убитыми и ранеными.

Владивосток.

У одного только форта № 5 волочаевцы в штыковом бою закололи 50 белых солдат и офицеров.

Белые еще раз попытались задержаться под Монастырищем, но были разбиты. В этом бою особенно отличилась дивизионная школа 2-й Приамурской дивизии. Имея в своем составе 240 человек, школа сдержала натиск в десять раз превосходившего ее численностью противника. Из 240 курсантов осталось в живых 67 человек. Белые понесли от огня школы огромные потери. На участке школы части НРА подобрали одних убитых белогвардейцев 620 человек.

Все оставшиеся в живых 67 курсантов были награждены орденами Красного знамени.

НРА наголову разбила «земскую рать» генерала Дитерихса и около 13 часов 19 октября была уже в 9 километрах от Владивостока.

Но здесь путь НРА на Владивосток преградили части японской армии.

Командующий японскими оккупационными войсками генерал Тачибана в дерзкой форме потребовал от командования НРА, чтобы оно отдало своим частям приказ отойти, а представитель японского министерства иностранных дел во Владивостоке грозил приостановить эвакуацию, если произойдут столкновения. Расчет был на то, что не выдержат нервы красноармейцев и командиров: сами заговорят винтовки, пулеметы, пушки.

Провокация нового кровопролития японцам не удалась. Победили выдержка, высокая сознательность и дисциплина НРА. Взбесившейся японской военщине было разрешено отступить по-добру, по-здорову.

Японское командование стало затягивать переговоры о вступлении НРА во Владивосток, но, увидя, что они окружены несокрушимой стеной народно-революционных войск, японские интервенты вынуждены были подписать 24 октября на разъезде Седанка под Владивостоком соглашение об очищении японскими войсками Владивостока и прилегающих островов не позже 16 часов 25 октября 1922 года.

Вооруженные рабочие и крестьяне заставили японских интервентов с позором убраться с советской земли.

Численное превосходство японских сил, военная техника и помощь интервентских частей других государств давали возможность японской военщине на протяжении почти пяти лет чинить неслыханные зверства над мирным населением, создавать и поддерживать угодные ей «правительства» и безнака-

занно грабить народное достояние Советской республики. Но японская армия была сильной только при расправах над мирными, безоружными жителями деревень и городов Дальнего Востока. В столкновениях же с плохо вооруженными и плохо обученными партизанами и частями Красной гвардии японские части почти всегда терпели не просто поражение, а полный разгром.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОВЕТСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК!

25 октября 1922 года трудящиеся Владивостока радостно встретили входившие стройными рядами в город боевые героические части НРА. Это была незабываемая картина... Войска вошли под несмолкаемые ликующие приветствия всего трудящегося населения, засыпаемые цветами.

Почти пять лет интервенты и их наемники — белогвардейцы — нечеловеческими мучениями терзали население русского Дальнего Востока. Десятки тысяч лучших сынов и дочерей Советской России отдали свою жизнь за Советы. Трудящиеся Дальнего Востока, воспитанные партией Ленина — Сталина, разбили все планы врагов.

«Правда» писала 11 ноября 1936 года:

«Дальневосточный край моложе других краев, областей, республик в нашем Союзе. Японские генералы упрямо цеплялись за него, когда все и всякие другие генералы были уже сброшены в море, отбиты и ясно стало, что интервенция безнадежна.

Огромное расстояние отделяло Дальний Восток от всей страны. Отсталая техника, разрушенный транспорт делали это пространство трудно преодолимым. Дальний Восток был действительно далек.

Он все же отстоял себя своими силами».

«Правда» подчеркивает, что «большевики Дальнего Востока вписали в историю пролетарской революции одну из наиболее ярких, наиболее героических страниц. Тайга стала крепостью обороны. Она родила партизан, «штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни».

Рядом с именами Чапаева и Щорса имя Лазо огненными буквами вписано в историю социалистических побед».

Ленин по поводу занятия Владивостока красными войсками послал на имя председателя правительства ДВР следующую телеграмму, помещенную в газете «Красное знамя» (№ 29 за 1922 год).

«ПРИВЕТ ОСВОБОЖДЕННОМУ ПРИМОРЬЮ

Чита. Председателю Совета Министров Дальне-Восточной Республики

К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории Р.С.Ф.С.Р. и союзных ей республик от войск иностранцев-оккупантов. Занятие народно-революционной армией Д. В. Р. Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма. Приветствуя с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную армию, прошу правительство Д. В. Р. передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и гор. Владивостока привет Совета Народных Комиссаров Р.С.Ф.С.Р.

Председатель Совнаркома Р.С.Ф.С.Р.
Ульянов (Ленин). 26.X. 1922 г.»¹.

16 ноября ВЦИК постановил:

«Объявить Дальневосточную республику в теперешних ее пределах, включая оккупированную иностранными войсками зону, нераздельной составной частью РСФСР».

20 ноября в своей речи на пленуме Московского совета Ленин говорил:

«Вы знаете прекрасно, сколько жертв принесено при достижении того, что сделано, вы знаете, как долго тянулась гражданская война и сколько сил она взяла. И вот, взятие Владивостока показало нам (ведь, Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенький), показало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям. И здесь и там — Р.С.Ф.С.Р. Это стремление избавило нас и от врагов гражданских и от врагов внешних, которые наступали на нас. Я говорю о Японии»².

В область прошлого, и — сколько бы ни мечтали о новой интервенции империалисты и фашисты Запада и Востока — в область невозвратного прошлого, ушло время, когда на советской земле хозяйничали войска захватчиков.

Вся Советская страна под руководством ВКП(б) и ее вождя товарища Сталина укрепляет наш Дальневосточный край, строит в нем новые города, заводы, фабрики, колхозы и сов-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 310.

² Там же, стр. 362.

хозы, делает жизнь населяющих его многочисленных народов счастливой и радостной на основе Сталинской Конституции.

Эту радостную жизнь зорко охраняет доблестная Рабоче-крестьянская Красная армия. Японская военщина до сих пор еще мечтает о захвате нашего Дальнего Востока. Япония в союзе с германским фашизмом готовит новое нападение на нашу родину.

Империалистам Японии и Германии помогали в этом гнусные троцкистско-бухаринские предатели и изменники родины — негодяи, проклятые и презираемые всем советским народом и его многочисленными друзьями во всем мире. Враги просчитались, и всякое новое покушение фашистских шпионов и убийц на мощь и независимость Советского Союза будет в корне и беспощадно пресечено.

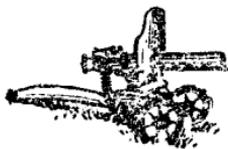
Мощь нашего великого народа и его любимого детища — Красной армии — несокрушима.

Вождь Красной армии маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов заявил:

«Мы все, как один человек, убеждены не только в том, что мы отстоим свой Дальний Восток, но и выйдем победителями из любой войны, если нам ее навяжут».

Мы твердо и уверенно знаем, что никогда

Над нашим
Над Дальним Востоком
Знаменам чужим не бывать.

III. ПРЕДМЕТНЫЕ УРОКИ ЯПОНСКИМ САМУРАЯМ

1922—1937 г.

Майор А. АГЕЕВ

Депутат Верховного Совета СССР

НА СТРАЖЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ

С тех пор, как дальневосточные рабочие и крестьяне героическим натиском очистили свой край от полчищ японских интервентов и их белогвардейских прихвостней, японский империализм начал лихорадочно готовить всякие провокации против Советского Союза. Японские империалисты никогда не отказывались от своих захватнических планов в отношении нашей родины. Бешеная злоба к социалистическому государству рабочих и крестьян соединялась у этих господ с волчьим аппетитом к чужой земле. В 1927 году премьер Танака в своем пресловутом меморандуме «О позитивной политике в Манчжурии» откровенно писал: «Раньше или позже нам придется... воевать с Советской Россией».

В период 1924—1931 годов японские империалисты усиленно пользовались услугами своих агентов из среды продажных китайских генералов. Наиболее крупной из подобного рода провокаций был захват КВЖД и нападение на советские границы, организованное японским агентом Чжан Сюэ-ляном в 1929 году. Известно, чем закончилась эта провокация. Красная армия показала всему миру, как опасно искушать терпение Советской страны и нарушать спокойствие

советских границ. Однако и это не смогло остановить поджигателей войны из лагеря японской военщины.

Основным методом японских провокаций становится засылка банд на советскую территорию и нарушение границы сначала мелкими, потом все более и более крупными отрядами. Славные пограничные части Дальнего Востока ликвидировали за период 1927—1937 годов свыше 150 белогвардейских банд, снаряженных и засланных на нашу территорию японским империализмом. Не ушли от рук пограничников-чекистов сотни гадов из троцкистско-бухаринской шпионской шайки наемников японского фашизма. В отряде, которым я командовал (район Гродекова), за десять лет (с 1925 по 1935 год) было задержано: нарушителей — 31 092, шпионов — 384, диверсантов — 37, бандитов — 216, контрабандистов — 9 679; было изъято оружия за два года: винтовок — 3 847, револьверов — 1 077, пулеметов — 2, гранат — 92, патронов — 18 140.

На долю пограничников Дальнего Востока выпала высокая честь охранять рубежи социалистической родины в труднейших природных условиях против коварнейшего и подлейшего врага. Пограничники-дальневосточники, преследуя нарушителей, преодолевают таежные дебри и болотную топь, обрывистые склоны сопок и глубокие пади. Верные сыны родины, безгранично преданные партии Ленина—Сталина, воспитанные на славных традициях Феликса Дзержинского, руководимые славным сталинским наркомом ~~_____~~ пограничники-дальневосточники с честью несут железный караул на дальневосточной границе.

Провокации на дальневосточной границе особенно усилились после захвата японской военщиной Манчжурии в 1931 году. Японцы формировали отряды белогвардейцев и засылали их на советскую территорию с целью захвата наших пограничников и колхозников. Часто японские отряды переходили границу и нападали на наши пограничные наряды.

В этот период японцы пытались нарушать границу мелкими отрядами, так как рассчитывали, что им легко будет захватить нашего пограничника или колхозника; они не ожидали встретить здесь серьезного сопротивления. Но получилось совершенно обратное: наши пограничные наряды, численностью в несколько раз меньше японских, неизменно отбивались от налетов японцев, и даже были случаи, когда небольшие наряды наших пограничников задерживали более крупные группы японцев.

В марте 1935 года на заставе Сианхе наряд из двух крас-

ноармейцев — Сырчикова и Ферапонтова, — обходивший один из особенно пересеченных таежных участков границы, обнаружил след, который шел из-за кордона на нашу территорию. Казалось, что это прошел один человек. Но зоркий глаз пограничника-чекиста сразу заметил, что по одному следу шло несколько человек. Люди шли, как волки.

Наш наряд начал преследовать нарушителей и, пройдя около двух километров, обнаружил группу японских воинских чинов. Один из них оказался офицером.

Наряд наш решил задержать их. Японцы начали подниматься по склону крутой сопки. Ферапонтов, маскируясь кустарниками и деревьями, сумел незаметно для японцев зайти вперед, а Сырчиков пошел за японцами и, неожиданно выскочив из-за деревьев, крикнул «стой!» и выстрелил вверх. Японские солдаты и офицер обернулись, залегли и начали заряжать винтовки. В эту минуту Ферапонтов, находившийся метрах в пяти сзади японцев, выскакивает и бросается прямо на них. Он сумел вынуть у японских солдат все затворы из винтовок, после чего обезоружил офицера. Этот самурай был настолько нахален и самоуверен, что, вторгаясь на чужую территорию, даже не зарядил парабеллум, который держал в руке. Поэтому Ферапонтову было легко его обезоружить. Офицер кричал что-то на своих солдат, чтобы они действовали, но солдаты растерялись.

Когда японцев привели на заставу, офицер построил солдат и доложил мне о том, кто он есть и откуда прибыл. После этого он стал просить, чтобы я отправил его за кордон. Но мне пришлось сначала посадить всех их в баню и предбанник — это была первая мера пресечения. После, на допросе, на вопрос, какие он имеет жалобы на грубость или неправильные действия нашего наряда, японский офицер заявил, что никаких претензий он не имеет, но обижен и оскорблен тем, что простой рядовой солдат посмел разоружить японского офицера. На это ему ответили, что наши красноармейцы так воспитаны, что не только офицера, но и генерала обезоружат.

Другому наряду — также из двух человек — удалось задержать трех японских воинских чинов, один из которых оказался переодетым офицером, а остальные — солдатами.

При обыске у японцев был найден тонкий крепкий шпагат толщиной с мизинец. Вооружены они были винтовками и маузерами. На мой вопрос, зачем им понадобилась веревка, офицер ответил, что это нужно для того, чтобы носить вещи. При этом он цинично усмехался. Ясно было, что веревка по-

надобилась японцам для того, чтобы связать наш наряд. Мы знали, что японцы получали от своего командования задания не только разведывать нашу территорию, но и задерживать наши наряды и живыми или мертвыми доставлять их в штаб. С «охотой» на пограничников у японцев ничего не получалось, а наоборот, бывало так, что наши наряды ловили таких «охотников» и приводили их обезоруженными на заставу без помощи шпагата.

Для японского самурая характерно сочетание нахальства и трусости. На одной из застав, соседних с заставой Сианхе, произошел любопытный случай. Четыре японских офицера перешли границу, забрались в заброшенную корейскую фанзу и начали оттуда делать снимки участка, прилегающего к нашей территории. Начальник заставы с двумя бойцами подкрался к фанзе, и каждый схватил по одному нарушителю. Четвертый нарушитель сумел убежать. Он перебежал через небольшую речушку за кордон и там кричал, рвал на себе френч, рубаху, требовал, чтобы его коллег немедленно освободили. Вскоре прискакали два конных японских солдата, и вместе с ними он пошел в город. Там взбешенный самурай устроил настоящий погром. Целая толпа японских солдат, и конных и пеших, носилась по городу и избивала ни в чем не повинных манчжурских крестьян.

Три японских офицера были приведены на нашу заставу. Повар приготовил для них рис и чай. У одного из офицеров началась рвота. Наш лекпом дал японскому офицеру мятных капель. Тут и остальных офицеров начало рвать. Им тоже дали капель. Тогда они сели и начали чего-то ожидать. Оказалось, что они ждали близкой смерти, так как слышали, что если попадут к пограничникам, то их отравят. От сильного перепуга и нервного потрясения их и начало рвать... Ждали японцы смерти час, ждали другой. Смерть не приходила. «Храбрые» самурай повеселели.

Японцы потребовали, чтобы им вернули задержанных офицеров. Им было сообщено, что этот вопрос будет разбирать высшая инстанция. Тогда японцы объявили, что они сткроют ураганный огонь и снесут с лица земли заставу.

Японцы вырыли возле самой границы окопы, поставили несколько станковых пулеметов, привели бригаду и время от времени открывали огонь по нашей заставе. Наши пограничники, не отвечая и не поддаваясь на провокацию, приготовились в боевом порядке и ждали дальнейших действий японцев. Победила выдержка советской стороны.

С конца 1934 года японцы стали провоцировать столкновения на границе при помощи более крупных отрядов. Когда японцы почувствовали, что мелкими отрядами ничего не добьешься, они пустили в дело подразделения численностью до роты и более.

Однажды японский отряд, численностью до роты, перешел границу. На колхозном поле, прилегающем к линии границы, японцы захватили колхозницу и колхозника. Они расспрашивали их, где находится колхоз, где находится пост ОГПУ. Но ни колхозник, ни колхозница не отвечали и с криком протеста вырывались из рук офицеров.

Наш наряд сообщил о происшедшем начальнику заставы. Начальник с двумя бойцами подъехал к японскому офицеру и заявил, что здесь территория Советского Союза, а поэтому пресит наших граждан, подданных Советского Союза, немедленно освободить и уйти за кордон. На это офицер нагло заявил: «Территория васа будет наса». Начальник заставы еще раз попытался убедить японца, но тот стоял на своем. Тогда пограничники силой вырвали у офицеров наших колхозников.

12 октября 1935 года — памятный день для Советской страны. В этот день пограничники заставы Волянка, защищая родную землю, разгромили японский отряд. В этот день погиб геройской смертью один из лучших сынов советского народа — Валентин Котельников.

Застава Волянка расположена в дикой, глухой местности. Кругом сопки, поросшие дубняком и березняком, кое-где кустарник. Трава в рост человека.

Японцы силой до роты нарушили линию границы и напали на наш пограничный наряд. Завязалась перестрелка. На помощь нашему наряду прибыли пограничники с заставы. Японцы, непрерывно обстреливая со своей территории наши пограничные посты, начали переходить границу крупными подразделениями с целью окружить и захватить пограничников. Бойцы заставы во главе с начальником заставы Черных и его помощником Влач с изумительной выдержкой и героизмом отбивали все нападения японцев, удерживаясь до подхода наших резервов.

Условия местности не всегда были в нашу пользу: высокая трава не давала возможности стрелять нашим пулеметам. В одном месте Черных приказал поставить пулемет себе на

Начальник заставы имени В. Котельникова показывает отцу
погибшего героя место прошедших боев.

плечи, и пулеметчик открыл огонь по японцам у него с плеча.

В этом бою небольшие наряды, по три-четыре рядовых пограничника, действовали самостоятельно против более крупных японских подразделений, и действовали достаточно успешно.

Наш наряд под командой лейтенанта Евграфова в конном строю бросился в атаку на японский отряд. Среди скакавших бойцов был Валентин Котельников. Своим горячим порывом, своим бесстрашием он увлек бойцов за собой и сумел сбить японцев с занятой ими позиции. Японцы, отступив с потерями, залегли на одной из сопок и подожгли траву. Нашим пришлось спешиться.

Валентин Котельников был тяжело ранен и умер на руках у своего товарища Кабакова, который вынес его на своем коне из окружения японцев...

Пограничники показали чудеса храбрости и стойкости. Один из раненых бойцов очутился в окружении японцев. Истекая кровью, он замаскировался в кустарниках между скал и под прикрытием ночи, на рассвете сумел незаметно проползти между расположением врага, прибыл к своим и указал, где находятся какие силы японцев.

Лил сильный дождь. Пограничники пристально следили за действиями японцев. На другой день после боя японцы стянули к границе крупные силы и установили несколько станковых пулеметов. Ясно было, что они хотят запугать пограничников.

Советские пограничники заняли позицию на нашей территории и выжидали. Если бы японцы снова попытались захватить наш район, пограничники сумели бы снова их отбросить.

Больше двух недель провели пограничники в труднейших условиях: нельзя было зажигать огня, нельзя было поставить палаток. Дождь был настолько сильный, что залило все окопы и приходилось с одной позиции отходить на другую, на более высокие сопки. Но, несмотря на это, ни один боец не пал духом. Нелегко было выбрать человека для поездки в тыл с донесением: каждый стремился остаться на позиции и доказать на деле свою преданность партии и правительству. Японцы, ничего не добившись своими крикливыми демонстрациями, вынуждены были удалиться во-свояси. Запугать нас им не удалось.

Замечательно проявили себя и жены начсостава. Они ор-

ганизовали на заставе перевязочный пункт и несли дежурства у телефона. Кроме того они готовили для бойцов обед (все повара были взяты на границу). Женщины были вооружены свободными винтовками и охраняли заставу.

К концу 1935 года положение на границе начало обостряться. Японские империалисты были озлоблены успехами социалистической стройки. Провокации японской военщины принимали все более и более резкий характер. По линии границы все время сновали японские отряды от 20 до 40 и даже больше человек.

Наша погранохрана часто замечает возле самой линии границы японские засады. Японцы обстреливают наши наряды. Японские самолеты частенько перелетают границу с целью разведки нашей территории. В то же время на территории Маньчжурии, в приграничной полосе, японские оккупанты терроризируют китайское население: отбирают землю у китайских крестьян, голодных и холодных выбрасывают из родных сел, высылают в глубь страны.

29 января 1936 года одна из маньчжурских охранных рот, которая была расположена недалеко от линии границы, перебила своих офицеров-японцев, захватила оружие, новое японское обмундирование, сожгла казармы и перешла нашу границу с целью сдачи. Солдаты объясняли свои действия нежеланием служить у японцев, которые являются захватчиками китайской территории и насильниками над китайским населением. Эта рота была интернирована и отправлена в тыл.

30 января мы напряженно ждали, что японцы ответят какой-нибудь провокацией.

Около 12 часов дня наш отряд из четырех пограничников, находившийся в пади Мещеряковой, заметил группу неизвестных людей в гражданском платье, с собаками. Неизвестные приближались к нашему наряду. Наши хотели захватить нарушителей границы незаметно. Но собаки, обнаружив пограничников, громко залаяли, и неизвестные немедленно отошли к линии границы. После этого появился взвод японцев, который стал окружать наших пограничников.

Наши бойцы, отстреливаясь, начали выходить из окружения.

В это время к месту столкновения прибыл начальник заставы Мишин с девятью бойцами. Японцы заняли склон одной

из сопок, поставили там свои пулеметы, расположили стрелков и открыли сильный огонь по нашим пограничникам. Наши пограничники ответили на этот огонь своим огнем. Завязалась перестрелка.

Я в это время был на соседней заставе и получил от коменданта приказание: взять всех своих свободных людей и одно отделение молодых бойцов с учебного пункта, расположенного на моей заставе, и по тревоге прибыть на помощь заставе, у которой шел бой. Руководство всей операцией было возложено на меня.

Молодые бойцы учебного пункта должны были в этот день принести красную присягу. Из Гродекова прибыл председатель райисполкома, который, как представитель власти, должен был принять это торжественное обещание. Бойцы приготовились, встали в строй, но присягу на верность своей родине они уже дали в бою...

Сев на коней, мы двинулись быстрым аллюром к заставе. Дорога была заметена снегом — до этого была сильная пурга. Иногда снег доходил коням до брюха.

На заставе дежурный сообщил, что бой происходит в пади Мещеряковой, что слышна стрельба, наших там мало, а японцы силой превышают. Я решил в конном строю, не спешиваясь, следовать к месту боя. Приходилось двигаться по пересеченной местности: на дороге лежали сваленные деревья, громадные пни...

Прибыв на место боя, я выслал небольшую группу на поддержку Мишину, выслал разведку, дал задание усилить охранение флангов и организовать доставку боепитания.

В это время стрельба японцев прекратилась: вероятно, они заметили прибытие нашего пополнения.

Разведка донесла, что японцы в пади Мещеряковой не обнаружены. Однако нет данных, что они очистили нашу территорию. На земле валяется масса стреляных пулеметных гильз, ножны от штыка, перчатки, банки от консервов и пачки от сигарет. Я снова выслал разведку, чтобы она шла по следам японцев, а сам с бойцами двинулся в охранение. Параллельно моей группе двигалось отделение товарища Васильева.

По обе стороны от тропы снег был настолько глубокий, что в нем можно было завязнуть по грудь. Тем не менее бойцы получили приказание отклоняться вправо и влево от тропы: японцы могли устроить засаду. Кроме того я наблюдал за поведением птиц. Если птицы кричат тревожно, значит близости люди; если птицы подпускают на близкое расстоя-

Интернированный отряд манчжурских солдат, перебивших японских офицеров и перешедших на советскую территорию.

ние и вдруг поднимаются вверх, значит здесь люди давно прошли, а может и вообще никого не было.

В 50 метрах от линии границы разведка обнаружила громадные костры. Каждый костер занимал метра четыре в диаметре. Горели целые деревья. Кругом все было вытоптано. Здесь мы нашли штык, ножны, подшлемник, несколько обойм патронов и пустых гильз, массу японских пампушек из муки и много пустых пачек из-под сигарет. Сигареты, которые курят японские и манчжурские солдаты,—паршивого качества: обыкновенную траву или солому варят в табачном растворе. На каждой пачке — портретик какой-нибудь рекламируемой красавицы из чайного домика.

Я решил сам хорошенько обследовать участок.

Маскируясь сваленными деревьями, кустарником и глубоким снегом, я прополз около 40 метров. Внезапно в 250 метрах от меня с той стороны поднялась группа японских солдат и офицеров. Их было около роты. Японцы рядами по-двое двинулись на нашу территорию.

Со мной было шесть человек, то есть разведка и боевое охранение. Группа молодых бойцов отстала, двигалась метрах в двухстах сзади, а группа Васильева, которая должна была отрезать японцев, попала в невыгодные условия. Оказалось, что по сопкам из-за глубокого снега двигаться было очень трудно. Я послал приказание, чтобы Васильев со своей группой двинулся по тропе ко мне, а сам расположился в 400 метрах от японской роты.

Японцы открыли по нас стрельбу. Не дожидаясь подхода остальных сил, я решил вступить в бой. Японцев было около роты, человек 150—170. У меня было 4 стрелка и 1 легкий пулемет. Нам удобно было вести огонь, потому что мы укрепились на позиции, откуда хорошо был виден противник. Японцы же только разворачивались, они еще не все залегли. Расчет был такой: у меня слишком маленькая группа людей, и, если действовать пассивно, японцы обязательно перейдут в наступление. Если же я сам крепко ударю по ним, то на моей стороне будет то преимущество, что я ударю по силам, которые хорошо вижу. Если бы я выжидал, вел пассивную оборону, японцы перешли бы в наступление и быстро уничтожили бы наш отряд.

Впоследствии японские военные специалисты с негодованием писали:

«Капитан Агеев не знает тактики. Он осмелился с одним взводом выступить против двух рот императорской армии

Тревога на заставе. Отряд пограничников на пути в Мещерякову падь.

и разбить их. Подобные военные действия весьма рискованны...»

Если уж говорить о риске, то, как показали события, наибольший «риск» проявили японские захватчики, нарушившие советскую границу и думавшие, что это им пройдет безнаказанно. Во всяком случае ни до боя, ни после боя я не испытывал ни малейших угрызений совести от того, что действовал вопреки правилам японских специалистов.

Прежде всего нужно было установить пулемет. Это было не так просто сделать. Мы площадку вытопчем, но снег настолько глубокий, что пулемет оседает. Хотели поставить пулемет кому-нибудь на плечи, но ничего не получалось, потому что, разгоряченные быстрым бегом, все дышали прерывисто. Наконец, пулемет был установлен на сваленном дереве. Я приказал бойцам приготовиться и в первую очередь истребить офицеров и пулеметчиков, но огонь до моей команды не открывать.

Японцы начали приближаться, но полностью в боевой порядок еще не развернулись. В эту минуту я скомандовал: «Огонь!», и наши бойцы открыли меткий и убийственный огонь по японцам.

Я дал задание вести огонь хладнокровно и беречь каждый патрон. То и дело ребята мне сообщали:

— Есть, товарищ начальник, один перевернулся.

— Товарищ начальник, есть еще один!

Подошли молодые бойцы из учебного пункта под командой товарища Моисеенко. Часть из них была в фуфайках и кожаных сапогах. Патронов у некоторых было всего по 30 штук. Я боялся, что скоро они останутся без патронов или кто-нибудь отморозит ноги. Кроме того они плохо маскировались.

Я сказал им:

— Стрелять — стреляйте, но давайте лучше маскироваться.

После этого я подошел к Моисеенко и сказал, чтобы он продвинулся немного вперед и занял район уступом и впереди по отношению к нам, чтобы берег патроны и чтобы бойцы стреляли только по команде. Хотя подноска патронов была налажена, но я боялся, что патроны запоздают.

Японцы осыпали нас огневым шквалом. Деревья сзади и впереди нас были расщеплены.

Бойцы-старослужащие действовали хладнокровно и умно. После каждого выстрела, маскируясь за каким-нибудь деревом, они переползали с одного места на другое, не давая японским пулеметчикам пристреляться. Или выставляли свои

У высоты «Пионер». Бойцы ждут сигнала о выступлении на помощь пограничникам.

щелмы, а сами уползали в другое место, и японцам приходилось стрелять впустую.

Было уже около двух часов дня. Нашим бойцам удалось истребить команду японских пулеметчиков и нескольких офицеров. Среди японцев появилось замешательство. Они стали в панике откатываться к линии границы.

Я решил с шестью бойцами-старослужащими броситься в атаку на уходящих японцев, отрезать их от линии границы и в рукопашной схватке перебить. Пулеметчик должен был остаться на месте и поддержать атаку огнем легкого пулемета.

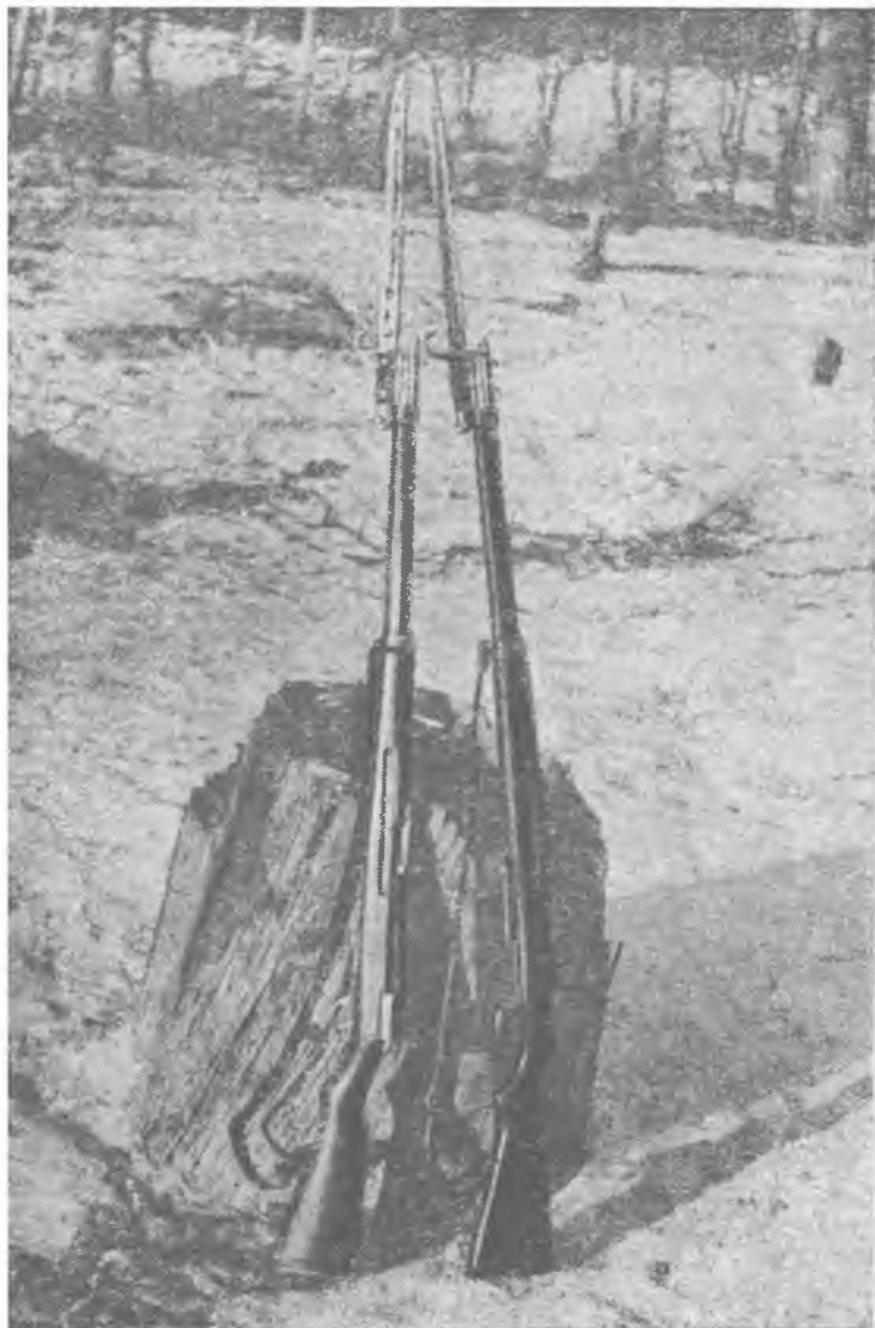
Выскочив из замаскированного места, наши бойцы бросились в штыки на японцев. Японцы рукопашного боя не приняли: они были деморализованы гибелью своих офицеров. В панике они отходили перед горсточкой пограничников. Чтобы усилить панику среди неприятеля, я пустился на хитрость. Зная, что часто японцы понимают по-русски, я начал кричать: «Первая рота — справа! Третья рота — слева! Вторая — сзади!» и т. д.

Увлекая бойцов, я бежал впереди, расстреливая из пистолета налетчиков. Я успел перезарядить новую обойму. В эту минуту я наткнулся на японского пулеметчика. Он заряжал пулемет. Выстрелив в него, я выхватил пулемет, поднял его над головой и снова бросился вперед.

Рядом со мной был уже ранен красноармеец Грачев. Пуля пробила ему живот. Вторым ранило красноармейца Фоминых. Ему пуля пробила руку. Вдруг поднялся крик «банзай», и с винтовками наперевес на нас выскочили свежие силы японцев. Но часть из них, вероятно, видя бегущие, растерянные группы своих, массу трупов, залегла в кустах и кричала: «Банзай! Банзай!», но в атаку не шла.

На меня наскочила группа японцев во главе с офицером. Я сделал выстрел — получилась осечка. Другой выстрел — другая осечка. Неужели меня заберут в плен живым и нечем будет застрелиться? Погибнуть в схватке, погибнуть в бою, защищая границы нашей родины, — это честь. Но сдаться в плен живым — это большой позор для командира-пограничника.

Я ударил пистолетом японского офицера, выхватил у него клинок и этим самурайским клинком ударил его по голове. Офицер покачнулся. Я нанес еще один удар. Он покачнулся и упал. Отбиваясь клинком от нападавших солдат, я минутами терял сознание, потом снова приходил в себя. Когда в послед-

Винтовки, брошенные в бою 30 января 1936 г.

ний раз пришел в себя, то увидел, что стою на одном колене, а вокруг 15 японских солдат...

В эту минуту подбежали бойцы во главе с товарищем Васильевым, вклинились в расположение японцев и начали бить их врукопашную. Бойцы ловко работали штыком и прикладом и расстреливали самураев в упор. Молодые бойцы тоже бросились в атаку. Не выдержав нашего удара, японцы, понеся большой урон, стали откатываться за границу.

Я приказал бойцам занять удобный скат возвышенности, приготовиться к обороне и не пускать дальше японцев на нашу территорию. После этого я разрешил бойцам, чтобы меня оттащили в тыл.

Нельзя было не удивляться героическим поступкам отдельных товарищей. Комсомолец Павел Дудин, молодой боец, прослуживший в армии полтора месяца, в этом бою находился непосредственно около меня. Пуля ранила его сначала в правую руку, но он продолжал вести меткий огонь. Потом его ранило в левую руку. Он все еще ухитрялся стрелять. Третья пуля прошибла ему лопатку. Израненный, он оставался на месте и веселыми словами подбадривал бойцов.

Сейчас Дудин работает заместителем политрука и избран депутатом Верховного Совета РСФСР от Гродековского избирательного округа.

Героически дрался и донбасский шахтер Николай Полковниченко. Полковниченко получил тяжелое ранение: пуля пробила ему ухо и вышла в левый глаз. Он потерял сознание. Когда через некоторое время он пришел в себя, бой еще был в разгаре. Полковниченко заметил, что на него бегут несколько японцев. Один японец споткнулся. Полковниченко бросился на него, отнял винтовку и начал стрелять из японской винтовки по японцам. После этого он снова упал без чувств.

Нам не удалось найти его до позднего вечера. Искать с фонарем нельзя было, потому что по фонарям японцы стреляли. Лишь в 12 часов следующего дня Полковниченко был обнаружен нарядом соседней заставы. Оказалось, что он всю ночь шел, неся свою винтовку и японскую. Сделает несколько шагов и упадет без чувств; опять поднимется и идет дальше, а винтовок не выпускает. Так вместе с винтовками его и положили на операционный стол. Сейчас он учится на техника в Московском училище связи. Избран в члены Московского городского комитета комсомола.

Красноармеец Стариков, повар заставы, исполнял обязан-

Участники боя в Мещеряковой пади и у сопки «Пионер».

ности пулеметчика. Пуля пробила ему ребро, легкое, вышла в другое легкое и пробила два ребра. Он не оставлял пулемета. Никакими угрозами, просьбами нельзя было оттащить его от пулемета, пока он не потерял сознания от потери крови. Пришлось силой разжать его руки — они крепко сжимали рычаг пулемета...

Стариков долго лечился, а потом пошел учиться в Саратовское военное училище на лейтенанта.

Никогда не забыть имена храбрых бойцов Кузнецова и Грачева, которые были убиты при штыковой атаке. Оба были комсомольцами и передовиками учебы.

Партия и правительство приняли все меры к тому, чтобы ни один из раненых бойцов не имел ухудшения здоровья. На границу были вызваны лучшие врачи-хирурги, потому что не всех раненых можно было увезти по бездорожью. Многим сделали переливание крови.

Все общественные, партийные и комсомольские организации, колхозники, рабочие фабрик — все присылали свои поздравления, выражали свою благодарность за то, что мы как следует проучили самураев. Приносили подарки: шоколад, торты, фрукты, живые цветы.

Наиболее волнующей была встреча с Лазарем Моисеевичем Кагановичем, который посетил меня в лазарете.

— Как за вами ухаживают, в чем вы нуждаетесь? — спросил Лазарь Моисеевич.

— Уход за мной хороший, и я ни в чем не нуждаюсь.

— Что передать от вас товарищу Сталину и правительству?

— Передайте товарищу Сталину, что дней через пять я поправлюсь и снова буду в строю на своей заставе, готовый к бою.

— Правительство постарается оценить ваш подвиг.

— Это наш долг — до последней капли крови защищать свою родину...

— Долг можно выполнять по-разному...

— Мы выполняли наш долг по-стахановски...

— А теперь можно считать выполнение этого долга по-агеевски... Желаю вам выздоровления.

В красном уголке заставы сделана запись о дне 30 января 1936 года:

«Пусть помнят японские хищники, что пограничники не по-

Боец-наблюдатель в дозоре.

щадят тех, кто посмеет нарушить хотя бы одну пядь нашей родной советской земли. 30 января 1936 г. в 14 час. 13 мин. две роты японо-манчжур нарушили советскую границу на полтора километра в районе пади Мещеряковой. Несмотря на численное их превосходство, наши малочисленные наряды нанесли налетчикам сокрушительный контрудар. Потеряв 31 убитыми, 23 ранеными и 24 обмороженными, налетчики бежали за пределы советской земли. С нашей стороны в бою смертью храбрых пали четыре бойца...»

1936 год принес еще две схватки с японскими самураями. В этих схватках снова проявились доблесть и мужество советских пограничников.

24 ноября японцы снова нарушили нашу границу в районе Гродекова. Наш наряд из четырех бойцов решил до подхода подкрепления боя не принимать. Трое бойцов залегли, а четвертый разулся, скинул полушубок и побежал на заставу сообщить о случившемся. Он сделал это быстро (между прочим, этот боец, бежавший порядочное расстояние босым по снегу, потом вернулся к своим товарищам по наряду и принял участие в бою). О самом бое начальник заставы товарищ Евграфов рассказал следующее: «В 16.20 я получил донесение, что японский конно-пеший отряд нарушил границу. Подал команду: «В ружье!» Быстро оседлав лошадей, мы выехали на ликвидацию японского отряда, численность которого составляла 60 человек. Командиру отделения Киселеву с 8 бойцами я приказал отрезать японцам путь отхода за кордон. Сам же я с группой бойцов в 12 человек решил окружить японцев и уничтожить. Противник открыл ружейно-пулеметный огонь. На расстоянии 200 метров от японцев я отдал приказание: «Открыть ответный огонь!» В это же время открыла огонь группа отделенного командира Киселева. Мы пошли в атаку. Японцы не выдержали нашего натиска и, оставив на месте убитых, стали трусливо отходить на следующий рубеж. По моему приказанию бойцы обеих групп стали забрасывать врага ручными гранатами, а затем перешли в рукопашный бой. Враг не выдержал, бросил и второй рубеж. Мы выполнили свой долг: разбили наголову самураев, потерявших в этом бою 18 убитыми и 7 ранеными. Отбросив их штыками с нашей советской земли, мы выполнили приказ нашего правительства: если враг переступит одной ногой через границу—отрубить ему эту ногу, а если он перейдет через границу—уничтожить его».

Однако самураи не успокоились. На второй день после исторического доклада товарища Сталина на Чрезвычайном

VIII съезде советов, 26 ноября 1936 года, снова была нарушена граница — на этот раз в районе у Павловой сопки. И снова японские самураи были разгромлены.

Можно привести еще немало примеров изумительной выдержки, стойкости и храбрости бойцов, стоящих на страже дальневосточных рубежей СССР. Воспитываемые славным сталинским наркомом Николаем Ивановичем Ежовым, пограничники бдительно охраняют священные границы социалистического государства рабочих и крестьян. Не раз и не два показали они японским самураям грозную силу советского оружия.

Говорят, что с некоторых пор у японских солдат появилась новая поговорка. Звучит эта поговорка примерно так: «Красноармеец стреляй, пуля его три солнца ходи, все равно в нас попади». Это значит: пограничник стреляет так метко, что его пуля может лететь три дня, а все равно поразит цель.

Что же, не будем разубеждать японских самураев, что наши пограничники-чекисты стреляют без промаха. Но, помимо отличных снайперов, Красная армия располагает еще кадрами великолепных танкистов, летчиков и артиллеристов. Японские самураи получили полную возможность «познакомиться» с ними в дни событий в районе озера Хасан.

Печально известный японский генерал Араки в одной из своих бредовых статей писал о «трех регалиях японской династии». «Регалии» эти — зеркало, яшма и меч. Зеркало символизирует справедливость, яшма — милосердие, а меч — смелость. Оставим на совести господина Араки первые две «регалии». Надо обладать чудовищным цинизмом и наглостью, чтобы говорить о «милосердии» и «справедливости» от лица клики, которая душит великий народ Китая, которая замарала свои руки кровью сотен тысяч китайских и манчжурских рабочих и крестьян. Но особого внимания заслуживает третья «регалия» — меч, символизирующий смелость.

Вся история борьбы на дальневосточных рубежах СССР, многочисленные стычки наших пограничников с нарушителями границы, предметные уроки, которые японская военщина получила и в пади Мещеряковой, и на Павловой сопке, и, наконец, в районе озера Хасан, говорят об одном: легенда о «непобедимости» японской армии развеяна навеки. Перед храбростью советского бойца, сильного своей преданностью партии Ленина — Сталина, японский самурай бежит в панике. Ничто не спасет японскую военщину от полного и окончательного разгрома в будущих боях, в которых советский народ будет защищать свою любимую родину.

ПОСЬЕТ

Детальная карта самого дальнего Приморья, составленная еще полвека назад и скрепленная печатями русских и китайских представителей, дана на обозрение всему миру. Вот здесь, у подножья гор, лежит вытянувшееся в длину озеро Хасан, здесь высятся вершины, по которым идет граница СССР, здесь вьется река Тумень-Ула, разделяющая в нижнем своем течении СССР и Корею...

...Об этом уголке у нас мало знают, о нем мало написано. Вот почему хочется сейчас извлечь из записных книжек заметки об этих местах, в которых пришлось побывать однажды при довольно интересном стечении обстоятельств.

Это было осенью 1936 года, как раз тогда, когда не в меру любопытные японские генералы решили прошупать крепость советских границ сразу у двух застав далекого уголка Приморья: у Янчихэ и Пакшекори.

Стремительный остроносый катер вышел из Владивостока под зеленым вымпелом. Обычно он скитается вдали от берегов, выслеживая непрошенных гостей, нарушающих морскую границу. В этот день он уходил в Посьет с группой военных работников, которые должны были расследовать обстоятельства очередного нарушения границ японскими войсками. К счастью, на корабле нашлось место и для корреспондента «Комсомольской правды».

В сумерках катер уже подходил к красивейшей глубокой бухте. Еще раз просматривали справочник, знакомясь с новым, малоизвестным районом. В справочнике было записано:

«Посьетский район среди всех районов прибрежной южной полосы Дальневосточного края занимает особое положение. Он растянут узкой полосой с северо-востока на юго-запад вдоль моря. В нижнем течении реки Тумень-Ула он граничит с Кореей. На запад по водоразделу река Хунчун-Хэ граничит с Манчжурией...»

Этот узкий и длинный клин, вбитый историей на грани трех государств, с каждым десятилетием привлекает к себе все большее внимание всех держав. Дело в том, что он включает в себя одну из лучших естественных гаваней мира — Посьетский залив с его многочисленными бухтами.

Охотники до чужих территорий с Японских островов уже давно зарятся на Посьет. Поэтому на его границах все чаще

хлопают выстрелы винтовок и гремят разрывы ручных гранат. Впрочем, всякий раз эти столкновения оканчиваются одним и тем же результатом: наказанные за свое чрезмерное нахальство, японцы в панике бегут во-свося.

...И вот, наконец, мы в Посъете. Темно. Скупое сияние звезд едва озаряет смутные силуэты зданий, окруженных высокими пирамидальными тополями. Неширокая, едва заметная тропа вьется по самому берегу залива. Ветер шелестит опадающей листвой. Нас обгоняет скачущий галопом всадник. Низкое кирпичное здание на горе светится огнями. В нем никто не спит, несмотря на поздний час.

В тесном кабинете нас встречает начальник штаба, который не спит уже несколько ночей. У него масса хлопот, но он вежливо подводит нас к карте и спокойно начинает военно-тактическую лекцию, как будто мы находимся не у самой границы, где разыгрываются военные стычки, а где-нибудь в аудитории военного вуза:

— Операция у заставы Пакшекори развернулась следующим образом. Японские агрессоры рассчитывали на успех, поскольку они располагали тройным преимуществом: а) преимущество стратегическое — к границе у них здесь подходит железная дорога, нам же приходится к заставе добираться лишь верхом на лошадях; б) преимущество тактическое — план агрессии был разработан заранее, огневые точки определены заблаговременно; в) количественный перевес. В 5 часов утра японский отряд, нарушив границу, занял высоту, господствующую над местностью, и обстрелял наряд пограничников с дистанции на 200 метров. Наряд отделенного командира Дундукова, поддержанный только что сменившимся отделением Генералова, открыл ответный огонь. Хотя японцы ввели в действие ручные и станковые пулеметы, выпустив около 3 тысяч патронов, нашим пограничникам удалось выбить противника с занятых им позиций и очистить нашу территорию... Почти одновременно противник пытался совершить агрессию на заставе, где отряд японо-манчжур нарушил границу и, углубившись на нашу территорию, окопался. При приближении наряда пограничников японцы открыли огонь. Невзирая на большие преимущества укрепленной горной позиции, противник не мог удержать ее и в результате боя обратился в бегство, унося убитых и раненых. На второй день противник повторил попытку нападения на нашу территорию; но снова

был обращен в бегство, оставив на нашей земле труп японского офицера. С нашей стороны не было ни убитых, ни раненых...

...Мы торопились к месту событий. Поэтому, едва зажегся день, покинули Посьет, жители которого занимаются сельским хозяйством и рыбной ловлей, и умчались на вездесущем «ГАЗе», отлично приспособившемся к таежному бездорожью. Дорога шла вдоль берега бухты, на противоположном берегу которой белели опрятные постройки большого села Краскино (бывшее Новокиевское), того самого «урочища», в котором полвека тому назад был подписан Хунчунский договор о начертании русско-китайской границы. Сейчас в этом селе находится административный центр района.

Полчаса, и наш «ГАЗ» уже катится по улицам посьетской «столицы». Чистенький поселок не велик, но жизнь в нем кипит так же оживленно, как и в других центрах края. По улицам снуют автомобили. Куда-то спешит толпа молодежи с комсомольскими значками в петлицах. Из раскрытого окна доносится сухое пощелкивание телеграфного аппарата: здесь помещается почтово-телеграфное отделение. Висят афиши клуба: «Сегодня кино». Вот вывеска школы. Районный исполнительный комитет. Сберегательная касса. Группа ребятишек играет в лапту.

Мирная, тихая жизнь, какой живут десятки тысяч таких селений! Но вот в тихой улочке вспыхивает знакомая певучая мелодия. Четко отбивая шаг, проходит колонна людей в зеленых фуражках. На плечах у них винтовки и ручные пулеметы. Последняя шеренга несет продырявленные мишени. Откуда-то со стороны доносится пулеметная дробь, — видимо, там идут учебные стрельбы. На столбе наклеен ветхий, поблеклый листок — правила поведения гражданского населения при химической и воздушной тревоге. Нет, жизнь здесь не так тиха и мирна, как кажется!

Из Краскино пробираюсь на заставу, у которой шел бой. Комендант пристраивает меня на грузовик, который отправляется туда за необычным грузом. Каким именно? Об этом узнаю на заставе. Грузовик мчится вдоль извилистой речки Янчихэ, пробирается сквозь заросли камышей, несколько раз пересекает засыпанное галькой русло. Наконец, он карабкается на широкое плато, лишённое всякой растительности, и подкапывает к одинокому бревенчатому домику, который стоит посреди поля.

— Вот мы и приехали,— говорит мой спутник.

К автомобилю подходит высокий стройный человек в зеленой фуражке. Он прикладывает руку к козырьку:

— Начальник заставы...

На заставе сегодня тихо. Две трети ее личного состава несут службу на границе, одна треть спит, отдыхая после пережитых тревожных волнений. Сам начальник заставы только что спустился с гор. Сейчас все спокойно. Но кто может поручиться за следующую минуту?

Остаюсь ночевать на заставе. Грузовик сейчас же должен вернуться обратно, ему предстоит отвезти в госпиталь действительно необычный груз: необходимо освидетельствовать труп японского офицера, брошенный японцами при отступлении на нашей территории.

Маленький бритоголовый человек с широкими сросшимися бровями лежит на столе. Его лицо еще хранит горделивую, надменную мину. Отлично скроенный офицерский мундир с золотыми погонами запятнан кровью. Тонкая холеная рука аристократа бессильно лежит на груди. Вот так он и лежал на нашей земле, в 100 метрах от границы, — головой к Манчжурии, ногами к советской заставе. Сюда, на заставу, ему было суждено попасть лишь на плечах наших пограничников: офицера остановила меткая пуля хладнокровного колхозника Попова, приехавшего охранять границу из колхоза им. Шевченко, Владимировского района, Сталинградского края.

Пограничники принесли мертвого поручика и аккуратно уложили рядом с ним отлично отшлифованный древний самурайский клинок, выпавший из ножен. Мы рассматривали маленькую полевую сумку японского офицера. Пограничники заканчивают акт, в котором описывают ее содержимое: 127 гоби, 3 иены, 13 писем, 14 ключей, бумаги, карты, 10 визитных карточек. Да, неудачный способ вручения визитных карточек избрал этот низенький бритоголовый человек!

С границы тащат новые трофеи. Найдена разорванная фуражка второго офицера, видимо, раненого в голову: большая кокарда с пятицветной звездой и золотой ободок на околышке побурели от крови. Найдены целая гряда расстрелянных гильз, обоймы, патроны, патронташ. Но вот все формальности как будто окончены. Грузовик со своей необычной ношей ушел обратно в Краскино. Начальник заставы, пользуясь свободной минутой, ведет гостей по двору, показывая скромное хозяйство пограничников. Мы заходим в казарму, небольшой бревенчатый домик, в котором помещаются бойцы, на кухню, в конюшни.

Все выглядит очень мирно. Не верится даже, что всего лишь сутки тому назад здесь разворачивались боевые действия. И только напряженная фигура дежурного, который, не отрываясь от бинокля, наблюдает за границей, напоминает о том, что здесь еще не все спокойно.

Мы заглядываем в баню, совсем крохотную избенку, оборудованную силами самих бойцов. Среди пограничников, свободных от наряда, раздается смех.

— В чем дело?

— Да как же! Ведь все дело с бани началось... У нас был выходной день. Вытопили баню. Только разделись, слышим за окном топот. Вскрикивает боец: «Товарищ начальник, японцы!» Тут, конечно, команда: «По коням!» Оделись в полминуты. Оседлали коней и сразу в галоп, у сопки спешились. Ну, остальное вам, вероятно, уж известно...

День уже угас. Время дать отбой ко сну. Начальник заставы делает обычный боевой расчет всему наличному составу и тут же добавляет, вспоминая результаты своих наблюдений во время дневной поездки на границу:

— Учтите, что ночью могут быть неожиданности. Противник подтягивает к границе какие-то части. Днем было заметно движение. Возможно, что они попытаются внезапно напасть на нас. Спать одетыми, оружие держать при себе...

Ночь против ожидания прошла спокойно. Наутро застава начинает жить своей обыденной жизнью.

Из Посьета пришел грузовик. Он привез художника, которому поручено оформить заставу новыми лозунгами. Спешу воспользоваться оказией и вернуться, чтобы передать редакции по прямому проводу собранный материал. Последние прощальные слова, взаимные просьбы писать и не забывать, и вот уже бревенчатый домик исчезает за поворотом.

Но, прежде чем закончить описание посьетских встреч с пограничниками, хочется процитировать одно из трогательных писем бойцов, присланных в «Ильичевку», выпущенную через несколько часов после боя на заставе Пакшекори, расположенной в непосредственной близости от реки Тумень-Ула, к которой сейчас приковано внимание миллионов людей. Бойцы писали:

«11 октября в мрачное утро, где наши социалистические рубежи были покрыты густым синим туманом так, что на расстоянии 50 метров не видать было ничего, японские провокаторы нарушили нашу границу. Здесь было сообщено нашему подразделению, и мы смело и быстро пошли на вражеские вы-

стрелы. Когда мы продвинулись вперед, то через нас свистели пули. Но нас эти пули несколько не испугали. И тут мы еще больше набрались мужества и пошли навстречу врагу. Но враг перепугался метких выстрелов нашего ручного и станкового пулеметов и бежал, не оглядываясь, а только поддерживая брюки. Но мы тем остались недовольны, что нам не пришлось с гадом воевать по-настоящему, а то бы он не побежал, а пополз на карачках...

Хоршев, Холудеев».

Без этих искренних строк характеристика посъетских встреч была бы неполной. Я ничего к ним не добавил и не убавил.

«Комсомольская правда».

Лейтенанты *Н. АФАНАСЬЕВ*
и *А. ДЕМЧЕНКО*

БОЙ НА ПАВЛОВОЙ СОПКЕ

В Москве был вечер. В сердце страны — Большом Кремлевском дворце — великий Сталин взошел на трибуну, чтобы доложить делегатам Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда советов о проекте новой Конституции. В эти часы у нас на Дальнем Востоке была ночь. Пограничники с величайшим вниманием слушали по радио слова вождя.

Гордостью и радостью наполнялись наши сердца: нам выпало счастье охранять в эти исторические часы неприкосновенность границ социалистической родины. На заставе Турий Рог выходили в почетную сталинскую вахту лучшие из лучших бойцов. Они добились этого почетного права отличными показателями боевой и политической подготовки. В 4 часа утра 26 ноября на линию границы вышел наряд в составе лейтенанта Афанасьева и пограничников Папазьяна, Никитина, Панфилова и Корнева. Над бесснежной, поросшей редким кустарником местностью поднимался туман. Наряд подъехал к пограничному знаку «26». Убедились, что он стоит на месте. Японцы, чтобы прикрыть свои необоснованные претензии о неясности границы, не раз роняли этот каменный столб.

Ехали редким, низкорослым дубняком, сохранившим еще ржавые листья. Поднялись на Павлову сопку.

Забравшись на сопку, наряд заметил в предрассветной туманной мгле трех японцев. Они стояли на нашей советской

земле и производили топографическую съемку. По ту сторону границы виднелась большая группа солдат, готовых к вторжению на нашу территорию. Наглецы посмели нарушить советскую границу!

Увидев наряд пограничников, японский отряд открыл по ним ураганный огонь из ручных и станковых пулеметов и винтовок. Когда с нашей стороны подоспела помощь, противник пустил в ход не только пулеметы, но и гранатометы и даже пушку. С каждым часом к японцам подъезжали на автомобилях все новые и новые взводы. Несколько сотен японских солдат выступило против десятков пограничников. На огонь мы отвечали огнем. Тут они получили такой отпор, что должны были отвозить своих убитых и раненых на грузовиках.

Бой продолжался с перерывами целый день. Трижды японцы пытались наступать. Вечером в атаку против нас пошел целый батальон, но ни один пограничник не дрогнул. У каждого была одна мысль: проучить врага так, чтобы ему неповадно было совать свое свиное рыло в наш советский огород.

Все пограничники держали себя в бою как подобает сынам нашей великой родины. Пулеметчики заставы — комсорг Павел Матвиенко и Семен Хитрин — отбивали нападение с правого фланга. Матвиенко — один из лучших пулеметчиков в отряде, и мы с гордостью видели, как он «косил» противника. Когда японцы начали забрасывать нас гранатами и они с шипением падали вокруг, готовые вот-вот взорваться, Матвиенко первым схватил такую шипящую «грушу» и далеко метнул ее обратно. Японские гранаты рвались над головами японцев.

Пограничник Михаил Панфилов был ранен 9 раз и, несмотря на жестокую боль и большую потерю крови, не оставил места боя. Бесстрашный гранатометчик Панченко бросил все гранаты, и, когда его со всех сторон окружили рассвирепевшие самураи, он несколько человек уложил штыком и прикладом, пока не был зарублен. За его смерть отомстил боец Павел Колесник. Японский офицер надрубил ему плечо, перерезав винтовочный ремень, но Колесник своим штыком сразил четырех японцев.

Смертью храбрых пали в этом бою Семен Лагода, младший командир Слепов и курсант Долгополов.

Геройски вели себя бойцы Сиреев и Пидплетько, секретарь партийного бюро отряда Клигман, пограничники Ткаченко, Бугровкин и многие другие.

Холод сковывал ноги и намокшую от дождя одежду. Мы

Иван Лагода, пришедший на смену своему брату Семену Лагоде, в дозоре. Впереди пограничник Сиротин со служебной собакой Гай.

дрались всю ночь, и через сутки на Павловой сопке не осталось ни одного японца.

Мы понимали, какая величайшая ответственность перед всей страной лежит на нас. Ведь мы охраняли границу нашей любимой родины в момент, когда великий Сталин развернул перед всем миром грандиозную картину побед социализма. Имя Сталина было для нас знаменем!

Мы готовы в любую секунду дать всем врагам народа сокрушительный отпор.

«Комсомольская правда».

О. МИХАЙЛОВ

СЫН РУССКОГО НАРОДА ВАСИЛИЙ БАРАНОВ

Нам рассказали историю человека замечательной силы. Он — Василий Дмитриевич Баранов — отдал родине молодость, энергию, а недавно и жизнь.

Это было морозной ночью. Над дальневосточной границей висел непроницаемый туман. Японо-манчжурский батальон переполз границу и проник на территорию Советского Союза. Здесь, на советской земле, японо-манчжуры ринулись в атаку на советских пограничников.

Человек, о котором идет речь, был среди мужественных пограничников, отражавших атаку врагов. Каждый боец выдерживал натиск десятка нарушителей. Этот беспримерный подвиг можно сравнить только с теми легендарными сражениями, которыми так богата история гражданской войны на Дальнем Востоке.

В бою с японо-манчжурскими налетчиками 26 ноября 1936 года боец Красной армии Василий Баранов был ранен. За два дня до этого столкновения — 24 ноября — японо-манчжурский отряд тоже проник на советскую территорию и в результате завязавшейся перестрелки оставил на территории СССР восемь трупов убитых японцев и многочисленные предметы японского вооружения и военного снаряжения. Вот почему в этот раз нападавшие поставили перед собой задачу захватить защитников советских рубежей.

Уже обессиленный и исколотый штыками, Василий Баранов продолжал бороться. Он защищал свою землю, свою свободу, свое счастье. Когда он упал, его окружили японо-манчжуры. Прикрывшись смертельным огнем своих пулеметов, они подняли и унесли с территории СССР обессиленное тело Василия Баранова через границу, к японо-манчжурским заставам,

Василий Баранов не терял сознания и не проявил ни слабости, ни малодушия. Его привезли в чужой город, в другой мир. Его пытались даже лечить, прислали ему врача. Но он отказался от помощи, которую предлагали ему люди, разлучившие его с родиной. Он сам омыл раны свои и перевязал их.

Часовые, охранявшие Василия Баранова, поражались: откуда у этого молодого невысокого парня столько сил? Раненый лежал молча. Может быть, он вспоминал своих друзей, оставленных там, в Красной армии. Они находились так близко и так далеко!

Каждый день Василия Баранова допрашивали:

— Где Советский Союз возводит укрепления?

— Где расположены воинские части — танки, авиация, кавалерия?

И только один раз Баранов приподнялся, чтобы произнести:

— Я ничего вам не скажу!

Допросы продолжались днем и ночью. Сперва Баранова хотели купить. Ему предлагали деньги, славу, работу, жизнь. В ответ на это Баранов объявил голодовку, отказывался от пищи и воды. Тогда допрашивающие начали применять «более совершенные» методы допросов, изобретенные капиталистической «цивилизацией». Василий Баранов продолжал молчать. Только изредка были слышны его заглушенные стоны.

Раненому объявили, что домой он уже не вернется. Пусть он скажет хоть что-нибудь. Если он не знает о расположении войск, пусть расскажет о своей части. Давно ли он в армии? Как вооружены бойцы?

Баранов отворачивался, ничем не выдавая своей боли. Ни одного слова не сорвалось с его губ. Через несколько дней Василий Баранов умер от ран и истощения.

Узнав о смерти Баранова, советские граждане молча обнажат головы перед безвестной, далекой, священной его могилой.

Кто же такой Василий Баранов, где закалил он свою волю? В гражданской войне он не участвовал, на баррикадах не дрался, в царской ссылке не был. На дальневосточной границе о Баранове говорят коротко:

— Это был парень тихий, душевный. Его воспитала Красная армия.

Родился Баранов в маленьком селе Чердынского района, на Урале. Сын колхозника, он почувствовал на себе, какие глубокие изменения внесла революция в жизнь села и семьи. Люди потянулись к букварю и культуре. Когда Василию было 16 лет, его отец и мать пошли в школу. Народ в их селе стал

более дружным, в единую тесную семью связали всех общие интересы.

Василий Баранов не был комсомольцем. Он считался в семье малограмотным. Потом, работая молотобойцем в Свердловске, Василий Баранов ходил в вечернюю школу, — обучался арифметике, географии, кузнечному делу. С обрывками знаний он пришел в Красную армию. Но он принес с собой величайшую веру в то повседневное счастье советских людей, которое призвана защищать Красная армия, он принес горячую, никогда не остывающую любовь к родной земле, которую ему было поручено охранять.

— На границе Василий Баранов часто говорил:

— Если враг придет, уральцы не подкачают!

— А если умереть придется? — спросил командир.

— Что ж, — ответил Баранов, — иногда бывает и так — человек умрет, а победит.

Именно так умер рядовой боец Василий Баранов: победа осталась за ним.

Враги испытали еще раз, из какого крепкого сплава создал товарищ Сталин Красную армию.

«Правда».

В. ВАГИН

ПОЕДИНОК ЛЕТЧИКА СЛЕПЦОВА С ДЕВЯТЬЮ ЯПОНСКИМИ ПИЛОТАМИ

...Это было около 12 часов 11 апреля. На одном из аэродромов дежурил командир звена Н-ской летной части Тихоокеанского флота комсомолец Константин Слепцов.

Внезапно прибыло сообщение: отряд японских самолетов нарушил советскую границу и углубился на несколько километров к востоку от нее. Летчик Слепцов получил по телефону приказ — вылететь навстречу японским военным самолетам. Воентехник товарищ Сученков и моторист товарищ Соломатин, как всегда, молниеносно выполнили приказ о подготовке машины к полету. Летчик Слепцов занял место в кабине, дал газ, и машина взвилась в воздух.

Взяв курс в указанном ему направлении, товарищ Слепцов вскоре увидел чужие машины. 9 японских самолетов, крылья которых серебрились, шли строем клина на высоте в 200—250 метров.

Летчик Слепцов немедленно принял решение — итти на сближение с японским отрядом. Он развил предельную скорость,

Река Усури.

и вдруг... японские самолеты бросились враспынную. 6 истребителей отделились от колонны и устремились к своей территории.

Тогда боевой водитель советского самолета повернул к трем оставшимся японским машинам. Увидев, что советский летчик быстро приближается, и эти три самурая потеряли душевное равновесие. Один из японских самолетов резко повернул вправо, расстроив построение звена.

Летчик Слепцов находился на высоте 500 метров. Японские летчики попрежнему шли на высоте 250 метров. Слепцов отдал ручку от себя и с небольшим углом пикирования начал догонять отделившийся от звена самолет. Видя, что дело принимает серьезный оборот, два остальных японских истребителя погнались за советской машиной.

Увы! Это была попытка с негодными средствами: догнать советский самолет вовсе не так просто, как это вначале кажется японским пилотам. Они не только не догнали летчика Слепцова, но... начали быстро отставать. Их скорость была несравненно ниже, чем скорость советской машины.

Прекрасный военный летчик Слепцов теперь был озабочен единственной мыслью: нарушитель не должен уйти безнаказанно. Он решил «припугнуть» японского летчика. «Припугнул» его он так, что японский летчик понял: уйти ему не удастся. При этом и летчик и его самолет остались в целости.

Японец сразу же повел машину на посадку. До своей территории он долететь уже не мог. Развивая бешеную скорость, Слепцов все время летел над японской машиной. Когда японский самолет коснулся колесами земли и неуклюже запрыгал по полю, Слепцов проскочил мимо, пройдя бреющим полетом над землей. Он тотчас же развернулся и увидел, что японская машина уже застыла на месте, окруженная толпой колхозников. Успокоившись за участь задержанного самолета, Слепцов устремился в погоню за остальными японскими машинами, но те поспешили вернуться за рубеж.

Тогда Слепцов повел машину на свой аэродром. В это время взлетели старший лейтенант Федор Бондарев и пилот Иван Чуприна, встретившие еще двух неожиданных гостей, которые сразу же обратились в бегство.

Японский летчик, приземлившись на советской земле, попытался бежать к границе. Граница была в двух километрах от места посадки, и естественно, что попытка к бегству не удалась. Летчика задержали и вернули.

Выяснилось, что летчик этот по фамилии Маэда принадле-

жит к составу японской военной авиации. В его машине был обнаружен амулет, который он возил с собою на счастье. Как показали события, этот вид «вооружения» оказался недейственным.

«Комсомольская правда».

В. ХЕЙСТВЕР и Я. СИСЛАВСКИЙ

СХВАТКА НА ОСТРОВЕ

В этот день, как и всегда, советские пограничники несли боевую вахту. Наряды уходили на границу, наблюдатели занимали свои места. Замаскировавшись в густой высокой листве, сидели секреты. Ничто не могло ускользнуть от зорких глаз пограничников.

21 июля 1938 года около 10 часов утра наблюдательный пункт пограничной заставы заметил движущиеся по реке Уссури две японо-манчжурские лодки, сопровождаемые сзади двумя военными катерами. Японо-манчжуры пересекли фарватер и вошли в советские воды. Десант японо-манчжурских солдат был высажен на советский остров на Уссури.

По заставам пронеслась боевая тревога. Не теряя ни одной минуты, советский катер во главе с командиром комсомольцем Михаилом Кравцовым, бороздя быстрые воды Уссури, направился к острову. На катере была группа бойцов под командованием младшего политрука Шамрая. Она получила задание, высадившись на острове, отогнать японских самураев, посмевших ступить на священную советскую землю.

Высадив на южной части острова группу Шамрая, наш катер направился к середине острова. В момент разворота он неожиданно был обстрелян пулеметным и ружейным огнем десанта японо-манчжур.

Советские пограничники были возмущены наглостью японских провокаторов.

— Ответный огонь по нарушителям границы! — приказал командир катера товарищ Кравцов.

Застрекотали пулеметы. Огонь вели обе стороны. Японо-манчжуры, укрывшись в густой траве, под прикрытием бревен, продолжали обстрел катера. Пули ложились вокруг катера, и лишь некоторые из них попали в обшивку.

Нашим пулеметчикам — младшему командиру комсомольцу Чудинову и комендору комсомольцу Раку — пришлось стрелять по невидимой цели. Ориентиром служили лишь дымки

над пулеметом и винтовками противника. Меткий шквальный огонь Чудинова и Рака заставил замолчать пулемет врага.

...Трава, срезаемая пулями, низко стлалась по земле. Япономанчжуры не выдержали меткого огня и, покинув занятый ими рубеж, стали отступать в глубь острова.

— Нарушителей надо взять! — таков был боевой приказ.

Япономанчжуры, отходя в глубь острова, продолжали вести непрерывный ружейный огонь.

Под прикрытием пулеметов с нашего катера на берег были высажены подоспевшие группы лейтенантов Коновалова и Авдеева.

«Уничтожить врага, уничтожить во что бы то ни стало», эта мысль пронизывала каждого.

И замполитрука Мельников, и рядовой боец Щеглов, и лейтенант Коновалов, и подносчик патронов Пономаренко, и моторист Голиков — все они, истинные советские патриоты, были полны решимости проучить зарвавшихся самураев.

По пояс в воде, под свист вражеских пуль первыми наперерез противнику бросились лейтенант Коновалов, заместитель политрука Петр Мельников и комсомолец боец Константин Щеглов.

Япономанчжуры, не выдержав вторичного натиска, начали удирать. Лейтенант комсомолец Коновалов настигал их. В густой высокой траве, на западном берегу острова, он услышал шелест. Дав три выстрела, Коновалов кинулся вперед. У высокого дерева, зарывшись в траву, лежало 6 япономанчжур, одетых в гражданскую одежду. Япономанчжуры оказались перевозчиками. В случае бегства япономанчжурских солдат они должны были переправить их обратно на свою сторону.

Оставив задержанных у замполитрука Мельникова и бойца Щеглова, Коновалов бросился вперед за уходящими солдатами. Пробежав два километра, он обнаружил 5 солдатских скаток с ранцами, видимо, брошенных впопыхах убежавшими япономанчжурами. Впереди мелькнула спина удиравшего самурая... На земле в беспорядке валялись разбросанные кружки, одеяла и записная книжка.

Наглые на авантюру и провокацию «храбрые» вояки, спасая свою шкуру, бросали все, боясь встретиться лицом к лицу с советскими пограничниками.

Следы бежавших япономанчжур круто сворачивали в сторону плота. Проиграв авантюру, самураи хотели, захватив лодку и плот, перебраться обратно на свою сторону.

Оставшиеся охранять задержанных япономанчжур замести-

Пулеметчик амурской флотилии.

тель политрука Мельников и боец Щеглов слышали шаги приближающихся солдат.

— Не выпустить! — крикнул Мельников Щеглову.

Не выпуская из виду задержанных, они бросились с гранатами наперерез к подходившим солдатам. Те, заметив пограничников, открыли беспорядочный огонь. Сзади беглецов настигал лейтенант Коновалов. Один из японо-манчжур заметил окружение и направил маузер на лейтенанта. Молниеносным ударом Коновалов вышиб маузер из рук японского солдата.

— Гранаты! — скомандовал Коновалов Мельникову и Щеглову, а сам из отбитого у врага маузера открыл огонь по противнику.

Две гранаты, брошенные одновременно Мельниковым и Щегловым, со свистом прорезали воздух и разорвались точно на месте скопления врага.

Когда рассеялись клубы пыли, на земле лежали раненые двое солдат. Остальные «доблестные» самураи, побросав оружие, пригнув головы к земле, растерянно смотрели на окруживших их трех советских пограничников...

Бой на острове на Уссури продолжался два часа. Кроме взятых в плен нарушивших границу 6 японо-манчжурских солдат и их перевозчиков, в бою был взят также ряд трофеев: 6 японских винтовок, один японский маузер, один японский ручной пулемет, около 2 тысяч патронов, большое количество военного снаряжения. Были найдены японские военные документы, в том числе топографическая карта местности, бланки полевых записей и пр.

Видимо, сомневаясь в боевых качествах своих солдат, японское командование решило поднять их «воинственный самурайский дух», наполнив их фляги джином (водкой)...

На второй день глубокой ночью передовой пост пограничников — заместитель политрука Мельников и боец Осинцев — заметил, что по воде в 20 метрах параллельно западному берегу острова идет неизвестный. Был сильный туман. Когда неизвестный вышел на советский берег, он был внезапно и бесшумно захвачен нашим пограничным нарядом. Во время беглого обыска здесь же на берегу он бросился в воду, но уйти самураю не удалось, его настигла пуля советского пограничника.

При проверке документов, найденных у убитого, и опросе

взятых в плен японо-манчжурских солдат оказалось, что убитый являлся младшим командиром одной из японо-манчжурских частей, участвовавших в бою 21 июля.

Зоркие советские пограничники несут почетную службу. Через три дня после боя пограничники снова захватили трех японо-манчжур. При допросе японо-манчжуры сознались, что являются переодетыми японскими разведчиками.

Как выяснилось при допросе, во время боя были убиты японский офицер и солдат. Таким образом, советские пограничники уничтожили и забрали всю группу японо-манчжур, вторгшихся на советскую землю.

Очередная японская провокация не удалась. Хладнокровие, исключительная смелость пограничников разбили вдребезги замыслы самураев...

Границу зорко берегут советские люди, воспитанные партией Ленина — Сталина, беззаветно преданные своей великой матери-родине.

Комсомольцы Коновалов, Мельников, Щеглов, Пономаренко честно выполнили свой долг. Так поступают и поступят в любой час все советские пограничники, каждый красноармеец.

«Тревога».

IV. КАК ЯПОНСКИЕ САМУРАИ ХОТЕЛИ ВЗЯТЬ СОПКУ ЗАОЗЕРНУЮ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

29 июля—11 августа 1938 г.

12 БОЕВЫХ ДНЕЙ

Капитан СТЕЖЕНКО

ЧТО ПРОИЗОШЛО В РАЙОНЕ ОЗЕРА ХАСАН?

Посьетский район, самая южная часть Дальневосточного Приморья, мало известен в западной части Советского Союза, однако он имеет весьма важное значение. Здесь сходятся границы СССР, Манчжурии и Кореи.

Наша граница с юга на север сначала проходит по реке Тумень-Ула, отделяя советскую территорию от Кореи. Протянувшись так около 25 километров, граница с Кореей переходит в границу с Манчжурией и отступает от реки. В этом месте между СССР и Кореей вклинивается длинным узким языком территория Манчжурии.

Пограничный участок Посьетского района изобилует низменностями и озерами. Одно из озер за последнее время стало известно всему миру. Это — озеро Хасан с прилегающими к нему с запада высотами Заозерной (Чанкуфын) и Безымянной, где советские пограничники и войска Приморской 1-й армии в течение двенадцати дней вели упорные бои с японскими захватчиками, посягнувшими на неприкосновенность советской территории.

Почему японская военщина избрала для новой вѣруженной авантюры район озера Хасан?

Озеро Хасан и расположенная около него гряда высот, или сопок, как их называют у нас в Приморье, находится всего в 10 километрах от берегов Тихого океана, а по прямой — в 130 километрах от Владивостока.

Если у Владивостока граница отстоит от побережья еще сравнительно далеко, километрах в 60—70, то чем дальше на юг, тем все ближе и ближе подходит она к берегу Японского моря. Здесь местность представляет собой узкую прибрежную полосу, сплошь болотистую и низменную, где движение возможно лишь по немногим тропам и проселочным дорогам. Дальше на север, вплоть до Владивостока, все побережье представляет также низменность, которая широко открывается взору с немногочисленных сопок.

Такими сопками, открывающими обзор на Посьетский район, являются высоты Заозерная (Чанкуфын) и ее соседка с севера — Безымянная, по вершинам которых проходит граница, установленная Хунчунским договором.

Как Заозерная, так и Безымянная составляют границы одного и того же скалистого кряжа, спускающегося по нашу сторону границы прямо в озеро Хасан.

Хотя обе сопки и невысоки (Заозерная имеет в вышину около полутора метров), но в условиях окружающей ровной местности в ясную погоду с них видно все наше побережье. Наши пограничники в удачные дни, когда рассеиваются очень частые здесь туманы, в бинокль наблюдают и берег и дальние острова, разбросанные вдоль побережья на пути к Владивостоку.

Если бы японцы удержали в своих руках эти высоты, то их укрепления, наблюдательные пункты и огневые средства, расположенные на сопках, дали бы им возможность держать под наблюдением и прямым огнем весь участок нашей территории к югу и западу от залива Посьет. А обоснуясь японцы на высотах, они непосредственно угрожали бы и нашей бухте Посьет, и побережью в направлении к Владивостоку.

Начиная свою авантюру, японская военщина рассчитывала на обеспеченный успех. Ее успокаивал исключительно трудный для нашей обороны характер местности, прилегающей к озеру Хасан. Сразу же за сопками Заозерной и Безымянной, если идти от границы в глубь нашей территории, лежит озеро Хасан, вытянутое на 4—5 километров с севера на юг вдоль границы. Его северный и южный края находятся от границы-

на расстоянии каких-нибудь 150—200 метров. Таким образом, обе сопки отделены от остальной советской территории широкой водной преградой, обойти которую на пути к сопкам можно только в непосредственной близости от границы по двум очень узким проходам.

Каждому понятно, какие большие преимущества это давало японским войскам, нацелившимся на сопки, и какие трудности создавало для нас.

Японцы рассчитывали, несомненно, также и на то, что болотистая местность и ограниченное число дорог не дадут нам возможности использовать танки и подвезти тяжелую артиллерию.

Как впоследствии выяснилось, японцы заблаговременно готовились к пограничному нападению. 19-я японская дивизия, расположенная в северной, приграничной части Кореи, была отобилизована и содержалась в составе военного времени, в количестве не менее 20 тысяч человек. К району нападения были подтянуты тяжелая, зенитная артиллерия и бронепоезда.

Японская военщина предвкушала успех своих планов, строя их на учете больших трудностей, встававших перед нами при обороне советских рубежей на подступах к Посъету.

Но в своих расчетах японцы жестоко ошиблись. Красная армия, выпестованная партией Ленина — Сталина, воспитанная, как и весь советский народ, на преодолении любых трудностей, еще раз показала всему миру, что нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять!

Застрельщиками нападения были японские пограничные отряды. Темной и туманной ночью 28 июля около роты японских пограничников скрыто сосредоточилось у склонов сопки Заозерной и Безымянной по свою сторону границы. 29 июля днем они внезапно атаковали Безымянную. В это время на Безымянной находился наш пограничный наряд в составе одиннадцати человек.

Несмотря на явный перевес сил на стороне японцев, пограничники встретили нападающих решительным отпором. Завязался жестокий бой, перешедший в рукопашную схватку. Пограничники, отбивая навалившегося врага штыками и прикладами, дрались до последней возможности. Пять человек из состава наших бойцов были убиты, а остальные ранены.

Участники боев в районе озера Хасан.

Не имея сил больше удерживать высоту, пограничники были вынуждены ее оставить.

Услышав перестрелку, к месту боя выступил резерв пограничного отряда; штыковой атакой и гранатами японцы были отброшены с Безымянной. Они отошли за границу, оставив на нашей стороне своих убитых.

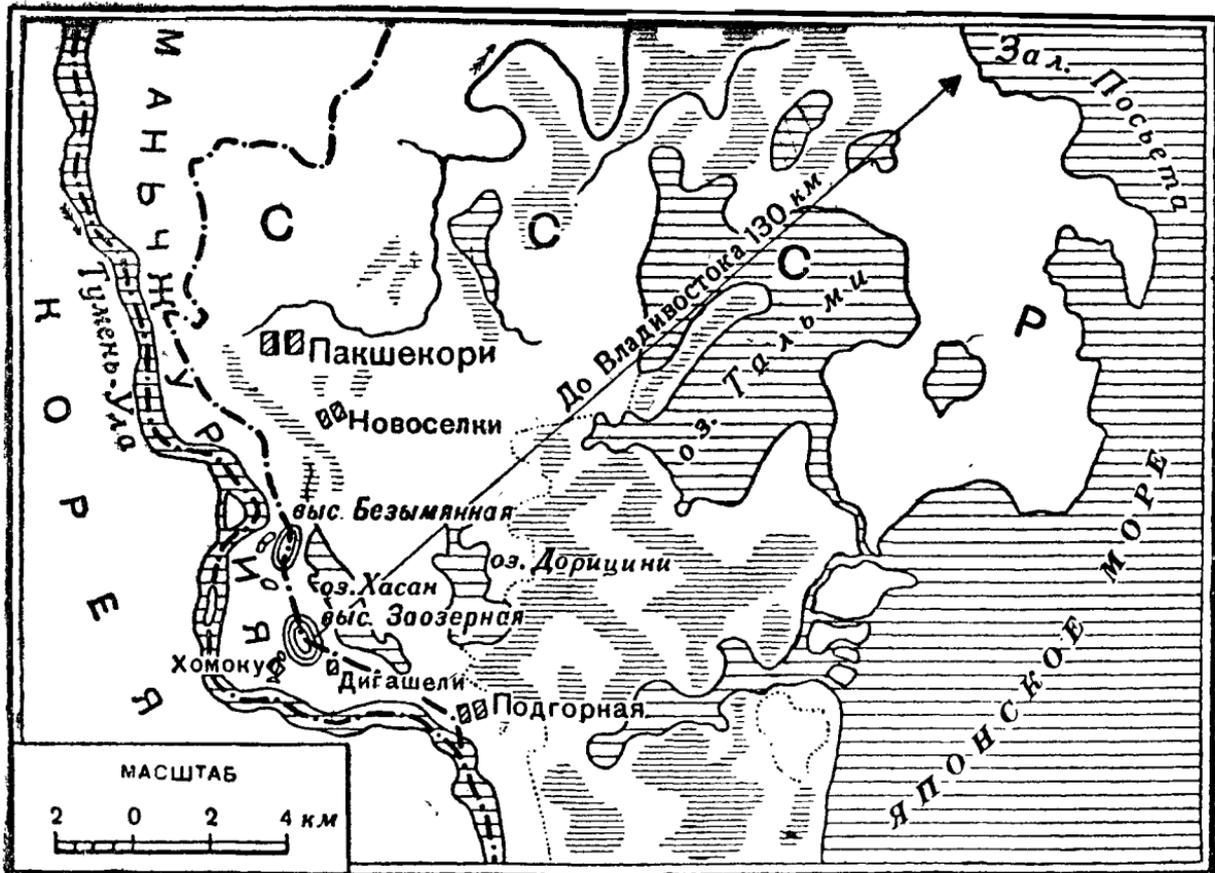
С самого начала вылазка японцев потерпела неудачу. Им потребовались дополнительные силы и некоторое время на сосредоточение. На следующий день — 30 июля — около озера Хасан было спокойно. На гребнях сопок были расположены наши пограничные посты.

31 июля, перед самым рассветом, когда густой туман окутывал местность до самых вершин сопок, японцы совершили новое нападение. На этот раз они атаковали обе высоты — и Безымянную и Заозерную. Теперь с их стороны действовали уже не пограничные отряды, а полевые войска с большим количеством пулеметов, минометов и артиллерии. Как потом было установлено по убитым, японцы бросили в атаку два пехотных полка 19-й дивизии, поддержанных сильным артиллерийским огнем.

Хлынувшие через границу японские войска столкнулись с нашими пограничными частями. Весь день 31 июля и 1 августа бой в районе озера не прекращался. Пограничники поражали японцев огнем своих пулеметов, штыками и ручными гранатами. Даже будучи ранеными, бойцы оставались в строю, отказываясь от направления в тыл и продолжая мужественно драться с врагами. Однако перевес в силах был на стороне японцев; прокладывая себе дорогу ценой больших потерь, устилая путь убитыми и ранеными, японцы оттеснили наших пограничников и проникли в глубь советской территории до 4 километров.

Захватив Безымянную и Заозерную, японцы начали их спешно укреплять, строить окопы и создавать различные препятствия. Они использовали каменистые склоны сопок, расположили укрыто свои пулеметы и артиллерию, за отдельными камнями разместили снайперов. Обе высоты были превращены в основу японской обороны на озере Хасан. Огонь пулеметов с сопок и артиллерии, сосредоточенной за ними, запирал единственные подступы к высотам с севера и юга и между границей и озером.

Наше командование, встретившись с фактом ввода японцами в бой полевых войск, приказало полевым частям Красной армии выступить на поддержку пограничников и уничто-

Схематическая карта района озера Хасан.

жить захватчиков, нагло вторгшихся на советскую территорию. Одновременно с этим строжайше было приказано не пересекать границы.

Наш полк, находившийся в расстоянии около перехода от района боев, получил приказ о немедленном выступлении. Головной батальон форсированным маршем двинулся к озеру Хасан, за ним следовали остальные батальоны.

2 августа полевые части войск 1-й армии, расположенных в Посыетском районе, вступили в бой с захватчиками. Был туманный день, моросил дождь. Противник открыл ураганный артиллерийский огонь. Однако это не могло нас остановить. Дружным натиском пограничных частей и полевых войск противник был отброшен за озеро Хасан. Поздно вечером наши войска приблизились к занятым японцами сопкам Заозерной и Безымянной.

Японцы находились в чрезвычайно выгодных тактических условиях. Перед их позициями лежало озеро, которое не позволяло нам атаковать высоты с фронта. Для того чтобы выгнать врага с советской земли, нам надо было обходить края озера, то есть двигаться вдоль самой границы, попадая под жестокий огонь японских войск, которые находились не только на высотах Заозерной и Безымянной, но и на других возвышенностях, тянущихся вправо и влево вдоль границы.

Мы были зажаты на узком пространстве между озером и границей. Конечно, мы могли бы значительно быстрее расправиться с зарвавшимся врагом, если бы нарушили границу и овладели сопками, обходя их по манчжурской территории. Но наши части точно выполняли приказ командования и действовали в пределах своей территории. В последующие дни мы увидели, насколько это было трудным.

Наш батальон наступал на японцев через южный подступ, имея задачей занять Заозерную. Перед нами лежало пространство в полтора метра, сплошь оплетенное проволокой и находившееся под перекрестным пулеметным огнем. Через этот лабиринт огня и проволоки нам предстояло пробиться и выбросить захватчиков с советской земли. В таком же положении находились наши части, наступавшие через северный подступ на Безымянную.

Всю ночь и последующие дни мы отбивали непрекращавшиеся контратаки японцев, штыковыми ударами отбрасывали врага назад, на его позиции. Мы двигались вперед, дерясь буквально за каждый шаг; ни ожесточенные контратаки японцев, ни огонь пулеметов, который не прекращался ни на ми-

нуту, не могли остановить наших бойцов. Медленно, но неуклонно мы приближались к японским заграждениям.

Бойцы-дальневосточники, пламенные патриоты, не считаясь ни с какими трудностями, стремились быстрее выполнить поставленную командованием задачу. Одна из рот попросила у командования разрешения проникнуть через заграждения и атаковать японцев. Добровольцы, конструируя друг перед другом, настойчиво добивались удовлетворения их просьбы. Командование разрешило.

Под покровом тумана смельчаки рассредоточились на полутора метра метрах лежащего впереди пространства и, преодолевая проволоку, подползли к японским укреплениям. Когда туман рассеялся, они были обнаружены японцами, но успели за это время окопаться настолько, что как ни старались их японцы выбить — ничего не выходило.

За эти дни наше командование закончило сосредоточение технических средств в количестве, необходимом для решительного удара по захватчикам.

4 и 5 августа шли непрерывные дожди. Дороги размокли, болота превращались в озера, что еще больше осложняло наше маневрирование.

6 августа — день годовщины Дальневосточного Краснознаменного фронта. С утра, как всегда, было туманно. Около полудня туман рассеялся. Вдруг загудело небо. Это шли наши самолеты. Вот один десяток, другой, третий, четвертый... их было много. В боевом строю они шли на противника.

Поднялись вверх столбы земли на безлесных гребнях занятых японцами сопок, взлетели обломки японских орудий, щепки разрушенных японских укреплений.

Как бы споря в мощности с разрывами авиабомб, загрохотала наша артиллерия. Ее снаряды ложились в полосе японских позиций. Мощная артиллерийская подготовка слилась воедино с авиабомбардировкой. Как видно, не сладко чувствовали себя японцы, получая наши «гостинцы»!

Вслед за бомбардировщиками включились в бой истребители. Пулеметным огнем они поливают японскую пехоту.

Пришла очередь для действий нашей пехоты. В сопровождении танков она ринулась в атаку через узкое пространство. Японская артиллерия бьет по танкам прямой наводкой. Танки, ныряя в неровностях местности, осторожно выбирают узкие полоски проходимого пространства, дают проволоку и врезаются в расположение японских позиций. Бойцы разры-

вают проволоку ножницами, подрывают ее ручными гранатами. Наши замечательные бойцы, пренебрегая огнем японской артиллерии, установленной на манчжурской территории, уверенно двигаются вперед; подразделения соревнуются друг с другом в том, чтобы первыми войти с красными знаменами на родную советскую Заозерную сопку.

К вечеру самолеты повторили атаку. Опять гром разрывов, столбы земли. Артиллерийский огонь японцев ослаб, — видно, несколько японских батарей были подбиты нашей артиллерией.

Я не участник империалистической войны, но знаю по описаниям, какой силы достигал огонь на фронте в период наиболее напряженных боев. 6 августа и в последующие дни мы проделали то, что проделывалось в те времена при атаке сильно укрепленных позиций и что вошло в историю как примеры небывалого упорства и обороны и наступления.

Спустилась ночь. Бой не прекращался, но японцы начали сдавать. Еще нажим, еще раз бросок в атаку. С криками: «Ура! Да здравствует великий Сталин!» — бойцы стремятся вверх по крутым склонам сопки. Враг не выдержал — сопка наша! Заозерная (Чанкуфын) снова в наших руках!

На рассвете на Заозерной развевались красные знамена.

Японцы успели основательно укрепиться на высоте. Они оставили окопы глубиной в полный профиль, убежища и блиндажи для пехоты, основательно разрушенные действиями нашей авиации и артиллерии. Проволочные заграждения перед японскими позициями были построены в 3—4 ряда кольев, впереди них были открыты противотанковые рвы. В оставленных самураями окопах мы нашли несколько сот порожних бутылок из-под спиртного различных марок.

Японцы не хотели помириться с потерей высоты. Озверевые, с криками «банзай» они карабкались по камням на сопку. Наши бойцы подпускали их на близкое расстояние, а затем забрасывали ручными гранатами. Так отбивались неоднократные контратаки японцев. Большинство наступавших оставалось на месте убитыми, а уцелевшие скатывались обратно вниз.

В дальнейшие дни основные бои развернулись на высоте Безымянной, где японцы еще занимали часть нашей территории. Стараясь выбить японцев, наши части невольно вклинились метров на 300—400 в японское расположение по ту сторону границы.

Японская артиллерия продолжала вести огонь, стараясь

подбить наши орудия. Однако огонь японцев страдал одним «дефектом»: снаряды попадали куда угодно, только не в цель. Наша артиллерия уверенно выполняла свои задачи, поражая неприятельские орудия. 8 августа по нашему батальону открыла усиленный огонь одна из японских батарей, препятствуя нашему наступлению. После того как наша артиллерия направила огонь по этой батарее, мы на себе почувствовали успешные результаты в работе наших артиллеристов: сначала японский огонь ослаб, а затем прекратился.

Бои за Безымянную богаты эпизодами героического поведения бойцов-патриотов. 9 августа группа смельчаков-добровольцев испросила у командования разрешения уничтожить две японские укрепленные точки, которые особенно мешали нашим действиям. Ночью смельчаки подползли к укрепленным точкам, заложили фугас и взорвали одну из них. Другую точку они вынудили замолчать, ведя непрерывный огонь по амбразуре, откуда до этого стрелял японский пулемет.

Одно из наших отделений, скрыто подойдя к расположению противника, своим умелым огнем уничтожило японский взвод.

На южном участке в тот же день, 9 августа, когда около двух рот пехоты противника, переправившись через реку Тумень-Ула, собирались нас атаковать, они были уничтожены: одна рота на месте нашим артиллерийским огнем, а другая — при отступлении вплавь через реку. Прекрасно действовали наши саперы, которые под огнем японцев строили укрепления на отбитых нами высотах.

Громадными усилиями преодолевая трудности местности и японской обороны, наши бойцы, командиры и политработники последовательно выполняли волю советского народа, выраженную вождем народов товарищем Сталиным: «Ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

Мы не хотим ни корейской, ни манчжурской земли, но советуем вам, господа японцы, оставить надежды на владение нашими сопками, озерами, пашнями, городами. Если не хотите сойтись на этом по-хорошему, мы вас убедим силой, сколько бы войск вы ни собрали и каких бы нам это усилий ни стоило. Такими настроениями были проникнуты все, кто в те дни дрался с захватчиками. Великая сила любви к родине, горячее чувство советского патриотизма руководили нашими действиями в эти незабываемые дни. С именем Сталина на устах, под красными знаменами страны социализма мы

шли в бой и побеждали. Готовность всей необъятной Советской страны отразить налетчиков воодушевляла нас в тяжелых условиях боевой работы.

Беспартийные красноармейцы и командиры в период боев подавали заявления о принятии их в партию и комсомол. «Хотим идти в бой членами партии Ленина — Сталина, членами ленинского комсомола», заявляли они. В бою они своим беззаветным героизмом доказали преданность делу партии и искренность своего стремления быть в ее рядах. Сейчас они влились в нашу партийную и комсомольскую семью. Партийные и беспартийные большевики, борясь плечо к плечу, победили трудности и вышвырнули обнаглевших самураев с родной земли.

К моменту перемирия, которое было объявлено 11 августа, на советской территории не было больше ни одного японского солдата. Японцы попытались было в самый последний момент выдвинуться вперед на нашу территорию, накапливаясь за камнями сопки Заозерной. Они воспользовались тем, что огонь с нашей стороны был прекращен ввиду начавшегося перемирия. Однако настойчивая позиция нашего командования заставила японцев уважать заключенное соглашение и отойти на линию, которую они занимали до перемирия.

Сейчас мы уверенно держим в своих руках отвоеванные сопки, политые кровью сынов социалистической родины, павших на защите советских границ.

«Правда», «Красная звезда».

З. ХИРЕН

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

29 июля 1938 года

На дне глубокой пади, среди высоких гор и сопки, лежит озеро Хасан. Небо над озером только что освободилось от предутреннего тумана. Открылось голубое окно, и первые лучи солнца блеснули на поверхности воды. Все вокруг залито ярким светом. Внизу, у самого берега озера, колышется высокий камыш, тянутся кверху тонкие деревья, густая сочная трава.

Недалеко отсюда, на высоте Безымянной, пограничный отряд нес свою обычную службу по охране дальневосточных рубежей родины. Ночь прошла. Каждый на своем посту бдительно охранял границу.

Снайперы, пулеметчики, стрелки — каждый вглядывался в темноту, чутко прислушивался к окружающему. По ту сторону границы гремели поезда, время от времени в темноте можно было разглядеть огни японо-манчжурских паровозов. Японская военщина готовилась к очередной провокации.

Пограничники уже привыкли к наглым провокациям японо-манчжур. Здесь, с этой высоты, они могли наблюдать пару дней назад такую картину. В потустороннюю деревушку утром явились жандармы, они выгнали все население и заняли дома. Вскоре эти же полицейские, переодевшись в крестьянскую одежду, стали разгуливать по деревне. В полдень на краю селения появились четыре японца, которые направились в помещение полицейского участка. Это были кинооператоры.

Оказывается, после того как товарищ Литвинов дал отпор зарвавшемуся дипломату Сигемицу, японцы решили разыграть «возмущение масс». Кинооператоры собрали вокруг себя переодетых солдат, офицеров, полицейских и минут 20 объясняли им, как надо себя вести во время киносъемки. Затем началась сама киносъемка. Перед киноаппаратом проходили «артисты», размахивали руками, что-то кричали. Каждый раз то к одному, то к другому подбегал режиссер этой комедии и показывал руками, как надо изображать возмущение.

Судя по тому, как часто приходилось объяснять поведение во время съемки, «артисты» плохо знали свои роли. Кое-кто из переодетых провокаторов, вместо того чтобы возмущаться, все время смеялся. Режиссер нервничал, киносъемка явно не удавалась. Он жестикулировал руками, кричал. После киносъемки все направились в полицейский участок.

Зато на другой день пограничники могли наблюдать действительное возмущение крестьян, вернувшихся в свою деревню. Они отыскивали своих кур, но кур передушили японцы. Они отыскивали своих собак, но собак перерезали японцы.

Это возмущение никто не снимал на кинолентку.

По деревне важно расхаживают «господа офицеры» в одном исподнем. Они стараются этим скрыть свое присутствие здесь, но им это опять-таки плохо удается. Выдает солдатская походка и бесчинства, творимые ими в деревне.

Пограничники хладнокровно наблюдают эти картины. Они видали и не такие провокации японских агрессоров. Совсем недавно на этом же участке появились японские жандармы, вздумавшие переступить нашу священную землю. Разгуливая по нашей земле, они занялись фотосъемкой местности. По-

граничник Василий Виниватин, обнаружив нарушителей границы, крикнул: «Стойте!» Нарушитель границы бросился бежать, пришлось стрелять. У убитого на нашей территории нарушителя впоследствии был обнаружен фотоаппарат; среди снимков имеется и такой: на нашей советской земле лежит японо-манчжур, на ногах у него резиновые сапоги — спецобувь шпиона, перед ним планшет. Снимок говорит сам за себя.

Советские пограничники помнят десятки провокаций японцев. Поэтому, неся обычную службу по охране границы, они особенно бдительны, внимательны ко всему. Сегодня, 29 июля, пограничный наряд находился на высоте Безымянной. И вдруг красноармеец Михаил Кувшинов вместе со своими товарищами Кособоковым и Поздеевым увидели японцев, спустившихся с противоположной высоты по направлению к нашей территории. Они немедленно сообщили об этом лейтенанту Махалину. Все приготовились дать решительный отпор налетчикам, если они вздумают переступить линию границы. Японцы открыли ружейно-пулеметный огонь по нашему наряду и нарушили нашу границу. Лейтенант Махалинскомандовал:

— Огонь!

Красноармеец Степан Афанасьевич Бигус увидел впереди японского пулеметчика, вылезавшего на бугор. Взял на мушку японца. Выстрел снайпера Бигуса был меток. Японский пулеметчик свалился, из рук его вылетел пулемет. После этого японцы открыли огонь по снайперу. Бигус уничтожил одного за другим японцев, ведущих атаку на пограничников. Японцы подошли совсем вплотную. Только тогда Бигус стал менять место. Он увидел тяжело раненого товарища. Держа в одной руке винтовку, он другой схватил раненого и стал переносить его в тыл.

Японцы стали преследовать Бигуса. Оттащив товарища в безопасное место, Бигус лег в высокую траву и на некоторое время прекратил огонь. Японскому пулеметчику, стоявшему неподалеку от него, показалось, что Бигус убит. Он внимательно вгляделся в советского пограничника, потом приготовился все-таки еще раз выстрелить в него. В это время Бигус, метко прицелившись, дал выстрел и убил японского пулеметчика. Другой японец подбежал к нему с клинком. Тогда Бигус стал отбиваться прикладом. Будучи раненым, Бигус продолжал вести огонь по японским налетчикам...

Бывший тракторист Бигус лишь первый год служит на

границе. В этом бою он показал себя мастером огня, мужественным и храбрым сыном своей родины. Но не только он, — весь наряд проявил исключительное мужество и героизм при защите советских границ.

Пулеметчик Емцев хладнокровно короткими очередями обстреливал в упор японских агрессоров. Он отдал жизнь за социалистическую родину. Красноармеец Роман Лесняк не прекращал огня по японцам. Смело бросал он гранаты и уничтожал врага. Вот он сбил одного японца; но тут же прямо на него бежит японский офицер с обнаженным клинком. Лесняк нацелился на японца... осечка! Но советский пограничник не растерялся и штыком проколол японцу горло.

Лесняк лишь недавно был поваром на заставе; затем он попросил, чтобы его послали в наряд. Разрешение было дано. Лесняк стал ходить на охрану границы. Как раз перед боем его назначили учиться на курсы снайперов. Первый день учебы прошел в бою с японцами. Лесняк доказал, что он отличный стрелок!

Красноармеец Кособоков в неравной рукопашной схватке с японо-манчжурами получил сабельный удар в плечо и руку, но не оставил своего боевого поста. Он продолжал вместе с товарищами уничтожать противника.

Пулеметчик Кубяков, будучи раненым, не оставил пулемета и огневой точки. Он продолжал уничтожать японцев. Потом, уже в госпитале, он прежде всего спросил: «Цел ли мой пулемет, не захвачен ли он японцами?»

Снайпер Кувшинов, который, вместе с Кособоковым и Поздеевым, первым обнаружил японцев, направлявшихся на нашу территорию, так же как и все остальные, ни на минуту не прекращал огня.

Бой был неравным. Ведь против маленькой группы советских пограничников выступила целая рота японцев! Но пограничники не растерялись. лейтенант Махалин смело вел своих бойцов на врага. После смерти лейтенанта Махалина отделенный командир Шляхов, несмотря на то, что был ранен осколком гранаты, взял на себя руководство боем. Одновременно Шляхов не прекращал поддерживать связь по телефону с заставой. Разговаривая по телефону, он отбивался от японцев, которые вплотную подходили к нему.

Смертью храбрых в этом неравном бою погибли лейтенант Махалин и красноармейцы: Емцев, Шмелев, Поздеев и Савиных...

РАССКАЗЫ ПОГРАНИЧНИКОВ О БОЯХ С ЯПОНЦАМИ

Командир отделения ШЛЯХОВ

ЛОБОВАЯ АТАКА

29 июля 1938 года

Лейтенант Махалин дал мне приказание — все время доносить о приближении японцев и о ходе боя. Это приказание я выполнил полностью. Я непрерывно принимал участие в сражении. Когда японцы приблизились к высоте, мы открыли по ним меткий огонь и расстреливали их из винтовок и ручных пулеметов. Нашим огнем было уничтожено много самураев.

Окружив высоту со всех сторон, озверелые японцы бросились в атаку. Я продолжал держать связь по телефону и одновременно отражал удары самураев.

Приблизившись к нам на 25 — 30 метров, японцы начали бросать гранаты.

Лейтенант Махалин отдал приказание — прорвать вражеское кольцо в рукопашном бою. Когда он был убит, командование нарядом я взял на себя. Будучи дважды ранен, я, тем не менее, повел бойцов в лобовую атаку. Решительным натиском мы прорвали ряды самураев. Я захватил с собой и свой телефонный аппарат. Подоспевшая группа лейтенанта Быховцева выбросила японских фашистов с нашей земли.

«Тревога».

Красноармеец ЛЕСНЯК

МЫ ВЕЛИ УНИЧТОЖАЮЩИЙ ОГОНЬ

Сначала мы заметили группу японцев в 50 человек. Спустя некоторое время наблюдатели обнаружили в пади еще значительное количество самураев. Когда обнаглевшие японцы приблизились к нам на 300 метров и открыли огонь, мы увидели, что их здесь — 100 — 120 человек.

Мы прочно залегли в обороне, отвечая на вражеские выстрелы уничтожающим огнем, и нанесли большой ущерб противнику. Было решено: не отступать ни на шаг! С мыслью о родном вожде и учителе товарище Сталине, о великой родине вступили мы в бой.

Сражение было жестоким. Враги падали от наших выстрелов, но на их стороне был огромный количественный перевес. Пользуясь своей численностью, они окружили нас кольцом. Когда самураи перешли в атаку, мы бросились в рукопашную

В РАЙОНЕ ОЗЕРА ХАСАН, ИЛИ ЧИСТОТА —
ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ.

Небольшое очистительное мероприятие, необходимое для
нормальных дипломатических переговоров.

схватку и прорвали цепь наступающих. Во время схватки на меня бросились два самурая; одному из них я проколол горло штыком, другой ранил меня клинком.

«Тревога».

Красноармеец БИГУС

САМУРАИ БЫЛИ РАЗБИТЫ

Около 100 самураев поспешно перебежали по склону хребта к нашей границе. Пока не было нарушений, мы спокойно лежали и пристально наблюдали за движением, напряженно всматриваясь в каждую фигуру. Впереди шел японский пулеметчик. Когда же японцы нарушили советскую границу, я первым выстрелил и убил японского пулеметчика.

Японцы, неся большие потери, все ближе и ближе подходили к нам. Меня ранило. Осталось 20—30 метров... Японцы бросились в атаку.

Я выскочил из окопа, подобрал лежавшего рядом со мной раненого бойца, чтобы он не остался в руках у японцев, и бросился на прорыв, продолжая действовать прикладом винтовки. По мне открыли огонь из пулемета. Я залег в кусты вместе с раненым товарищем и немедленно взял на мушку японского пулеметчика. Он, повидимому, подумал, что я убит, и высунулся из-за пулемета посмотреть на меня. В это время я выстрелил, и он упал.

Пуля из второго японского пулемета разбила у моей винтовки ствол и повредила затвор. Ползком я добрался до командира отделения товарища Шляхова. В нас бросили гранату, осколком которой был ранен товарищ Шляхов. Но мы продолжали вести бой. В это время подошла группа лейтенанта Быховцева, и японские самураи были разбиты.

Я заверяю товарища Сталина, что еще бдительнее буду защищать нашу прекрасную родину и никогда не позволю японским самураям топтать нашу землю. Мы отомстим за смерть наших товарищей, честно отдавших свои жизни за дело нашей родины, за партию Ленина — Сталина.

«Тревога».

В. ЧЕРНЫШЕВ

ЯПОНЦЫ ВТОРГАЮТСЯ НА СОВЕТСКУЮ ЗЕМЛЮ

В ночь с 30 на 31 июля 1938 года

Команда «в ружье» застала пограничников на своих местах. Быстро, как птицы, боевые кони донесли их к последней пяди

советских рубежей,— туда, где пограничная черта делит не только землю, но и жизнь.

Это было перед вечером. Солнце уже скрылось за горизонтом. Туман заслонил просторы, окутал серой дымкой лощины, сопки, разостлался скатертью по низинам, падям, распадкам.

Заняв левый скат высоты для обороны, лейтенант товарищ Христолюбов выслал разведку. Вместе с младшим командиром товарищем Чернопятко четыре бойца отправились в тяжелый и опасный путь. Их сопровождала служебная собака Рекс. От кочки к кочке, от камня к камню, ползком, пограничники миновали открытое место и спустились в камыши.

Рекс, стиснув зубы, поднял голову. Высоко посаженные уши дрогнули. Вслушиваясь в обманчивую тишину ночи и вбирая в себя ее неуловимые запахи, овчарка с быстротой молнии сделала прыжок вперед. Раздался хрип, стон. Вечернюю тишину прорезали четыре выстрела. Все это произошло в одно мгновение. Наши разведчики подобрались вплотную к японским разведчикам. Первый самурай был задушен овчаркой, четыре других, отстреливаясь, побежали к границе.

Не успел товарищ Чернопятко доложить о случившемся, как японо-манчжурские налетчики открыли ружейно-пулеметный огонь по нашей высоте. Количественно превосходя наши силы в несколько раз, самураи повели наступление на советских пограничников с трех сторон.

Советская сторона все еще молчала...

Пограничники ждали удобного случая, чтобы наверняка поразить как можно больше врагов. Подпустив японцев поближе к высоте, лейтенант товарищ Христолюбов бросил две световые гранаты. Яркий сноп огня осветил черные цепи врага.

Этот миг не пропал бесследно. Снайпер товарищ Егоркин пустил меткую пулю прямо в сердце бегущего впереди офицера.

— Не суй свое рыло в советский огород!..

Застава упорно обороняла границу. Ружейный огонь запрыгал с места на место и сразу же определился заградительной стеной вдоль границы. Пулеметчики Чернов, Чернопятко и Зуев раскаленной лавой свинца уничтожали врага. Лейтенант Христолюбов бил гранатами на выбор, не торопясь, только тогда, когда отчетливо были видны очертания вражеской тени.

Самураи не выдержали уничтожающего огня. Первая атака на советскую высоту окончилась неудачей.

Надвигалась ночь. Японо-манчжуры не хотели уходить с советской земли. Озлобленные первой неудачей, они открыли

артиллерийский огонь и стали забрасывать гранатами неустрашимых защитников социалистических границ.

Первый взрыв японского снаряда потряс землю. Больно отдался этот взрыв в сердцах пограничников. Велика была ненависть к врагу, руки крепче сжимали винтовки, зорче становился глаз.

Осколками непрерывно рвущихся гранат уже ранен лейтенант Христолюбов, ранены Зуев, Чернопятко. Алая кровь обагрила родную землю. И храбрецы не оставляли поля боя — они готовили ответный удар.

И вот все затряслось и задымилось. Сухой и тяжелый ливень советского свинца обрушился на головы охотников до чужой земли.

Враг был многочисленен. Буквально сплошной стеной самураи шли на каждого бойца. Схватка идет почти врукопашную.

Когда лейтенант Христолюбов нагнулся в окоп за очередными гранатами, на его сильную спину, как кошка, бросился японский офицер. Расправив свои богатырские плечи, пограничник подбросил самурая вверх и, не дав ему упасть живым на советскую землю, пристрелил в воздухе насмерть.

И хотя клещи врагов сжимались все теснее, сопротивление пограничников не уменьшалось...

«Высоту не сдавать!»

Это было единственное желание наших бойцов.

И они не сдали высоту! На помощь группе Христолюбова поспешил с пулеметом лейтенант Терешкин. Это внесло новую энергию и боевой дух в ряды обороняющихся.

...Сквозь град пуль и взрывы гранат, как призывной колокол, прозвучал голос товарища Христолюбова:

— Да здравствует Сталин! Вперед!

Слова лейтенанта подхватили бойцы, и мощное «ура» раздалось гулким эхом.

Дрогнула самурайская стая. Решив, что советские пограничники пошли в контратаку, они поспешно откатились назад.

Вторая атака японцев отбита так же, как и первая...

В это время товарищ Христолюбов был ранен вторично. Осколки гранат попали ему в грудь и в ногу. Но силы не изменяли храбрецу. Он попрежнему четко руководил полем боя.

Выносливость и отвага командира вселяли в бойцов бодрость и силу. Проникнутые любовью к своему лейтенанту, они то и дело уговаривали его отойти в тыл.

— Ничего. Полежу, отдохну, а вы бейте налетчиков в самое сердце. За око рвите два око, а за зуб — целую челюсть.

Неравная борьба продолжалась всю ночь, до рассвета. У пограничников уже кончались боевые припасы. Об этом узнал Христоролюбов. И он снова вернулся на огневой рубеж. Комсомолец, помощник старшины товарищ Слободюк, дважды раненый, подбадривал соседей:

— Патронов нехватит — доберусь до японцев руками, штыком!..

С рассветом налетчики усилили гранатометный и артиллерийский обстрел. Во время перестрелки был ранен в третий раз лейтенант Христоролюбов.

Руки и ноги уже не повиновались его воле, силы медленно изменяли ему. Но он все еще четко отдал приказ о назначении своим помощником товарища Чернопятко и только теперь, истекая кровью, отказавшись от помощи, уползал в тыл.

Покидая поле боя, командир был уверен, что бойцы без него не сдадут высоту.

Когда Христоролюбов уже дополз до палатки, где был перевязочный пункт, поток горячего воздуха вдруг подбросил его, — осколок вражеской гранаты еще раз ударил героя.

Истекая кровью, большевик Христоролюбов не хотел сдаваться смерти. Почему-то сейчас вспомнил он разговор перед боем с коммунистом Терешкиным.

— Я иду в бой непартийным большевиком, — говорил тогда Христоролюбов. — Вернусь с границы — считайте меня в партии Ленина — Сталина.

Христоролюбов хотел подняться и вновь вернуться в бой. Но силы ему изменили. В это время лейтенанту донесли: на помощь пограничникам пришли войска.

Так начинался пограничный бой у озера Хасан.

«Тревога».

Лейтенант С. ХРИСТОРОЛЮБОВ

БОЙ ЗА ВЫСОТУ ЗАОЗЕРНУЮ

В ночь с 30 на 31 июля 1938 года

Это было в самом начале событий. Наша разведка, во главе с младшим командиром товарищем Чернопятко, проверяя линию границы, обнаружила на советской земле группу японцев.

С нашей разведкой была собака Рекс. Завидя самураев, она вцепилась одному из них в горло, и тот упал замертво. Остальные бросились бежать. Но вскоре на нашу разведку

набросилась новая группа японцев, численностью превосходившая во много раз первую.

Младший командир Чернопятко доложил по команде, что японцы нарушили государственную границу и заходят с тыла, наступают на высоту Заозерную.

Японцев было много. Они окружили нас и повели наступление с тыла, параллельно границе и с фронта, одновременно ведя по высоте Заозерной сильный ружейно-пулеметный огонь.

Во все время этого боя мы проявляли выдержку: придерживаясь пограничного режима, не выходили за линию границы. Через некоторое время японцы с криком «банзай» пошли в атаку.

Самое сильное наступление они повели у левого окопа, откуда по ним стреляли отличники-пулеметчики товарищи Зуев, Кошкин и связной товарищ Захаров. Я подал команду открыть огонь вдоль границы. Мы заставили противника замолчать. Видимо, заметив, откуда стреляют, японцы открыли артиллерийский огонь. Снаряд разорвался у нашего окопа. Ручной пулемет был совершенно разбит, а осколками ранило меня, Зуева и Чернопятко.

После этого самураи осмелели и повели наступление, поддерживаемое ручными и станковыми пулеметами. Они забрасывали нас гранатами. Вдруг мы услышали крик, направленный в нашу сторону:

— Куда стреляете? Свои идут...

Это нас провоцировали белогвардейцы, которых было немало в рядах сбродного японского войска. Гнусные провокаторы надеялись смутить бойцов. Надо думать, что японское командование осталось недовольно провалом своих наймитов, — пограничники ответили на провокацию сильным огнем и отразили несколько атак врага.

Много самураев скосили тогда наши острые и меткие пули. Но японское командование людей не жалело. Уничтожим одну группу — подходит другая, третья... А наше подкрепление все еще не могло подойти к нам, так как японцы обстреливали из артиллерии подступы.

Нужно было действовать решительно, чтобы заставить врагов отступить.

Пулеметчикам и стрелкам я подал команду «огонь». С громкими криками: «За товарища Сталина!», «За Сталинскую Конституцию!», «За родину!», «Ура!» — мы бросились вперед. Горячая преданность любимому вождю и родине придавала нам

силы. Наверное, в то время, наполненные этим чувством, мы действительно были страшны в своем гневе, потому что враг в панике отступил. Мы видели это хорошо и считали вполне нормальным, что 400 японских солдат с офицерами отступают под натиском 70 советских часовых.

В 2 часа ночи, находясь в окопе, я был ранен пулей в грудь и осколками снаряда — в ногу.

Боец Тараторин перевязал раны, и я продолжал командовать боем. Всю ночь мы отражали атаки вражеских солдат. Приходилось стрелять не только на дальнейшее расстояние. Мы били врага в упор. С диким воем откатывались назад японские цепи. Раненые пограничники продолжали бить врага, не желая уходить с поля боя. Это был героизм, на который способны лишь люди сталинской закалки.

Когда рассвело, японцы снова начали сильный артиллерийский огонь. Тяжело был ранен мой ближайший товарищ, боевой лейтенант коммунист Терешкин. Вскоре вражеская пуля пробила навывлет мою руку, через несколько минут новая пуля ранила в голову. За одну ночь я получил пять ран, тело ныло от засевших под кожей осколков снарядов и гранат. Но пока мы можем двигаться, пока сердце бьется, нужно уничтожить врагов нашего народа.

Я крикнул героям-бойцам:

— Товарищи, ни за что японцев не пускать на высоту!

— Есть! — ответили бойцы.

Бой продолжался. Героизм наших бойцов не поддается никакому описанию. Пулеметчик Зуев получил две раны, но, крепко стиснув зубы, преодолевая боль, продолжал истреблять наседавших врагов. Рядом, хладнокровно заряжая винтовку новыми обоймами, метко бил снайпер Егоров. Без суеты, с изумительной выдержкой защищали свою родину славные пулеметчики Ермолаев, Цибин, Пешков, Жиленков.

В эту ночь смертью героев пали бесстрашные пограничники Тараторин, комсомолец Слободюк, который, получив несколько ран, продолжал драться до конца.

За все время боя я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь даже из очень тяжело раненых пограничников стонал. Кто мог еще хотя бы ползать, тот рвался в бой за родину, за партию, за Сталина. Каждому раненому немедленно оказывалась помощь.

Совсем иную картину представлял лагерь противника. На нас шла пьяная, оголтелая самурайская свора. Громко кричали и плакали раненые солдаты, взывая о помощи. Но никто

не спасал их. По ним бежали, их топтали обезумевшие варвары...

Наконец, к нам подошло подкрепление. Свежие бойцы обрушились на врага. Здоровые пограничники остались на линии огня. Раненые отползли на перевязку. Каждый искренне жалел, что раны на время вывели его из строя; но зато мы были довольны, что своим метким огнем, гранатами и острыми штыками уничтожили немало налетчиков.

«Тревога».

Пулеметчик ЗУЕВ

МЫ БРАЛИ ПРИМЕР С КОМАНДИРОВ

Мы вместе с лейтенантом товарищем Христолюбовым находились в окопе, когда на левом фланге послышался шорох. Лейтенант приказал дать ракету, но увидеть ничего не удалось.

Когда мы пустили вторую ракету, стало видно, что японцы идут в атаку. Нас в окопе было всего четыре человека; но мы встретили самураев пулеметным огнем и гранатами так, что они на некоторое время затихли. Все же решено было отступить выше, в следующий окоп. Отсюда мы ходили в атаку и снова отбили японцев.

После затишья самураи, пользуясь огромным количественным перевесом, стали занимать нашу сопку. Будучи сильно раненым в ногу, я лежал почти без чувств, когда услышал голос лейтенанта товарища Христолюбова. Он спрашивал, кто еще может стрелять из пулемета. Я вызвался и сразу получил приказание стрелять в упор по левому флангу.

В окоп падали японские гранаты. Очень часто бойцы ловили их налету и ими же без промаха разили самураев. Но многие гранаты рвались, и осколками одной из них ранило меня и лейтенанта. И у меня и у него это было уже второе ранение.

Горячий был бой! Подкрепление к нам подойти не могло, потому что японцы обстреливали из артиллерии все прилегающие к окопам пути, а у нас артиллерии не было: мы, пограничники, по международным правилам не можем ею пользоваться.

Но советские пограничники никогда не падают духом! Мы вспоминали, что за нами вся страна, что вот сейчас, наверное, весь народ думает: «Ну, как там наши пограничники, выдержат или нет?»

Подумаешь так, нажмешь на ручку пулемета, — видно, как падают обнаглевшие самураи.

Бойцы все время рвались вперед. Мы несколько раз ходили в атаку. Отобьем японцев, лежим в окопе, зорко смотрим вокруг и посмеиваемся, до чего самураи трусливы! Случалось так, что мы сходились с ними близко. Как крикнем во весь голос, — так они сразу оружие бросают и бегут.

Наши пограничники вели себя бесстрашно. Мы всегда брали пример с наших командиров. Лейтенанты товарищи Терешкин и Христолюбов показывали нам образцы мужества и стойкости. Тяжело раненые, они не уходили из боя и вели нас вперед.

«Тихоокеанская звезда».

Красноармеец БАГРОВ

СКВОЗЬ ВРАЖЕСКОЕ КОЛЬЦО

Вся масса самураев, лавиной сунувшаяся на советскую землю, была пьяная. Японцы кричали «банзай», а потом по-русски «ура». Сотни солдат падали убитыми и ранеными от нашего уничтожающего огня. С пьяным равнодушием они шли на верную смерть.

Отрезанный от своих, я лежал, притаившись, в камнях. В это время ползли на высоту группы самураев. Уйти мне незамеченным было нельзя, но меня выручил мой верный друг — собака Джек. Джек набросился на одного самурая и начал его грызть, остальные самураи поспешили японцу на помощь. Я остался сзади, поспешно отполз в сторону за камни и оттуда бросил две гранаты в столпившихся японцев. Послышались стоны раненых. Воспользовавшись паникой среди японцев, я прорвался сквозь вражеское кольцо к своим.

Особенное восхищение бойцов вызвал старший лейтенант нашего отряда товарищ Сидоренко. Это подлинный герой, мужественный и решительный командир. Три раза товарищ Сидоренко водил своих красноармейцев в атаку, уничтожая фашистские войска, отстаивая родную советскую землю. Товарищ Сидоренко вел бойцов в бой под лозунгом:

«Вперед, товарищи, на штурм захватчиков, докажем преданность родному Сталину!»

И бойцы штурмовали врагов, громили их смело и беспощадно. Такими же геройскими командирами в бою показали себя лейтенанты Христолюбов и Терешкин. Будучи ранеными, они до последнего момента руководили боевыми операциями.

«Тревога».

МЕТКИЕ ВЫСТРЕЛЫ СНАЙПЕРОВ

Когда японо-манчжуры начали наступление, нас рядом лежало три снайпера. В упор меткими выстрелами мы поражали десятки фашистских захватчиков. Враги сунулись лавиной на нас. Много их падало от метких выстрелов, но они бежали вперед по трупам убитых и раненых своих солдат. Когда я израсходовал последние патроны, меня ранило, тогда я бросил в группу атакующих самураев пять гранат и решил выбраться из вражеского кольца к озеру. В этот момент меня заметил под укрытием один самурай и, оскалив зубы, бросился с обнаженным палахом.

Я выждал, пока он приблизится на несколько шагов, рванулся вперед, ударил врага наотмашь кулаком. Самурай свалился под скалу. Я пополз сквозь заросли, пробрался к озеру, перевязал рану и пустился через озеро вплавь на противоположный берег, где наши громили врагов уничтожающим огнем.

Меня самураи заметили, и, когда до берега осталось плыть около 100 метров, я, услышав, что по мне открыли огонь из пулемета, нырнул.

На берег приплыл благополучно и вскоре был направлен на перевязочный пункт.

Рана моя скоро заживет, и я снова встану в строй и буду защищать нашу счастливую жизнь, созданную великим Сталиным.

«Тревога».

Э. ХИРЕН и Ф. ВИГДОРОВИЧ

УДАРОМ НА УДАР

Ночью под проливным дождем бойцы и командиры частей Дальневосточного Краснознаменного фронта и пограничники продолжали бои за высоту Заозерную.

29 июля японские налетчики были выброшены с советской территории. Они бежали за линию границы, жестоко расплачиваясь за провокационный налет на границы нашей родины. Однако провокаторы не унялись. В последующие дни и ночи продолжались бандитские налеты японской военщины на советскую территорию. Пользуясь огромным количественным

перевесом, японцы оттеснили наших пограничников и вторглись в глубь нашей территории до 4 километров.

Наше командование решило ответить ударом на удар. Против японских полевых войск, вторгшихся на нашу землю, выступили полевые части 1-й Приморской армии...

Весь день гремели наши орудия. Артиллерийские батареи разрушали огневые точки противника, установленные на советской земле. В воздух несколько раз поднимались наши бомбовозы. Пробив низкую облачность, они точно вышли на цели и разбомбили цепи японцев, проникших на советскую территорию.

Над высотой появились облачки разрывов. Это зенитная установка противника была по советским самолетам. Была, но не попадала. Такая «меткость» вызывала колкие остроты советских бойцов, расположенных на передовой линии фронта.

Советские самолеты, блестяще выполнив свою боевую задачу, спокойно, строем вернулись в расположение своих подразделений. Взрывы бомб еще долго эхом отдавались в окружающих сопках. С наблюдательных пунктов доносили, что бомбы ложились по цели, разбивая огневые точки противника, сооруженные на советской земле, и обращали в бегство наглых захватчиков.

В высокой траве слышался шорох. Это японские налетчики, снова нарушив границу, ползают по нашей земле. В ночной тишине раздался твердый голос командира:

— За товарища Сталина, вперед!

Бойцы рванулись вперед, прокатилось красноармейское «ура». Схватка была ожесточенной. Командир отделения Николай Шишлов столкнулся в рукопашном бою с японским офицером. Враг направил револьвер на советского патриота. Шишлов не растерялся. Левой рукой он схватил кисть вражеской руки, кулаком сшиб офицера, вырвал револьвер и пристрелил врага. Рядом с Шишловым бился с японцами комсомольский организатор подразделения Спесивцев. Вражеский гранатометчик приготовился бросить гранату, но Спесивцев его предупредил: штык комсомольца пронзил врага, и тут же Спесивцев с несколькими бойцами уничтожил новую группу японских солдат.

Героизму и самоотверженности советских патриотов нет предела. Впереди бойцов в атаку идут большевики, бесстрашные командиры и политработники. В бою во время атаки героически погиб командир роты. Буквально в тот же миг

командование ротой принял на себя ответственный секретарь партийного бюро Машляк.

Руководитель партийной организации полка под артиллерийским и пулеметным огнем врага все время вел бойцов на штурм огневых точек противника. В этом бою враг почувствовал силу красноармейского штыка...

Старший лейтенант коммунист Левченко командовал подразделением. Бойцы видели, что их командир, трижды раненый, обливаясь кровью, идет впереди подразделения. Мужество и выдержка командира сильнее слов говорили бойцам о воинском долге перед родиной. Три раза ходили в атаку за своим героем-командиром бойцы, три раза яростным контрударом советские патриоты разбивали вдребезги все новые банды японских налетчиков. В третью контратаку Левченко уже не командовал, — он молча поднялся и бросился на врага, увлекая бойцов. Удар был решительный, короткий. Враг был разорван в клочья.

Одна из наших артиллерийских батарей, удачно замаскированная под цвет местности, блестяще выполняла указания командного пункта: в течение короткого времени с закрытых позиций она сбила пулеметные гнезда и оружейную батарею противника, расположенные на нашей территории. Советская пехота получила возможность продвигаться вперед, очищая советскую землю от вражеской мрази.

Самоотверженно работали связисты в чрезвычайно трудной боевой обстановке: связь проводилась под вражеским огнем. Очень часто раненые связисты не уходили с поля боя, пока не кончали свою работу.

Жизнь фронта в эти дни была наполнена исключительным героизмом. Рядовые бойцы учились у своих командиров и политработников, как надо воевать за советскую родину, как надо бить и уничтожать врага, осквернившего социалистическую землю.

Красноармеец Шаидов лежал вместе с двумя другими бойцами в секрете. После полуночи враг пытался зайти с фланга в тыл. Но путь ему преградила горсточка советских патриотов-храбрецов во главе с красноармейцем Шаидовым.

Красноармейский секрет в эту ночь отбил три атаки врага. Советские пулеметы били безотказно и без промаха. Шаидов был ранен в плечо, но после боя он не ушел, пока не наступил рассвет и фланг наш не был укреплен новым подразделением.

Эти несколько дней лишний раз показали, какой подлый,

кровожадный зверь действует против нас. Так, несколько раненых красноармейцев ночью укрылись за камнями. На рассвете, когда японцы спешно отступили, наши бойцы нашли тела красноармейцев, истерзанных и изуродованных пытками японцев. Раненых, безоружных бойцов зверски прикончили в бессильной злобе трусливые бандиты, одетые в форму японской армии!

Когда об этом зверстве узнали красноармейцы, их сердца зажглись великим гневом. В последующих боях подлый враг почувствовал всю силу этого законного гнева советских бойцов.

Бои на дальневосточной границе показали исключительную преданность бойцов советскому народу, родине, партии. Имя великого Сталина произносится ими как призыв к победе во время атаки, с этим именем раненые бойцы остаются на поле боя и отважно громят врага.

В эти дни значительно усилился рост партии и ленинского комсомола. Бойцы подают заявления о вступлении в комсомол, в партию Ленина — Сталина. В части, где комиссаром Трофимов, накануне боя сто бойцов подали заявления в комсомол и восемнадцать человек в партию. Почти все младшие командиры подают докладные записки об оставлении их на пожизненную службу в частях Дальневосточного Краснознаменного фронта. Все партийные и непартийные большевики частей фронта на своих собраниях в один голос заявляют: «Японская военщина своей головой расплатится за наглое нападение на территорию нашей родины».

Из областей и краев Советского Союза на имя действующих частей поступают письма, телеграммы, подарки. Советский народ подчеркивает свою готовность в любую минуту по зову партии и правительства стать под ружье для вооруженной защиты социалистической родины. В ответ на сообщение о ранении бойцов их отцы и матери посылают телеграммы, дышащие советским патриотизмом. Из Горловки на имя полковника Гребенника прибыла телеграмма матери командира отделения Шлехова, раненного в бою с японо-манчжурскими провокаторами.

«Получила Вашу телеграмму о геройском поступке моего сына Трофима Михайловича Шлехова, сражавшегося в бою с японо-манчжурскими бандами при переходе нашей границы 29 июля. Я, как мать, горжусь своим сыном, желаю его скорейшего выздоровления для того, чтобы он еще зорче охранял наши границы. Мария Антоновна Шлехова».

...Как закон, действуют на границе слова Сталина:
«Мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны».

«Тревога».

Майор П. СОЛЯНОВ

Командир Н-ского полка 1-й Отдельной
Краснознаменной армии

ШТУРМ СОПКИ ПУЛЕМЕТНОЙ

1 — 2 августа

С быстротой молнии облетела бойцов и командиров нашего полка весть о вторжении японских захватчиков на советскую территорию. Возмущению не было границ.

У всех нас было одно стремление — как можно быстрее притти на помощь пограничникам, героически защищавшим высоту Заозерную.

Подняв полк по тревоге, мы двинулись к месту, где наши пограничники вели бои. Итти пришлось в очень трудных условиях. От прошедших недавно дождей всюду образовались непролазные лужи.

Учитывая, что противник имел возможность просматривать с высоты Заозерной нашу территорию, мы решили итти ночью. Движение происходило при абсолютной темноте. Полк прекрасно совершил ночной марш. Командиры и бойцы умело применяли светомаскировку, двигались как можно тише, не подавая никаких признаков, которые помогли бы нас обнаружить.

Сразу же после прибытия к месту боев мы оказали помощь пограничникам: приостановили дальнейшее продвижение наглых захватчиков. Мы заняли подножие высоты Заозерной напротив сопки Пулеметной.

Несколько слов об этой сопке. Она прилегает к Заозерной слева. Противник укрепил ее множеством пулеметов. Как оказалось впоследствии, пулеметных гнезд было больше сорока. Отсюда и возникло наименование сопки: «Пулеметная». Так мы называли ее все дни боев в районе озера Хасан. Это название осталось за ней и сейчас.

Укрепив сопку Пулеметную, противник имел более выгодные позиции, чем мы. Он легко просматривал всю нашу территорию, держа ее под усиленным пулеметным и артиллерий-

ским огнем, прикрываясь высокой и густой травой. В таких условиях нам и пришлось двигаться к исходному положению.

Неоценимую услугу оказали нам лопаты, которыми были снабжены все бойцы. Окопавшись, мы повели разведку сил противника и его уязвимых мест.

В 22 часа 1 августа был получен приказ, в котором полку ставилась боевая задача. С 9 часов 2 августа полк должен был начать наступление, занять высоту 62,1 и в дальнейшем достигнуть южных скатов высоты Заозерной.

Собрав командный состав, я произвел рекогносцировку, после чего выслал конную и пешую разведки.

Батальоны занимали исходное положение ночью. Командиры батальонов действовали прекрасно. Они выбрали и заняли лучшие на этой местности позиции.

Утром после артиллерийской подготовки я отдал приказ двигаться вперед. Не прошло и получаса, как высота 62,1 была нами занята. Туда же я перенес свой командный пункт.

Противник обрушился на нас сильным артиллерийским и пулеметным огнем. Он располагал в этот период боя большим количеством огневых средств. Со стороны сопки Пулеметной у него действовало 36 пулеметов, а из-за реки Тумень-Ула — до 20 пулеметов. Артиллерийские средства противника — до 2 дивизионов. Первый дивизион находился в районе озера Хамакова, второй — у озера Цианцы. Кроме того на железнодорожной линии действовал его бронепоезд.

Под сильным огнем противника батальоны залегли. Вскоре мы получили дополнительный приказ, в котором говорилось о трех налетах, совершенных нашей авиацией. В 16 часов были произведены два налета. Мы были свидетелями превосходного бомбометания нашими летчиками.

Батальоны заняли исходное положение. Перед каждым из них я поставил задачу. Третьему батальону было приказано действовать на правом фланге со стороны озера Хасан (рубеж — у кустов) с дальнейшим броском к укрепленной огневой точке противника. Второму батальону — наступать на сопку Пулеметную, выбить оттуда противника и выйти к южному скату высоты Заозерной. Первый батальон должен был действовать за левым флангом второго батальона по долине реки Тумень-Ула. Развернувшись из-за левого фланга второго батальона, он должен был охватить сопку Пулеметную слева и продвигаться вперед.

После налета нашей эскадрильи штурмовиков на противника я дал сигнал атаки. Метров до 400 мы шли, не будучи

обстреливаемы противником. Японцы, видимо, думали подпустить нас на близкое расстояние, а затем расстреливать в упор. Их замысел мы разгадали. Японцы просчитались. Они забыли, что имеют дело с красноармейцами, выпестованными большевистской партией.

Командиры и бойцы проявили решительную быстроту в движении — вплоть до штурма. Японцы открыли ураганный огонь артиллерии, пулеметов, винтовок. Наша пехота под прикрытием станковых пулеметов и огня противотанковой артиллерии, которая была прямой наводкой, броском пошла в атаку.

Японцы атаки не приняли. После гранатного боя противник отошел. Сопка Пулеметная была нами взята.

В этом бою многие бойцы и командиры проявляли разумную инициативу, быстро и правильно принимали решения в самой сложной обстановке.

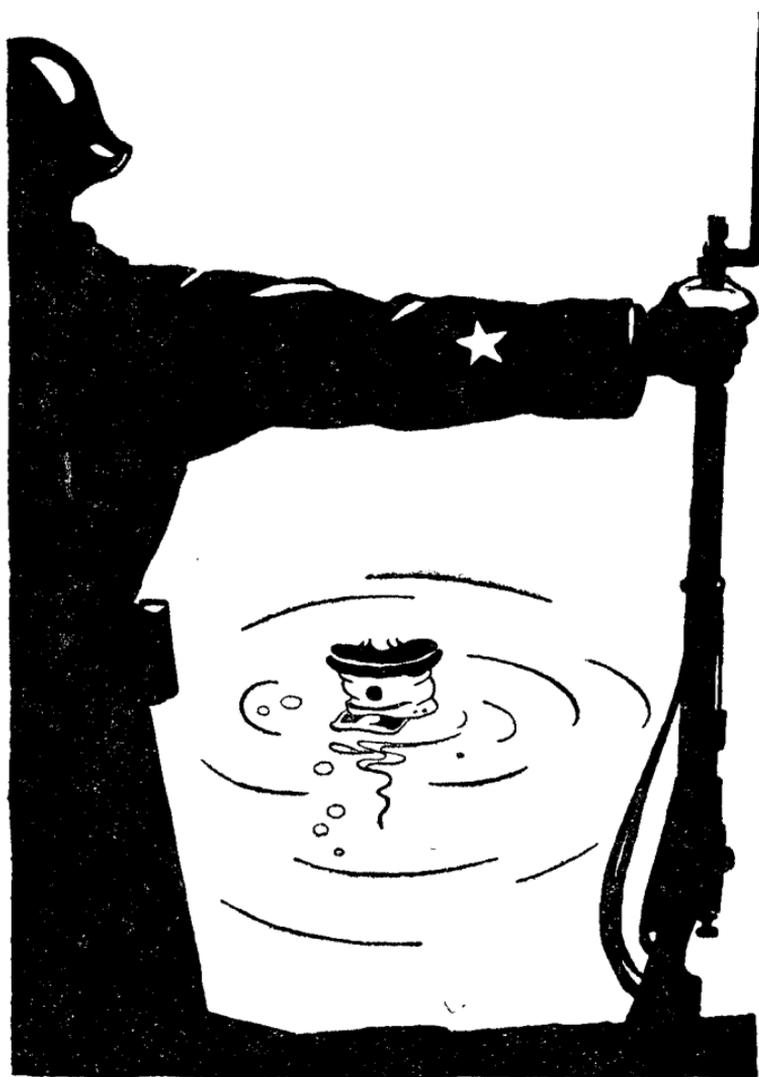
Второй батальон был задержан пулеметным огнем противника. Командир первого батальона старший лейтенант товарищ Змеев, не дожидаясь приказа, быстро принял соответствующее моменту решение. Его батальон обошел сопку слева и атаковал противника. Этим самым он обеспечил продвижение второго батальона вперед.

Разведывательное подразделение, действовавшее правее сопки, натолкнулось на множество укрепленных точек врага. Командир товарищ Скрыпченко сосредоточил по ним пулеметный огонь. Остальной состав роты, хорошо маскируясь, незаметно пробрался в тыл японцев и атаковал их. Враг был уничтожен.

Замечательно действовали наши славные пулеметчики. Командир отделения станковых пулеметов товарищ Романов увидел, что одна хорошо замаскированная снайперская точка противника мешает продвижению нашей пехоты вперед. Он быстро сменил позицию и дал из двух станковых пулеметов очереди в сторону снайперской точки. Противник замолчал.

С высоты Заозерной прямой наводкой стреляли по нас пушки, установленные между скал. Они сильно мешали нам. Командир пулеметного взвода лейтенант товарищ Евдокимов, собрав семь пулеметов, ползком выдвинул их на бугор, предварительно рассчитав прицел, и открыл огонь по пушкам. После нескольких орудийных очередей японские пушки замолчали.

Во время наступления неоценимыми оказались противотанковые пушки, приданные нашему полку. Прямой наводкой они уничтожали огневые точки японцев. Рядом со мной на-

Вид на озеро Хасан.

Рис. В. Брискина и В. Фомичева.

ходило одно из противотанковых орудий. Оно вывело из строя пять японских пулеметных точек.

Можно привести десятки примеров прекрасных, инициативных действий бойцов и командиров. Их было много в каждом батальоне, в каждой роте, в любом взводе и отделении.

Тактически грамотно действовал командир 3-го батальона товарищ Разодеев. В любых условиях боя он отдавал четкий грамотный приказ, ясно ставил подразделениям задачи. Действуя на правом фланге, он четко и хорошо решил задачу флангового удара. Сосредоточив на первом рубеже часть пулеметного огня и привлекая этим сюда огневые средства противника, он в то же время создал левее ложное направление удара, а с главными силами повел наступление значительно правее, ударив во фланг противника. Японцы, ожидавшие наступления слева, были захвачены врасплох и уничтожены. Мало кто из них успел уйти.

Бои у озера Хасан показали непобедимую силу оружия Красной армии, мужество красных воинов, тактическую грамотность наших командиров.

«Красная звезда».

Г. ДВОРЕЦКИЙ

СОПКА ЗАОЗЕРНАЯ ОТБИТА!

6 — 7 августа 1938 года

Надо быть великим художником, надо умело владеть лучшими красками, чтобы передать во всей полноте картину героических битв бойцов, командиров и политработников Дальневосточного Краснознаменного фронта за сопку Заозерную.

6 августа на многие годы останется в памяти японских захватчиков. В этот день они испытали силу нашей авиации, огневую мощь артиллерии и могучие удары нашей доблестной пехоты.

Во второй половине дня наша авиация предприняла ряд бомбардировок по огневым точкам захватчиков. Бомбардировка сопровождалась интенсивной артиллерийской подготовкой. После бомбардировки и артиллерийской подготовки пехотные части перешли в энергичное наступление.

Напав на пограничников самым бандитским образом, японские самураи возвели на нашей сопке укрепления, расставили огромное количество пулеметов. Но разве может найтись такая сила, которая могла бы устоять против нашей авиации,

отважных танкистов, неуязвимых артиллеристов и бесстрашной героической пехоты?

Такой силы в мире не существует! С жаром рвались бойцы в бой за сопку Заозерную, с желанием немедленно очистить советскую землю от поганых японских захватчиков.

Между частями, подразделениями было широко развито соревнование за право первым установить на Заозерной снова советский флаг.

Честь выбить японских самураев с нашей земли выпала на долю бойцов части, которой командует капитан Привалов.

С небывалой радостью, с величайшим боевым подъемом, после замечательных действий бомбардировочной авиации, от которой самураи и сейчас не пришли в себя, наша пехота и танки перешли в решительное наступление. Наступление велось фланговое. Слева наступали подразделения командиров Бравоева, Кулькова. Поддерживал их пулеметным огнем Сапельцев.

Перед выступлением во всех подразделениях политруки провели беседы. И вот роты пошли в бой.

С величайшим подъемом шли в бой бойцы роты, которой командует старший лейтенант товарищ Сухов.

— Мы горим единым желанием — проучить обнаглевших японских самураев и немедленно очистить от них нашу советскую землю, — заявил помощник командира взвода товарищ Журавлень.

Бойцы неуклонно движутся вперед. Они переползают от укрытия к укрытию. Впереди роты — старший лейтенант товарищ Сухов, вместе с ним политрук товарищ Катков. Своим личным примером они воодушевляют бойцов.

Наступление велось под пулеметным и ружейным огнем самураев. Пулеметчик Лагунов нащупал пулеметные гнезда противника и своим метким, сокрушительным огнем заставил их замолчать.

Но вот на глазах у бойцов выходит из строя близкий друг и товарищ — политрук Катков. Еще сильнее разгорается чувство ненависти и гнева у красноармейцев. Жестоко отомстить за пострадавших товарищей, немедленно стереть с лица советской земли наглых провокаторов! — такой призыв прокатывается по рядам бойцов.

Рота готовится к атаке.

— За Сталинскую Конституцию, за великое дело Ленина — Сталина, за родину-мать вперед! Ура! — несется по рядам.

Бойцы бросаются в атаку, уничтожая врага пулей, грана-

той и штыком. Враг не в силах сдержать натиска. Он бежит, охваченный паникой и страхом.

Героически сражаются в первых рядах бойцов Дальневосточного Краснознаменного фронта младший командир товарищ Журавлень. Он даже не обратил внимания на сильный ожог в левой руке. И только тогда, когда полилась струей алая кровь, он понял, что ранен.

— Я огорчен, что выбыл из строя, — сказал товарищ Журавлень, — но вместе с тем я полон гордости и радости за то, что мне удалось принять участие в освобождении нашей территории от бандитских налетчиков — японских самураев...

Прекрасно действует пулеметный взвод, которым командует старшина товарищ Миленчук.

Четко и спокойно подает команду на открытие огня командир отделения товарищ Никулин. Уверенно направляет огонь на врага наводчик товарищ Флагин, который после нескольких очередей заставляет пулеметы противника навсегда умолкнуть.

Все ближе и ближе подбираются бойцы к засевшим самураям. Героическую пехоту ничто не может удержать: ни ураганный огонь, ни крутой подъем на сопку.

Впереди — проволочное ограждение. Простая цинковая проволока...

— Эх, гады! Даже колючей проволоки не имеют, а суют поганый нос на нашу территорию! — восклицает старший лейтенант товарищ Надзуга.

Он подползает к проволоке, под огнем прорезает проход для пехоты. Бросается вперед. Ранен ручной пулеметчик. Пулемет умолк. Не долго думая, к пулемету бросается стрелок Плотников. Он сразу же открывает губительный огонь. На Плотникова с фланга нападает отделение самураев. К нему на помощь спешит командир отделения Захаров. Бросив гранаты, он уложил на месте четырех; остальные самураи в панике обращаются в бегство.

Завязывается рукопашный бой. На красноармейца товарища Драгина набрасываются до десятка самураев. Лежа товарищ Драгин расстреливает в упор четверых, а остальных встречает с винтовкой наперевес. Разгорается неравный бой. Вот Драгин сильным ударом опрокидывает бегущего впереди самурая.

Работая штыком и прикладом, Драгин устилает вокруг себя землю трупами. Он уже получил четыре штыковых раны, но попрежнему крепка его рука, сильны удары.

На помощь к Драгину спешат его товарищи. Оставшиеся в живых японцы бегут. Драгин их нагоняет и уничтожает. Только теперь, истекая кровью от ран, Драгин опускается на землю. Несмотря на боль, он ласково провожает взором товарищей, преследующих бандитских налетчиков...

Среди выстрелов в предутреннем рассвете то и дело слышатся лозунги: «За родину!», «За великого Сталина, вперед! Ура!...»

Всю ночь длился бой. С боем отвоевывалась каждая пядь советской земли. К утру атакующие достигли вершины сопки. Когда загорелась заря, на сопке взметнулся алый советский флаг, который установил замполитрука товарищ Семенов.

Какое величественное зрелище! Идет бой, а на вершине сопки товарищ Привалов собирает командиров и бойцов. Его звучный голос гремит:

— Товарищи! Сопка Заозерная взята. Умрем, но не уйдем! Ура любимому Сталину, Ворошилову!

Завидев гордо реюший красный флаг, японские самураи озверели, как бешеные собаки. Они стали карабкаться на сопку. Офицеры с клинками наголо, с воем «банзай» гонят свою пехоту.

Вот карабкаются, как кошки, до двух взводов пехоты. Наши бойцы подпускают их близко, потом забрасывают ручными гранатами. С воем и визгом катятся вниз уцелевшие японцы. Большинство остаются на месте убитыми.

Укрывшись за скалами, бандитские налетчики продолжают обстрел гранатами. Из-за выступа скалы группа офицеров посылает отборную брань на русском языке по адресу красноармейцев. Старшина товарищ Миленчук, замполитрука товарищ Сазыкин бросаются к скале, гранатами убивают трех офицеров и разгоняют засевшую пехоту.

Осколками гранаты легко ранен капитан товарищ Привалов.

Велика ненависть красного командира к врагам своей родины. Товарищ Привалов набирает гранат, подползает к укрывшимся бандитам и уничтожает их.

Вот мелькнула за камнем фигура японского офицера. Туда бросается лейтенант товарищ Михайлов. Из пистолета он убивает наглого самурая.

Ряд контратак, предпринятых японцами, разбивается, как о неприступную скалу. Самураи бегут, в страхе оставляя на поле боя сотни трупов, оружие и снаряжение.

Сопка взята. На вершине ее гордо реет советский флаг. Никакая сила не сумеет сорвать его!

У флага по очереди несут почетную боевую вахту. Первыми несли ее бойцы Карпов и Вахрушев.

Советская земля очищена от бандитских самураев...

«Тревога».

З. АБРАМОВ

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Обагренное кровью, изрешеченное пулями, влажное от непрерывных дождей, гордо развевалось над высотой Заозерной красное знамя.

Вокруг него среди острых камней, на скалистой вершине горы, тесным кольцом сгрудились наши бойцы.

Каждому хочется быть поближе к знамени, чтобы твердой рукой защитить его от посягательств японских захватчиков.

Вчера с этим знаменем шли в атаку. Оно появилось здесь за несколько часов до штурма высоты. Рабочие и колхозники Посьета прислали его вместе с подарками бойцам, находящимся на передовой линии огня. Политрук Артем Панченко, мужественный рабочий, слесарь-коммунист, вручая красное полотнище комсомольцам Смирнову и Гайдай, сказал:

— Сделайте древко покрепче. С этим знаменем мы идем в атаку.

Глубокой ночью на разных концах фронта проходили собрания бойцов. На каждом таком собрании говорили о красном знамени, которое должно быть водружено на высоте Заозерной. И когда говорили об этом знамени, имели в виду великую родину, которая послала своих сыновей сюда, на защиту священной советской земли. Когда говорили о знамени, имели в виду партию, которая воспитывает советских людей в духе коммунизма, которая сделала их свободными и счастливыми.

И на этом собрании, где председательствовал Артем Панченко, тоже шла речь о красном знамени, посланном на фронт рабочими и колхозниками Посьета, маленького дальневосточного городка. В тот момент, когда комсомолец Гайдай пламенно говорил о мирном труде советского народа, подошел комсомолец Смирнов и развернул перед собравшимися красное знамя. Все бойцы и командиры приблизились к нему. Тут же, под алым стягом, они поклялись первыми водрузить знамя на высоте.

Каждый жаждал ощутить в своих руках красное знамя, все наперебой просили своего политрука лишь об одном:

— Дайте мне знамя, товарищ политрук!

Знамя было вручено заместителю политрука комсомольцу Смирнову, тому, кто только что развернул его перед своими товарищами...

...По крутым каменистым склонам, все время впереди части, двигался Смирнов под ураганным огнем к вершине высоты. Вот бойцы уже достигли вершины. Смирнов развернул красное знамя и крикнул:

— Товарищи, высота наша! Сюда, ко мне!

Со всех сторон слышалось красноармейское «ура». Пулеметчики, стрелки, связисты радостно возвещали друг другу о том, что красное знамя уже развеивается на высоте Заозерной. И те, кто шли в атаку, встали сейчас на защиту красного знамени.

Японцы любой ценой хотели снять с высоты Заозерной это красное знамя. Они вели по нему артиллерийский огонь, они подсылали к знамени своих снайперов. Они бросали в него ручные гранаты. Знамя рвало осколками снарядов, пулями, осколками гранат, но оно все так же гордо развеивалось над высотой.

Знамя охранял старшина Георгий Кокорин, комсомолец, забойщик уральских золотых приисков. Все эти дни он под градом пуль возил своим товарищам провизию на передовые позиции. Несколько раз японские пушки яростно обстреливали повозки, нагруженные консервами, хлебом и овощами. Несмотря ни на что, провизия всегда доставлялась бойцам вовремя. Товарищи старшины, атаковавшие высоту, все время продвигались вперед. Каждый раз он заставлял их на новом месте — все ближе и ближе к озеру Хасан. Но когда он приехал в последний раз, товарищи его были на высоте — завершался штурм. Кокорин и красноармейцы, приехавшие с ним, ни минуты не желали оставаться по эту сторону озера. Старшина передал коней отделенному командиру Горбульке, а сам вместе с ездовыми двинулся на штурм. Политрук Артем Панченко поручил ему защиту знамени.

Кокорин сразу же вырыл окоп и расположился с своими ездовыми около знамени. Рядом с ним лежали комсомолец Патрышев и младший комвзвода Гаврилов. Из-под горы все время подползали японцы. Кокорин и его товарищи били по ним из винтовок, и японцы кубарем катились вниз.

Ночью к знамени подполз японский офицер. Он протянул

руку с гранатой. В этот момент Кокорин схватил поганую лапу, скрутил ее, и граната выскользнула. Кокорин бросил эту гранату в японцев, ползших за своим офицером. Раздался взрыв. Затем налетчики с грохотом покатались вниз.

Ночью Кокорин отправлялся в разведку. Обращаясь к своему командиру, он говорил тогда:

— Товарищ капитан, разрешите осмотреть местность. Может, кто-нибудь замаскировался.

В одну из таких разведок он захватил в плен японского унтер-офицера. Спрятав голову в воронку от разрыва снаряда, унтер-офицер, слышав шаги, притворился мертвым. Кокорин потрогал «мертвого» за ногу, нога сгибалась. Стоявший рядом с Кокориным красноармеец сказал:

— Товарищ старшина, дайте-ка я ему пульс попробую.

«Мертвый» вынужден был встать. Его привели в штаб.

Здесь же, недалеко от бесстрашного Кокорина, устроились в окопе с своими пулеметами два товарища — Александр Башкиров и Иван Плясунов. Перед ними развеивается водруженное над камнями красное знамя. Плясунов был вторым номером; но когда ранило соседнего пулеметчика, он лег за его пулемет рядом с пулеметом Башкирова. Им приходилось все время вести огонь. Японцы стреляли в них прямой наводкой из орудия. Как-то вражеский снаряд разорвался около самого края окопа; осколок ударился о каску Плясунова, но отскочил, не причинив вреда пулеметчику. После этого только немного звенело в ушах. Другой раз снаряд разорвался около самого знамени. Взлетела в воздух земля, а вместе с ней коробка с патронами. Но и в этот раз все обошлось благополучно. Теперь, наблюдая, как около красного знамени разрываются снаряды, оба товарища еще крепче сжимали оружие в руках.

Совсем недавно, только прошлой осенью, их можно было видеть на маленькой железнодорожной станции. Они сели в воинский эшелон, который увез их на Дальний Восток. Оба попали в один взвод, в одно отделение, оба учились стрелять из одного пулемета. Отправляясь на стрельбище или в класс, они постоянно соревновались друг с другом. Часто вечером перед тем, как заснуть, они делились мыслями о том, как будут вести себя в случае, если вдвоем окажутся в бою. И вот Башкиров и Плясунов лежат сейчас в одном окопе, защищают от японских провокаторов красное знамя.

От непрерывного огня в пулемете Башкирова закипела вода. Плясунов подал ему свою флягу с ключевой водой. В это

время вражеская пуля ранила Плясунова. Башкиров быстро сделал перевязку товарищу и посоветовал ему уйти в тыл. Плясунов отказался.

— Я от тебя не уйду, пулемета не оставлю, — сказал он.

Раненый Плясунов меткими очередями поливал свинцом японскую мразь, не подпуская ее к красному знамени.

Радостными приветствиями встретили бойцы, защищавшие знамя, прибывших на высоту сапер. Те перетаскивали на себе большие мотки колючей проволоки. Закипела работа: кто колья вбивает, кто раскатывает мотки, кто проволоку натягивает. Огонь не прекращался. Саперы время от времени укрывались в окопах, потом снова выбегали на вершину и продолжали свою работу.

Скоро проволочные заграждения закрыли подступ к знамени. Только что молодой сапер Дмитрий Мещеряков натянул еще один ряд проволоки, как рядом с ним упал снаряд. Мещеряков во-время успел скрыться в окопы. Его всего засыпало землей. Подбежавший товарищ сразу же стал его откапывать. Оправившись от сильного удара, Мещеряков бросился продолжать прерванную работу. Через короткое время можно было видеть, как шедшие в атаку японцы, запутываясь в проволочных заграждениях, падали недалеко от знамени, сраженные метким огнем наших бойцов. Советская артиллерия заставила замолчать японские батареи.

Великое непобедимое знамя, обогрелое кровью героев, изрешеченное пулями, гордо развевалось на самом краю советской земли.

«Красная звезда».

Старшина Ф. РЫШКОВ

ПРОВОКАТОРЫ УНИЧТОЖЕНЫ

Более двух лет прошло с тех пор, когда я, защищая свою родину, получил первое боевое крещение. 25 марта 1936 года японцы пытались нарушить наши советские границы, но были прогнаны с большими потерями. Бой продолжался два часа. В схватке с заклятыми врагами погибли верные сыны нашей родины товарищи Краскин, Кулибин, Газемяных. Мы свято храним память о героях, павших смертью храбрых, и в любую минуту готовы отомстить врагу за смерть наших товарищей.

В последних числах июля мы узнали, что японские провокаторы снова нарушили наши границы. В это время я работал заведующим столовой. Наша часть выступала на передовые позиции. Мне тоже хотелось попасть на фронт, но не удалось: некому было передать в это время столовую.

Но вот 31 июля вызывает меня в штаб товарищ Крайнов и дает приказание: «Вы едете на границу с одной прибывшей частью проводником».

Я довел часть до места ее назначения, а сам направился пешком в район действий.

Быстро нашел свое подразделение. Политрук товарищ Зуев выделил мне второй номер, и мы двинулись в наступление. Метко сбивал мой ручной пулемет вражеские огневые точки. Горячую баню задали мы японцам! А когда осколок снаряда разбил мой ручной пулемет, я взял винтовку и пошел вместе с подразделением в атаку.

В последующих боях я действовал с автоматом и одновременно снабжал патронами не только свою роту, но и другие подразделения нашей части. Ночью, снабжая подразделение патронами, я спустился на левый скат высоты, где расположился взвод лейтенанта Глотова. Бойцы в это время спали, отдыхая после дневного боя. Бодрствовал лейтенант Глов и с ним несколько красноармейцев. Неожиданно мы услышали шорох внизу, под сопкой. Разбудили бойцов, насторожились.

Шорох приближается.

Я взял гранату и бросил в сторону от себя метров на пять-шесть, для того чтобы осветить местность и узнать, кто ползет.

После взрыва гранаты внизу кто-то закричал: «Товарищи, что вы делаете, — своих бьете!» Командир взвода приказал прекратить огонь.

Я окликнул:

— Кто здесь?

А внизу отвечают:

— Свои!

— Поднимайтесь и идите в рост, а то буду стрелять!..

На это мое предупреждение ответа не последовало. Но мы ясно слышим, что шорох приближается к нам все ближе и ближе. Я взял вторую гранату и бросил ее. Граната эта точно угодила в японцев; они закричали. Я быстро лег за пулемет и открыл огонь. Самураи, поднимая визг, покатались с горы вместе с камнями.

После этого случая японцы не уgomонились и продолжали провоцировать наши подразделения.

Командир части приказал мне произвести разведку. Я взял двух красноармейцев и пошел выполнять задание. Не дошел я примерно метров 80 по заданному направлению, как японцы открыли по мне из винтовок огонь. Я сразу упал в яму. Через несколько минут, когда японский пулемет умолк, я выбрался из ямы и быстро спустился вниз, под сопку.

Слышу разговор. По голосу узнал—это наш красноармеец Семенов. Подхожу ближе. Оказывается, Семенов вел раненого лейтенанта и их обоих задержал какой-то человек в красноармейской форме. Он стоит метрах в пятидесяти от Семенова и спрашивает бойца: «Какой вы части, где ваше расположение, сколько вас имеется на этой высоте?»

Семенов, увидев меня, подбежал и тихо говорит: «Товарищ старшина, заберите этого типа. Он не наш». Я подошел к человеку в красноармейской форме и спросил его:

— Какой вы части?

— 32-го дивизиона, — ответил он.

Я знал, что такого дивизиона здесь нет, и спрашиваю:

— Что вы здесь делаете?

Он берется за телефонный провод и отвечает:

— Разве не видишь? Линию налаживаю...

«Ну, — думаю, — врешь, гадина: ведь у связиста винтовка без штыка, а у тебя со штыком!» Я ему сказал:

— Ну ладно, налаживай, — и сам пошел в обход. Пока я взбирался на сопку, человек в красноармейской форме побежал по направлению к тому месту, откуда нас не раз уже провоцировали японцы. Тогда я выстрелом уложил его на месте. Он оказался японским провокатором.

С левого фланга стояли наши станковые пулеметы; ими командовал товарищ Халитов. Я подбежал к Халитову и говорю ему:

— Группу противника видишь?

Он говорит:

— Нет!

— А кто, по-твоему, на сопке?

— Как будто наши!

— Ловушка это! — и отдаю ему приказание уничтожить провокаторов.

Свинцовым шквалом ударили пулеметы по вражеским окопам. Группа бандитов была уничтожена.

«Тревога».

МЫ ШТУРМУЕМ ВЫСОТУ ЗАОЗЕРНУЮ

До службы в армии я работал на заводе имени Менжинского в Москве. В армии — второй год.

Интересна боевая служба в частях Дальневосточного Краснознаменного фронта! Этот год на всю жизнь останется у меня в памяти. Мне удалось участвовать в боях, навязанных нам японской военщиной, перешедшей наши советские границы.

В бою я участвовал в составе разведывательной роты. Ночью был дан приказ занять высоту Заозерную. Нам предстояло вначале дойти до первого ската. Дошли. Японцы, обнаружив нас, открыли сильный пулеметный огонь. Целую ночь с обеих сторон шла перестрелка.

Ведя сильный огонь, японцы решили под прикрытием ночной темноты обойти нас с правого фланга.

Маневр врага был во-время обнаружен. Лейтенант Самойлов первым начал бросать гранаты. Японцы, потеряв много убитыми, бежали.

После неудачной попытки зайти нам в тыл японцы открыли непрерывный орудийный огонь. Несмотря на это, мы осгавались на скате до 4 часов дня, пока не получили приказ отойти для сохранения живых сил.

Мне посчастливилось участвовать в бою и 6 августа. Долго будут помнить самураи этот день. Нельзя словами передать героизма наших бойцов; нет такой силы, которая бы устояла перед смелостью и отвагой советских людей, полных решимости отогнать врага с нашей родной земли.

Приведу только один пример. Мы шли через лошину, ведущую к высоте. Японцы вели ураганный огонь.

В цепи появился лейтенант-пограничник:

— Вперед, за нашего Сталина, за большевистскую партию! Лавиной ринулись бойцы, враг был смят.

Сопка Заозерная была взята, над ней взвился советский красный флаг.

Много было в те дни таких героических эпизодов. В одном бою был ранен командир. Мне было поручено доставить его в тыл. Нам надо было миновать одну высоту, которую обстреливали пулеметным огнем японцы. Под ураганным огнем противника я, красноармейцы Безулька, Зубарев, Фролков на винтовках унесли командира.

На одном из привалов состоялось комсомольское собрание.

На нем обсуждали мое заявление о даче мне рекомендации в партию. Комсомольская организация дала мне эту рекомендацию. Я решил всю свою жизнь связать с партией, с Красной армией и стать политработником.

Я и мои товарищи в бою честно выполнили свой долг перед родиной. Мы счастливы, что в боях показали врагам силу советского оружия и смелость советских людей.

«Тревога».

И. ЖУКОВ

БДИТЕЛЬНОСТЬ ЧАСОВОГО

Стояла темная ночь. По дороге взад и вперед проезжали машины. Люди остановились на отдых. Только зоркие часовые прислушиваются к малейшему шороху, — не видно ли где чужого человека, не пробирается ли кто к охраняемому объекту?

Красноармеец Карп Шевченко с винтовкой в руке всматривался в темную даль. Вдруг он заметил силуэт человека, который двигался прямо на него.

Громким окриком остановил он идущего:

— Стой! Кто идет?

— Свои.

— Кто свои?

— Что, Н-ское соединение здесь размещается?

Товарищ Шевченко увидел, что перед ним стоит политрук. Часовой вначале замаялся, а потом спросил:

— А кто вы такой будете?

— Я прислан из Ленинграда в ваше соединение.

После этого пришелец начал задавать товарищу Шевченко вопросы о расположении частей, о том, шли ли такие-то батальоны в атаку, сколько новых танков и в каком они батальоне.

Товарищ Шевченко видит, что политрук просто не будет задавать эти вопросы. Он сразу же скомандовал:

— Руки вверх!

— Ну, что вы, опустите винтовку, зачем шуметь? — начал уговаривать человек, одетый в форму политрука.

— Не разговаривать, руки вверх!

«Политрук» поднял руки.

Часовой повернул его и под конвоем повел в штаб. На пути встретился конный разъезд, и товарищ Шевченко передал задержанного.

Оказалось, что это был крупный шпион.

Через день товарищ Шевченко вновь в наряде. Опять он внимательно всматривается вдаль. Вот прошла группа связистов, проверяющая провод. Через некоторое время по этому же следу идут два человека в военной форме. Товарищ Шевченко подает команду:

— Стой!

Люди в военной форме продолжают двигаться. Это заметил второй часовой, стоявший на посту. Он сразу же дал выстрел. Люди, шедшие вдоль провода, легли на землю и попытались скатиться вниз. Но к ним быстро подбежали товарищ Шевченко и второй часовой, они отняли у них оружие и направили на погранзаставу.

Люди, переодетые в военную форму, оказались тоже шпионами.

Так бдительный часовой товарищ Шевченко задержал трех шпионов.

«На защиту родины».

Пулеметчик АНДРЕЙ ДМИТРИЕНКО

НАШИ ПУЛЕМЕТЫ БИЛИ БЕЗ ПРОМАХА

Наше подразделение находилось в обороне и получило приказ сменить огневую позицию. Я шел с командиром отделения Горевым.

Он нес тело пулемета, а я станок.

Японцы все время не прекращали артиллерийского огня. Вдруг командир отделения куда-то исчез. Я начал искать его. Оказывается, он был оглушен снарядом и отброшен. Оказав помощь товарищу, я вернулся в строй.

Залег в ложине. Мы прикрывали пехоту огнем своих пулеметов. Все время я и мои товарищи стреляли по точкам противника, выводили из строя вражеских снайперов.

В одну из атак на Заозерную командир Слесаренко заметил из-за кустов в небольшой ложбине двух японских офицеров: один из них стрелял из пулемета, а другой вел огонь из автоматической винтовки по нашим красноармейцам. Я дал длинную очередь, и оба офицера были убиты.

События возле озера Хасан были проверкой нашей выносливости. Расскажу такой случай. Ночью, в дождь, мы шли в наступление. Противник вел сильный огонь. Мы вынуждены были перейти через реку с пулеметом.

На рассвете пошли в атаку. «Храбрые» самураи не выдержали огня наших стрелков, пулеметчиков, артиллеристов и в панике бежали.

Нас, участников боя, тепло сейчас везде встречают. Мы чувствуем заботу и внимание всей страны. Но ведь мы лишь выполнили свой долг. Так поступил бы на нашем месте каждый советский патриот.

«Тревога».

Красноармеец Б. РИВЧУН

УМИРАЯ, ОН ПРИЗЫВАЛ ИТТИ ВПЕРЕД

Изгоняя самураев с советской земли, погиб коммунист Артем Шустров.

Это был скромный, жизнерадостный, беспредельно преданный коммунистической партии человек. Среди бойцов и командиров он пользовался непререкаемым авторитетом. И недаром красноармеец Константинов говорит о нем: «Он был для нас лучше родного отца». В бою за высоту Заозерную бойцы по зову своего командира-коммуниста стремительной лавиной ринулись на противника и уничтожили его. В этом бою и пал смертью храбрых коммунист Артем Шустров. Произошло это так...

...Наши части вели общее наступление. Увлекаемые своими командирами и политработниками, бойцы бесстрашно шли вперед. Впереди всех шло пулеметное подразделение, которым командовал коммунист Артем Шустров.

Переходя от одного пулемета к другому, он нередко сам залегал у пулеметного расчета. Уверенно нажимал он на спусковой рычаг. Содрогаясь, пулемет посылал по врагу одну очередь за другой. Дрогнули ряды противника. Но нет, не уйти им от меткого огня пулеметчиков!

Артем Шустров командует: «Вперед, на врага!» Наступление продолжается. И в этот момент всеобщего порыва вражеская пуля пронзила грудь коммуниста Артема Шустрова. Сознание его еще работает ясно. Однако сил хватает лишь на то, чтобы выкрикнуть одно слово: «Вперед!» И Артем Шустров, умирая, бросает своим бойцам это призывное слово...

Так погиб коммунист Артем Шустров — человек, полный решимости уничтожить обнаглевших захватчиков.

«На защиту родины».

В БОЕПРИПАСАХ НЕДОСТАТКА НЕ БЫЛО

Мне было приказано доставить срочно боеприпасы. Передвигаться приходилось все время под артиллерийским огнем, но это нас несколько не пугало. Когда мы приблизились к полю боя, противник заметил наш обоз и начал вести огонь. Несколько снарядов разорвалось совсем близко около нашей колонны. Однако мы не понесли никакого урона; у нас даже не было ни одного раненого.

Боевой приказ нами был выполнен. Мы своевременно доставили боеприпасы на огневые позиции и дали возможность нашей артиллерии открыть ураганный огонь по самураям.

Во время военных действий мы все время выполняли задания по доставке боеприпасов на поле боя, и часто приходилось работать круглые сутки. Никто из нас никогда не проявлял какого-либо недовольства; каждый горел единым желанием победить врага, разгромить зарвавшихся провокаторов. Особенно следует отметить таких товарищей, как Деменков, Комаров, Анибраев, Харченко, проявивших героизм в выполнении боевых приказов.

«Тревога».

Красноармеец ПЕПЕИНИКОВ

НЕОКОНЧЕННАЯ АТАКА

Как мы узнали о перемирии

Рано утром командир роты старший лейтенант товарищ Афанасьев был вызван на командный пункт. Командир батальона поставил ему задачу — взять сопку.

Весть о том, что наша рота пойдет в наступление, вызвала небывалую радость у каждого бойца. Мы давно рвались в бой, неоднократно просили командира роты возбудить ходатайство об отправке нас в наступление. Наконец, настал долгожданный момент.

Бойцы быстро подготовились к выступлению. Отрадно было смотреть, как заботливо каждый красноармеец осматривал оружие, пригонял снаряжение и гордо докладывал командиру отделения, что он готов к бою.

И вот рота в полном составе готова к выступлению. Старший лейтенант товарищ Афанасьев подал команду:

— По отделениям, за мной, шагом марш!

Путь к исходному положению лежал через сопку и долину у озера Хасан, которые простреливались артиллерийским и пулеметным огнем противника. Но это нисколько не страшило бойцов. Каждый горел единым желанием — разгромить зарвавшегося врага.

Через перевал рота пробирается ползком. Взвод лейтенанта Костина благополучно перебрался через опасный хребет. Но самураи, видимо, заметили переползших бойцов роты и открыли огонь. Первый снаряд взорвался метрах в тридцати от бойцов взвода товарища Михалюка.

— Быстрой вперед! — слышится спокойная команда Михалюка.

Снаряды один за другим рвутся вблизи роты, — их было выпущено более полсотни, — но ни один из них не причинил нам ни малейшего вреда.

Рота продолжает движение. Впереди, метрах в 800, — открытая местность.

— Отделения по группам в три-четыре человека, вперед! — подал команду командир роты. Быстро перебегают бойцы открытую местность, тщательно маскируясь от противника. Вскоре мы достигли пункта, откуда должны были подготовиться к атаке.

Из штаба было получено приказание: «Быть готовыми в любую минуту к атаке противника». Окопавшись, ждем приказа. У каждого одна мысль — как бы скорей броситься на врага, смять его и уничтожить.

Наступила ночь. Она прошла спокойно. На рассвете, когда туман еще скрывал сопку, на которой засели враги, гранатометчики приготовились к бою. Ждем сигнала командира батальона, чтобы решительным броском обрушиться на врага и уничтожить его. Туман рассеялся, солнце залило своими лучами сопки. Блестит зеркальной поверхностью озеро Хасан.

Заговорили пулеметы, раздались отдельные орудийные выстрелы, пулеметная дробь все усиливается. Отдельные орудийные выстрелы превращаются в непрерывную канонаду.

— Огонь! — скомандовал командир роты. Первым открывает огонь командир отделения Можаяев. Наши пулеметчики не дают врагу возможности открыть стрельбу из своих пулеметов. Огонь наших гаубиц заставляет умолкнуть артиллерию самураев.

Бойцы готовятся к атаке. Но вот вражеская пуля сражает храброго патриота красноармейца Замудрякова. Как электрический ток, проносится по роте весть: Замудряков убит! Каж-

дый из нас загорается великим гневом. Рота ринулась вперед, чтобы отомстить врагу, уничтожить самураев.

Ползком бойцы роты быстро продвигаются вперед. До противника 80—100 метров.

— Вперед! — командует командир роты. Голос его слышится слабо. Что с ним? Скоро становится известно, что командир роты Афанасьев ранен и передал командование ротой лейтенанту Костину. Еще сильнее разгорается гнев бойцов.

Мы подходим близко к окопам врага. Лейтенант Костин приостановил движение, чтобы подтянуть отстающих и дружно броситься в атаку. И вдруг в этот момент с тыла слышится команда:

— Стой, окопаться, и ни шагу вперед!..

Это приказание было для нас неожиданным. Оказывается, в этот момент был получен приказ о прекращении военных действий в связи с перемирием. Но и после того, как с нашей стороны были прекращены военные действия и умолкла стрельба, японские провокаторы не успокоились и продолжали самым бесчинным образом обстрел наших войск.

Рота залегла в 20 шагах от окопов противника. Японские провокаторы открыли огонь. Мы не могли отвечать, чтобы не поддаваться на провокацию, но и оставаться в бездействии нам было нельзя — пулеметный огонь начал выводить из наших рядов бойцов. На глазах у всей роты пал от вражеской пули боец Лебедев. Лейтенант Костин принял решение отвести роту в укрытое место. Мы отошли, не доведя до конца успешно начатую атаку.

В этом бою были ранены командир роты и несколько бойцов, в том числе и я. Сейчас мы быстро выздоравливаем, и как только наши раны подживут, мы будем готовы в любую минуту довести до конца начатую атаку.

«Тревога».

Я. СИСЛАВСКИЙ

ПОСЛЕ БОЕВ

В районе озера Хасан сейчас спокойно. Умолкла артиллерийская канонада, прекратилась пулеметная и ружейная трескотня. Но невольно хочется снова и снова говорить о героях — бойцах, командирах, политработниках, — грудью своей защищавших неприкосновенность священной советской территории...

Пограничники у высоты Заозерной идут в атаку против японских налетчиков.

Рота лейтенанта Левченко шла в атаку. Японцы открыли артиллерийский огонь. Кругом рвались снаряды, осколки разлетались во все стороны. Лейтенант Левченко с гранатой в одной руке и пистолетом в другой, прорвавшись далеко вперед, очутился один среди семи японцев. Бросив гранату и в упор стреляя из пистолета, Левченко поразил одного самурая, затем уничтожил другого. Получив ранение в правую руку, лейтенант взял пистолет в левую и продолжал один отбиваться от пятерых пьяных японцев.

Силы были неравные. Еще одно ранение подкосило Левченко. Секунда, и японский клинок пронзил бы храброго лейтенанта. Но неожиданно из-за прикрытия застрочил пулемет. Длинная очередь скосила самураев. Товарища Левченко выручил пулеметчик Ульянов. Видя, что лейтенант в беде, он быстро прибежал к нему на выручку.

Раненого, истекающего кровью командира Ульянов вынес на руках с поля боя.

...Красноармеец Петр Ащепков при атаке высоты Заозерной вел меткий огонь по японским захватчикам. Получив ранение, Ащепков быстро перевязал себе рану и продолжал действовать. Ни на минуту не умолкал его пулемет, и только после вторичного тяжелого ранения Петр Ащепков передал пулемет товарищу.

— Веди меткий огонь по японским самураям, чтобы ни одна пуля не пропала даром! — этот приказ Петра Ащепкова его товарищ выполнил.

Атака была успешной. Под натиском красноармейцев японцы бежали, бросая оружие.

В первых рядах сражались коммунисты и комсомольцы. Они шли в атаку, ведя за собой всю массу. Бойцы, командиры, политработники, легко раненые в боях, не хотели уходить в госпиталь. Красноармеец-комсомолец Иванов четыре раза ходил в штыковую атаку. Окруженный японцами, он штыком заколол несколько человек. Получив ранение, Иванов остался в рядах бойцов и категорически отказался пойти в госпиталь.

— Я уйду только тогда, когда ни одного самурая не будет на нашей земле, — заявил он: — пусть знают, сволочи, как лезть на нашу землю!..

Красноармеец Иванов — воспитанник ленинского комсомола — был всегда в первых рядах, и его примеру следовала беспартийная молодежь. Когда выходил из строя командир, на его место становился младший командир.

Молодой политрук товарищ Крепок все время был впереди. Вместе с красноармейцами, командирами уничтожал он вражескую свору бандитских налетчиков, очищая от них советскую землю. Шальная пуля пробила сердце политрука. Партийный билет политрука, пробитый пулей, будет вечно напоминать молодежи нашей родины, как сражались и шли в бой коммунисты.

Мужество, отвагу, смелость, инициативу проявляли не только бойцы, шедшие в атаку, но и те, кто обеспечивал передовые позиции боеприпасами, связью. Красноармеец Семен Петухов, например, получил задание доставить гранаты на высоту Заозерную. Бой на высоте был в самом разгаре. Японцы вели артиллерийский и пулеметный огонь по нашей территории. Доставлять гранаты и патроны под ураганным огнем было тяжело. Лошадь с повозкой проваливалась в болото. Каждую секунду шальной снаряд мог угодить в повозку. Семен Петухов не растерялся и тут же быстро принял решение. Он оставил повозку с лошадью под прикрытием, а сам брал связками гранаты и ползком доставлял их своим товарищам на передовые позиции. В этот день бойцы были обеспечены боеприпасами полностью.

Уезжая за новой повозкой боеприпасов, Петухов увидел раненых — лейтенанта и двух красноармейцев, которые ползли в тыл. Они выбились из сил, истекая кровью. Петухов подъехал к раненым и по одному перевез их на перевязочный пункт.

Обеспечивая своих товарищей боеприпасами, Семен Петухов не только подносил гранаты и патроны, но в то же время успевал стрелять из пулемета по противнику...

...Мы идем по сопке Заозерной. Вершина ее вся изрешечена бомбами наших советских летчиков. Вдребезги разбиты все укрепления японцев. Вершина Заозерной — наша. Это решено в бою окончательно и бесповоротно.

14 августа здесь, на высоте Заозерной, состоялась передача убитых. Японцы приняли трупы без всяких воинских почестей. Очевидно, им изрядно надоело убирать своих убитых, рассеянных по всей территории. Нам были переданы тела 34 павших красноармейцев.

Героические сыны нашей родины, павшие в бою, были встречены со всеми воинскими почестями. На братской могиле состоялся грандиозный траурный митинг. Бойцы, командиры, политработники поклялись отомстить за смерть своих товарищей.

— Если японские самураи снова полезут на советскую землю, от них не останется и пепла...

Это клятва могущественной Красной армии, это клятва всего советского народа.

«Тревога».

П. ОГИН и Э. АБРАМОВ

ПЛАЧЕВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ХВАЛЕННОЙ «ДОБЛЕСТИ» ЯПОНСКИХ НАЛЕТЧИКОВ

Сакэ — японская водка — находится «на вооружении» императорской армии. О сакэ самураи поют застольные песни, восхваляя ее, как напиток храбрости. Действие сакэ было неоднократно проверено. С пьяными криками «банзай» самураи появлялись на узких улицах китайских городов, набрасывались на мирных жителей, насиловали женщин, для потехи вспарывали животы старикам.

При подготовке провокации в районе озера Хасан японская военщина не позабыла об одном испытанном средстве. Наряду с боеприпасами войскам подбрасывали целые вагоны сакэ.

Уходя на разбой, солдаты и офицеры наполняли ею свои флаги. Перед каждой атакой унтеры подавали команду «набраться храбрости», и солдаты, запрокинув флаги, поспешно опорожняли их.

Так императорские дивизии поднимали воинский дух.

Однако на этот раз сакэ не возымела обычного действия. Офицеры, несмотря на обильное питье, растеряли в боях покрытые лазурью золотые и серебряные медали, полученные за «храбрость». Унтеры, с особенным усердием впивавшие «мужество» из флагов, бежали с советской земли впереди своих солдат, а солдаты, отрезвившись при первой же встрече с нашими бойцами, прилагали все усилия, чтобы не отстать от унтеров.

Не всем удавалось скрыться за рубеж. Многие падали тут же, сраженные нашими меткими стрелками. Воздух оглашался душераздирающими криками, стонами, плачем. Наставления императорской армии явно нарушались. Но в эти минуты самураи заботились мало о чести своего мундира.

Да и где было думать об этой чести, когда их на каждом шагу подстерегали одни только неприятности! Чего стоит, например, бегство трех японцев от красноармейца, отправлявшего естественные надобности! Находчивому бойцу удалось даже захватить трофеи, правда, не представлявшие никакой

ценности,— несколько бутылок саке, которые он тут же разбил о камни. А случай с подпоручиком императорской армии, который, бросив своих солдат, спрятался на дне блиндажа, откуда наши бойцы его выволокли в весьма растрепанных чувствах! Кичащиеся своим мужеством самураи в ужасе разбежались перед конным разведчиком Касьяновым, который, доставляя донесения, дважды удачно пересек японские позиции.

Не надеясь на свои силы, японцы очень часто прибегали ко всякого рода провокациям. Японские офицеры, заучив несколько русских слов, пытались ввести в заблуждение красноармейцев. Белогвардейцы, находящиеся на японской службе, оказались неважными учителями русского языка. Подкрадываясь к нашим окопам, японцы шептали: «Своя, не стреляй». Ночью один японский офицер, стремясь обнаружить нашу наступающую часть, крикнул: «Третий батальон, ко мне!» Наши бойцы сразу же раскрыли уловку врага. Не говоря уже о неточностях командного языка, они узнавали провокаторов по запаху саке, которым разило за версту. Самураи, осмелившиеся управлять полем боя на русском языке, лишались с этого времени возможности говорить даже на своем родном языке.

Много хлопот причинила японским офицерам наша авиация. Завидев советские истребители, японская прислуга оставляла свои зенитки и пряталась в окопы. Нашим летчикам приходилось наблюдать с воздуха, как офицеры стэками выгоняли солдат из укрытий. Впрочем, посылая солдат под пулеметный огонь истребителей, офицеры сами предпочитали оставаться в окопах. Как видно, и здесь саке не дала ожидаемых результатов...

Японская заповедь гласит: «Оставление трупа воина на территории противника равносильно потере знамени. За это преступление весь взвод предается расстрелу». Бои в районе озера Хасан поставили в неловкое положение авторов этого закона. Действительно, попробуй выполнить такой закон после того, что произошло на высоте Заозерной! Пожалуй, пришлось бы перестрелять остатки разбитых войск.

Куда же девался хваленый самурайский дух? Да и что он представляет собой?

Наши бойцы при близком столкновении с японцами удостоверились, что такое самурайский дух. Все они в один голос утверждают, что он сильно воняет саке.

«Красная звезда».

ТРИ ДОКУМЕНТА О НАСТРОЕНИЯХ ЯПОНСКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ

*Дневники, найденные на нашей территории после боев
в районе озера Хасан*

ДОКУМЕНТ ПЕРВЫЙ

*(Из позиционного дневника японского унтер-офицера
части Сато, подразделения Камура)*

21 июля 1938 года

Из части Сато выставили пост воздушного наблюдения. Отдан приказ о выступлении. В 20 прибыли к месту назначения, откуда в полном боевом снаряжении двинулись по дороге. Путь очень трудный, сильно устали.

25 июля

С утра отремонтировали и привели в боевую готовность снаряжение. Развернули палатки. Рота расположила свои главные силы на передовой линии.

31 июля

В 3,00 рота вступила в бой. Противник перешел в наступление на наши позиции. К 4,00 бой принял ожесточенный характер. Потери нашей роты: убито 24 человека, тяжело раненых в четыре раза больше. Страшно. Командир нашей роты тяжело ранен.

1 августа

Тяжелые снаряды противника непрерывно рвутся на наших позициях. В 14,00 над нами появились самолеты противника, сбросили бомбы. В 14,40 на нас налетели тяжелые бомбардировщики. Они открыли ужасную бомбардировку. В 15,30 снова появились самолеты противника. В 17,00 тяжелые бомбардировщики снова налетели, сбросили огромного размера бомбы.

2 августа

Находясь на высоте Чанкуфын (Заозерная.—Р е д.), всю ночь с 1 августа до 2 августа рыли окопы.

На высоту, находящуюся рядом с Чанкуфыном, начали атаку танки противника.

В этот день было что-то ужасное... Беспрерывно рвались

бомбы, снаряды. Мы то и дело перебежали. О еде и думать нельзя было. С полудня 1 августа в течение полутора суток ничего не ели... Бой продолжался... Удалось поесть только огурцов и запить грязной водой. Сегодня солнечный день. Но среди дня не было видно солнца. Настроение подавленное. Чувствую себя отвратительно; так воевать невыносимо!

4 августа

Рыли окопы. Во время записи разорвался снаряд. Сильно устал. Болела голова, но спал мало. Артиллерия противника вела по нас ураганный огонь. Огромные снаряды рвутся на наших позициях... (На этом записи прерываются.)

ДОКУМЕНТ ВТОРОЙ

(Из дневника кандидата в ефрейторы третьего отделения первого взвода, первой роты, 75 пехотного полка, 19 корейской дивизии)

16 апреля 1938 года, суббота

Облачность. Сегодня последний день дежурства. Я напрягаю последние усилия...

3 июня, пятница

Уже четвертый день, как я лег в лазарет. Признаки воспаления легких. Лежа на койке, с большим усилием смотрел на потолок. В голове словно что-то пылало, и я ни о чем не мог думать.

Если бы я был дома, то все заботы и бесплодные мечтания вылетели бы из больной головы. А теперь... Тоска.

2 июля, суббота

Подъем в четыре часа. В 5,30 вследствие того, что в 9-й роте оказались дезертиры, была произведена очередная перекличка. Это уже не в первый раз.

Я весь день был в наряде по охране оружейного склада. На следующую ночь тоже пришлось быть в наряде. Это изнуряет меня.

4 июля

Завтра будет проверка вооружения и боевой готовности. Солдатам, начиная с нас, опять придется не спать и не дышать. Придется работать до самой ночи.

ДОКУМЕНТ ТРЕТИЙ

(Из записной книжки офицера, командира роты 75 пехотного полка, 19 корейской дивизии)

Желая изучить состав своей роты, я отобрал группу в 18 человек. Оказалось, что 16 из них совершенно не имеют никакого хозяйства. Двое имеют по четыре тана земли (тан равен примерно $\frac{1}{3}$ га.—Р е д.), из которых по одному тану заливная, остальная суходольная. Количество семей, где не осталось работника,—8. Главы трех семей больные (из них один умалишенный).

Характерная заболеваемость членов семей—туберкулез (в одной семье есть умершие от этой болезни), сердечные заболевания, хроническое воспаление глаз, психические заболевания.

Пункты для руководства:

Секретно следить за перепиской солдат с семьями. Обратит особое внимание на неблагонадежных, бывших на замечании у полиции. Избегать случаев общения солдат с различными организациями. Строго следить за деятельностью солдат в отлучках.

Перевод с японского.

«Красная звезда».

В ЭТИ ДНИ В ГРОДЕКОВО

Э. ШАРГОРОДСКИЙ

БОЙ ЗА ВЫСОТУ

7—10 августа японские провокаторы одновременно с провокациями в районе озера Хасан пытались овладеть высотой, расположенной на советской территории на участке Гродековского погранотряда. В вынужденной схватке с зарвавшимися японскими налетчиками бойцы и командиры показали образцы героизма, мужества и отваги.

Отделенный командир Калганов одним из первых принял на себя удар японских налетчиков. Будучи ранен в голову и в ногу, он не ушел с поля боя до прихода подкрепления. Прибывшему с подкреплением лейтенанту Заровидному он отрапортовал:

— Своей родной земли подлым самурайским гадам ни одного вершка не уступили и все как один ее защищаем!..

Красноармеец Ефимцев участвовал в двух боях за высоту N. Он показал образцы героизма и бесстрашия. Под раз-

рывами японских гранат Ефимцев спокойно вел уничтожающий огонь по противнику. Будучи раненым в грудь и лицо, он свои ранения скрыл, и только тогда, когда его ранения обнаружили товарищи, он был отправлен с поля боя.

Красноармеец Кудрящев вел меткий огонь по врагу. Взрывом японской гранаты была повреждена его винтовка. Уже будучи раненым, Кудрящев бросал в противника гранаты; затем он взял у тяжело раненого Ефимцева винтовку и продолжал уничтожать японских самураев.

Старшина Холодов личным примером вдохновлял бойцов на героические подвиги. Благодаря его решительности, смелости и умелым действиям, подразделение выполнило боевую задачу и разгромило врага. Участники боя восхищались героизмом и решительностью старшины Холодова, который сумел обеспечить разгром противника, во много раз превосходящего численностью наше подразделение.

Окоп отделенного командира Малько и его горсточки храбрцев японские самураи забрасывали гранатами. Но герои не растерялись. С быстротой молнии они подхватывали налету японские гранаты и бросали их обратно в противника, уничтожая врага его собственным оружием. Группа отделенного командира Малько выбросила обратно во врага двенадцать штук японских гранат. Будучи раненым в руку и обе ноги, товарищ Малько не разрешал уносить себя с поля боя и просил перенести его в другой окоп, откуда он мог бы продолжать вести огонь по врагу.

Красноармеец комсомолец Жуков — участник трех боев с японскими самураями, — будучи тяжело раненым, не оставил поле боя. На просьбы своих товарищей эвакуироваться товарищ Жуков ответил:

— Я не уйду, пока не уничтожим самураев, пока не прогоним их с нашей советской земли.

Красноармеец Мясоедов, как и его товарищи, героически защищал родную советскую землю. Красноармеец Поздняков в бою выполнял ответственную роль — был пулеметчиком. Метким огнем он расстреливал японских провокаторов. Когда пулемет выбыл из строя, товарищ Поздняков под ураганным огнем противника перешел в другой окоп, взял пулемет товарища и продолжал вести огонь. Три ранения получил товарищ Поздняков, но не ушел до конца боя и продолжал сражаться за родину. В окоп Позднякова попали две японские гранаты, но он быстро подхватил их и бросил обратно во врага.

Красноармеец Пятаков участвовал в двух боях. Он показал

чудеса героизма и мужества. Будучи пять раз ранен, он не ушел с поля боя, оставался до конца сражения и вел меткий огонь по врагу.

Так дрались верные сыны великого советского народа. Враг был полностью уничтожен. На высоте N гордо реет красное знамя Союзá Советских Социалистических Республик.

Верные сыны советского народа бдительно охраняют цветущий советский Дальний Восток.

Н. НИКОЛАЕВ

ПОДВИГ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПОЛИТРУКА БАМБУРОВА

С вечера поднялся ветер, и начал моросить мелкий дождь. Ночью заместитель политрука т. Бамбуров ушел на пост.

Высота N... Совсем рядом манчжурская граница. Бамбуров выбрал удобное место, замаскировался в кустах, зарядил ручной пулемет и стал прислушиваться...

Сейчас на границе ночи тревожные. Дозорные советских границ всегда на-чеку. В районе Заречья (а это не так далеко от Гродеково) идут бои с японскими бандами. Кто знает, может быть, японцы, потерпев жестокое поражение на высотах Безымянная и Заозерная, вздумают устроить гнусную вылазку в другом участке?

Трудно вести наблюдение за коварным врагом в дождь и ветер. Дождевые капли бьют в лицо, порывы ветра скрадывают посторонние шорохи в кустах, траве...

Было два часа ночи, когда Бамбуров сквозь дождевую мглу увидел, что прямо на него с двух сторон двигаются какие-то темные фигуры.

«Японцы», мелькнуло в сознании, и заместитель политрука привычным движением вставил приклад пулемета в правое плечо.

Секунда, другая, третья... Бамбуров видит, что темные фигуры приближаются все ближе и ближе, но он выжидает: нужно подпустить врага, а уже потом бить его в упор пулеметным огнем. И вот, когда в темноте стали ясны очертания вражеских штыков, Бамбуров нажал на спусковой крючок.

Свинцовый шквал первой пулеметной очереди резкой чеканной дробью прогремел в сопках. В рядах самураев сразу же возникло замешательство. Кое-кто из них свалился навзничь под метким огнем советского пулеметчика.

Подлый враг меняет тактику. Японцы уже ползком подби-

раются к нашему пулеметчику, стремятся взять его в кольцо.

Бамбуров замечает, что темные фигуры появляются и справа и слева...

Заместитель политрука — отличный стрелок; он бьет без промаха; каждый его выстрел наносит ущерб врагу. Но запас патронов быстро иссяк, и пулемет замолчал. Бамбуров оттянул назад рукоятку затворной рамы, нажал на спусковой крючок, но безнадежно — магазин пуст.

Между тем вражеское кольцо сжималось. Как видно, японцы решили взять живым советского пулеметчика. Но дозорные наших границ, верные сыны социалистической родины, никогда не сдаются!

«Пробьюсь к своим или умру, но не сдамся в плен грязной фашистской сволочи...» С этой мыслью товарищ Бамбуров взял пулемет наперевес и ринулся на врага в смертный рукопашный бой.

Силы были неравны. Трудно было отбиваться пулеметным стволом от вражеских штыков. В горячке боя Бамбуров даже не заметил, что он ранен штыком в руку. Японец бросил гранату. Осколок ее ранил Бамбурова в губы. Но и это не сломило его упорства. Он продолжал наносить удары поседавшему врагу до тех пор, пока не сломалась шейка приклада; пулемет выпал из рук храброго пограничника...

На поясе висела граната. Бамбуров берег ее до последней минуты. И когда сломанный пулемет упал к его ногам, он метнул гранатой в японцев. Взрыв ошеломил врага. Кольцо разомкнулось. Воспользовавшись мгновением, Бамбуров бросился в образовавшийся проход и выскользнул из вражеского окружения.

Ночь и искусство маскировки, которым отлично владеют бойцы Дальневосточного Краснознаменного фронта, спасли Бамбурова от погони. Через несколько минут, спускаясь с высоты, он встретил свое подразделение.

Раненого Бамбурова хотели отправить в тыл, но он отказался. Быстро сделана перевязка, и заместитель политрука, взяв в руки винтовку, вернулся вместе со своими товарищами на поле боя. Бойцы Дальневосточного Краснознаменного фронта и на этот раз нанесли сокрушительный удар японцам. Самураи бежали с поля боя, теряя военное снаряжение.

И в первых рядах неутомимо преследовал врага молодой герой — политработник товарищ Бамбуров.

«Тревога».

СИЛА СОВЕТСКОГО ОРУЖИЯ

ДОБЛЕСТНЫЕ АРТИЛЛЕРИСТЫ

Старший политрук С. ДИДЕНКО
Комиссар Н-ской артиллерийской части

АРТИЛЛЕРИЯ ВСТУПАЕТ В БОЙ

Наша часть, только что проделав ночной марш, остановилась на привале. В пути на малых привалах я проводил беседы с политруками и заместителями политруков, рассказывал им о примерах героизма в период гражданской войны, о героизме наших доблестных пограничников.

Политруки также хорошо подготовились к предстоящим боям. На привале молодой политрук товарищ Поталаха, только недавно окончивший военно-политическое училище, с большим увлечением рассказывал бойцам о том, как надо бить японских самураев, полезших на советскую землю.

На большом привале — партийно-комсомольское собрание. Коммунисты и комсомольцы рассказывали о том, как они выполняют свои обязательства по социалистическому соревнованию, как готовятся защищать свою родину.

Когда мы пришли на огневые позиции, уже чувствовалось, что наши артиллеристы готовы вести меткий огонь по врагу. Все прекрасно знали свои обязанности. Быстро ориентировались на местности. Огневые позиции были мастерски сделаны в исключительно короткий срок.

Каждый боец старался как можно лучше замаскировать орудия, передки.

Командир батареи передал по телефону с наблюдательного пункта команду, и бойцы впервые услышали:

— По японской батарее — огонь!

Это было настоящее боевое крещение.

Вскоре с наблюдательного пункта мы увидели, как снаряды наших орудий подавили японскую батарею. Немедленно об этом было сообщено бойцам и командирам. Я тут же объявил всему личному составу батареи благодарность и передал об этом всей части.

Затем я пришел на огневую позицию, чтобы поздравить бойцов. Артиллеристы по телефону уже узнали о результатах своей стрельбы. Наводчики и номера еще стояли у орудий. На батарее царил огромный подъем.

Большую ценность для бойцов представляли рассказы о том, что мы видели с наблюдательного пункта. Бойцы интересовались, как ложатся их снаряды, как наша артиллерия поражает врага. Все без исключения бойцы расспрашивали об обстановке, об успехах нашей пехоты, артиллерии, танков. И здесь политруки проделали большую работу. Они все время получали от меня нужные сведения и в коротких беседах с бойцами отвечали на все интересующие их вопросы.

Взвод боепитания ехал со снарядами на огневую позицию. По дороге его обстреляла японская артиллерия. Правда, от этого обстрела никто не пострадал. Когда политрук батареи сообщил бойцам о том, что японская пушка, которая их обстреливала, только что уничтожена нашей батареей, радость ездовых просто не поддавалась описанию.

Этот пример говорит о том, что нам всегда, особенно в боевой обстановке, нужно держать бойцов в курсе действий всех родов войск. Каждая победа любого рода войск поднимает бойцов на новые героические подвиги.

«Красная звезда».

ГРУЗДОВ и МАМОНОВ

КОМАНДИР ОЛЬХОВИК УНИЧТОЖИЛ ЯПОНСКУЮ БАТАРЕЮ И ДВЕ РОТЫ СОЛДАТ

9 августа огнем нашей артиллерии была уничтожена японская батарея у Мантокусан и две роты японских солдат. Эту удачную операцию выполнил командир батареи товарищ Ольховик из части, где комиссаром товарищ Лебедев.

Как была проделана эта операция? Товарищ Ольховик, избрав удачное место для наблюдательного пункта, приступил к внимательному изучению тактики японской артиллерии.

Ведя наблюдение, он установил, что батарея противника находится в ущелье между двумя сопками.

Выкатывая орудия на возвышенность, японцы выпрягали упряжки, производили три залпа и быстро на руках спускали орудия обратно в ущелье.

Товарищ Ольховик учел это обстоятельство. И как только японцы начали выкатывать батарею, он уже уверенно коман-

двал: «Высота такая-то, прицел такой-то! Огонь!», и батарея японцев была уничтожена.

Вслед за этим он блестяще провел обстрел двух японских рот, переправлявшихся через реку, и их уничтожил.

Артподразделение, которым командует товарищ Ольховик, является одним из передовых. Здесь в условиях боя ключом бьет партийно-комсомольская жизнь.

...Комсомольское собрание на огневых позициях в разгаре. Рассматривается очередное заявление о приеме в комсомол. Вдруг раздается команда полубатарейного командира: «К бою!», и собрание временно прерывается для того, чтобы открыть меткий, уничтожающий огонь по противнику. После нескольких залпов собрание продолжается.

«На защиту родины».

И. КАТАЛИН

МЕТКОСТЬ НАШИХ ОРУДИЙ

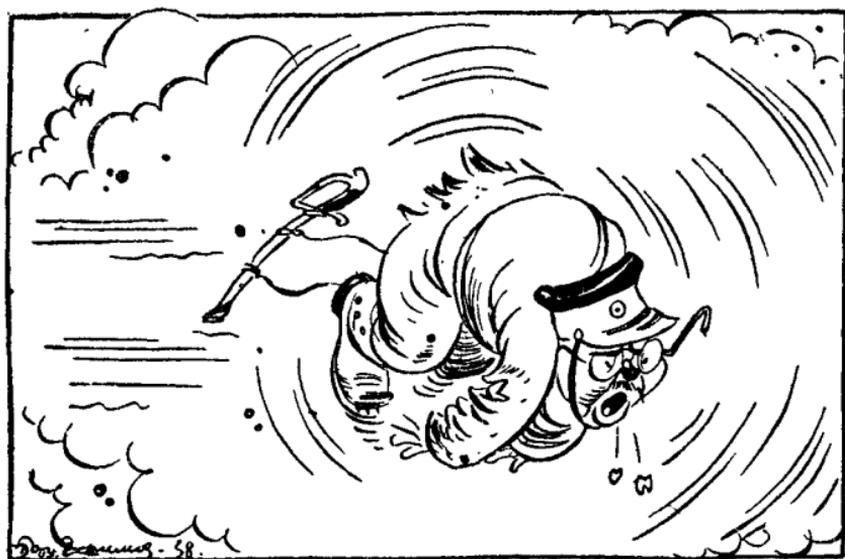
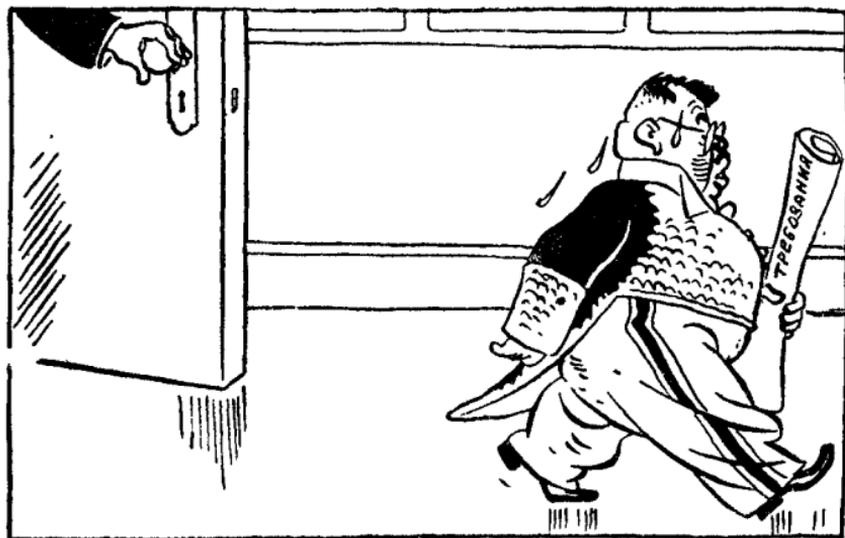
Японская артиллерия в боях у озера Хасан показала свою полнейшую беспомощность в борьбе с нашей советской артиллерией. Неоднократные попытки обстрелять наши батареи, стоявшие на закрытых позициях, были всегда безрезультатными и не приносили нам никакого вреда. Более активное действие проявляла японская артиллерия, обстреливая картечью нашу пехоту. Но и в таких случаях наши артиллеристы быстро отыскивали японские батареи и в течение нескольких минут заставляли их замолчать.

По телефону капитану товарищу Мерлин сообщают, что сильный артиллерийский огонь японских орудий мешает продвижению нашей пехоты. Капитан товарищ Мерлин отдал приказание лейтенанту товарищу Чех подавить огонь японской артиллерии.

Быстро отыскивается замаскированная батарея самураев. Немедленно подается команда — на огневую позицию. После третьего выстрела взлетает на воздух японское орудие. Другое орудие исчезает. Остальные — подбитые — остаются на месте.

Вот еще пример меткой стрельбы наших артиллеристов. На наблюдательном пункте было замечено, как через реку переправлялось довольно многочисленное подкрепление противника. Командир батареи товарищ Ачкасов открыл огонь по переправляющимся японцам, и в течение нескольких минут они были потоплены.

«Тревога».

Разговор на советском языке. На угрозы в Москве мы отвечаем вежливо, а на угрозы в пограничной полосе мы отвечаем еще вежливее.

КАК ДЕЙСТВОВАЛА НАША АРТИЛЛЕРИЯ В РАЙОНЕ
ГРОДЕКОВО

В ночь на 11 августа наши артиллеристы-разведчики сообщили, что враг группами накапливается вблизи границы. На батарею передается команда: «Приготовиться!» Без шума огневые расчеты быстро занимают свои места.

Проходит час-другой. Тихо. Враг молчит, но мы знаем его коварство. Трудно подойти незамеченным при луне, когда на небе редкие слои облаков. Поэтому на границе в этот час обстановка «мирная». Но вот потянул сырой ветер. Густой туман, переливаясь через скаты сопки, быстро расстилается вокруг, сокращая видимость.

В 2 часа 30 минут, под прикрытием густого тумана, японские самураи начали бой, открыв минометный огонь по нашей территории. Пехота противника стала переходить в наступление на высоту N. Наша артиллерия получила приказ открыть огонь.

На 6-й минуте после открытия огня японскими самураями на их голсы обрушился огонь советской артиллерии.

Орудийный расчет младшего командира товарища Бовкуна открыл по японским бандитам настолько быстрый огонь, что подносчики не успевали подносить снаряды. Быстро, отлично работал наводчик красноармеец товарищ Крысько. Орудие Бовкуна произвело большое количество выстрелов.

Меток огонь советских артиллеристов.

— Недаром сам товарищ Сталин занимается артиллерией, — с восторгом говорит старший на батарее лейтенант Антоненко.

С первых же наших выстрелов неприятельская минометная батарея была уничтожена. Такая же участь постигла и другие огневые точки противника. Пехота самураев сметена с советской территории.

Отличная стрельба батарей вызвала восторженные отзывы находившихся на высоте N пехотинцев и пограничников, героических защитников советских границ.

Самураи получили сокрушительный отпор. Артиллеристы-герои говорят:

— Если на японских милитаристов не действуют разумные слова советской дипломатии, то подействуют советские снаряды.

«Тревора».

МУЖЕСТВЕННЫЕ ТАНКИСТЫ

В. ЧЕРНЫШЕВ

ДВЕ АТАКИ

К вечеру колонна танков завершила тяжелый переход. Проведены осмотр и маскировка машин.

— Все в порядке!

— Танки готовы к атаке! — докладывали командиры экипажей.

Каждому хотелось сейчас же громить врага. Здесь, когда до самураев оставалось небольшое пространство, особенно остро чувствуешь всем существом, как приближаются минуты боя, — минуты, к которым готовились годами. Здесь даешь отчет родине, как ты подготовлен к выполнению священной обязанности воина Рабоче-крестьянской Красной армии — уменью уничтожить врага...

На рассвете был получен короткий, лаконичский приказ:

«Выйти на исходную, к высоте Пулеметная». С минуту экипажи стояли молча и неподвижно, как семья перед отъездом в далекий путь. Старший лейтенант товарищ Никитин пронизательным взглядом окинул выстроившихся и подал команду: «Заводи!»

Зеленые кусты, маскировавшие танки, задрожали и зашевелились, как от легкого ветра. Приняв боевой порядок, подразделение товарища Никитина на полном ходу удалялось к огненным точкам врага.

Танкистам выпала трудная, но почетная задача. Уже само название сопки «Пулеметная» говорило о многом. На небольшой высоте самураи установили десятки пулеметов, преграждая путь нашим стрелкам к сопке Заозерной. За это наши красноармейцы и назвали высоту «Пулеметная».

Грозная лавина железа и стали без выстрелов приближалась к стану врага. Вот в каком-то иступлении застрочили «гочкисы», появились первые артиллерийские разрывы, посылаемые из манчжурских бетонированных укреплений.

Ветер доносил мощный рокот моторов. Башни сухопутных броненосцев медленно поворачивали жерла орудий на огневые точки самураев. Появлялся яркий сноп огня. Прицел уверенный и точный! Вместе с самурайскими флажками в воздух взлетали части пулеметов, а немного справа, от метких сна-

рядов, посылаемых с танка товарищем Кони́ком, летели ввѣрх и колеса противотанковых пушек.

Григорий Кони́к, опытный танкист, «караулил» замаскированные орудия самураев. Его танк то появлялся справа, то быстро переходил на левый фланг, словно подгоняемый командой лейтенанта Подчеимова:

— Ходу, Кони́к, ходу!..

Вырвавшись к болоту, танк спустился в камыши и быстрым артиллерийским и пулеметным огнем стал прикрывать проход танков и пехоты. Мотор все время работает. Когда наши машины бронированной лавиной вынырнули из-за сопки, с фланга по ним открыли огонь три противотанковых пушки.

— Бей прямой наводкой! — крикнул Кони́к.

Один за другим раздалась три выстрела. Лейтенант Подчеимов безошибочно поразил цель.

Башенный стрелок товарищ Богданов сейчас был за моториста.

Мотор исправно рокотал на малом ходу. Моторист знал, что мотор не подведет, и решил выйти в разведку: «Если не вернусь,— сказал он командиру башни,— уезжайте без меня».

С прилегающих высот японцы заметили опасный советский танк. Огонь многих орудий был перенесен сюда.

— Неделет!.. Перелет!.. Справа!.. Слева!.. — спокойно и хладнокровно передавал Богатов командиру танка о взрывах снарядов.

Смелый моторист быстро разведал расположение противотанковых пушек. Подробно доложил о своих наблюдениях командиру.

Танк меняет позицию. Опять открывает огонь.

Экипаж храбрецов снова нащупан. Не сумев помешать атаке танков, самураи решили сорвать свою злобу на этой машине.

Шквал огня был велик. Кругом несся шторм взрывов. Земля вздымалась вверх, как море у скалистого берега. Земляной ливень падал непрерывно; катились осколки камней. Но тщетно! Поразив несколько видимых целей, наш экипаж увидел, как советские танки, выполнив боевую задачу, возвращались к исходной линии. В этот момент по передней броне «назойливого» танка ударил японский снаряд. Наблюдавший за торжественным возвращением танкистов лейтенант Подчеимов был оглушен. Однако подбить танк японцам так

и не удалось. Вместе со всей боевой колонной он возвратился на сборный пункт.

Первая атака принесла японцам большие потери. Советские танкисты готовились к повторной...

Вторая атака совпала с замечательным праздником. Трудящиеся СССР отмечали девятую годовщину Особой Краснознаменной Дальневосточной Красной армии. В этот день с особой заботой и любовью народы страны социализма обращали свои взоры к дальневосточным рубежам, к ее славным защитникам. Уже не раз японская военщина прошупывала прочность наших границ, уже не раз отходила от них с окровавленным носом, разбитой мордой. Ну что же, раз память коротка, можно и еще напомнить!..

Вторая атака, которую так долго ждали японцы, превзошла их ожидания.

Началась она мощным шквалом артиллерийского огня. А когда солнце поднялось высоко, в безоблачном голубом небе появились советские самолеты. Вначале их было мало. Но приближающийся рокот моторов становился все сильнее...

Вот прошел первый эшелон бомбардировщиков, за ним второй, третий... В бой снова вступила артиллерия. Ужас самураев был безмерен. Бросая окопы и укрепления, они пытались укрыться от метко направленных бомб и снарядов. Тогда вступали в бой истребители, они пикировали до земли, поливая японцев горячим свинцом.

Взрели танки. Они стремительно вылетели из-за сопки добивать заносчивых, но неуверенных в своих силах японских самураев.

Машина, которую вел младший командир товарищ Коник, быстро ринулась к вражеским пулеметам. Вот уж и первая линия окопов. Громя пехоту, танк одним толчком смял пулемет. Преодолев трясину, товарищ Коник направил танк по линии проволочного заграждения, он рвал проволоку, расчищая путь нашей пехоте. То и дело выключая рычаги, водитель направляет гусеницу на уцелевшие пулеметы и прислугу.

Впереди небольшой вал. Машина миновала вершину. В смотровую щель товарищ Коник увидел слева ползущего самурая со связкой гранат. Используя скат перевала, водитель включил третью скорость, танк вздрогнул, подпрыгнул вверх, и не успел «охотник за танком» выпустить из рук гранаты, как тяжеловесная машина оставила от него мокрое место.

В машине стоял жаркий и душный грохот. В ушах звенело от гула мотора и качки машины. Но никакая сила не могла задержать стремительной атаки. Из горящей травы то и дело подымались обезумевшие от страха японцы. Раздавался крик, и самураи падали под гусеницу советского танка...

Эту атаку японцы не забудут никогда...

Вот стоит перед нами героический участник двух танковых атак комсомолец Гриша Коник. Сейчас он только что закончил чтение романа «На Востоке». В этой книге волнующие страницы посвящены грядущим боям на Дальнем Востоке...

«Глубокой ночью Москва узнала о предательском нападении врагов. И тогда из Кремля в Большой театр вместе с членами Политбюро пришел Сталин, чтобы быть вместе с Москвой. Лицо Сталина было строго, он шел торопясь, и толпа кричала, звала: «Сталин! Сталин! Сталин!» Это был клич силы и чести, он звучал как «вперед!» Потом Сталин говорил. Слова его разносились по всей стране, они входили в пограничный бой, мешаясь с огнем и грохотом снарядов. Радиорупоры доносили его голос к бойцам подземных укреплений, к летчикам, танкистам. Это был голос нашей родины, простой и ясный, бесконечно честный, отечески неторопливый, сталинский голос...»

— С именем Сталина в сердцах, с именем Сталина на устах, — говорит товарищ Коник, — мы шли в атаку без страха и колебаний. И в грядущих боях Сталин, великий и любимый вождь, будет вдохновлять нас на героические подвиги во имя нашей родины, во имя коммунизма.

«Тревога».

И. ЖУКОВ

ТАНКИ ВОРВАЛИСЬ В РАСПОЛОЖЕНИЕ ПРОТИВНИКА

29 июля батальон получил боевой приказ: «Японские захватчики заняли высоту Заозерную. Батальону немедленно выступить».

Быстро собрался весь личный состав. Командир батальона объяснил задачу, и в полной боевой готовности танки двинулись к месту расположения противника.

Задача танков — поддержать наступление пехоты.

Взвод товарища Лосева получил задание занять высоту 60,1 и своим огнем сдержать наступление противника, дать воз-

возможность продвижению нашей пехоты. Замаскировав танки, товарищ Лосев выделал из экипажей наблюдателей за полем действия.

Самураи большими группами стали занимать выгодные позиции. Взводу товарища Лосева было дано задание — итти танками в атаку во главе роты.

Ворвавшись в расположение японских войск, танки начали вести ураганный огонь по огневым точкам японцев. В панике самураи начали отступать, оставляя на месте пулеметы и оружие.

Ночь... Во тьме трудно вести наблюдение из танка, но волевые механики-водители, преодолевая препятствия, нагоняли захватчиков и поливали их свинцовым дождем.

Вдруг танк товарища Лосева остановился. Он дает приказ механику-водителю: «Вперед!» Водитель отвечает: «Товарищ командир, танк подбит». Быстро принимает решение командир взвода товарищ Лосев:

— Я буду вести огонь, а вы вылезьте и посмотрите, что там делается...

— Есть!

Как только механик-водитель открыл люк, японские снайперы сразу же начали стрельбу. Первой пулей его ранило в ногу. Но он все же сполз на землю и обнаружил, что у танка подбита гусеница. Тогда механик перевязал рану и спустился вниз, где экипаж другого танка исправлял повреждение своей машины.

— Товарищи, вы свой танк исправили, помогите нам.

Танкисты быстро откликнулись на эту просьбу, и через пятнадцать минут оба танка были в боевой готовности и снова двинулись в бой.

Пробираясь сквозь заросли, товарищ Лосев обнаружил две противотанковые пушки, которые вели огонь по танкам. Механик-водитель дал полный газ, и обе пушки были раздавлены.

Танковый взвод продвинулся к самой границе, дальше итти нельзя. Очистив в этом направлении путь для пехоты, танки двинулись обратно за получением нового боевого приказа.

Наша артиллерия тем временем вела уничтожающий огонь по сопке.

Товарищ Лосев получил новый приказ: «Занять высоту 68,3 и в этом направлении вести наступление».

Вновь танковый взвод пошел в атаку под сплошным оружейным огнем. Танк товарища Лосева впереди. Командир

взвода видит, как из окопов бегут японцы. Они охватывают наши танки кольцом, забрасывая их гранатами.

Вот впереди три японских солдата тянут на веревке машину. Лосев дал по ним очередь. Два японца скатились вниз, а третий остался на месте.

— Испеку, голубчик! — говорит башенный стрелок, ведя наблюдение.

— Товарищ командир, давайте его заберем, — посмотрим, что это за фигура...

— Нет времени, товарищи, рассматривать паразитов. Больше газу, вперед!

Чтоб не оказаться в окружении вражеских войск, товарищ Лосев обстреливал впереди себя местность и тогда свободно двигался вперед.

Шесть раз получал боевые задачи взвод и с честью их выполнял, проявляя самоотверженность и отвагу.

«На защиту родины».

В. КРОМСКИЙ

НАХОДЧИВОСТЬ В БОЮ

Молнией облетела часть вестей о том, что в районе озера Хасан японские налетчики перешли советскую границу.

Тревога!.. Вся часть на ногах. Каждый рвался в бой.

Кто же будет счастливецом? Кому придется принять бой с коварным врагом?

Комсомолец Николай Кусков — командир танка, бывший машинист паровоза — был в числе тех, кому выпала честь постоять за родину. Вместе с танкистами, шедшими в бой, был политрук Огнев, веселый, жизнерадостный человек. Накануне боя и во время его он подбадривал бойцов...

...Комсомольский танк прибыл на исходную позицию. Командир танка Кусков, заряжающий Букатов, механик Кошелев — все комсомольцы.

— Ну, держитесь, товарищи, — произнес Кусков.

Противник вел артиллерийский огонь. В ход пошли противотанковые орудия.

«Открыть огонь!» — получили приказ танкисты.

Танкисты быстро находили противника, метко поражали его.

В танке была высокая температура. Нечем дышать! Но стойко держались храбрые танкисты.

С боем продвинулись они к правой стороне сопки Безымянной. Местность здесь труднопроходимая для танка. Танк застрял. Противник заметил это, усилил огонь. Но мужественные танкисты не растерялись, они быстро приняли решение.

Букатов вылез из танка. Под огнем противника он притащил бревно и привязал его проволокой к гусенице. Николай Кусков все это время продолжал вести огонь. Потом он вышел, чтобы помочь товарищу. В этот момент его ранило пулей в плечо.

Быстро вернулся Кусков в танк.

— Товарищ командир, — обратился Кошелев к Кускову, — давайте я вас сменю.

Командир продолжал вести огонь. Раненый, он не покидал боевого поста.

На рассвете снова пошли в атаку. Вдруг танкисты заметили, как к танку подбираются три вражеских лазутчика.

— Это, видимо, из группы противотанковых, — решил Кусков.

Ни один из вражеских лазутчиков к танку не добрался. Все они были уничтожены огнем советских танкистов.

Когда пришло подкрепление, Кусков получил приказ уйти из танка. Почти сутки раненый комсомолец-танкист, подавляя боль, храбро дрался с врагами.

Под огнем советского танка один за другим замолкали вражеские орудия и пулеметы. Нащупывая цели, танкисты уничтожали их. Политрук Огнев был все время в бою. В короткие минуты, когда встречались бойцы, они неизменно задавали друг другу один и тот же вопрос:

— Жив ли политрук?

А политрук дрался на танке, который шел впереди колонны. Танкисты знали об этом и, когда видели впереди своей колонны действующий танк, радостно переключались:

— Политрук жив, он с нами!

Это вызывало новый прилив сил у бойцов.

Так дрались с врагом храбрые советские танкисты. Они отважно вели грозные машины на врага, сокрушали японские пулеметные гнезда, давили орудия, рвали проволочные заграждения, расчищая путь. И вслед за танкистами могучей лавиной шли на врага непобедимые части нашей славной пехоты. Они наносили самураям сокрушительные удары, выбивали их с советской земли.

«Тревога».

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА В ОСАЖДЕННОМ ТАНКЕ

Мы получили боевой приказ — уничтожить огневые точки противника и разрушить проволочные заграждения, чтобы обеспечить успешное наступление пехоты.

Весь личный состав встретил боевой приказ с величайшим подъемом. Каждый рвался в бой, горя одним желанием — немедленно и жестоко наказать зарвавшихся самураев.

Наши танки выстроились в поход. Впереди — старший лейтенант товарищ Драгуновский, затем мы. Я иду в бой в составе экипажа башенным стрелком.

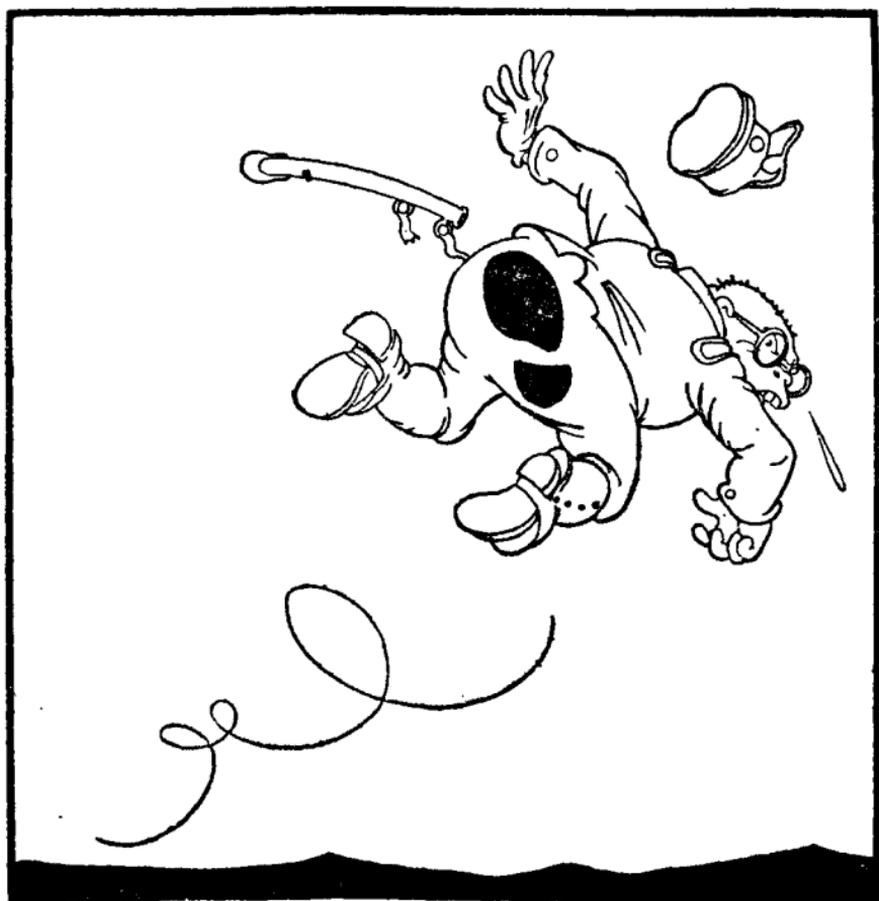
— Товарищ комиссар, — взволнованно говорит командир экипажа лейтенант товарищ Винокуров, — если бы вы знали, какое я ощущаю счастье, идя в бой за великую родину, за нашего дорогого Сталина. Мы покажем японским гадам, что значит нападать на наши советские рубежи. За провокации они жестоко поплатятся!..

— Будь в бою внимательным, не плошай, — отвечаю товарищу Винокурову.

Танки, ныряя по неровной поверхности, быстро пошли в бой. Достигаем передней линии обороны противника. Наглые самураи сосредоточивают на нас ураганный огонь пулеметов и артиллерии. Пули и осколки снарядов колют броню машины. Дошли до Безымянной высоты. Впереди — проволочное заграждение. Прорвали. Врезались в расположение пехоты и огневых точек. Смотрим — пулемет строчит по нашей пехоте. Танк направляется на пулемет и давит его гусеницами. Прислуга в страхе бежит. Раздавлив еще несколько пулеметов, танк направляется на окопы. Развертываем быстро башню и открываем пулеметный огонь по пехоте врага. В панике пехота разбегается, оставляя на месте огромное количество убитых и раненых.

Вдруг танк вздрогнул. Лицо обожгло. Прямое попадание в башню! Башня заклинилась. По нашему танку бьют несколько орудий противника. Заглох мотор. Командир танка ранен. Я перевязал его, уложил поудобнее. Собрал все ручные гранаты, взял два пистолета, приготовился к обороне.

Долгое время самураи к нам не подходили. Потом они начали осторожно подползать. Обступили танк, покачали орудие, потрогали пулемет, что-то пробормотали. К пистолетным щелям не подходят, — боятся, сволочи! Я предполагал, что

Наша марка.

Рис. В. Брискина и В. Фомичева.

нас подожгут, и выработал план действий: забросать врага гранатами, открыть огонь из пистолетов и попробовать убежать. Если это не удастся, — в руки живым не даваться.

Походив около танка, самураи ушли, оставив дежурных. Раненый командир уговаривает оставить его и убежать, но я не могу этого сделать. Да и бежать невозможно. Передний люк заклинен. Самураи пробовали его открыть, — не открыли. Выскочить в верхний люк нельзя: нас стерегут.

Надеясь на поддержку, я решил ждать. Самураи прорыли проход к нашему танку.

Ночь прошла спокойно. У нас был запас воды, что давало возможность раненому товарищу утолить жажду.

Настал день. Яркое солнце раскалило танк. Днем стало нестерпимо душно. Запас воды иссяк. Во рту все пересохло. Но мы, задыхаясь в танке, попрежнему сохраняем спокойствие. Мы твердо уверены в своем спасении.

Наши артиллеристы все время ведут ураганный огонь по огневым точкам противника. От близко взрывающихся снарядов танк вздрагивает.

Прошел томительный день. Мы сидим в танке и находимся в невольном «плёну» уже сутки. К вечеру наша артиллерия открыла сильный огонь по пехоте противника. Снаряды рвутся около нас. Танк забрасывает землей от взрывов. Японская пехота залегает в траншее. Стережущие нас уползают в укрытие. Настал удобный момент для побега из «плёна». Мы выработываем план побега, намечаем путь движения, место встречи.

Быстро открываю люк, выскакиваю из танка. По мне открывают огонь, и два самурая бегут за мной вдогонку. Метким огнем из пистолета товарищ Винокуров кладет их у танка. Следом за мной он выскакивает из машины и бросается в траву.

Добравшись ползком до намеченного пункта встречи, я стал ждать Винокурова. На пути встретил воронку от разрыва снаряда. В ней показалась вода. Я утолил жажду, умылся. Винокурова нет. Меня охватило беспокойство, — не подстрелили ли его? Пополз разыскивать. Наткнулся на японского солдата, он замахнулся на меня винтовкой. Штык скользнул по правой руке, но это несколько не помешало мне уложить самурая с первого выстрела. Ползая по камышам в поисках Винокурова, я изрезал все руки, но никак не мог его найти.

Вскоре подошла наша пехота. Товарища Винокурова нашли санитары. Ему была оказана помощь.

Славные бойцы пехоты dokonчили начатое нами дело. Они добились остатки японских самураев и заняли Безымянную высоту.

«Тревога».

Г. ДВОРЕЦКИЙ

ХИТРОСТЬ КОМАНДИРА КУЗНЕЦОВА

Сотни бойцов, идя в бой, подавали заявления о приеме в партию. Они писали:

«Если мы и не вернемся, считайте нас коммунистами!..»

Такое заявление подал и комсомолец командир танка товарищ Кузнецов, отправляясь на выполнение боевого задания.

«Победить во что бы то ни стало!» — вот с каким лозунгом пошел экипаж в бой.

Танк успешно преодолел сопки, болота и близко подошел к передней линии обороны противника, прорвал проволочное ограждение и очистил путь пехоте.

До первых рядов засевавших в окопах самураев осталось несколько десятков метров. Командир экипажа товарищ Кузнецов метким огнем из пушки уничтожает огневые точки противника. Танк подходит к длинному окопу. В нем полно самураев. Кузнецов отчетливо видит их.

Из окопа летят под танк гранаты, но они бессильны. Танк цел и невредим.

Один за другим посылаются в окоп три снаряда. Завизжали самураи, как бешеные собаки, залегли на дне окопа.

«Открываю по окопу огонь из пулемета, — рассказывает товарищ Кузнецов, — смотрю, самураи пошли на хитрость: наблюдают за разворотом башни. Когда я разворачиваю башню на правую сторону окопа, самураи здесь ложатся, а слева поднимаются и бросают в танк гранаты и стреляют из пулеметов. Ну, думаю, гады, сейчас я вас проучу.

Медленно разворачиваю башню вправо, наблюдая за левой стороной. Вижу — высунулись самураи. Резко разворачиваю башню влево и поливаю врага пулеметным огнем. Сдрейфили самураи и не стали показываться. Танк ведет огонь и идет по окопу, давя своей тяжестью перепуганных захватчиков.

Остальные в панике пытаются бежать, но мало кому из них удалось уйти от огня нашего пулемета! Враги жестоко поплатились за свои наглые провокации.

Если не успокоятся самурай,— заканчивает товарищ Кузнецов, — то мы готовы повторить свой удар, и тогда японцам не найти спасения. Мы их достигнем на земле, в воде и в воздухе».

«Тревога».

3. АБРАМОВ

ЧАС ПОБЕ ДЫ

Не прекращая наблюдения за полем боя, старший лейтенант Сирченко спросил своего механика-водителя Малахова.

— Который час?

— Шесть, — ответил Малахов, продолжая вести свой танк вперед.

Ровно час, как танки вышли в атаку. Бросаясь из стороны в сторону, мнут они своими гусеницами все, что встречается на их пути. Старший лейтенант Сирченко видит, как его танки, развернувшись, уничтожают врага. Японские пушки погибают, не успев начать стрельбу. Налетчики, увидев танки, разбегаются. Вот Сирченко заметил, что кучка японцев бросилась в воронку от разрыва нашего снаряда. Танк уже мчится туда...

Лишь вчера Сирченко ползал по этой земле, выбирая дорогу для своих машин. Всюду болото; нужно было выбрать места, по которым танки смогли бы безусловно пройти. Только-только занималась заря. В воздухе прозвучали первые, орудийные раскаты. Пока они еще были редки, но потом стали чаще и чаще. Поле боя начало содрогаться от грохота артиллерии. Повсюду вспыхивали разрывы снарядов. Кое-где взлетали глыбы земли. В эти минуты Сирченко, искусно маскируясь, двигался на разведку, определяя боевой курс танков. Пули противника с визгом летали над головой. Когда он подполз к маленькому озеру, японские пули с плеском падали в воду. Сирченко двигался дальше. Он выполнил задачу. Вечером, встретившись со своими танкистами во время похода, он им точно рассказал о каждом вершке земли, по которой предстоит совершить атаку. Вот почему сейчас он так уверенно ведет свои машины вперед...

...Горячие гильзы снарядов обжигают тело. От скопления пороховых газов в машине невыносимо жарко, но Сирченко работает попрежнему быстро и четко. Только когда капли пота падают на глаза, он быстро проводит рукой по лицу, ни на миг не отрываясь от перископа, продолжая вести огонь.

Сирченко внимательно следит за вспышками снарядов про-

тивника и, обнаружив вражеские огневые точки, тотчас же открывает по ним огонь.

Танк содрогается от града вражеских пуль, но советская броня крепка!

— В двухстах метрах — противотанковая пушка! — докладывает командиру механик-водитель.

Выстрел, и совсем близко взмылось пламя. Вражеское орудие взорвалось.

— Который час?

— Семь, — снова отвечает механик-водитель.

К этому времени пехота, которой танки открыли путь, уже должна была совсем близко подойти к высоте Заозерной.

Боевая задача выполнена. Сирченко приготовился подняться на наблюдательный пункт. В этот миг танк сзади. Вражеский снаряд попал в машину. Внчник. Сирченко бросился к нему. Механик успел перекрыть краник с горючим, но танк охвачен пламенем.

Еще один снаряд, — и снова попали ему в лицо. Голоса падали как в тумане. Кран покинул танк, уронив голову.

Старшина Ильяш
своего командира
пылающего
сидел в
лепет.

огонь
Ку,
кроме
до
на,

ца и с первого же выстрела убивает его. Металлическая каска врага ударилась о винтовку. Сирченко слышит этот удар.

Уже появились наши танки. Сирченко видит, как к одному из них подкрадывается несколько японцев с бутылками бензина в руках. Враги хотят поджечь танк. Сирченко стреляет в них из пистолета. Одновременно Извеков дает по ним очередь. Японцы падают один за другим. Танк движется дальше.

Курасов, запыхавшись, снова бежит к своему командиру с докладом. Едва сдерживая радость, он громко кричит на ходу:

— Товарищ командир, товарищ командир, — наши уже на

тытается подняться, но встать не может. Оскол-
ему и в ногу. Поддерживаемый Курасо-
тал. Подняв правую руку, командир

пролетарскую революцию,

чит могучее красноар-

ный сигнальный

Заозер-

проби-
ране-

гошо

ий

г-

г

ГОРДЫЕ СОКОЛЫ

Комбриг П. РЫЧАГОВ
Герой Советского Союза

СОВЕТСКАЯ АВИАЦИЯ НА ЗАЩИТЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦ

Расцветает сила и мощь нашей великой социалистической родины. Бесстрашные советские часовые зорко оберегают социалистические рубежи.

С тех пор как в 1922 году с советской земли был изгнан последний интервент, японскую военщину не покидала мысль о нападении на советский Дальний Восток, Приморье.

В конце июля японские самураи вторглись на советскую территорию, совершив этим крупнейший провокационный акт с целью втянуть Японию в войну с Советским Союзом.

Героические части Дальневосточного Краснознаменного фронта вынуждены были принять навязанный им японскими самураями бой. На удар поджигателей войны они ответили сокрушительным ударом.

В боях с агрессорами, напавшими на нашу землю, участвовала советская авиация.

...Красные соколы показались на горизонте. Вот идут в бой величественные машины. Впереди корабль командира части товарища Жукова. Он на своем корабле первым вступает в бой, принимает на себя всю силу зенитного артиллерийского огня. Снаряды рвутся у самого самолета, но спокойный, уверенный Жуков ведет корабль к цели. Его огонь парализует зенитные точки противника. По примеру большевика Жукова вели к цели боевые машины прекрасные пилоты: капитан Финогенов, лейтенанты Лагунов, Чеботеев.

Мощный бомбовый огонь стирает с лица земли батареи японцев. Выполнив боевое задание, советские самолеты в полном порядке возвращаются на свои аэродромы.

Уверенно и мужественно неоднократно водили в бой свои боевые машины капитаны Сухоробриков, Ганичев, Якубович. Их самолеты получили по нескольку пробоин, однако в умелых руках отважных пилотов они ни на минуту не выходили из строя. Выполнение боевого задания в труднейших условиях еще раз подчеркнуло умение и храбрость наших летчиков.

Отлично работал штурманский состав воздушных сил Дальневосточного Краснознаменного фронта. Штурманы

Горшков, Валюк, Румянцев уверенно вели корабли к цели, умело и четко выполняли каждое боевое задание.

Наш технический состав работал безупречно. Он неустанно готовил к бою материальную часть.

По-большевистски, по-сталински работали боевые комиссары. Товарищи Злой, Демельченко, Емельянов, Мельников в составе боевых экипажей защищали границы советской родины. Товарищ Моченков, лейтенанты товарищи Бомкин и Никулин, политрук товарищ Огурцов, коммунисты, комсомольцы показали образцы героизма и преданности. Они были передовиками, организаторами боевых побед. Не попавшие в боевые расчеты коммунисты и комсомольцы просили у комиссаров частей дать им боевое задание.

Авиация задание свое выполнила. Огневые рубежи, сопки, на которых сидели окопавшиеся враги, были буквально скальпированы. И пусть теперь попробуют сказать нам ученые всех академий иностранных армий о невозможности применять насыщенный, самый массовый бомбовый огонь с воздуха на крайне ограниченном фронте. Не поверим! Бой у высоты Заозерной опрокинул все эти гнилые теории и утверждения. Наша советская авиация показала, что советские корабли, ведомые в бой лучшими сынами нашей родины, без промаха, уверенно и точно на узенькой ленточке бомбили неприятельские огневые позиции. Наши штурманы доказали в бою, что они с любой высоты умеют четко отличать огневые позиции противника.

Японская военщина увидела силу выучки советских летчиков, силу и мощь нашей советской авиации. Японские солдаты пишут родным домой: «Такой мощной силы и такой техники мы еще никогда не видели».

Советский Союз не хотел и не хочет войны. Советский Союз всегда стоит за мир. Его политика всегда преследовала только одну цель — сохранение мира, восстановление спокойствия на границе и создание условий для предотвращения дальнейших провокационных нападений на советскую территорию. Советский Союз остается в спокойной уверенности в своих силах. Он не желает войны. «Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны» (Сталин).

Указания великого вождя народов товарища Сталина знает и помнит каждый летчик, пилот, техник, политический работник, каждый боец нашей авиации. С этими указаниями, с верой в победу, с гордостью и величайшей преданностью делу

защиты границ великой родины, нашему советскому правительству, нашей ленинско-сталинской партии, нашему родному товарищу Сталину вели наши штурманы-летчики в бой советские корабли.

И хотя затихли выстрелы на огневых рубежах, мы сохраняем свою боевую готовность, как всегда.

«Правда».

Младший командир ГЕОРГИЙ УРИНЦЕВ

ЛЕТЧИКИ РАСЧИСТИЛИ НАМ ПУТЬ

Мы должны были пойти в атаку, чтобы выбросить с советской земли зарвавшихся японских бандитов. Напрягая силы, бойцы преодолевали сильно пересеченную местность, неся с собою материальную часть станкового пулемета и ленты. За невысоким холмом мы окопались. Опьяневшие от спирта самураи не заметили наших перебежек и продолжали бешено обстреливать наши старые огневые позиции. Шрапнель со свистом пролетала над нами, нисколько не беспокоя нас.

Наша батарея попрежнему была рассчитанно, не часто. Но мы чувствовали, что на этот раз японцы получают хороший урок. Взоры бойцов все чаще обращались к западной части неба — туда, откуда к 14 часам дня должны были появиться эскадрильи советских самолетов. Японцы начали нащупывать наши новые позиции. Шрапнель свистит уже над головами. И вдруг, — о радость! — через одну-две минуты ожидания в небе обозначились стрелками несколько эскадрилий истребителей и бомбардировщиков.

Сквозь грохот боя слышался нарастающий гул могучих моторов. Мы ревностно пересчитывали количество машин в каждом строе, чтобы потом убедиться, все ли вернутся на свой аэродром в целости и сохранности.

Самолеты приняли боевой порядок. Наиболее быстроходные бомбардировщики уходили в глубь оборонительной полосы японцев. Тяжелые многомоторные корабли, идущие плавным, гордым ходом, начали у нас на виду посылать свои «гостинцы» самураям, засевшим в бетонированных укреплениях.

Над сопкой Безымянной стояло сплошное облако дыма. Лишь местами в дыму вырисовывались разбитые в щепы оружейные колеса. Увлечшись наблюдением за этой решающей схваткой советской авиации с японской зенитной артиллерией, мы вскочили на ноги. Самураям было не до нас. Они отчаянно обстреливали наши самолеты, но стреляли плохо. Их

снаряды рвались ниже и правее наших самолетов. Стальные птицы были неуязвимы.

Закончив бомбежку, облегченные самолеты в прежнем строю возвращались обратно. Восхищенные бойцы яростно аплодировали, приветствуя отважных летчиков. Кто-то закричал:

— Да здравствуют Коккинаки, Молоков, Громов и Чкалов!

Ему ответили:

— Что ты! Это не Коккинаки и не Громов! Это рядовая часть Н-ского аэродрома.

Боец ответил:

— Ну, что ж! У нас все могут быть Коккинаки и Громовыми! — И снова зааплодировал советским летчикам.

Мы видели, что в рядах японцев началась паника. Уцелевшие от бомбежки самураи обратились в бегство. Но наша авиация еще не кончила своей работы. Истребители, которые все это время гордо реяли вверх, охраняя строй бомбардировщиков, сейчас, когда тяжелые машины ушли на свои аэродромы, ринулись камнем вниз, чтобы завершить дело, начатое бомбардировщиками.

Истребители бросались на японцев, строча своими пулеметами по пехоте противника. Вот истребитель летит бреющим полетом, вот он стрелой взмывает кверху, переваливается через крыло и идет книзу, ведя меткий огонь.

Когда горела в желтом дыму занятая врагом сопка, мы испытывали подлинное волнение. Мы гордились нашими товарищами-летчиками, которые на деле показали могущество советской авиации, готовой по первому слову боевого приказа разгромить врага до основания на его собственной территории.

Тем временем в небе появилась новая группа бомбардировщиков. Она еще раз осыпала бомбами позиции противника. Я приподнялся повыше. Вершины Безымянной уже не было видно. От ее подошвы до самого неба стояла грозная туча буровато-желтого цвета, — песок, глина, дым еще долго висели в воздухе.

Поддержанные авиацией и артиллерией, стрелковые части Дальневосточного Краснознаменного фронта переходят в наступление и гонят с советской территории зарвавшихся японских самураев.

Я видел немало кинофильмов о будущей войне. Они оставляли большое впечатление. Но то, что мы увидели в этот день в районе озера Хасан, превзошло все, что могла создать

фантазия работников искусств. Сейчас мы очень хорошо представляем себе, как будут выглядеть сокрушительные удары нашей авиации по врагу, который осмелится навязать войну Советскому Союзу.

Каждый из советских бойцов, участников этого боя, твердо уверен: как бы ни укрепился коварный враг, наши гордые соколы беспощадно разбомбят его позиции и уничтожат противника без пощады. В будущей войне советские летчики совершат новые подвиги, перед которыми померкнет все, что знает мировая история.

«Комсомольская правда».

Старший лейтенант БЕЛОГЛАЗОВ
Штурман эскадрильи

ПЕРВЫЙ БОЙ

Получив задание бомбардировать сосредоточение войск противника, его сооружения и пути подвоза, наша группа самолетов вылетела по боевому маршруту.

Учащенно бились сердца летчиков. Хотелось как можно лучше, точнее и быстрее выполнить порученное задание, нанести решительный удар врагу.

Пулеметы проверены, бомбы надежно закреплены, остается только нажать кнопку прицела...

Все мы — молодые летчики. Этот вылет — наше боевое крещение, поэтому мы с нетерпением ждем решительной минуты. Но томительно долго тянется время; кажется, что тихо летит самолет, хотя он делает более 300 километров в час. Внизу ничего не видно, полет проходит за облаками. Мучает мысль: «Неужели цель будет закрыта?..»

Подходим к линии фронта. Сама природа за нас! Пасмурное небо прояснилось. Цель и район цели открыты.

Под нами — линия фронта. Мы в первый раз пересекаем ее. Справа, слева, впереди, сзади слышатся глухие разрывы. Это рвутся снаряды зенитной артиллерии. Враг, чувствуя мощь советского Военно-воздушного флота, сосредоточил крупные силы зенитной артиллерии; но наш самолет скоростной, маневренный. Он, как змейка, крутится вправо, влево, вниз, вверх, и ни один снаряд не попадает в него.

Когда мы очутились среди енепов разрывов зенитной артиллерии, у всех нас была единственная мысль — отыскать цель, разгромить врага, выполнить задание командования, великого вождя товарища Сталина и всего советского народа. Вначале

разрывы снарядов зенитной артиллерии отвлекали внимание; как-то быстрее убегали пункты, путалась территория, зато во время следующего полета уже скучно казалось, когда зенитная артиллерия переставала стрелять.

Вот внизу змейкой извивается, укрываясь в ущельях, железная дорога. Мысль работает быстро; цель изучена еще на земле.

Глаз ищет — справа должен быть характерный изгиб реки... Вот он!.. Теперь смотри 2 километра влево... А вот и остров, правее крупные военные сооружения, впереди разъезд. Это наша цель...

Самолет резко идет вниз, он делает маневр по высоте. Штурвал в крепких руках командира группы комсомольца Рудакова. Еще сильнее бьет японская зенитная артиллерия. Снаряды рвутся справа, слева и впереди, прямо между звеньями.

Вот она! Цель попала в прицел, ползет по курсовой черте. Командую — «прямо!»... Самолет вышел из пикирования, идет прямо. Цель «вместилась» в пузырек прицела. Палец нажимает кнопку, бомбы одна за другой пошли вниз. Вдогонку за нашими бомбами с самолетов наших товарищей посыпались «гостинцы» зарвавшимся самураям.

Глаз зорко следит за бомбами и за целью. Вот летит в разные стороны железнодорожное полотно, рушатся военные сооружения. Точно муравьи, расползаются самураи...

Радостно бьется сердце. Задание выполнено отлично. Мы оглядываемся вокруг, нет ли где-нибудь истребителей противника? Наши бомбардировщики готовы вступить в бой с наглым врагом.

Но самураи отважны только на словах. Не приняв боя, они крутились в стороне, как видно, ожидая жертву, которую подбьет для них зенитная артиллерия. Но расчеты их не сбылись, японские зенитчики не сбили ни одного советского самолета...

Делаем разворот от своей линии фронта, чтобы запутать вражескую зенитную артиллерию. Хитрый маневр удался. Японцы, считая, что мы развернемся по своей линии фронта, открыли сильнейший заградительный огонь, но поздно — мы уже далеко влево, внизу.

А вот и наш аэродром. Радостно, узнав о результатах полета, встречает всех нас после посадки Коченев.

Осмотрев самолеты, летчики собираются в кружок. Каждому хочется поделиться своими впечатлениями, рассказать товарищам о только что пережитом. Смех, шутки, веселые улыбки...

ки... Вот они, патриоты нашей родины. Все коммунисты, комсомольцы: Напалков, Опальков, Власов, Жирновой, Садовой, Игнатьев, Джапаридзе, Волосатов, Поляков, Савченко, Лепилкин, Левашов, Петренко, Чаилахов и другие.

— Здорово я обманул самураев,— смеясь рассказывает Василий Иванович Поляков, — лечу справа, зенитка огонь ведет справа. Не дают самураи спокойно выйти на цель! Вижу, снаряды прямо у самолета рвутся. Итти по прямой нельзя, решил маневрировать. Дай, думаю, покажу самураям, будто я сбит. Пусть они хоть разок порадуются!.. Свалил машину влево вниз, затем вправо, и только самураи возрадовались, как я уже перед целью. Поставил машину прямо, как по нитке, на цель, летнаб сбросил бомбы и — домой...

Уже давно наступила ночь, а радостным разговорам нет конца.

«Тревога».

Летчик ГАВРИЛОВ
Штурман эскадрильи

КАК МЫ БОМБИЛИ ВРАГА

Коварные японцы заняли священную советскую территорию. Японские батареи круглые сутки били по расположению наших войск.

Весть об этой неслыханной, чудовишной провокации всколыхнула сердца всех. Мы с нетерпением ждали приказа бомбить. Каждый из нас жил одной мыслью: не только прогнать, но уничтожить врага,— бомбить так, чтобы не уцелел ни один налетчик.

Мы, летчики советского народа, хорошо знаем свои первоклассные машины. Все проверено до последнего винтика, боевые бомбы больших калибров закреплены. Черным блеском отдают пулеметы. Ленты заложены. Люди, боевые механизмы — все готово к бою. Мы ждали лишь приказа о вылете. В эти минуты страстно хотелось подняться, круто набрать высоту и с максимальной скоростью выйти туда, где лежат озеро Хасан и сопка Заозерная...

Наконец, приказ получен. Нужно бомбить вражеские гнезда так, чтобы японцы потоками крови расплатились за свои коварные замыслы. Каждый летчик дал своим товарищам клятву бомбить и стрелять только на «отлично», чтобы советская земля оказалась могилой для любителей чужих территорий.

НА ЗАЩИТУ РОДИНЫ

1 августа 1938 года

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

№ 3

Высота Заозерная взята! Вперед! К новым победам!

НЕ ДАДИМ ЯПОНСКОМУ САПОГУ ТОПТАТЬ СОВЕТСКУЮ ЗЕМЛЮ

Пусть помнит враг силу советского оружия

Высота Заозерная взята у врага с боем. Бесстрашие, решительность и хитрость выучку показали в этом бою части Красной Армии. Советский народ может гордиться своими храбрыми воинами.

В бою на Заозерной высоте самураи крепко почувствовали из своей силе силу грозного советского оружия. Тысячи снарядов нашей могучей артиллерии сыпались на врага.

Враг вступил в бой, который вскоре им забудется.

Наши бойцы показали, что за родину-мать, за счастливую жизнь под знаменем Сталинской Коммуны им не страшно отдать свою кровь. Их ожесточенный бой выученные

командиры и отчаянные, решительные комистры, показавшие в горячем бою на серьезном деле свою большевистскую воинственность и неприимность к врагу.

Заозерная взята, но враг еще не разбит. Бой продолжается.

Крепче по врагу удар, товарищи! Больше злости, больше ненависти к врагу! Бить надо так, чтобы

враг не мог вернуться назад. Мы должны не только выиграть этот бой, но и захватить вражеские позиции. Пусть враг знает, что за родину-мать, за счастливую жизнь под знаменем Сталинской Коммуны им не страшно отдать свою кровь. Их ожесточенный бой выученные

С передовых позиций

Советские войска закрепляются на Заозерной

8 августа на рассвете стрелковые части эскадрона начали укрепление советских высот, отчаявшись от японских выстрелков.

Полк, которым командует тов. Соляных занимает высоту Заозерную, за исключением южных склонов.

Мет бой за Пулестную гору. Японцы продолжают провокационный обстрел советской территории. Особенно сильный артиллерийский огонь они ведут из т. Мантокуса.

Героический экипаж

Полтрук тов. Рабов, извержен в бой, заставлял экипаж огнем замолчать три орудия точки противника.

Своею смелостью и храбростью тов. Рабов, четким и быстрым работам заряжающий т. Надейко.

Живейший снаряд встал из строя так и прекратил боевые действия сердца патриотов родины товарищей Гусько и Надейко.

Тов. Рабов ранен, но он решил не вылезать из танка пока не выстрелит все снаряды в обязавшихся снаряды.

Когда подошли наши части и начали извлекать тов. Рабова из танка, его первыми словами было: Берите мои партийный билет.

Так сражается герой за советскую Родину-мать.

Под знаменем великого Сталина громим врага

Мужественные бои рассказывают о том, как гнали японцев с высоты Заозерной

Танки в атаке

Наши танки с исходной позиции изгнали вестни огонь. Нашему взводу пришлось идти вперед. Машина командира взвода застряла в болоте, он перешел в пешую атаку.

Вот пример, а за ним 6 человек солдат и направился с чем-то к японскому танку. Я открыл стрельбу из пулемета и убил офицера, а солдаты тут же побежали назад.

Командир взвода выскочил из машины, чтобы исправить тусовку, но разорвавшийся снаряд ранил его в шею. Я стал стрелять по точкам японцев.

Командир роты тов. Сорочки уверенно вел роту танков в бой и метким огнем уничтожил заветчиков. Сам тов. Сорочки уничтожил 4 противотанковых пушки японцев.

ВЫБИВАЛИ ПОСЛЕДНИЕ ГНЕЗДА

На сопке оказалась красная сопка. Сопки в наших руках. Раздаются отдельные выстрелы, прудивные разрывы. На некоторое время стихла вся перестрелка, сопка как бы стала быстрой.

Вдруг, словно из под земли, выросла группа японских солдат и стала и им бросать гранатами. Одна из гранат попала прямо мне в грудь... Я упал наземь.

Вскоре подоспели наши части и последние захватчики покинули сопку.

На сопке Заозерной снова взвился красный флаг

Трудно передать с какой энтузиазмом прошли наши бои в бой. За каждую привазию японская фашистская сволочь должна ответить кровью, пролитой на полях войны.

В этот решительный час заработала наша боевая техника. Наша артиллерия огула за другой уничтожала вражеские орудия. Наша авиация своим действиям заставляла японцев покидать свои позиции и браться в бегство. Во время бомбардировки нашей авиации вершина Заозерная была покрыта дымом и пылью облачностью.

Отличные действия нашей авиации поднимают

дух и смелость бойцов. Наши бестрашные танкисты лавали одну за другой точки противника. Наши артиллеристы бомбили вражеские позиции и высота

красной сопкой в наступлении из врага. Социалистическим примером и беззаветной преданностью своей социалистической Родине, они вели и наступление своей подразделения. А когда ракет или убить командира, раздастся голос полтора, слушай мою команду, рота вперед!

В результате ожесточенного боя в ночь с 6 на 7 августа высота Заозерная была занята нашими войсками.

Подразделение тов. Спиринова поставило красный флаг.

Пусть враги знают, что Красная армия, весь советский народ ни кому не позволит перешагнуть на нашу социалистическую землю.

Мы шли в бой под знаменем великого и мудрого вождя всего человечества тов. Сталина, под его знаменем мы победили врага.

Как только зайдет морозная, и опять с горечью пошушу в атаку воглаве подразделения сели и в бой против японских захватчиков. Смерть врагам нашей Родины!

Зверство японцев

Несколько разных красных армейцев ночью укрывались за камнями. На рассвете, когда японцы спешно отступали, бойцы нашей артиллерии красными метательными и мурозав-

ламины питании. Ракетам, безобразным героическим приключениям и бесстрашию, дабые трусливые Солдаты, одетые в форму японской армии.

Один за другим поднялись в воздух быстрокрылые тяжелые самолеты. Легли на курс. Пошли. На горизонте показалась линия фронта. Подошли ближе, расчленились. Японцы открыли огонь из зенитных орудий.

Шум моторов заглушал взрывы неприятельских снарядов, которые рвались где-то возле нас. Мы пошли на зенитные батареи противника. У подножья сопки стоит вражеская батарея. Вижу, как бьют орудия. Я перевел самолет на крутое пике, спустился до 800 метров и разом из всех пулеметов залил батарею свинцом и сбросил бомбы. Набрал высоту, развернулся. Посмотрел вниз: результаты были неплохие. Бомбы разметали орудия противника, разорвали ящики со снарядами. К разрушенной батарее бежали японцы. Я их снова угостил пулеметным дождем.

Рядом работали другие наши бомбардировщики. На японские окопы, пулеметные гнезда, артиллерийские батареи обрушилась сокрушительным ударом могучая боевая техника нашей, отечественной авиации. Мощные бомбы разорвали в клочья огневые точки противника, пулеметы уничтожили живую силу врага. Вся территория была покрыта дымом. Японская артиллерия молчала, разгромленная, уничтоженная.

Задание командования было выполнено в строго установленном время. Самолеты собрались и строем пошли на свои аэродромы...

...Однажды японцы открыли по нашим частям усиленный артиллерийский огонь. Получив задание уничтожить огневые точки противника, я подлетел к цели. Японцы опять открыли зенитный огонь. Быстро делаю маневр и перевожу самолет в пикирование, с молниеносной быстротой приближаюсь к земле. Дал несколько очередей и сбросил бомбы. Затем делаю быстрый маневр, чтобы выйти из обстрела зенитной артиллерии.

Через некоторое время я опять занял огневую позицию. Японцы открыли по моему самолету огонь. От сильного разрыва снаряда самолет колыхнуло. Большая обида взяла меня.

«Эх,— думаю,— гады, если на то пошло, то получите еще гостинцев!..»

Занимаю новое исходное положение и опять открываю пулеметный огонь. Японская артиллерия замолчала...

...Так мы громили самураев; посмевших посягнуть на неприкосновенную советскую землю.

Артиллеристы 1-й Приморской армии на линии огня.

ИСТРЕБИТЕЛИ ИДУТ В АТАКУ

Наступило августовское утро. В предутреннем рассвете ярко вырисовывался силуэт сопки Заозерной с ее овальной вершиной, окутанной туманом.

Утреннюю тишину рвет грохот орудийных выстрелов. На сопке непрерывно рвутся снаряды. Это наши артиллеристы громят огневые точки противника. Сегодня сопка должна стать нашей. Артиллеристы начали вести подготовку к атаке. Мы получили приказ готовиться к сопровождению наших быстроходных бомбардировщиков. Вот они показываются на горизонте в боевом порядке, идут на цель. С командного пункта взлетают три ракеты, и мы через несколько минут парим в воздухе, охраняя грозную воздушную эскадру. Она спокойно и уверенно приближается к цели.

Я тщательно ищу в воздухе истребителей противника, но, увы, их нет. Они боятся появиться в районе сопки Заозерной. Меня берет досада, что не придется схватиться с воздушным противником.

За мной в строю клином идут Воронин и Рулин. Они пристально смотрят на меня и ждут сигнала, чтобы броситься яростно на врага. Но в воздухе нет ни одного неприятельского самолета.

Бомбардировщики парят над сопкой. Внезапно над ней вспыхивают огневые массивы. Черный дым смешался с землей, взлетевшей в воздух, выросли столбы высотой до 300 метров. Сопка окуталась дымом. Как будто темные осенние сумерки упали на нее.

По бомбардировщикам открыли огонь японские зенитные батареи. Над воздушными коаоблями вспыхивают белые облачка — это рвутся снаряды. Внизу вижу вспыхивающие огневые языки зенитных орудий. Даю сигнал, и все звено, пикируя, идет на зенитные батареи. В прицел вижу, как в панике прячутся по кустам японцы. Затаив дыхание, ловлю цель...

Вот она поймана. Не уйдете, гады! Отдаю рычаг... Бомбы летят вниз и рвутся, уничтожая наглых противников. Одновременно мы открываем огонь из пулеметов и свинцовым дождем поливаем японскую пехоту.

Взяв ручку на себя, повел звено на боевой разворот. Воронин улыбается и показывает большой палец.

Наши бомбы попали в цель. Зенитные батареи замолчали и больше не открывали свои драконовы пасти.

На сопке Безымянной засели в блиндажах японские самураи. Веду на них звено. Пулеметы запели свою песню. Из блиндажа, как муравьи, поползли трусливые японские самураи, но меткий огонь наших пулеметов приковывал их к земле. Блиндажи устланы трупами зарвавшихся бандитов.

Вдруг я почувствовал удар в ручку. Обернувшись назад, заметил, что шальная пуля попала в тягу управления. Перейдя на малую скорость, я тщательно осмотрел повреждение. Тяга управления держалась на волоске и могла в любую минуту оборваться. Спасти самолет, довести его благополучно до аэродрома! Плавно веду самолет к аэродрому. Вот он уже совсем близко. Иду на посадку. И в тот момент, когда шасси уже коснулось земли, тяга оборвалась. Но сейчас мне это уже не страшно. Самолет цел и невредим.

— Мы еще повоюем, друг дорогой! — с любовью говорю я своей боевой птице.

В свободную от боевых заданий минуту собирается в кружок летно-технический состав. Летчики и техники жадно слушают рассказы бесстрашных истребителей Сударикова, Протопопова, Токарева, Злого. Немало острых словечек было сказано нашими летчиками по адресу японских зенитчиков, которые бессильны в стрельбе по нашим виртуозам-истребителям и быстроходным бомбардировщикам.

Через несколько часов мой самолет снова в строю, и я иду на выполнение боевого задания.

Мы в разведке. Якубович то и дело прячется в кабину и наносит отметки на карту. Мы с комиссаром товарищем Елисеевым идем по бокам, ведем разведку наблюдением. Вдруг левее комиссара метрах в семидесяти разорвались три снаряда. Якубович делает маневр, и следующие снаряды противника рвутся далеко позади. Не добившись успеха, зенитные батареи умолкают. Мы засекали место их расположения.

Когда мы в следующий раз пошли в разведку, я, по сигналу комиссара, отделился от ведущего и вместе с комиссаром бросился в пике. С высоты 400 метров мы сбросили груз бомб на зенитную батарею противника. Вражеская батарея раз и навсегда умолкла...

Летно-технический состав военно-воздушных сил Дальневосточного Краснознаменного фронта еще раз на деле доказал, что мы, летчики Страны советов, всегда готовы к бою, всегда готовы разгромить любого врага, если он только посмеет напасть на нашу счастливую родину.

«Тревога».

КАК БЫЛИ УНИЧТОЖЕНЫ ЯПОНСКИЕ ЭШЕЛОНЫ

Истребительная авиация в заозерных боях не только обеспечивала работу бомбардировщиков, но и принимала активное участие в ряде боевых операций.

Товарищи Протопопов, Омельченко и Злой получили боевое задание. Три-четыре минуты, и они в воздухе.

Готовясь к войне против Советского Союза, японская военщина подвела к самой границе железную дорогу. По ней эшелон за эшелон перебрасывались войска, предназначенные для нападения на мирные рубежи нашей родины.

Храбрая тройка советских летчиков появилась над железной дорогой. Отважные истребители замечают выгрузку войск из двух эшелонов.

«Дать жизни!» мысленно восклицает командир-летчик Протопопов и направляет свой самолет на эшелоны. За ним следуют Омельченко и Злой.

С первых же выстрелов заструились густые клубы пара из расстрелянных паровозов. Внезапный налет и губительный пулеметный огонь вносят в ряды самураев невероятную панику. В беспорядке, скученно бросается японская пехота в разные стороны. Ее настигает пулеметный огонь. Летчики приковывают самураев пулями к земле.

— Мы дали здесь волю нашим стальным птицам и метким пулеметам, — рассказывают летчики. — Атаки вели до тех пор, пока не отбили врага.

Много героических эпизодов в боевой практике этой храброй тройки. Вот они снова идут на выполнение боевого задания, расстреливают пулеметным огнем японскую пехоту, засевшую на наших рубежах.

Наши бомбардировщики готовятся нанести удар по зарвавшемуся врагу. Истребителям ставится задача — подавить огонь зенитных батарей и пулеметов. Снова в воздухе отважная тройка. Вот она перешла линию фронта и реет над сопками противника. Вражеская зенитная батарея открывает огонь, десятки снарядов в течение нескольких секунд разрываются в воздухе. Хитрым маневром истребители уходят из-под зенитного огня. Снаряды разрываются далеко позади и в стороне. Храбрая тройка бросается в атаку на вражескую батарею, расстреливая ее пулеметным огнем, заставляя раз и навсегда умолкнуть.

Трудно перечислить все подвиги отважных летчиков, — ведь

они делали в некоторые дни по шесть-семь вылетов! Об их героических делах с восхищением рассказывают бойцы и командиры, бывшие на передовых позициях. Они восхищаются действиями нашей авиации.

— Во время появления наших самолетов, — рассказывают бойцы, — самураи прекращали все военные действия и прятались кто куда. Наши бойцы в это время успешно громили врага.

Командование группы возбудило ходатайство о награждении тройки отважных орденами Союза за храбрость, доблесть и мужество.

«Тревога».

Ю. САРКИСОВ

КАПИТАН КУЦЕНКО

На старте командир дал летному составу боевое задание: — Установить расположение огневых точек врага и уничтожить их!

Машины быстро набирают высоту, пробивают первый слой облаков и идут в указанном разведкой направлении.

Вот и место боев.

Флагманский самолет покачнулся с крыла на крыло. Это сигнал: «внимание». Истребители уже давно настороже. Внизу четко видны расположение частей, огневые точки и укрепления врага. Цель и задача ясны. Самолеты разошлись, чтобы лучше выбрать заход на цель.

...А там внизу сопка Заозерная гудела от грохота орудий, треска пулеметов, взрывов гранат.

Самураи бешено обстреливали советские позиции; затем они бросились в атаку. Японцы бежали с винтовками наперевес, яростно завывая:

— Банзай!

Ураганным огнем артиллерии японцы пытались поддержать натиск своей пехоты. Огромный численный перевес опьянял бандитов. Они неслись вперед, уверенные в успехе атаки.

Капитан Куценко повел самолеты в атаку. Истребители пшли в бой под разными углами, с разных направлений и разных высот. Но наступил такой момент, когда они разом, всей мощью своего губительного огня обрушились на вражеские цепи.

Пулеметы действовали безотказно. Свинцовый шквал ударил по бандитам. Ряды японцев сразу поредели. Уцелевшие

ползком пытались укрыться в окопах, но и там меткий огонь воздушных снайперов находил их.

Японская зенитная артиллерия вела усиленный огонь. Почти около самолетов виднелись облачка разрывов, но наши летчики всякий раз оставались недосягаемыми. Машина капитана Куценко — в центре этих темнофиолетовых разрывов. Он внимательно следит за вспышками снарядов противника. И вдруг, обнаружив по отблеску огневую точку врага, Куценко пошел в атаку.

Скорость почти вертикально пикирующего истребителя с каждой секундой возрастала. В ушах свистел ветер...

И прежде чем самураи успели сообразить, в чем дело, Куценко уже поливал их свинцовым дождем из своих пулеметов. Японское орудие, потеряв прислугу, замолчало.

Мужество, смелость и отвага капитана Куценко вдохновляли других летчиков. Каждый стремился стать таким же бесстрашным, смелым и вместе с тем хладнокровным, расчетливым в бою, как и командир.

Старшему лейтенанту Гаврилову выпала задача уничтожить прислугу еще одной зенитной установки неприятеля.

Вот его быстрокрылая машина перешла линию фронта и гордо реет над территорией, еще занятой противником. Ее заметили самураи. Тотчас же вражеская зенитная батарея открывает ураганный огонь. Снаряды десятками рвутся в воздухе. Но летчик ловким маневром уходит из-под действия зенитного огня, одновременно нащупав огневую точку врага. Взрывы теперь появляются далеко позади, в стороне.

Тогда отважный истребитель с большой высоты бросается в атаку на вражескую батарею, расстреливая ее пулеметным огнем, заставляя раз и навсегда умолкнуть.

...Тишину прервал рев моторов. Истребители один за другим садятся на землю. Потом четко прозвучал чей-то голос:

— Товарищ командир! Приказ выполнен точно. Противник уничтожен. Все самолеты в полной исправности.

Командир осмотрелся. У одного из самолетов полукругом стояли летчики. Куценко с волнением оглядывает знакомые загорелые и крепкие лица своих боевых товарищей — Герасимова, Гаврилова, Феденко, Сучкова, Федосова... Все живы и невредимы.

Капитан Куценко говорил тихо и очень редко повышал голос. Речь его была так проста и значительна. Слова о родном Сталине, о родине, о неприкосновенности ее священных гра-

ниц звучали такой волнующей теплотой, что люди слушали его, затаив дыхание.

Николай Васильевич Куценко родился в селе Степковке, на Украине, в 1906 году. Несколько классов школы были его «путевкой в жизнь».

Шли годы. Николай Куценко с нетерпением ждал дня призыва. Всякий раз, когда он видел плавный полет серебристой птицы, желание летать, стать летчиком наполняло его сердце.

И этот день настал. Он становится бойцом, навсегда связав свою жизнь с родной Красной армией и флотом.

Взволнованный, он надел форму курсанта Ленинградской школы летчиков. Курс теоретической и летной подготовки в школе Куценко закончил отлично. Блестящую летную подготовку он показал и в части спустя несколько лет.

Много раз он забирался на большую высоту и выполнял задания так же четко, как и у земли. Мастерство высшего пилотажа он сочетал с подлинно снайперской воздушной стрельбой.

Истребитель обязан хорошо знать штурманское дело. И в штурманской специальности Николай Куценко не отставал. В 1932 году его звено вышло на первое место по летной и штурманской подготовке в части.

Его увлекали и продолжают увлекать новые скорости, борьба за «потолок», сложные полеты. Он осваивал один самолет за другим. Его привлекали ночные полеты, и он в совершенстве изучил их особенности.

Николай Куценко провел в воздухе на машинах различных марок 451 час и совершил 949 безупречных посадок. Ему приходилось летать в зной и мороз, днем и ночью, на больших и малых высотах, в туман и дождь. Но ни разу, сколь бы трудными и опасными ни были условия, летные качества бесстрашного истребителя не изменяли ему. Капитан Куценко за все время летной службы не имел ни аварий, ни поломок.

Простой и требовательный в работе, он воспитал летчиков своего подразделения такими же бесстрашными бойцами.

Сейчас у озера Хасан попрежнему тихо. Течет обычная, мирная жизнь. Богатые колхозные села Приморья, разбросанные вокруг, напоминают цветущую Украину.

Их мирный труд, как и труд многих миллионов трудящихся

Советского Союза, зорко оберегают на всем необъятном протяжении сухопутных, морских и воздушных границ нашей матери-родины ее стойкие и верные сыны.

«Красный флот».

Г. ДВОРЕЦКИЙ

КОМИССАРЫ-ЛЕТЧИКИ

Опыт боев на озере Хасан, в которых принимала участие наша славная авиация, показал, какую громадную роль играет в бою комиссар, овладевший летным делом.

В боях участвовала небольшая группа наших самолетов, но она блестяще выполнила ряд боевых операций. Японские захватчики долго будут в страхе вспоминать героические действия советских грозных бомбардировщиков и бесстрашных истребителей. Во всех боевых операциях комиссары-летчики были величайшей организующей силой. Участвуя в боях, они своим личным примером увлекали летчиков на героические подвиги.

— Комиссар-летчик товарищ Злой, — рассказывает командир части товарищ Протопопов, — всегда участвовал в самых сложных операциях и показывал подлинный героизм в выполнении боевых заданий. Товарищ Злой пикировал до 50 метров и наносил врагу пулеметным огнем сокрушительный удар.

В первые дни боевых действий нашей авиации приходилось выполнять задания под сильным огнем зенитных батарей. Комиссар товарищ Злой всегда в таких случаях бывал на самых опасных участках, служил примером для всего летного состава, показывал, как надо бороться за родину, не страшась смерти. Если летчика не посылали в бой, он приходил к командиру с жалобой. Так, летчик Повсташев был очень обижен тем, что он имел меньше вылетов, чем летчик Токарев.

Комиссары-летчики в боях на озере Хасан были не только храбрыми воздушными бойцами, но и умными военными тактиками. Наши истребители своей хитростью приводили японских самураев в бешенство. В части, где комиссаром товарищ Злой, не было ни одного самолета, который получил бы хоть одну незначительную пробоину от вражеских пуль. Это было достигнуто тактической хитростью комиссара Злого, командира товарища Протопопова и его помощника товарища Омельченко.

Самолеты, подходя к передним линиям позиций противника, в момент открытия зенитного огня резко сокращали скорость. Вражеские зенитчики производили расчеты по обычной скоро-

Походная парикмахерская в районе озера Хасан.

сти самолетов и... оказывались в дураках, — их снаряды не достигали цели.

Комиссары-летчики быстро изучили тактику противника, выработали новые приемы атаки, с тем чтобы быть неуязвимыми. Ими был выработан прием нападения из сложных фигур. Этот прием комиссары быстро внедрили среди своего летного состава. В результате наша авиация, нанося огромные удары по вражеским полчищам и огневым средствам противника, сама оказывалась совершенно неуязвимой.

Комиссары проделали большую работу по обеспечению боевой готовности частей.

Нужно было срочно вылететь на выполнение боевого задания. Было трудно в короткий отрезок времени приготовить пулеметные ленты. Тогда комиссар товарищ Злой мобилизовал на набивку патронов весь летно-технический состав, и часть была за короткий срок подготовлена к вылету.

Товарищ Злой требовал от технического состава самого серьезного отношения к подготовке материальной части. Ни один случай халатного отношения к подготовке материальной части не проходил мимо комиссара.

На одной машине была обнаружена неисправность в вооружении, а техник доложил, что самолет готов к полетам. Этот случай был всесторонне разобран на партийном собрании и послужил хорошим уроком для всего летно-технического состава.

После этого за весь период боевых действий материальная часть была всегда в полной боевой готовности и не было ни одного опоздания с вылетом.

Опыт боевых действий показал, что комиссары-летчики — это великая организующая сила в авиации.

«Тревога».

Проф. М. Н. АХУТИН

Военврач 1-го ранга

ХИРУРГИ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ НА ПОЛЕ БОЯ

В столкновениях в районе озера Хасан советская военная хирургия также сдавала боевой экзамен. Перед нею была поставлена задача спасти, излечить, вернуть в строй наибольшее количество раненых бойцов, командиров, политработников. Партия и правительство потребовали от нас применения всех наших знаний, искусства и энергии, чтобы максимально снизить процент инвалидности среди героев, беззаветно жертво-

вавших своей жизнью при защите границ нашей социалистической родины.

Врачи французской армии во время империалистической войны показали лучшие образцы хирургической работы: они возвращали в строй 70 процентов раненых. Этому в значительной мере помогал позиционный характер войны, позволяющий организовать вблизи фронта подземные операционные. Врачи царской армии полностью восстанавливали трудоспособность лишь у 30 процентов раненых.

Условия нашей работы во время боевых действий у озера Хасан были не всегда благоприятны. Однако, подводя предварительные итоги, можно утверждать, что мы сумеем вернуть в строй не менее 75 процентов раненых. Уже одна эта цифра, которую, по всей вероятности, удастся значительно превысить, говорит о том, что хирурги Приморской 1-й армии со всей ответственностью отнеслись к своей задаче. Все — от санитаря до врача — работали дни и ночи напролет, забывая о сне и еде. Огромную помощь оказали нам жены командиров и политработников, которых можно было видеть во всех этапах санитарной эвакуации — от полковых пунктов до тыловых госпиталей. Боевые подруги командиров самоотверженно работали вместе с медицинскими сестрами, мужественно перенося все тяготы и опасности фронтовой жизни.

Большой победой военной хирургии является проведение широкой оперативно-хирургической работы в полевой обстановке. Известно, что для успеха дела мы должны производить операции не позже, чем через шесть часов после получения ранения. Только в этом случае рана заживает, как обычная операционная, через 7 — 10 дней. Особенно важным является своевременное оперирование тяжелых, угрожающих ранений живота и головы. Стремясь максимально сократить смертность при подобных ранениях, мы создавали вблизи позиции специальные операционные в палатках, где с успехом производили сложные операции в области живота, грудной клетки, головы. В палатках же протекала хирургическая деятельность и полевого подвижного госпиталя.

Мы очень часто практиковали переливание консервированной, а также и свежей крови тяжело раненым. В качестве доноров были использованы санитары, санинструктора, которые, не задумываясь, отдавали свою кровь героям боев за высоту Заозерную. Переливание крови дало блестящие результаты. Многие товарищи были спасены для дальнейшей работы и борьбы на благо великой родины.

Работая сейчас в тыловом госпитале, где находятся наиболее тяжело раненые, я имею возможность наблюдать результаты операций, произведенных в полевых условиях. С особой радостью я слежу за выздоровлением защитников родины, которые всего лишь несколько дней назад лежали на операционном столе в палатке почти без признаков жизни, и мы, хирурги, под гул орудий прилагали все усилия, чтобы вырвать их из рук смерти. Приятно видеть, что и они встречают нас приветствиями, с глубокой благодарностью за труды и оказанную им помощь. Что может быть выше сознания, что жизнь таких людей, беспримерных героев, спасена, что скоро они возвратятся вновь в железные красноармейские ряды, чтобы с новыми силами крепить непобедимую Красную армию!

Благоприятные результаты оперирования в полевой обстановке особенно ярко сказываются на раненых в голову. В империалистическую войну после таких ранений выздоравливали лишь пять процентов пострадавших. Сейчас, благодаря своевременным операциям в поле, нам удалось снизить процент смертности среди раненых с повреждениями головного мозга до нуля. Даже раненые в область живота, которые при поздних операциях обычно умирают, сейчас дали огромный процент выздоровлений (около 50 процентов). Подавляющее большинство раненых в грудь хорошо поправляются и могут вернуться в строй.

Бичом раненых в прошлых войнах были смертельные, в большинстве случаев, инфекции — столбняк и газовая инфекция. Рядом профилактических мероприятий мы добились полного отсутствия столбняка и почти в десять раз снизили заболеваемость газовой инфекцией.

В деле восстановления утраченной, вследствие ранения, трудоспособности нашим лучшим помощником является бодрое настроение самих раненых. Надо сказать, что с самых передовых этапов санитарной эвакуации их поведение было таким же героическим, как и в боях. Легко раненые, несмотря на настояния, не хотели покидать фронта. Они оставались в частях, и лишь новые, более тяжелые ранения вынуждали их уходить с линии огня.

Мы работали в атмосфере боевого, всепобеждающего советского патриотизма. Раненых беспокоила только одна мысль, одно желание — скорее вернуться в среду своих товарищей и продолжать святое дело защиты родины.

«Красная звезда».

С ИМЕНЕМ СТАЛИНА

Ф. ВИНОГРАДОВ

АВАНГАРДНАЯ РОЛЬ КОММУНИСТОВ В БОЮ

Стояла ночь — густая, черная. От озера Хасан тянуло сыростью. В ушах еще стоял грохот орудийных залпов и свист снарядов. Где-то в стороне на сопке шелкали одиночные выстрелы, изредка мелкой очередью трещал пулемет.

У подножья сопки, в кустах, собрались в тесный кружок люди. Они были в полном вооружении — с винтовками, пулеметами, на поясах блестили гранаты. Это — коммунисты Н-ского стрелкового полка с разных концов боевого поля пришли на партийное собрание. Впереди и на флангах стояли красноармейские дозоры и секреты. Они охраняли полк от неожиданного налета врага.

Полк уже несколько дней находился в центре боев. Стремительными контратаками он отбрасывал назад японских захватчиков, пытавшихся под прикрытием своего артиллерийского и пулеметного огня продвинуться вглубь.

Ответственный секретарь партийного бюро полка Иван Машляк открыл партийное собрание. Люди, привыкшие говорить громко, на сей раз из предосторожности говорили вполголоса, почти шепотом. Враг находился всего лишь в нескольких стах метров. Он мог открыть по партийному собранию артиллерийский и пулеметный огонь.

С кратким докладом выступил комиссар полка товарищ Бондаренко. Он говорил об итогах прошедших боев и задачах предстоящего решительного штурма высоты Заозерной. Он говорил об отваге и мужестве бойцов, дравшихся за родину, о том, что в бою коммунисты показали свою авангардную роль.

Бондаренко призывал коммунистов и в дальнейшем увлекать бойцов своим личным примером, чтобы с малой кровью разгромить врага и очистить советскую территорию от налетчиков. Эта речь была произнесена почти шепотом, но она дошла до сердца каждого коммуниста. Много большевиков выступало на партийном собрании. Они говорили о мужестве бойцов и от их имени заверяли партийную организацию, что в предстоя-

шем штурме высоты ни один красноармеец не дрогнет, высота будет возвращена советскому народу.

Коммунист лейтенант Лазарев обратился к комиссару с краткой речью:

— Меня ранили, но я в состоянии двигаться, командовать, стрелять. Желая идти в бой. Товарищ комиссар, разрешите участвовать в штурме высоты!

Бондаренко посмотрел на молодого коммуниста и ответил коротко:

— Хорошо, разрешаю.

По докладу комиссара единогласно приняли решение:

«Считать делом чести партийной организации полка выполнение приказа командования. Сопку взять. Каждый коммунист должен рассказать бойцам своего подразделения о решении партийного собрания».

Собрание кончилось. Под покровом ночи коммунисты бесшумно разошлись.

...Перед штурмом по ротам шли необычные собрания. Замакировавшись в кустах, либо у подножья сопки, комсомольцы принимали бойцов в свои ряды. На маленьких клочках бумаги были написаны заявления патриотов.

Вот обсуждается кандидатура младшего командира Карпова.

— Кто хочет высказаться?

— Карпова знаем, наш лучший снайпер. Вчера в бою показал себя как отважный патриот. Принять, — в один голос заявили бойцы-комсомольцы.

Карпова единогласно приняли в комсомол. В эту же ночь после собрания к роте подкралось несколько вражеских снайперов. Карпов, два часа назад принятый в комсомол, заметил японских снайперов, бесшумно занял выгодную позицию и меткими выстрелами уничтожил врагов. Так Карпов отметил свое вступление в комсомол!

Рота, где политруком товарищ Рябов, к моменту штурма высоты стала полностью комсомольской. Около трети бойцов подало заявления в партию. Старший лейтенант Хлопик, подавая заявление, сказал:

— Хочу идти в бой коммунистом. Как быть с рекомендациями?

Политрук ответил:

— Разобьем врага, рекомендации будут.

В эту ночь беспартийные бойцы говорили коммунистам:
— Если придется умереть за родину, умрем коммунистами и комсомольцами.

Одновременно подали заявления о приеме в партию командир отделения Калининцев, младший командир взвода Журавлев, бойцы Сорокин, Щербаков, Кочнев, Гришин. Заявления принял политрук роты Катков.

Ночь и следующее утро прошли в перестрелке красноармейских дозоров с противником. Когда солнце приближалось к закату, бойцы получили приказ:

— Двигаться к исходному положению для атаки и занять высоту Заозерную.

Трудно писать об отдельных героях, когда героями были буквально все бойцы. Даже люди, которым по их специальности не нужно было находиться на линии огня, всячески старались участвовать в боях.

Долгое время портной Мещанкин работал в полковой мастерской. Когда полк вышел на линию огня, Мещанкин оставил мастерскую и пошел в бой. Во время штурма он показал, что не зря в свободное от работы время изучал пулемет. Мещанкин взял пулемет у раненого бойца и, по указанию лейтенанта Кокорева, уничтожил трех японских пулеметчиков.

...На пути встречались воронки от снарядов нашей артиллерии, которая днем громила и уничтожала орудия и пулеметные гнезда противника. Красноармейцы забирались в воронки и из естественных укрытий вели сокрушительный огонь по налетчикам. Затем снова вскакивали и неслись вперед. Никакая сила не в состоянии была удержать бойцов. По склону сопки неслись возгласы: «За товарища Сталина! За Сталинскую Конституцию! За советскую родину, за коммунизм — вперед!»

Лозунги возглашали командиры, комиссары, политруки и рядовые бойцы. Эти лозунги подымали людей на штурм высоты, они звали на подвиг, на героизм, на борьбу за честь советского народа, звали к победе над коварным врагом.

Ответственный секретарь партийного бюро полка Иван Машляк заменил убитого командира роты и повел бойцов по крутому склону на вершину. В это время он узнал, что ранен

командир батальона Разолеев. Машляк принял командование батальоном.

Вершина была уже совсем близка. Машляк поднял бойцов на ожесточенный штыковой удар:

— За товарища Сталина, вперед, ура!

Слева и справа гремели возгласы, зовущие в бой. Бойцы ураганом ворвались на высоту. Японцы не выдержали стремительного удара. Они скатились на противоположный склон сопки, преследуемые красноармейским огнем. Машляк вскочил на высоту и, стоя во весь рост, провозгласил:

— Да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует товарищ Ворошилов!

Громовое «ура» победителей гремело по всей вершине высоты Заозерной.

Весь полк почти одновременно занял высоту. Лишь раненые бойцы продолжали подходить к вершине. Заозерная была взята, но борьба еще не кончилась. На флангах, кое-где в тылу, в укрепленных гнездах еще сидели вражеские солдаты. Они открыли огонь по вершине. Красноармейцы с гранатами подползали к бетонированным гнездам противника, рвали в клочья остатки врага. В эти последние минуты боя были ранены Машляк и боевой командир полка большевик Соляных.

В эти дни и ночи на боевых полях как незыблемый закон действовали слова товарища Сталина о том, что советскому народу чужой земли не надо, но и своей земли ни одного вершка он никому не отдаст.

В армии, как и на производстве, авангардная роль коммунистов — решающее условие для успеха в боевой обстановке. У озера Хасан партийная организация Н-ского полка в целом и каждый из ее членов и кандидатов в отдельности оказались на высоте своего положения, были подлинными организаторами и вдохновителями красноармейской массы.

«Правда».

Лейтенант ШАПЛЮК
Политрук Н-ской части

БОЕВОЙ АКТИВ

Наша рота прибыла в район озера Хасан с задачей — поддержать пограничников в отражении атак японских налетчиков. Обстановка на границе с каждым днем усложнялась. Мы жили по-походному, готовые в любую минуту броситься в бой. Спали одетыми и обутыми. Коня были завьючены.

Политическая работа у нас не замирала ни на минуту. Наоборот, она проходила здесь еще интенсивнее, чем в нормальной обстановке. Регулярно, без перебоев шли политзанятия с младшими командирами и бойцами. По каждой теме политзанятий проводился инструктаж. Продолжалась марксистско-ленинская подготовка начсостава. Хорошо работали кружки комсомольского просвещения. Состоялись общее красноармейское собрание и совещание младших командиров, на которых широко были обсуждены предстоящие задачи. В самый канун боя мы провели совещание партийных и непартийных большевиков, после которого сразу же занялись подбором и сколачиванием боевого актива.

Никто из нас не имел опыта в этом отношении. Приходилось нащупывать новые пути и формы. Мы отлично знали лишь то, что боевой актив должен быть опорой командира, примером мужества, героизма, отваги, что активисты должны находиться всегда на ответственных участках.

Кого же можно было включать в этот актив? Конечно, прежде всего коммунистов, лучших комсомольцев и наиболее передовых беспартийных бойцов. При каждом взводе надо было иметь пять-восемь таких активистов.

Подбор боевого актива облегчался тем, что все мы находились на границе в самой напряженной обстановке. Бдительность, дисциплинированность, храбрость каждого проверялись на практических делах — в дозорах, в секретах, в стычках с нарушителями.

Когда начались боевые операции, мы сразу же убедились, что на создание боевого актива время было затрачено не зря. Активисты были всегда впереди. Их героизм поднимал и окрылял всех бойцов.

С первых дней нашего пребывания в районе озера Хасан бойцы видели, как японцы стараются выследить наших пограничников. От взглядов бойцов не ускользали ночная переброска войск на той стороне и возведение укреплений на высотах. Бойцы просили, чтобы их широко информировали об обстановке. Такие беседы информационного характера приходилось устраивать иногда по нескольку раз в день. Эти беседы усиливали ненависть советских патриотов к врагу, укрепляли их уверенность в победе над наглыми налетчиками.

Общее воодушевление росло с каждым днем. Младшие командиры подавали докладные записки об оставлении на сверхсрочную службу. Бойцы, готовившиеся в долгосрочный отпуск,

изъявляли желание избрать своим постоянным местожительством советское Приморье.

Комсорг товарищ Иртегов, красноармейцы товарищи Чуб, Вашнец и Яншин в поданной на имя командования докладной записке написали: «Оставаясь во вновь организуемом пограничном колхозе, мы всегда будем готовы вместе с бойцами Красной армии громить подлых провокаторов войны на их же территории».

Стенная газета и боевые листки приобрели за эти дни большой актив. В газету стали писать и такие бойцы, которые до сих пор никогда не принимали в ней участия.

Когда японские налетчики были изгнаны с советской территории, наша рота укрепилась на высоте Безымянной. С высоты нам было видно, как враг вел лихорадочную подготовку к новому столкновению: подвозились орудия, группировались подразделения. Ночью японцы предприняли несколько вылазок с целью захватить кого-нибудь из наших бойцов. Конечно, все их усилия не увенчались успехом. Они перешли в наступление. Коммунист лейтенант товарищ Левченко поднял роту лозунгом:

— За товарища Сталина, вперед!

Левченко первым бросился на врага. Завязался горячий бой. Левченко получил ранение, но из строя не выходил.

Так же бесстрашно сражался кандидат ВКП(б) младший лейтенант товарищ Жмутский. Он покинул свой взвод лишь после тяжелой раны, и тогда на его место стал заместитель политрука товарищ Бацура.

— Умрем, а японцев на свою землю не пустим! — вскрикнул он, бросаясь с бойцами в атаку.

Самоотверженно отстаивая советскую землю, погиб смертью храбрых боевой активист комсомолец товарищ Машуков. Геройски разбивал черепа наседавшим японцам командир отделения товарищ Гальянов. Отличный пулеметчик, он был оглушен японским снарядом, но упорно продолжал вести огонь. Пулеметчики товарищи Жуков и Галдобин уничтожили десятки налетчиков. Они прекратили огонь лишь тогда, когда вражеский снаряд повредил их пулемет.

Пользуясь численным превосходством, японцы окружили нашу роту, но никто не падал духом. Мы стойко дрались, готовые умереть как один за дело народа. И эта стойкость, эта выдержка помогли нам выйти из окружения.

Ночью опять завязался бой. Он шел непрерывно в течение 17 часов, но бойцы не чувствовали усталости.

— Наши офицеры — народ культурный, читают, пишут, некоторые, как видите, побывали за границей.

Рис. Ю. Гамфа

1 августа в новом бою вышел из строя командир роты. Вскоре ранили и меня. Узнав об этом, коммунист товарищ Левченко, несмотря на тяжелое состояние здоровья, покинул лазарет и, вернувшись в роту, возглавил ее боевые действия.

Наша рота с честью выдержала тяжелое испытание. Огромную роль в этом сыграла политическая работа, большевистская мобилизация коммунистов и комсомольцев на борьбу за выполнение задачи, порученной нам партией и правительством.

«Тревога».

А. ЗУЕВ

Политрук роты Н-ской части

ПОЛИТРАБОТА В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ

В боях у озера Хасан мы, политработники, приобрели большой и ценный опыт. Политработники всех степеней обогатили свои знания, свое умение вести партийно-политическую работу в условиях боя.

Великая сила любви к родине, пламенное чувство советского патриотизма проявлялись в эти памятные дни в любом поступке каждого бойца, командира, политработника. Нас, политработников, эти замечательные качества наших бойцов особенно радовали. Ведь именно здесь, в боях, проверялась наша работа, здесь видели мы ее результаты! И надо прямо сказать,— результаты неплохие. Они дают нам полную уверенность в том, что всякий враг, откуда бы он ни напал на нас, будет уничтожен, сметен с лица земли.

Вся система партийно-политической работы была направлена на выполнение боевой задачи — уничтожить японских самураев, нагло залезших на советскую территорию. Над выполнением этой задачи работали партийная и комсомольская организации, вся красноармейская общественность.

Во всей нашей работе огромное значение имели четко поставленная информация, бесперебойно работающая связь. С первых минут нашего движения в район боевых действий и до того момента, когда я на подступах высоты Заозерной упал раненым, мне было известно все, что делает не только рота, взвод или отделение, но каждый командир и боец в отдельности. Десятки нитей связывали меня с красноармейской массой.

Во втором взводе некоторые красноармейцы на большом

марше не соблюдали питьевого режима. Об этом мне сообщили комсомольцы. Достаточно было разъяснить товарищам их ошибку, рассказать о всех последствиях, к которым она могла привести, чтобы ошибка больше не повторялась.

Зная, что в бою нет никаких мелочей, каждый коммунист, комсомолец и беспартийный активист считали своим долгом немедленно докладывать о всем случившемся командирам и политработникам.

В бою 2 августа был тяжело ранен командир отделения товарищ Суков. Несмотря на сложность обстановки, я узнал об этом немедленно. Я знал все до мельчайших подробностей: какая рана, оказана ли помощь, кто теперь командует отделением. При такой осведомленности командиру и мне легко было руководить ротой. Исходя из обстановки на решающих участках, командир роты всегда своевременно посылал помощь именно туда, где она была нужнее всего.

Правильная расстановка сил нашего актива, точная формулировка заданий сыграли огромную роль в завоевании победы.

В пулеметном взводе у нас находился заместитель политрука товарищ Сорокин, во втором взводе — комсомолец-активист Шадрин. Опорой моей являлись и комсомольцы Савкин, Дрожников, Ситников и Есиков. Они, в свою очередь, группировали вокруг себя беспартийных красноармейцев.

Таким образом, с помощью актива я был тесно связан со всей массой красноармейцев. Благодаря этому все партийно-политические мероприятия — беседы, читка газет, последних сводок с фронта, ознакомление красноармейцев с боевой обстановкой — проводились быстро.

Актив не только помогал мне проводить политическую работу среди красноармейцев. Во всех боях наши активисты — коммунисты, комсомольцы, непартийные большевики — были впереди, показывая образцы преданности родине и беззаветного героизма.

Наша рота вместе с другими подразделениями полка входила в состав маневренной группы дивизии. Поэтому 29 июля нам пришлось совершить большой ночной марш. Перед нами была поставлена задача — достигнуть заставы. Путь трудный. Он лежал через заливы, многочисленные сопки. Очень часто приходилось идти по пояс в воде. Но ничто не могло остановить бойцов. Они смело шли все вперед, навстречу врагу.

В этом трудном походе замечательно проявил себя заместитель политрука товарищ Сорокин.

Идя с пулеметным взводом, он приложил все силы к тому,

чтобы сохранить оружие и боеприпасы. Своей стойкостью, бодростью и товарищеской поддержкой товарищ Сорокин вселял новые силы в бойцов. По его инициативе была организована помощь некоторым уставшим бойцам. У них товарищи брали винтовки, пулеметы, диски и всячески помогали им.

На рассвете наша рота, несколько раньше назначенного времени, прибыла на заставу. Теперь уже японским самураям на этом участке противостояли не только герои-пограничники, первыми принявшие на себя удар, но и свежие силы нашей маневренной группы.

По прибытии на место я проверил, приняты ли все меры предосторожности, выставлено ли охранение. Затем узнал — хорош ли завтрак у бойцов, как организован отдых, кому нужно заменить обувь, портянки, нет ли потертостей ног. Забота о бойце — первейшая обязанность политрука. Сюда я и направил все свои силы.

В боевой обстановке важно, чтобы бойцы воспитывались на героических примерах своих ближайших товарищей. А такие примеры у нас были в каждом взводе, в каждом отделении.

2 августа наша рота вела наступление на высоту Заозерную. Противник открыл сильный артиллерийский огонь. Однако это не могло нас остановить. Бойцы попрежнему уверенно продвигались вперед, тщательно маскируясь, умело используя саперные лопаты.

В этом бою был ранен в ногу красноармеец товарищ Беляев. Несмотря на ранение, он остался в строю и продолжал попрежнему метко разить самураев. Перебежки он совершал вприпрыжку, на одной ноге. Я предложил ему уйти в тыл. Он ответил:

— Я, товарищ политрук, не пойду. Буду наступать, у меня еще силы есть...

Ушел он только тогда, когда японцы были выбиты с занимаемой ими позиции.

Особенно геройски вели себя коммунисты и комсомольцы.

Старшина нашей роты, член партии товарищ Рыжков, участник боев 1936 года у погранзнака № 8, находился на зимней квартире. Он работал заведующим столовой. Узнав, что рота участвует в бою против японцев, он сдал столовую своему помощнику и, использовав все виды транспорта, 2 августа, в самый разгар боя, прибыл к высоте. По дороге он взял у раненого бойца ручной пулемет, диски и пошел на передовые

позиции. Своим метким огнем товарищ Рыжков разил врага насмерть, при этом приговаривая:

— Покушайте, господа самураи, свинцовой кашки!

Во время боя необходимо было начать обстрел японцев из гранатомета. Гранатометчик был ранен. Рыжков быстро взял его гранатомет и открыл огонь.

Боевой старшина владел гранатометом не менее искусно, чем пулеметом.

Следует еще рассказать об одном героическом эпизоде.

В ночь со 2 на 3 августа нам нужно было разведать сосредоточение сил противника. На выполнение этой ответственной задачи командованием было послано отделение товарища Лукашевича. В одной из ложин отделение товарища Лукашевича было окружено японцами. Против нашего отделения оказался японский взвод.

Героические бойцы не растерялись. Отстреливаясь из пулемета и бросая гранаты, они вырвались из окружения, добыв очень важные сведения о противнике.

На таких героических примерах мы воспитывали всех бойцов.

После наступления, по приказу командования, нам пришлось занять окопы второй линии. И здесь вместе с командиром роты мы провели большую работу.

Прежде всего мы детально разобрали бой 2 августа. Этот разбор дал нам очень многое. В дальнейших боях командиры и бойцы учли все недостатки, которые были допущены в первом сражении.

Сюда же, непосредственно в окопы, нам доставляли газеты. Собрав чтецов, я разъяснил им, что именно нужно прочитать, с чем необходимо ознакомить бойцов. Чтецы знакомили бойцов с резолюциями многочисленных митингов трудящихся, подчеркивая единство армии и народа, рассказывали о той ответственной роли, которая возложена на нас по защите священной советской земли от японских захватчиков.

И нужно было наблюдать за бойцами, за их радостными лицами при чтении этих волнующих резолюций! Нас приветствовала Москва, вся великая Советская страна, весь 170-миллионный народ! Голос народа, голос страны воодушевлял — бойцы клялись уничтожить обнаглевших самураев.

Эта клятва была выполнена.

6 августа, в день девятой годовщины ОКДВА, нам удалось провести митинг.

В условиях боевой обстановки митинг имеет свои особенно-

сти, какую-то волнующую силу. Говорить приходилось немного. Бойцы понимали ораторов с полуслова. Одно слово было у всех на устах — Сталин! Оно произносилось с особой любовью. Когда один из говоривших закончил свою речь возгласом: «За родину, вперед!», бойцы и командиры в один голос ответили:

— Смерть самураям!

Здесь же, на митинге, целые взводы, отделения и каждый боец в отдельности вступили в социалистическое соревнование — кто первым водрузит красный флаг на высоте Заозерной.

День 6 августа был для нас особым днем: исполнилась десятая годовщина ОКДВА. Мы пошли в наступление.

Перед наступлением в одном из окопов я собрал чтецов и агитаторов и рассказал им об обстановке и нашей задаче. Присутствовали неизменные мои помощники: товарищи Сорокин, Шадрин, Савкин и Рыжков. Они были точно проинструктированы и хорошо рассказали о задаче, поставленной перед ротой, довели обстановку до каждого бойца.

В стремительном натиске мы обрушились на японцев. Ничто не могло задержать нас. Самураи, как трава под лезвием косы, падали от наших метких пуль.

В бою на подступах к высоте я был ранен двумя вражескими пулями. Меня повел на санитарный пункт мой боевой помощник, заместитель политрука Сорокин.

Вскоре на высоте Заозерной гордо развевался красный флаг. Высота наша, советская!

«Красная звезда».

ГЕОРГИЙ САЗЫКИН

Заместитель политрука

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

29 июля. Ночь. Все спят. Неожиданно раздается боевая тревога. Быстро собираемся в назначенное место. Нам выдают боеприпасы, питание, все необходимое для похода. Здесь же узнаем о том, что японцы нарушили советскую границу.

Получил на себя патроны. Узнал задачу. Созвал комсомольских организаторов подразделений. Объяснил им обстановку. В сплошной темноте выступаем по направлению к границе. В воздухе душно, жарко. Мы быстро двигаемся вперед.

1 августа. Исторический день моей жизни. Никогда его

не забуду. В 8 часов утра наша часть получила боевое задание — занять высоту Безымянную. Невозможно передать, какой подъем схватил бойцов. Все горели одним желанием — как можно скорее занять высоту и выполнить приказ: отогнать врагов от советской земли.

— Товарищи комсомольцы! К бою готовы?—спрашиваю я. Из глубины окопов дружно раздается:

— Готовы!

Я иду в атаку с первым взводом, которым командует младший лейтенант Григорьев.

— Вперед! — раздается команда.

Вместе с Григорьевым выбегаем вперед, за нами стремительно двинулся весь взвод. Около нас с винтовками наперевес идут красноармейцы Михайлов, Белоносов, Степанов, Григорашин и другие.

Японцы заметили наше движение и открыли артиллерийский и пулеметный огонь. Вражеские пули сразили нескольких наших замечательных товарищей. Жгучая ненависть к врагам влекла нас вперед, удесятерила наши силы. Впереди река. Но нет непреодолимых препятствий, когда идешь в бой за советскую родину!

— Вперед, за родину, за Сталина!—кричим мы с командиром во весь голос. Бойцы подхватывают наш призыв. Бросаемся в реку. Плыть трудно. Японцы обстреливают. Переправили оружие, помогли слабым. Выбрались все. Вот, наконец, высота. Завязался ожесточенный бой. Японцы не выдержали нашего натиска. Мы бьем их из винтовок, пулеметов, колем штыками.

2 августа. Враг много раз переходил в контратаку. Напрасно! Каждый раз японцы бегут назад, оставляя трупы своих солдат. Все время мы находимся под густым неприятельским огнем.

Между мной и курсантом Белоносовым произошел интересный разговор. Обстановка разговора—необычная. Идет бешеная стрельба. Артиллерийский огонь усилился. Мы лежим на огневом рубеже. Белоносов охотится за японским снайпером. Замечательный парень Белоносов! Вдруг он подвигается ближе ко мне и спрашивает:

— А заседание бюро будет здесь? Мое заявление о приеме в комсомол разберете?

Смотрю я на него, а лицо у него такое хорошее! Он улыбается, ждет ответа. Не скрою, сильно он растрогал меня своим вопросом.

— Будем, будем разбирать ваше заявление, товарищ Белоносов. Вы достойны великого звания члена ленинского комсомола, — кричу я ему.

5 августа. Утром получили задачу: «6 августа занять высоту Заозерную и места, к ней прилегающие». Все. Для нас ясно, что делать.

Перед боем, тут же в окопах, созываем совещание комсомольского актива. На совещании обсуждается поставленная перед нами задача. Несколько заместителей политруков сошлись вместе: Брядкин, Балашов, Ильин, Гайдай, я и другие. Мы вспоминаем героические эпизоды из периода гражданской войны, из кинокартин и книг.

— Кинокартины «Балтийцы» и «Мы из Кронштадта» вы видели? — спрашиваю я.

— Ну, как не видеть! — весело отвечают молодые политработники.

— Так вот, — напоминаю я им, — помните, как комиссары-большевики увлекали за собой массу и побеждали? Будем и мы с вами подражать лучшим людям, героям нашей родины.

Крепко пожав друг другу руки, мы разошлись — готовиться к завтрашнему наступлению.

6 августа. Ночью занимаем исходное положение. На коротком митинге сообщаем бойцам задачу: уничтожить врага и взять высоту. Для этого требуется организованность, дисциплина, смелость, отвага.

— Мы готовы идти в бой! — хором кричат бойцы.

Настроение у всех приподнятое.

Роем окопы. Подтягивается снаряжение. Проверяется оружие.

Командир орудия комсомолец Шикин готовит свое орудие. Лейтенанты товарищи Лизун и Денисов проверяют, все ли подготовлено к предстоящему бою. Инструктор, политрук Гвоздев (в этот день он героически погиб), проверяет готовность к атаке. Несмотря на ночь, работа кипит. Глаза привыкли к темноте. Готовимся тихо.

Из-за скалы показался диск солнца. Оно вселило в нас бодрость и энергию. Кто-то затянул вполголоса песню.

6 августа. Перед атакой. 14 часов. Сидим в окопах, ждем приказа. Еще и еще раз проверяем себя, свою готовность к атаке.

У всех одно — скорее пойти в бой и победить. В том, что победа будет за нами, мы ни на секунду не сомневаемся. Мы знаем, что воюем за свое счастье, за отчизну.

Понимаем также, что война без жертв не бывает. Кто знает—минет ли его пуля в предстоящем бою.

— Товарищ Погорельцев, готовы? Флягу-то возьмите с собой,— оживленно говорит командир отделения.

— Я готов. Вот только каска... слишком жарко в ней,— бурчит про себя Погорельцев.

Начались собеседования. Мы пересыпали их острыми словами, шутками. Тут же мы вложили в специальные коробочки свои адреса. Это—чтобы знали, куда сообщить родным, если мы погибнем в боях за родину. На обратной стороне адреса каждый написал письмо, по-своему выражая чувства перед боем. Я написал:

«Если я погибну, так не зря. За нашу родину отдадим жизнь. Знаю, что победа всегда будет за нами, за ВКП(б), за великим Сталиным. Да здравствует победа! 6 августа 1938 года. Сазыкин».

Полные уверенности, мы двинулись в атаку на укрепленную японцами высоту.

— Наша земля вся до единой пяди должна быть очищена от врагов! — прокатилось по рядам.

6 августа. Начало атаки. 15 часов. Вдалеке слышится гул моторов. Это идут наши советские самолеты. Гул все усиливается. Ближе и ближе... Раз, два, три, четыре, десять... Сразу не пересчитаешь.

Стальные птицы уже над нами. Ярко сияют красные звезды на крыльях. Появление самолетов еще больше воодушевляет нас. Мы впились глазами в небо.

Самолеты все идут. Слышны уже первые выстрелы с наших истребителей по врагу. Появились бомбовозы. Мощные, они плывут под облаками, как орлиные стаи.

Взрыв. Другой. Советская авиация начала работать. Высота Заозерная, где были японцы, покрылась клубами сплошного черного дыма. Земля сотрясается от разрывов бомб. Враг получил по заслугам.

Бомбометание еще продолжается, а сзади уже нарастает новый грозный гул. Идут танки. Бронированные сухопутные корабли на больших скоростях забрались на склон и пошли мимо нас вперед. Раздается громкая команда:

— За танками, бойцы, вперед! За коммунизм!

Мгновенно все поднялись. По убегающим японцам мы открыли ружейный и пулеметный огонь. Рядом со мной Григорьев, немного впереди — Лизун. Я крикнул:

— Комсомольцы, вперед!

Оглядываюсь. Отстающих нет. Разве могут отставать комсомольцы? Заозерная все ближе. Враг упорно сопротивляется, пытается задержать нас своим огнем. Продолжаем наступать, двигаясь редкой цепью. Вот лощина. Залегли в ней. Рота вся в сборе. Командиры впереди.

— Перебежками вперед! — раздается новая команда.

Ползком и бегом, пользуясь малейшим прикрытием, движемся вперед, к вершине. Непрерывно держу связь с боевым командиром Григорьевым. Не впервые мы идем вместе в атаку. Сейчас мы впереди роты. Руки крепко держат наганы и гранаты. Неожиданно из рук комсомольца Смирнова выпало красное знамя, которое мы несем, чтобы установить его на вершине. Знамя подхватил другой боец. Снова бежим вперед под сильным огнем. Небольшой ров. Рота залегла. Я нашел Смирнова. Он перевязывал себе рану. Спрашиваю:

— Ну, как? Можешь итти в бой?

— Конечно, могу и пойду.

Это была последняя наша остановка. Спустилась ночь — темная, беззвездная. Некоторые товарищи ранены, есть убитые. Наша ярость, вера в победу все возрастают.

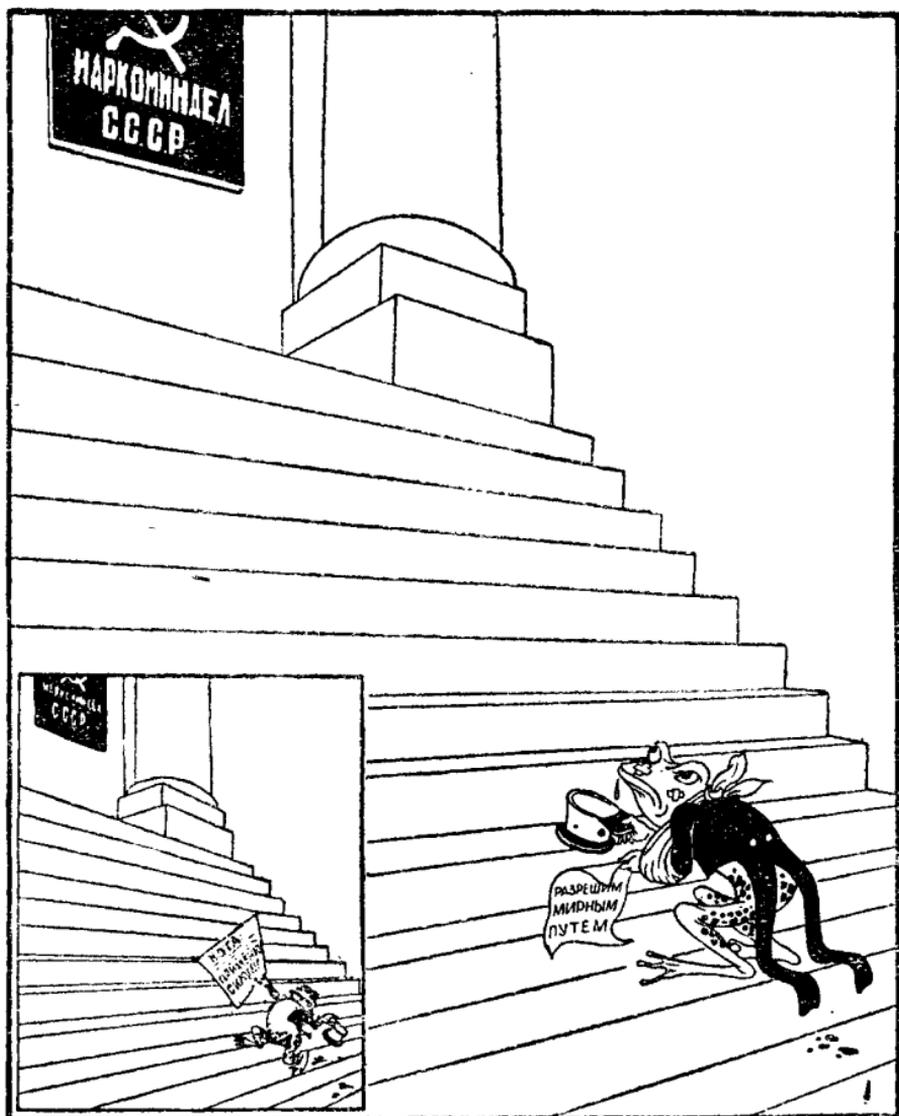
— Товарищи, последний натиск! Руби проволочные заграждения! — во весь голос кричит младший лейтенант Григорьев. Мощное «ура» катится по склону. Ножницами, лопатами режем, рвем проволоку. Прикладами, штыками уничтожаем колья проволочных заграждений. Быстро устроили проходы. Прорвались на самый гребень сопки Заозерной. Группы японцев, случайно уцелевших от бомб нашей авиации, уничтожаем штыками, гранатами. Пусть знает враг силу гнева советского народа! На высоте взвилось красное знамя. Его пробивают пули, осколки гранат. Но, пронесенное сквозь бой, оно гордо реет над сопкой. Мы победили.

Всю ночь идет стрельба. Бьет артиллерия, пулеметы, винтовки. Рвутся гранаты. Мы выбиваем последние остатки врага. Советская земля очищена от захватчиков.

Горячо поздравляем друг друга с победой. Радость полная, всеобщая.

7 августа. Высота наша. Но бой еще не закончился. Снова ночь. Японцы думают, что мы спим. Нет, мы лежим на передней линии, готовые ко всем неожиданностям боевой обстановки.

Раздался шорох. Наш наблюдатель крикнул: «Кто идет?» Молчание. Это была группа японцев. Пользуясь ночной темнотой, она осмелилась приблизиться. Раздалась команда:

Дипломатические метаморфозы.
20 июля 1938 г... ...4 августа 1938 г.

Рис. В. Брискина и Фомичева

«В ружье!» Смертельным для врагов голосом заговорили наши пулеметы, винтовки, гранаты.

Вдруг на фланге замолчал наш пулемет. Подползаю туда вместе с младшим комвзвода Катаевым. Катаев становится к пулемету первым номером, я — вторым. Пулемет снова начал поливать свинцом наседавших японцев. Они бежали назад. Многие полегли, сраженные нашими пулями. Внезапно Катаев схватил мою руку.

— Что с тобой? — спрашиваю.

— Меня ранило в ногу, Сазыкин, — отвечает он.

Жаль парня. Но что делать? Отвел его в более надежное место.

В эту ночь мы выдержали несколько атак врага. Все они были отбиты.

9 августа. Третий день находимся на вершине Заозерной. Получив суровый урок, японцы боятся лезть к нам. Они действуют отдельными группами. На фланге одна японская группа прорвалась в наш тыл. 15 наших бойцов под командой младшего комвзвода Егорова пошли уничтожать врага. Сошлись очень близко, открыли огонь. Очень метко бросает гранаты Егоров: каждая попадает в цель. Я работаю вторым номером пулемета. Вдруг случилась беда. В кожухе пулемета не стало воды. Сливаем остатки из всех фляг. Огонь продолжается. Через час враг был полностью уничтожен.

Вот уже три дня, как я не видел Григорьева. Все это время я был вместе с другим подразделением. Григорьев — очень хороший, скромный боевой товарищ. Мы крепко подружились. Когда наступило небольшое затишье, я пошел искать Григорьева. Спрашиваю, люди молчат. Я понял: что-то случилось. Наконец, бойцы переглянулись между собой, сказали:

— Сегодня утром Григорьев погиб.

Дальше не слушал. Знал, что товарищ умер смертью героя, иначе быть не могло.

Меня разыскивают. Зовет командир.

— Вы, Сазыкин, назначены комиссаром части. Комиссара Белорусского ранило.

Так я стал комиссаром нашей части на высоте Заозерной. Сегодня снова жаркий день. Новые японские части лезут на сопку. Мы бьем хорошо, метко. Отбили уже несколько атак.

Враг уничтожен. Он — за линией границы.

Уже несколько дней нахожусь в госпитале. Скоро выпи-

шусь к своим боевым товарищам. Сейчас ночь, раненные спят. Тихо. Интересно, что в эти часы делается на границе? Какие у нас замечательные люди, товарищи, бойцы!

«Правда».

И. МАШЛЯК

Секретарь партийного бюро
Н-ского полка Приморской 1-й армии

СТАЛИНСКИЕ ПИТОМЦЫ

Когда сейчас, лежа в госпитале, я перебирал в памяти эпизоды боев у озера Хасан, мои мысли невольно обращались к гражданской войне. Кто из молодых людей Советской страны не знал чувства сожаления о том, что ему не довелось участвовать в боях с белогвардейщиной! Мы вступали в жизнь, неся в своем сердце, как знамя, светлые образы легендарных героев гражданской войны.

Бои у озера Хасан показали, что наша молодежь достойна своих героических отцов, что священные, никогда не меркнущие традиции Красной армии, рожденные в огне и бурях гражданской войны, незыблемы, живы.

Старший лейтенант товарищ Скрипченко все время был впереди. Он первым вместе с несколькими бойцами ворвался в окопы японцев, закидывая их гранатами. Беспощадно сметая со своего пути врагов, Скрипченко вел свою роту все вперед и вперед. Ничто не могло сломить его воли к победе — ни раны, ни яростный огонь налетчиков. Вражеская пуля оборвала жизнь этого верного сына родины, бесстрашного большевика, в тот миг, когда он ринулся в последнюю, победоносную атаку.

Комсомолец товарищ Гласов, заместитель политрука, в дни боев исполнял обязанности политического руководителя 5-й роты. Он сражался как истый большевик, сталинец. Гласов неустанно вдохновлял бойцов и словом и делом, показывая замечательный пример воинской доблести. На подступах к высоте Заозерной был ранен командир роты товарищ Симаков. В разгар боя рота осталась без командира. Но остался комсомолец Гласов. Он взял командование в свои руки и уверенно повел роту в атаку. Под его командованием 5-я рота одной из первых заняла высоту Заозерную.

Советская молодежь, полная ненависти к врагам родины и партии, не знает в бою ни страха, ни сомнения. Она сражает-

ся с мужеством, обрушивая на врагов всю мощь нашей техники, используя эту технику полностью.

Комсорг 5-й роты товарищ Захаров во время боя под свист пуль и грохот снарядов управлял своим отделением хладнокровно и разумно, учитывая все, используя каждую возможность для того, чтобы сделать свой огонь еще более сокрушающим. Пулемет товарища Захарова бил без промаха, уничтожил не одну огневую точку противника. Во время атаки Захаров бежал впереди своего отделения, забрасывая японцев гранатами.

7 августа, когда мы уже находились на высоте Заозерной, с вражеской стороны несколько часов нам не давал покоя один японский снайпер. Обнаружить его не удавалось. Бандит умело замаскировался. Но что ни делает враг, как он ни ухищряется, — ему не уйти от красноармейской пули! Комсомолец младший командир товарищ Мичугов решил уничтожить японского снайпера. Мичугов выполз из блиндажа, сооруженного, к слову, японцами в дни их пребывания на высоте, и пополз в сторону противника. Затаив дыхание, мы следили за действиями отважного комсомольца. Он двигался все вперед и вперед. Скрываясь в густой траве, прячась за складками местности, Мичугов подполз к японскому снайперу на близкое расстояние и бросил гранату. Японец был убит. Вскоре Мичугов предстал перед нами, держа в руках японскую винтовку с оптическим прицелом.

Преданность партии, взрастившей нашу молодежь, сделавшей ее счастливой, раскрывшей перед ней все двери и все дороги, беззаветная преданность нашей матери — партии большевиков, присущая всей советской молодежи, на поле боя проявлялась особенно сильно и ярко. В тот момент, когда шальная пуля вывела меня из строя на высоте Заозерной, в моей сумке находилось больше 30 заявлений бойцов и командиров с просьбой принять их в ряды ВКП(б). За время боевых операций было подано 56 заявлений о вступлении в ВЛКСМ. Но это — только письменные заявления. Словесных же не счесть! Десятки и сотни бойцов и командиров, уходя в атаки, говорили своим политрукам или товарищам коммунистам:

— Если я погибну — считайте меня коммунистом. В бой хочу идти большевиком.

Я никогда не забуду лейтенанта Глотова. На поле боя он подал заявление о вступлении в партию. Он писал: «...Мне 28 лет. Прожил я еще немного, но всю эту небольшую жизнь я честно работал для родины, для народа. Мыслями, всем

своим существом я давно в большевистской партии. Теперь, когда я защищаю границы от вражеских полчищ, я хочу быть коммунистом. Прошу принять меня в ряды ВКП(б). И если вражеская пуля сразит меня на поле битвы, прошу считать, что я погиб большевиком».

4 августа мы разобрали это заявление на партийном бюро. Заседание проходило в окопе. Неумолчно свистели пули, грохотали разрывы снарядов. Времени у нас было немного, нужно было спешить — с минуты на минуту бой должен был разгореться с новой силой, — но и в других условиях мы все равно не разбирали бы долго заявления товарища Глотова. Он достоин быть в рядах партии — это было ясным для всех. Мы все его хорошо знали как отважного командира, как преданного сына родины, отдающего все свои силы и помыслы борьбе за дело Ленина — Сталина. Каждый из нас, членов партийного бюро, помнил, как вчера во время атаки на высоту Пулеметную взвод курсантов под командованием Глотова вырвался вперед, забросав японцев гранатами.

Партийное бюро решило принять товарища Глотова в ряды ВКП(б).

Но Гловому не пришлось присутствовать на партийном собрании, которое должно было принимать его в партию 6 августа: в боях за высоту Заозерную он погиб смертью храбрых.

Как всегда, Гловот шел в этот день во главе своего взвода, совершавшего стремительные броски к вражеским позициям и безостановочно поливавшего японцев пулеметным и ружейным огнем. Наши бойцы продвигались все вперед и вперед. До высоты оставалось совсем немного — десятки метров. И тут японская пуля сразила Глотова. Он умер с мыслью о победе. Последними его словами было:

— Вперед, на Заозерную!

Так умирают большевики. Так умирали герои гражданской войны.

Советская молодежь, бесстрашная и героическая, умеет сражаться так же победоносно, как сражались ее отцы. Мы побеждали, побеждаем и всегда будем побеждать в любых схватках, с любым врагом, осмелившимся посягнуть на нашу родную землю.

«Красная звезда».

Имя секретаря партийного бюро товарища Машляк произносится, как имя героя заозерных боев.

Кто же такой Машляк?

В прошлом он был батрак. Социалистическая родина дала ему образование, вывела в люди, обеспечила счастливую, радостную жизнь. И вот за родину, за счастливую жизнь советского народа шел в бой вместе с сотнями патриотов лейтенант товарищ Машляк. Как верный сын страны социализма, товарищ Машляк все время был в боях впереди других. Личным героизмом увлекал он бойцов и командиров на подвиги.

Вот несколько примеров.

В ходе боевых действий рота была вынуждена произвести выход из боя с целью изменения направления. Выход приходилось произвести под сильным пулеметным и артиллерийским огнем. Для прикрытия роты был выделен пулеметчик Лукашевич. На него была возложена ответственная задача—обеспечить отход. Товарищ Машляк—в курсе всех оперативных действий части. Он знает, что от действий пулеметчика во многом зависит успех благополучного выхода из боя. Машляк отправляется к пулеметчику Лукашевичу и вместе с ним прикрывает пулеметным огнем отход роты. Своим личным примером он воодушевил на исключительно героический подвиг пулеметчика Лукашевича, который один боролся против многочисленного врага, не дрогнул в бою и с честью выполнил боевую задачу.

На подразделение младшего лейтенанта Свириденко возлагается ответственная боевая задача—разведать огнем расположение противника и его огневые средства. Товарищ Машляк идет в подразделение Свириденко. Там он уточняет задачу, интересуется, как она понята, какое принято решение. Товарищ Машляк, придя в подразделение, помог Свириденко точнее уяснить задачу, посоветовал, как ее выполнить, провел беседу с бойцами, призвал их не щадить жизни своей, если потребуется—умереть за родину смертью храбрых.

Товарищ Машляк воодушевил всех бойцов, и они свою задачу выполнили с честью.

В период атаки на сопку Заозерную товарищ Машляк был в первых рядах. С винтовкой в руках он своим героизмом увлекает бойцов вперед. Это его голос непрерывно разносит по рядам боевые лозунги за родину, за великого Сталина. И когда раненый политрук Аникин не мог дальше нести знамя, Машляк подхватил это знамя и с ним в руках бросился в атаку.

В самый разгар атаки выводится из строя комбат Змаев. Машляк немедленно заменяет его и ведет батальон в атаку.

Раненый в голову и плечо, он не покидает поля боя. Его голос зовет все вперед и вперед. Вскоре после ожесточенного боя славные бойцы достигают вершины сопки и навсегда восстанавливают на ней советский флаг.

«Тревога».

В. ХЕЙСТВЕР и В. ЧЕРНЫШЕВ КОМИССАРЫ

Комиссар! Гордо звучит это слово. Воин-большевик, не знающий страха и сомнений, глаза и уши партии — таким вошел в историю социалистической революции комиссар Красной армии.

Где был военком — там всегда был обеспечен успех. Недаром в популярной песне о военном комиссаре поется:

Та армия вдвойне отважней бьется
И пяди не уступит ни одной,
Где наряду с железным полководцем
Есть знаменосец партии родной.

Эти слова наглядно были подтверждены славными делами наших комиссаров в упорных боях у озера Хасан.

Перед боем комиссар Андрей Кравченко пошел к красноармейцам. Вместе с ним — секретари партийного и комсомольского бюро товарищи Черемнов и Билимов.

— Товарищи! — говорил комиссар. — Только что получен приказ о выступлении к озеру Хасан. Великая честь выпала на нашу долю, вся страна с восхищением смотрит на нас и ждет боевых подвигов. Мы должны побить и прогнать японских самураев с нашей земли.

Внимательно слушали бойцы своего военкома. Простые слова о долге перед родиной, о партии, о товарище Сталине глубоко взволновали сердца красноармейцев.

Кончился митинг. Буквально через час двенадцать пламенных патриотов тут же подали заявления в партию. Смысл заявлений был таков:

«В бой мы хотим идти коммунистами. В бою мы покажем право свое называться большевиками...»

...Когда первые отделения и взводы с боем подступали к высоте, Андрей Кравченко был впереди. Словом и делом подбадривал комиссар бойцов.

Японские самураи все подступы к высоте заливали градом пуль, гранат и снарядов.

В минуты, когда казалось невозможным ни идти, ни ползти под вражеским огнем, товарищ Кравченко появлялся среди бойцов именно на этом опаснейшем участке и находил радостное слово, вселяющее дух непобедимости.

Это слово было о Сталине.

С именем Сталина в сердцах, с именем Сталина на устах бойцы шли вперед без страха и колебаний. Никакая сила не могла остановить железной поступи советских бойцов...

...Близко были окопы врага. Красноармейцы приготовились к штыковой атаке. Вдруг, неожиданно, по ним ударили пулеметы японцев. Молниеносно оценив обстановку, военком тотчас сообщил нашим артиллеристам о появившихся точках налетчиков. Пулеметные гнезда были подавлены. Быстрота и решительность военкома спасли ряды атакующих.

Атака красных бойцов приближалась к решительной развязке. Собрав все силы, они с криками «ура» ворвались в первую линию окопов самураев. Впереди храбрых бойцов был комиссар Андрей Кравченко...

Задача, поставленная перед частью, была решена.

В Красной армии товарищ Куяров недавно. Он был направлен в воинскую часть осенью 1937 года. Но за плечами у молодого политработника уже был солидный опыт активной политической работы. Серьезный, вдумчивый, отзывчивый товарищ, он всегда был кровно связан с массами. У них он черпал свой жизненный опыт.

Приказ о выступлении застал товарища Куярова в тот момент, когда он, окруженный бойцами, проводил оживленную беседу о событиях в районе озера Хасан и международной обстановке.

Героические образы защитников советских рубежей, верных сынов нашей родины — Валентина Котельникова, Семена Лагоды и Василия Баранова, павших смертью храбрых в неравном бою с японской военщиной, — вставали перед бойцами.

Политрук огласил приказ.

Товарищ Андреянов, только что подавший заявление о вступлении в партию Ленина — Сталина, взволнованно сказал:

— С красным знаменем дрались наши отцы в боях за Октябрь, с этим знаменем мы сейчас пойдем в бой и водрузим его на высоте Заозерной!

Товарищ Куяров прибыл во главе подразделения в район боевых действий. Перед наступлением выпустили боевой ли-

сток. Политрук обошел ряды своих бойцов. Настроение всех было очень высокое. Здесь же четыре красноармейца подали заявления в партию, девять — в комсомол.

Под непрерывным пулеметным и артиллерийским огнем японцев, вслед за нашими сухопутными броненосцами, товарищ Куяров, командиры Беляев и Сапельцев повели бойцов в атаку. Вместе со снайперами Овчинниковым и Сметаниным политрук поражал пулеметные точки врага, а когда бойцы достаточно близко подбежали к окопам налетчиков, он скомадовал:

— В штыки, за мной!

С пистолетом в руках Куяров ринулся вперед, сразив офицера императорской армии.

...Через короткий промежуток времени на высоте Заозерной гордо реял алый флаг страны социализма.

Все, о чем мы рассказывали, — это только отдельные штрихи геройского поведения посланцев партии — военных комиссаров.

Таких примеров в боях были десятки. Военком-орденоносец Севастьянов одним из первых ворвался на высоту Заозерную. Комиссар Белорусский трижды водил в атаку своих бойцов. Политрук Огнев был впереди танкистов. Комиссар Пожарский до последней капли крови дрался с врагами, пал смертью храбрых в бою. Все они — верные сыны своего героического народа.

Безмерна любовь бойцов к своим комиссарам. Недаром среди грохота оружейных выстрелов бойцы часто спрашивали друг друга:

— Жив ли комиссар, жив ли политрук?

Велика сила личного примера большевиков-комиссаров. Они несли в массы огненные слова большевистской правды, они зажигали героизмом сердца воинов.

Под лозунгами партии вели они в бой бойцов. С именем Сталина на устах, с мыслями о нем дрались и побеждали советские люди.

В. ХЕЙСТВЕР

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ВОЕНКОМА ПОЖАРСКОГО

Биография Ивана Алексеевича Пожарского проста и похожа на тысячи других биографий верных сынов нашего народа — бойцов, командиров, комиссаров Красной армии.

Родился он в городе Ардатове Мордовской АССР. Сын рабочего. Двенадцати лет он уже работал с отцом на заготовке леса, затем три года — в сапожной мастерской: сначала — учеником, потом — мастером.

В 1922 году молодой комсомолец Иван Пожарский был мобилизован на продовольственный фронт. Целый год ездил Пожарский с рабочим отрядом по селам Ардатовского уезда, отбивая хлеб у кулачья, пытавшегося голодом задушить Советскую республику.

В 1924 году по путевке укома партии Пожарский был послан в Ульяновскую совпартшколу. Ее он окончил в 1925 году.

Дальше идут годы активной комсомольской и партийной работы. Секретарь волкома ВЛКСМ, член укома, председатель ревкомиссии укома, член Ардатовского горсовета — вот этапы, пройденные Иваном Пожарским. Но самым интересным периодом в своей жизни Пожарский считал службу в Красной армии. С ней связал он свою жизнь, воином ее он оставался до конца своих дней.

Путь его в Красной армии — путь многих политических работников. Курсант, помощник командира взвода, секретарь ячейки ВКП(б), секретарь комсомольского бюро, политрук, секретарь партийного бюро, комиссар эскадрона, батальона.

В 1936 году молодой комиссар получил первое боевое крещение. 25 марта 1936 года японские провокаторы хотели прощупать наши границы штыком. В районе погранзнака № 8 отряд японо-манчжур, вооруженный винтовками и пулеметами, перешел советскую границу. Проучить японских захватчиков, отогнать их с советской земли было поручено эскадрону, в котором комиссаром был Пожарский.

В этом бою отважно дрались наши люди. Смертью храбрых пал герой-пограничник лейтенант Краскин.

Комиссар Пожарский был в первых рядах. Он руководил боем на правом фланге. Комиссар воодушевлял личным примером на героические подвиги своих бойцов.

В середине боя Пожарский был ранен. Однако до конца боя он не ушел из строя. Японские провокаторы и в тот раз испытали силу нашей армии.

2 апреля 1936 года Президиум ЦИК СССР за бдительность и отвагу, проявленные по охране границ СССР на Дальнем Востоке, наградил Ивана Алексеевича Пожарского — военкома эскадрона — орденом Красной звезды.

После этого товарищ Пожарский учился в военно-политиче-

ской школе имени Ленина и в августе 1937 года с новой зарядкой сил, с багажом знаний вернулся в свою часть.

Тепло встретили бойцы своего комиссара. Любили и уважали они его за простоту, чуткость, за большевистскую прямолинейность. Таким знала его и вся партийная организация.

Он сплотил коммунистов батальона, смело разоблачал врагов. Пожарский первым начал борьбу против вражеского, так называемого «комплексного», метода обучения. Мы видели его на последней партконференции соединения. Гневно звучал его голос, когда он говорил о врагах, разоблачая их подлые махинации.

Товарищи, знавшие его по работе, бойцы и командиры поражались удивительной работоспособности этого человека. Он был везде — на стрельбище и на конюшне, в казармах и в столовой.

Ночами военком просиживал за трудами Ленина и Сталина, готовясь к занятиям. Он знал каждого человека в батальоне, находил время писать письма бойцам, уехавшим на курсы, в командировку.

Те дни были особенно тревожными. Японские провокаторы нарушили государственную границу в районе озера Хасан.

Узнав о событиях на границе, военком Пожарский собрал коммунистов. С величайшим возмущением он говорил о бандитских действиях японских самураев. Военком был, как всегда, краток, но его отлично понимали коммунисты, бойцы, командиры. Надо быть готовым к бою, пора проучить зарвавшегося врага!

Вдруг стало известно, что батальон не пойдет на фронт. Пожарский, рассказав о настроении бойцов, убедительно просил командование послать батальон на фронт. И ночью батальон выступил. Перед строем бойцов комиссар держал речь. Никогда еще не видели они его таким. Каждое слово комиссара входило в душу. Хотелось быстрее встретиться с врагом и обрушить на его голову весь гнев советских людей...

...Эскадрон бойцов действовал в пешем строю. Он получил задачу занять сопку Пулеметную. Был полдень, стояла нестерпимая жара. Пошли в атаку. Впереди атакующих шел комиссар Пожарский, рядом с ним — старший лейтенант Попов и заместитель политрука Тимофей Яковлев.

— Эх, и повезло вам, товарищ Яковлев! — говорил Пожарский перед боем заместителю политрука.

— И действительно повезло,—отвечал взволнованный Яковлев. — Только с курсов и прямо в бой!

— Вот покажу я вам, как надо японцев бить,— сказал комиссар.

— Так вы ведь уж били их раз!

В бою Яковлев не отставал от своего комиссара. Это не только его комиссар, это его друг, самый близкий товарищ. Совсем недавно Пожарский рекомендовал Яковлева в партию. Он его ученик, воспитанник.

— Вперед, за Сталина, за родину! — зовет комиссар бойцов.

Добежали к сопке, залегли во рву, намереваясь передохнуть. Впереди была сильно укрепленная огневая точка противника. Командир, комиссар поставили задачу — уничтожить огневую точку противника и овладеть сопкой Пулеметной.

Японцы, заметив приближение бойцов, открыли сильный огонь по рву. В это время из расположения огневой точки выбежал японский офицер, направляясь к реке Тумень-Ула.

Пожарский выстрелил, и самурай упал, скошенный меткой пулей.

— За мной, вперед!

Военком бежал впереди цепи бойцов, забрасывая гранатами врага. Наши пулеметчики вели интенсивный огонь. Один за другим замолкали вражеские пулеметы.

Правый фланг батальона охранял пулеметный взвод кандидата партии Михаила Неуймина. Он старый сослуживец Пожарского, участвовал вместе с ним в бою 25 марта 1936 года.

Японцы обстреливали северные скаты высоты Заозерной. Метким огнем пулеметчики взвода Неуймина уничтожали японцев.

Три раза батальон ходил в атаку. Пожарский все время был впереди. После первой атаки комиссар был ранен.

Перевязав рану, Пожарский снова ушел в атаку. Голос его звучал так же уверенно, так же страстно.

— Вперед! — звал комиссар. — За родину, за родного Сталина!

В третью атаку японская огневая точка была окружена и уничтожена.

В этом бою комиссар был смертельно ранен. К нему подбежали бойцы.

— Прощайте,— произнес он,— с честью постоит за родину,— и с этими словами умер.

— Комиссара убили! — крикнул Кадинцев.

— Комиссара убили! — прошло по рядам бойцов. С величайшим гневом ринулись они на самураев. Японцы пробовали убежать, но были уничтожены взводом Неуймина. Во время рукопашной схватки особенно храбро дрались курсант Кадинцев, отделенный командир Селюк, лейтенант Урицкий.

На лейтенанта Урицкого с саблей в руках наскочил японский офицер. Урицкий воткнул ему в горло штык. Не успел лейтенант вытащить его, как сзади на него напал второй офицер. Выстрелом из пистолета самурай был убит наповал.

Бойцы отомстили за смерть своего любимого комиссара. Ни один захватчик не ушел из окопов,— все они были уничтожены. Сопка Пулеметная была взята.

Вечно будет жить память о герое-комиссаре!

«Тревога».

V. ВЕЛИКОЕ ЕДИНСТВО

ВАЛЕНТИНА ХЕТАГУРОВА

Депутат Верховного Совета СССР,
секретарь Дальневосточного крайкома ВЛКСМ

ВОЛНУЮЩИЕ ВСТРЕЧИ

Поезд уходил во Владивосток. В последнем вагоне царило необычайное оживление. Комсомольцы вносили сюда ящики и свертки различных размеров. В вагоне озабоченно суе́тилась группа молодых товарищей.

Поезд отошел. Закипела дружная работа. Комсомольцы раскладывали содержимое этих ящиков в небольшие пакетики, любовно перевязывая их разноцветными яркими ленточками. Это делегация хабаровских комсомольцев готовила подарки участникам боев в районе озера Хасан.

Чем ближе подъезжали к Владивостоку, тем с большим нетерпением ждали встречи с нашими ранеными товарищами. Все были очень взволнованы. Говорили только о предстоящей встрече. Я все время думала над тем, как лучше и яснее передать отважным сынам нашей родины чувство огромной любви к ним трудящихся Дальнего Востока.

Товарищи дали нам много писем для передачи бойцам, командирам и политработникам армии. Разные по стилю и по почерку, все они говорили об одном и том же — о восхищении героическими поступками участников боев, о готовности стать рядом с бойцами на защиту родины.

Вот и Владивосток. В день нашего приезда трудящиеся Владивостока хоронили умершего от ран младшего командира

товарища Миронова. Сменяя друг друга, стояли мы вместе с лучшими людьми города в почетном карауле у гроба героя. Мимо нас проходили трудящиеся Владивостока, старики, молодежь, дети. На их лицах мы читали выражение великого гнева и ненависти к японским захватчикам.

Похороны товарища Миронова превратились в могучую демонстрацию боевой готовности всех трудящихся советского Приморья. Лейтенант товарищ Левченко, который со своим подразделением первым встретил обнаглевших самураев, выступил на похоронах с яркой речью. Он призывал трудящихся Приморья еще выше поднять свою мобилизационную готовность, чтобы быть готовыми в любую минуту нанести самураям сокрушительный контрудар.

С товарищем Левченко я познакомилась на 2-й олимпиаде красноармейской художественной самодеятельности, где бойцы его части вышли на первое место. Талантливый организатор в мирной обстановке, он таким же боевым организатором оказался и на фронте.

Товарищ Левченко говорил о прекрасном боевом настроении бойцов, командиров и политработников, находящихся на фронте. Он рассказал о героической смерти Миронова, который, умирая, сказал:

— Держите крепче границу, не сдавайте врагу ни одной пяди священной советской земли!..

Нельзя рассказать простыми словами о чувствах, которые овладели нами на этом многотысячном митинге. Гнев и ненависть к самураям, нарушившим покой на нашей границе, кипели в наших сердцах. Здесь, у могилы товарища, мы дали клятву жестоко отомстить японской военщине за пролитую ими кровь советских патриотов.

В этот же день мы побывали в гостях у раненых бойцов. В одном из самых живописных уголков советского Приморья, у побережья бухты, раскинулись небольшие двухэтажные домики. Среди цветов и зелени замелькали белоснежные костюмы. Это наши героические товарищи, раненые в боях с японскими самураями.

Встреча была теплой, дружеской. Раненые бойцы ярко и образно рассказывали нам о подробностях боев. Особенно много говорили раненые о героически погибшем комиссаре товарище Пожарском.

Командир взвода товарищ Неуймин рассказывает:

— С именем товарища Сталина он первым бросился в атаку. За ним, подхватив его лозунги, помчались мы, Комиссара

ранило в ногу, но он снова рванулся вперед. Только после второго, смертельного ранения он упал и больше не поднялся. Из уст в уста передавалась весть: «Коммиссара нашего убили...» Но мы не останавливались. Красноармеец Кадинцев, задержавшись на секунду перед телом коммиссара, гневно произнес: «Дорого поплотятся японские сволочи за тебя!..» Вытирая на ходу скатившуюся слезу, он снова бросился в бой.

С опромным восхищением говорят участники боев о пограничниках, которые первыми дали отпор нарушившим границу японским самураям.

Горсточка храбрцев-пограничников вела бой с численно превосходившим ее в несколько раз противником. Комсомолец товарищ Жуков вел уничтожающий огонь. Получив тяжелое ранение от разорвавшейся гранаты, Жуков, преодолевая боль и слабость от потери крови, оставался в строю, отражая метким огнем натиск японцев. Когда его ранило вторично, он попрежнему отказался покинуть поле боя. Только тогда, когда он совсем обессилел, товарищи отнесли его на заставу. Исключительную смелость проявил младший командир товарищ Меньков. Он своим примером воодушевлял товарищей. Ведя огонь по врагу, он успевал подхватывать вражеские гранаты, падавшие около него, и бросать их в сторону противника. Японцы гибли от собственных гранат...

Участники боя рассказывали нам, что в эти дни особенно сильна была среди бойцов тяга в партию и комсомол. Перед боем некоторые подразделения целиком становились комсомольскими. Некоторые товарищи, не успевшие подать заявление перед боем, говорили:

— Если я буду убит, считайте, что я умер коммунистом...

Эти рассказы произвели на нас неизгладимое впечатление.

Здесь же мы провели митинг и вручили раненым наши подарки. Выступая на митинге, я сказала, что, преподнося бойцам наши маленькие подарки, мы выполняем лишь указание нашего мудрого вождя, учителя и друга товарища Сталина, который учит нас внимательно заботиться о людях.

При упоминании имени товарища Сталина раздалась громовая буря оваций. Я удивилась: ведь многие из них ранены в руки. Но когда я глянула на раненых бойцов, моим глазам представилась трогательная картина: раненые аплодировали здоровой рукой о колено.

Выступали раненые бойцы. Они говорили, что охвачены одним стремлением — как можно скорее поправиться, чтобы

стать на страже священных рубежей большевистского Дальнего Востока.

После раздачи подарков мы навестили тяжело раненых. Какая выносливость, какая воля свойственны воинам нашей армии! Ни один из них не сказал, что ему больно, что ему тяжело. Тяжело раненые так отвечали на наши вопросы:

— Ничего, поправимся. Главное — японцев проучили!

Один тяжело раненый летчик заявил:

— Передайте молодежи авиапромышленности, чтобы вместо одного самолета по плану они давали по два сверх плана!

Долго мы не могли распрощаться с товарищами, которые стали родными и близкими нам. Уже подойдя к машине, мы уселись на траву вместе с легко ранеными бойцами и долго распевали наши славные боевые песни. Бойцы написали и отдали нам письма для молодежи Хабаровска.

Прошли все сроки, которые отвели нам врачи для встречи с ранеными. Пора прощаться. Вся наша машина уже исписана патриотическими лозунгами: «Да здравствует товарищ Сталин!», «Да здравствует Сталинская Конституция!», «Смерть японским самураям!» Шофер дает газ. Мы оборачиваемся и смотрим назад. Раненые бойцы еще долго стоят и машут нам вслед белыми платочками.

Мы обмениваемся впечатлениями о встрече. Член делегации — курсантка аэроклуба Нина Асекритова — говорит:

— Теперь я еще упорнее буду овладевать военным делом. Я помогу организовать на нашем заводе еще больше оборонных кружков.

В эти дни не только бойцы Красной армии проявили чудеса храбрости и бесстрашия. Мы наблюдали много примеров замечательного героизма всей нашей дальневосточной молодежи, в том числе молодых девушек и парней, приехавших в наш край по моему призыву.

Ежедневно крайком комсомола и Политуправление армии получали сотни писем, в которых юноши и девушки заявляли о своем горячем желании отправиться на фронт. Эти письма писали люди, умеющие стрелять, умеющие управлять машинами, умеющие летать. Девушки, которые еще не успели приобрести военную специальность, предлагали свои услуги в качестве сестер, санитарок, уборщиц. У всех было одно стремление — во что бы то ни стало попасть на фронт. И те, кому

выпала эта высокая честь, показывали на фронте примеръ подлинного героизма и бесстрашия.

Третьего августа, после нескольких боев у высоты Заозерной, в двух километрах от линии огня расположился перевязочный пункт. В одной из палаток работали две подруги — комсомолка Надежда Глотова, жена лейтенанта-комсомольца, и беспартийная молодая женщина, жена ветеринарного врача, также находившегося на фронте. Одному из товарищей, который направлялся на линию огня, подруги заявили:

— Найдите наших мужей и скажите им, что мы также работаем на фронте. Если удастся встретиться,— встретимся только после победы!

В районе событий молодежь,— в том числе молодые патриотки, добровольно приехавшие на Дальний Восток,— проявила исключительное мужество, спокойствие и находчивость. Молодая патриотка Валентина Мельникова, приехавшая из Баку, работает в Посьетском районе, в райкоме комсомола. Приехавшая с ней ее подруга Ваньян работает там же секретарем первичной комсомольской организации. В разгар событий обе подруги организовали стирку белья для раненых, собирали подарки, работали сестрами, вели переписку бойцов.

Молодая патриотка Аня Тимофеева в эти дни была больна. Как только до нее дошли вести о событиях, она встала с постели и ушла на фронт. Оказавшись в самой гуще событий, она проделала большую работу, оказывая первую помощь раненым.

Комсомольская организация Посьетского района проделала огромную работу на фронте и в тылу. Молодежь работала с исключительной самоотверженностью. Обо всех примерах героического поведения наших молодых патриотов и патриоток трудно рассказать в одном письме. Я думаю, что в свое время об этом будет написана волнующая книга.

«Комсомольская правда».

З. АБРАМОВ

БОЕВЫЕ ПОДРУГИ

По дороге на передовую линию, около полевого госпиталя, мы увидели двух женщин. Как только подошла машина и вынесли носилки, они сразу же кинулись к раненым.

Госпиталь развернулся недавно. Раненые сюда попадали прямо с поля боя. За несколько дней здесь уже были произведены десятки сложных операций, спасена жизнь многим

Беззаветная защита социалистического отечества, укрепление его могущества, благосостояния и славы — есть самая святая и коопная обязанность члена ВЛКСМ.

Рис. В. Брискина и В. Фомичева.

славным патриотам нашей родины. Немалую роль в этом сыграли жена лейтенанта комсомолка Надежда Глотова и жена врача Юлия Щербакова.

Любовно и внимательно встречали они каждого раненого. Вот Юлия Щербакова снимает с раненого одежду. Осторожные движения. Она старается не причинить бойцу ни малейшей боли. Надежда Глотова в это время готовит чистое белье для вновь прибывшего.

Привезли обед. Обе женщины обходят раненых с тарелками горячего бульона. Подолгу останавливаются они около каждой кровати, стараясь как можно лучше накормить больных. В свободные минуты Надежда Глотова читает больным газеты.

Во время операций обе женщины не отходят от операционных столов. Они стоят у изголовья раненых и помогают врачам. Их мужья, лейтенант Федор Глотов и ветеринарный врач Петр Щербаков, в это время находятся на передовой линии фронта.

Иногда в госпиталь прибывают раненые бойцы из подразделения, которым командует лейтенант Глотов. Они рассказывают о своем храбром командире. Оберегая покой раненых, товарищ Глотова старается поменьше расспрашивать их.

— Что передать вашим мужьям, если мы их встретим на фронте? — спрашивали мы у боевых женщин.

— Передайте им, чтобы они еще мужественнее дрались за нашу счастливую родину. Скажите им, что мы здесь вместе с ними.

С первых же дней боев за высоту Заозерную женщины — жены командиров и политработников, участвовавших в боях, — пришли на помощь действующим частям. В лазаретах, госпиталях и столовых — всюду женщины развернули большую работу.

Только что в госпиталь прибыли первые раненые пограничники. Туда же явилась жена командира Карташева. Она выяснила, какую помощь могут оказать женщины в уходе за ранеными, побежала в штаб и потребовала, чтобы женщинам разрешили работать в госпитале.

Во все время боев товарищ Карташева, не смыкая глаз, ухаживала за ранеными. Работала не одна. Она организовала вокруг себя весь женский коллектив: устанавливала дежурства у постелей раненых, доставала книги для них, писала им письма домой, рассказывала о том, как весь советский народ гордится их героизмом. Раздавая подарки, присланные трудя-

щимися, она рассказывала о людях, которые прислали эти подарки, о советском народе, который в любую минуту готов стать под ружье на защиту родины.

Однажды в госпиталь прибыла делегация рыбаков далекого острова с подарками для раненых. Но не всем бойцам удалось встретиться с этой делегацией. Красноармейцы, получая подарки, интересовались делегацией острова. Карташева рассказывала об этом острове, о людях, которые там живут, о том, с каким волнением и любовью они передавали привет всем раненым.

Карташева поспевала всюду. Ее заслуженно стали называть бригадиром. Она действительно стала настоящим боевым бригадиром. Десятки женщин, не только жен командиров, но и местных жительниц, являлись к ней, предлагая свою помощь. Карташева, ухаживая за больными, успевала обежать все палаты и медпункты, интересуясь, как там идет работа, все ли в порядке.

Нередко этим боевым женщинам приходилось встречать санитарные машины, привезшие их мужей, раненых в бою.

Людмила Виталиевна Соляных только что искупала в ванне раненого бойца, отвела его в палату и уложила в постель. Она вышла на крыльцо госпиталя встретить вновь прибывшую санитарную карету. Из машины на носилках вынесли ее мужа — майора Соляных. Его ранило пулей в правое плечо в тот момент, когда он, подняв руку, командовал бойцам «вперед!». Майор Соляных вместе со своей частью поставил красный флаг на вершине высоты Заозерной.

Людмила Виталиевна бросилась навстречу мужу. Первое, что произнес майор:

— Люда, высота наша!

Это была общая радость.

Мужа Людмилы Виталиевны вскоре перевезли в город Ворошилов, а она оставалась на своем боевом посту.

Кто не знает лейтенанта Терешкина? Герой-пограничник, он первым повел своих бойцов в атаку против японских налетчиков. Даже тяжело раненый, Терешкин продолжал вести огонь по бандитам.

Жена лейтенанта Терешкина, так же как и жена майора Соляных, встретила раненого мужа в госпитале. Вместе с другими женщинами она первой пришла сюда работать.

Женщины работали не только в госпиталях. В эти дни они оказали большую помощь в прифронтовых столовых. Отправляющегося на фронт или прибывшего в ближайший тыл по де-

лам службы женщины окружали исключительной заботой и вниманием. В любое время суток здесь каждого ждал вкусный обед.

В столовой можно было наблюдать такие картины. Муж только что прибыл с фронта и сейчас же возвращается обратно. Жена, провожая его, говорит:

— Будь всегда впереди, беспощадно уничтожай врагов!..

Жены героев вели себя так же героически, как и их мужья. Оставаясь в тылу, они много сделали для того, чтобы их мужья отважно защищали честь социалистической родины.

«Красная звезда».

Т. КАРЕЛЬШТЕЙН, В. ВАГИН

КОМСОМОЛЬЦЫ ПОСЬЕТА

В эти дни круглые сутки не закрывались двери райкома комсомола. Женщины с корзинами и свертками в руках, комсомольцы с противогАЗами, колхозники с полными мешками подарков непрерывно и днем и ночью приходили в райком.

— Здесь записывают в бригаду для стирки белья бойцов? — спрашивает группа пожилых женщин.

Валя Мельникова, заведующая пионерским отделом РК ВЛКСМ, пришла с ночного дежурства в госпитале. Она накануне с несколькими комсомолками обошла домохозяек, среди которых вела агитационную работу в период подготовки к выборам в Верховный Совет РСФСР. Девушки-агитаторы читали газеты на своих участках, объясняли обстановку в связи с провокационным выступлением японской женщины, раздавали брошюры ПВХО. Там и возникла мысль создать бригады из домохозяек для стирки белья бойцов передовых линий.

Две комнаты райкома были уставлены мешками, ящиками и корзинами. Это — подарки местного населения. Вместе с теплыми, трогательными письмами трудящиеся настоятельно просили комсомольцев передать подарки тем, кто вел ожесточенный бой с обнаглевшими японскими захватчиками.

Под столами кудахтали куры — это некоторые домохозяйки поселка и колхозницы доставили живность с просьбой передать в госпиталь, чтобы сварили бульон для раненых в боях с японцами.

Валя сидит за своим столом с несколькими подругами, кроит и шьет из старых одеял мягкие, просторные комнатные туфли для раненых. Пришедшие посетительницы ведут с комсомолкой деловой разговор о синьке, кипятильнике, о том, что

белье надо не только катать вальками, но обязательно утюжить — утюги каждая принесет из своего дома...

Пришла комсомолка — заведующая районо. В школах должны начаться нормальные занятия, как везде, первого сентября. Надо поспешить с ремонтом. Нехватает учителей. В районе открывается с началом учебного года пять новых школ. Еще не выделены вожатые. Мельникова записывает в тетрадку о вожатых и перебирает несколько фамилий кандидатов.

Из отдаленного рыбкомбината приехала группа девушек — значкисток ГСО. Узнав о событиях в районе озера Хасан, они поспешили в комсомольский райком. Они могут работать медсестрами либо санитарками в полевом госпитале.

Еще одна посетительница, с ребенком на руках, зашла к Мельниковой — жена шофера, портниха. Говорит:

— Умею хорошо шить, дайте работу.

Женщина здесь же садится за стол, берется за ножницы и делает туфли. Ребенок играет около...

Никогда еще в райком комсомола не приходило столько посетителей, как в эти дни. Жители Посьетского района первыми в стране узнали о боях с нарушителями границы. Люди поднялись с единым стремлением помочь чем только можно родным бойцам.

— Идите в райком комсомола, спросите Валю Мельникову, Асю Ваньян, Тосю Иванову или Валентину Крепкер, — направляли в районе по всем делам, связанным с передачей подарков на передовые линии и с дежурствами у раненых.

Комсомолки первыми стремились занять места сестер и санитарок, быть возле раненых. Какие трогательные, сердечные отзывы дают бойцы о работе комсомолок! Девушки охотно выполняли самые непривлекательные, но нужные работы. Как любящие сестры, как родные матери, как самые близкие, они ухаживали за доблестными воинами, ранеными в боях.

Ася Ваньян — подруга Мельниковой. Она вместе с ней приехала на дальневосточную границу из Баку в конце прошлого года по призыву Валентины Хетагуровой.

Девушка-армянка оставила привычную обстановку родного города, громадную школу, где она была комсоргом, и приехала жить и работать в этот далекий пограничный район. Ваньян — секретарь комсомольского комитета райисполкома. Она добилась посылки ее на самый ответственный участок для оказания первой помощи раненым. В эти дни и ночи Ваньян можно было видеть на передовых позициях, на самых боевых участках. Пилот и парашютистка, отлично знающая са-

нитарное дело, она всюду проявляла неутомимую энергию и умело применяла свои знания. Как пилот Ася старалась помочь боевым летчикам. С целой группой комсомольцев и комсомолок она готовила диски, заряжала пулеметные ленты летчикам. Когда потребовалось, принимала первых раненых, ухаживала за ними.

Каждый раз, идя на дежурство к раненым бойцам, Мельникова и Ваньян запасались несколькими флаконами одеколona. Они освежали палаты, заботливо обтирали бойцов, клали им под подушки любовно сшитые носовые платки. Их подружки рассказывали нам, что свои сбережения, которые были предназначены на пошивку платья, девушки целиком затратили на подарки бойцам.

Комсомолка Тося Иванова завоевала любовь и уважение у своих больных. Когда раненых бойцов переводили в другие палаты, они просили настоятельно:

— Пошлите нам сестру-комсомолку Тосю.

Тося Иванова показала себя знающей, серьезной работницей. Ее назначили старшей на дежурстве. С большой теплотой о ней говорят бойцы:

— Тося — наш санитарный начальник. Знаете, когда она рядом стоит, не чувствуешь боли во время перевязок...

У комсомолки Надежды Чеботаревой муж командир, сражался на передовой линии. Она также поехала в район боевых действий. Пренебрегая опасностью, комсомолка шла туда, где рвались снаряды, и оказывала первую помощь раненым. Большое горе постигло Надежду: в бою погиб ее муж. Но это не сломило духа отважной комсомолки. Надежда Чеботарева самоотверженно продолжала свою работу.

В госпитале мы встретили на дежурстве двух комсомолок, родных сестер — Марию и Дарью Ильиных. Бойцы дружески зовут их «Ильина большая» и «Ильина маленькая». Высокая, всегда выдержанная, Мария спокойно делает свое дело. Недаром ей доверили быть ответственной по расстановке дежурных. Со смешливой Дарьей всегда весело бойцам. Ильины переселились недавно на Дальний Восток всей семьей — две сестры-комсомолки, два брата-комсомольца.

Замечательные примеры патриотизма показывали и показывают наши девушки-комсомолки. Их трогательный, заботливый уход помогал бойцам оправиться от ран, полученных в бою с врагами. И разве не наградой за их благородный труд является письмо, адресованное Мельниковой и Ваньян с мест боев, от лейтенанта комсомольца Василия Колесникова.

Приводим письмо без изменения с согласия девушек:
«Озеро Хасан. 4 августа 1938 года. Здравствуйте, дорогие Ася и Валя! Пишу вам письмо оттуда, откуда вы, конечно, меньше всего ожидали. Дела наши идут хорошо, бьем японцев всеми средствами обороны, которые нам доверило наше государство. Самочувствие у всех красноармейцев и командиров прекрасное. Все беззаветно преданы родине и рвутся в бой — не удержишь. Ясно, что и у нас есть кое-какие потери.

Пишите, как вы живете, чем сейчас занимаетесь, как идет работа. Я, конечно, прав, когда, вспоминая о вас, думаю, что вы так же активно продолжаете участвовать в обороне нашей родины. Сегодня подал прямо на поле боя заявление в партию. Ну, девчата, как будто бы и все. Желаю всего хорошего, жму ваши руки. Колесников».

Наша доблестная Красная армия и ее бойцы обеспечены всем необходимым. И колхозники, которые несли свои многочисленные подарки, и комсомолки, поспешившие на поле боя, чтобы помочь раненым, прекрасно знают об этом. Непреодолимое желание граждан нашей родины проявить свою личную заботу о родной Красной армии — свидетельство могучего, всесильного советского патриотизма, великого единства советского народа.

Гул артиллерийской канонады явственно доносился в комнаты райкома комсомола. Граница, где шла горячая схватка с японскими налетчиками, совсем недалеко...

Поздно вечером в райкоме закончили раскладку пакетов — первых подарков для бойцов.

С потушенными фарами к райкому подошел грузовик. Ящики с папиросами, печеньем, шоколадом, конфетами, одеколоном, сшитые девушками носовые платки, воротнички грузятся на машину. Первые гостинцы и письма от молодежи на самую границу повезла заместитель секретаря райкома Валентина Крепкер. Встречавшиеся на пути командиры и бойцы с удивлением смотрели на необычного в это время и для таких мест проводника грузов. На расспросы комсомолка охотно отвечала, что ей поручили передать подарки славным защитникам родины.

Валентина Крепкер добралась до заставы в районе боев только ночью. Пограничники горячо встретили посланницу комсомольцев. Однако они отказались принять свою часть подарков.

— Нам здесь ничего не надо, оставляйте все для тех, кто сейчас на передовой линии.

В это время на заставу доставили несколько легко раненых бойцов. Валентина тут же вручила им пакеты с подарками. Красноармейцы были растроганы.

Машина пошла дальше, постепенно разгружаясь,—верховые и пешие красноармейцы забирали с автомобиля мешки с подарками для раздачи своим подразделениям. Командиру одной части Крепкер сама поднесла банку варенья и вместе с ней передала письмо шахтеров.

«Не хотим быть в стороне,—читал командир,—ждем, когда нам позволят влиться в ваши ряды...»

Можно было наблюдать, как тот или иной боец, пользуясь подходящей минутой, вынимал пачку хороших папирос или пачку печенья и приглашал соседей угощаться:

— Подарок комсомольцев, пробуйте, не стесняйтесь!

Другой боец не менее усердно настаивал:

— Берите, товарищи, посылка хетагуровок! Помнят о нас девушки!

Письма переходили из рук в руки.

Улучив момент, бойцы писали ответы.

Замечательное письмо артиллерийского подразделения, где командиром товарищ Ольховик, получили молодые работники райисполкома.

«Сегодня, то есть 4 августа, в 23 часа получили ваши подарки. Находясь на защите неприступных границ родины, заверяем вас, что своим артиллерийским огнем проучим японских захватчиков. Каждый наш снаряд будет направлен в тех, кто посягает на счастье народов нашей страны. Ураганным огнем враг будет уничтожен, чтобы впредь самураям неповадно было совать свое свиное рыло в наш советский огород».

Вскоре в райкоме комсомола узнали, что артиллеристы блестяще сдержали свое слово. Дело было так. Чтобы уберечь себя, японцы спрятали батарею в ущелье. Они выкатывали орудия оттуда, производили несколько выстрелов и затем поспешно уходили на прежнее место. Командир Ольховик разгадал хитрость врага. Сделав точные расчеты, быстрым, дружным огнем советские артиллеристы уничтожили вражескую батарею. Вслед за этим подразделению товарища Ольховика удалось обрушить свой огонь на две японские роты. Тех также постигла участь батарей.

Комсомольцы района с гордостью рассказывают о подвигах

своих боевых друзей. В эти дни комсомольцы гражданских организаций как никогда сдружились с армейскими комсомольцами.

«Комсомольская правда».

ПЕРЕКЛИЧКА ПАТРИОТОВ

ПРИВЕТ ГЕРОЯМ

Письма и телеграммы родных

С ы н у

Извещением о ранении тебя в грудь опечалены. Гордимся твоим героизмом. Ты истинный патриот нашей социалистической родины. Желаем быстрого выздоровления. Целуем тебя — твои родители.

И в а н и У л ь я н а Б и г у с.

Б р а т у

Узнав, что мой брат ранен в грудь японскими захватчиками, желаю ему быстрого выздоровления. Уверен, что он будет первым защитником советских рубежей.

Дорогой брат Паша, я уверен, что ты, выздоровев, будешь первым часовым советских рубежей.

К о б е к о в И в а н А л е к с а н д р о в и ч.

Получила телеграмму о героическом поступке моего сына Трофима Михайловича Шляхова, сражавшегося в бою с японо-манчжурскими бандитами при переходе ими нашей границы 29 июля.

Я, как мать, горжусь своим сыном, желаю скорейшего выздоровления. Пусть еще зорче охраняет наши границы.

М а р и я А н т о н о в н а Ш л я х о в а.

«На защиту родины».

СМЕРТЕЛЬНЫМ ОГНЕМ ВСТРЕЧАЙТЕ ВРАГА

Письмо работниц-стахановок своим сыновьям — бойцам-дальневосточникам

Дорогие сыновья!

С величайшим негодованием мы узнали о новых наглых провокациях японской военщины против нашей любимой родины.

Вместе со всем великим советским народом мы присоединяем свои голоса к решительному протесту нашего правительства. Мы уверены в том, что **вы**, молодые патриоты, с честью

выполните свой долг перед родиной, партией и правительством. Мы твердо верим в вашу силу, в вашу победу.

Нам радостно знать, что свора обнаглевших кровавых псов фашизма получила сокрушительный отпор. Пусть запомнят японские самураи и прочие поджигатели войны, что и впредь все их попытки посягнуть на священную советскую землю будут жестоко наказаны.

Мы, испытавшие тяжелую жизнь под пятой помещика, фабриканта и царя, пережившие черные дни мировой войны, когда наши братья и отцы гибли на фронтах, не хотим новой войны. Но если на охраняемые вами границы ринутся хищные стаи фашистских бандитов, вы, наша любовь и гордость, отважные соколы, бесстрашные танкисты, краснофлотцы и снайперы, не щадя сил и самой жизни, смертельным огнем уничтожайте врага!

В ответ на гнусную провокацию японских агрессоров мы еще энергичнее будем бороться за выполнение производственной программы.

Если будет нужно, пошлем на фронт всех своих детей, пошлем мужей и сами, взяв винтовки, пойдем защищать границы социалистического отечества.

Дорогие сыновья, всей душой и сердцем мы с вами!

Стахановки-работницы 1-го шарикоподшипникового завода им. Л. М. Кагановича: Савина П. А., Шлемова М. А., Мурлыгина П. М., Антонова Е. Р., и стахановки-работницы Трехгорной Краснознаменной мануфактуры: Кондрашова М. Б., Гыбина П. Д.

МЫ БДИТЕЛЬНЫ В ТЫЛУ

Письмо колхозников и колхозниц артелей «Красный нежийец», «Эльдугинец» и «Восход».

Бойцам, командирам, комиссарам и политработникам частей, защищающих неприкосновенность наших границ, шлем теплый большевистский привет!

Мы, колхозники и колхозницы, заслушав информацию о вооруженном налете японской военщины на советскую территорию, в ответ на эту наглую провокацию японской военщины обязуемся с удвоенной энергией бороться за выполнение и не-

ревыполнение задач, поставленных перед нашими колхозами.

Мы удесятерим большевистскую бдительность, чтобы ни один агент японо-германского фашизма не мог орудовать в тылу Красной армии.

Мы заверяем вас, бойцов, командиров и политработников, в том, что в любую минуту готовы все как один влиться в ряды нашей непобедимой Красной армии.

Мы просим принять от колхозников наших колхозов скромные небольшие подарки.

Колхозники: Рожкова, Голицанов,
Киселев и другие.

Колхозники привезли в подарок бойцам два грузовика овощей и 200 килограммов меду.

«На защиту родины».

ГОТОВЫ ВСТАТЬ В ВАШУ СЛАВНУЮ КОГОРТУ

Мы, курсанты Вольского авиатехнического училища, узнав о новом нападении японских фашистов на нашу советскую землю, выражаем свое глубокое возмущение провокаторскими действиями зарвавшихся самураев.

Шлем наш пламенный красноармейский привет нашим бойцам товарищам Дальневосточного фронта. Бейте крепче врага, мы готовы каждую минуту встать в вашу славную когорту. Мы еще теснее сплотим свои ряды вокруг нашего правительства, вокруг нашей коммунистической партии и любимого Сталина. Еще крепче будем работать над освоением техники и встанем во всеоружии к нашим боевым машинам.

Пусть запомнят кровавые каннибалы, что трудящиеся Советской страны никогда не позволят никому топтать землю нашей великой родины трудящихся.

Каждый из нас в любую минуту готов встать на передовую позицию и ответить пролетарским — красноармейским ударом на удар поджигателей войны.

Мы полностью и целиком одобряем и приветствуем ответ товарища Литвинова и просим наше правительство и партию принять решительные меры к зарвавшимся бандитам фашизма.

Мы заверяем партию и правительство, заверяем нашего

любимого Сталина, что мы все как один в любую минуту, по первому зову станем на защиту нашей родины и уничтожим любого врага там, откуда он придет.

Заверяем, что мы отдадим все свое умение, знание, если потребуется — и жизнь, за нашу прекрасную социалистическую родину.

Да здравствует наша великая родина!

Да здравствует наша Рабоче-крестьянская Красная армия и ее железный нарком товарищ Ворошилов!

Да здравствуют бойцы Дальневосточного фронта!

Да здравствует великая партия большевиков и наш вождь и учитель товарищ Сталин!

Принята на митинге курсантов, работающих на цикле Агальцова.

МЫ ВСЕГДА ГОТОВЫ К ОТПОРУ ВРАГУ

Авантюра в Китае вскружила голову ретивым японским завоевателям. Неудачи на фронтах Китая привели в бешенство господ самураев, и они решили броситься в новую, смертельную для них авантюру.

Вначале они решили испытать силу своего голоса через не задачливого дипломата г. Сигемицу. Но товарищ Литвинов ответил на этот злобный вой спокойно и с достоинством. Тогда японцы решили применить силу и темной ночью, как разбойники, напали на наши границы.

Бойцы-дальневосточники отстаивали неприкосновенность священных советских рубежей, и японцы получили по лбу то, что им полагалось.

И пусть помнят японские генералы, мечтающие о славе Чингисхана, что кровь наших товарищей по службе, братьев по классу пролита не даром. Мы все стоим на-чеку, и если страна, если родной Сталин и партия прикажут ответить ударом на удар поджигателей войны, мы все как один подыдемся на врага и будем гнать японских самураев до смерти.

Мы поможем трудящимся Японии поскорее избавиться от назойливых и кровожадных правителей.

Пусть знают псы-самураи, что наши винтовки, пулеметы, пушки заряжены, наши сабли и штыки отточены, наши самолеты реют в небесах, наши корабли ходят в советских водах. И если на нас нападут, мы сумеем разбить врага на его территории и победить малой кровью.

Курсант Н-ской школы РККА Ан. Грищенко.

ОРКЕСТР ГОТОВ!

Трудно описать наш гнев, который был вызван переходом нашей священной границы японскими хищниками, подлыми поджигателями войны!

Она, эта озверелая военщина, ведущая в Китае грабительскую и кошмарную войну, в которой гибнут тысячи женщин, детей и стариков, хочет напасть на нашу великую родину. Эти мерзкие самураи, вместе с германскими и итальянскими фашистами, хотят превратить нашу богатую родину в свою колонию, чтобы отнять у великого народа свободу, чтобы эксплуатировать его жестоко и беспощадно, как они эксплуатируют рабочих и крестьян в своей обнищавшей и разоренной стране.

Но нет! Это у них не выйдет!

Наша Красная армия и Военно-морской флот в любую минуту разобьют намерения фашистских псов и сохранят нам, воспитанникам детского дома № 2, казачьему оркестру НКВД, и всем советским ребятам счастливую и беззаботную жизнь, завоеванную нашими отцами и братьями в дни великого Октября и в годы гражданской войны.

Мы, комсомольцы и пионеры, воспитанные партией Ленина— Сталина, в любую минуту во главе с организатором нашего оркестра Я. А. Белогорцевым пойдем по зову правительства на защиту своей свободной родины. И став впереди доблестных полков Красной армии, мы поведем их под звучные и бодрые марши на фронт и в бой. А если это нам позволят, мы будем играть на поле сражения веселые песни и революционные гимны, нагоняя еще большую трусость и панику на наших врагов.

Да здравствует доблестная Красная армия, разгромившая японских хищников!

Да здравствует народный комиссар обороны СССР, первый маршал Советского Союза товарищ Ворошилов!

Да здравствует великий Сталин!

Совет лагеря пионеров.

Комсомольско-пионерский актив:
Химин Н., Мытин П., О ле-
фиренко М., Поликарпов В.,
Охрименко А.

Ростов-на-Дону.

КЛЯТВА ТРЕХ ДРУЗЕЙ

С малых лет, еще с детства, мы дружили втроем — я, Вася Мрачковский и Миша Стоббуненко. Вместе учились, вместе пошли работать на производство. Но, и учась, и работая, мы мечтали попасть в военные училища. Вася Мрачковский хотел стать краснофлотцем, Миша Стоббуненко — связистом или танкистом, а я — летчиком.

И что же? В 1936 году мы, три друга, разошлись. Вася ушел во флот — сейчас он служит в Севастополе. Миша стал связистом, а я учусь в авиашколе. Вот так и получилось, как поется в песне: один на земле, другой в небесах, а третий на море. Теперь мы дружно переписываемся и завещаем друг другу бить врага в щепки и на его же территории!

И вот я услышал, что на Дальнем Востоке японцы пытались нарушить наши стальные границы. Напрасная попытка! Им не удалось и никогда не удастся. Если партия и правительство нам разрешат, мы ударим по врагам так, что от них и мокрого места не останется. Что же касается Васи Мрачковского и Миши Стоббуненко, то я от имени всех троих клянусь нашему вождю и учителю великому товарищу Сталину, что по первому зову партии и правительства мы отдадим все силы, а если потребуется, то и жизнь, за нашу родину, за нашу счастливую и радостную жизнь.

Курсант-комсомолец Н-ского училища А. П. Щербак.

ВРАГ БУДЕТ СМЯТ И УНИЧТОЖЕН

Ежедневно мы, танкисты — бойцы и командиры, следим за сообщениями печати. На наших дальневосточных границах японские самураи устраивают часто провокации, перебрасывают на нашу территорию свои банды. И каждый раз наши зоркие, отважные пограничники дают зарвавшимся нарушителям решительный отпор, уничтожая вражеские полчища.

Пусть запомнят самураи, что каждый наш боец и командир Красной армии готов в любую минуту быть на передовых позициях.

Техника у нас наготове. Орудия приведены к бою, осмотрена материальная часть, и как только будет приказ выступить на защиту советского Дальнего Востока, наш танк — танк братьев Михеевых — пойдет во главе грозной колонны сухопутных дредноутов. Враг будет смят и уничтожен.

Павел Михеев, Федор Михеев,
Иван Михеев.

«Правда».

ВСЯ СЕМЬЯ ГОТОВА К ЗАЩИТЕ РОДИНЫ

Отделение, которым руководит мой сын Петр, на «отлично» овладевает боевыми и политическими знаниями. Петр, заступив на место погибшего брата, крепко держит в своих руках боевое оружие.

Вся наша семья в любую минуту готова к защите родины. Моя жена Александра, сын Николай — активисты оборонной работы. Дочь Надежда имеет три оборонных значка. Я, кадровый машинист, всегда готов сесть на бронепоезд и вести его в победный бой.

Машинист-инструктор завода «Металлсырье»
Георгий Семенович Котельников.

«Известия».

ПОРА ИЗЛЕЧИТЬ ЯПОНСКИХ ГЕНЕРАЛОВ ОТ ГОЛОВОКРУЖЕНИЯ

Письмо 60-летнего свидетеля русско-японской войны

Я восхищен патриотизмом нашего комсомола и всей цветущей сознательной молодежи Советского Союза.

В свою очередь скажу, что мы, старики, отцы и матери детей наших — комсомольцев и комсомолок, просим наших вождей присовокупить и наше предложение — припугнуть хамов из Токио, чтобы они перестали нас беспокоить и губить драгоценные жизни наших доблестных пограничников. И они осядут, а за ними и вдохновители их из Рима и Берлина.

И еще заявляю, что мы также готовы помочь, как можем и чем можем, нашей дорогой отчизне в грозный час войны во имя завоеванных свобод и еще более великого нашего будущего. Я уверен, что и все старики нашего многонационального великого союза народов с еще неслыханным энтузиазмом докажут свою любовь к матери-родине.

Мне шестьдесят лет. Я живой свидетель нашей войны с Японией в 1904 и 1905 годах. Вспоминаю с болью в душе, как мы переживали тогда неслыханные в истории нашей армии очередные куропаткинские отступления. Бахвальству и ликованию японской военщины не было границ. Но ведь и тогда наши русские солдаты проявили исключительное героичество и выносливость. Война была проиграна Россией из-за

провокациях японской военщины.

мастей и двенадцати языков иностранных интервентов.

Вот уже 21 год тому назад пал ненавистный нам престол императора, проигравшего войну с японцами, повержены долу золотые кумиры и стерты с земли нашей кровавые вампиры. Окрепла и цветет власть Советов. А прославленный нарком внутренних дел товарищ Ежов с корнями выкорчевал и разгромил презренных изменников-шпионов троцкистско-зиновьевской банды. Теперь нам не страшны поджигатели войны — агрессоры и им потворствующие наитвердолобейшие на свете колонизаторы-акулы, которые дрожат за свою мощну и рады утопить нас в ложке воды.

Вся эта банда ошибается в своих расчетах. Вместе с кровавым Гитлером они сами попадут в ту яму, которую роют для нас. В том числе найдет свой бесславный конец и наш беспокойный и кичливый сосед на Дальнем Востоке, уже тридцать пять лет страдающий головокружением от войны 1904 — 1905 годов.

Дорожа покоем граждан Страны советов и желая мира, мы

Бойцы слушают политинформацию

бездарности царского правительства. Затравленный придворной камарильей, мягкотелый главнокомандующий Куропаткин, вдобавок загруженный еще бесчисленным количеством икон «всех святых», сопровождавших его по всему фронту в особом пультмановском вагоне, не мог организовать отпор японцам. Да и вся царская империя тогда трещала по всем швам,— народ подымался против царя, помещиков и капиталистов.

Пусть же японские генералы помнят, что в будущей войне им придется сражаться не с куропаткинской армией голодных, раздетых и невооруженных солдат. Они столкнутся с первоклассной армией социализма, бойцы и командиры которой знают, за кого они будут сражаться и что будут защищать. А предводительствует этой армией грозный и по своей сознательности и по своей технике наш любимый первый маршал Климент Ворошилов и его соратники, получившие свое боевое крещение на фронтах гражданской войны, многократно сметавшие с поля брани армии белобандитов разных

все время оттягиваем сроки лечения его от этой болезни. Но он, как видно, сам на это напрашивается. Что ж! Пожалуй, мы не прочь «полечить» его так, чтобы сей обер-варвар, победитель женщин, детей и стариков Китая, вытащив увязший там свой скорпионий хвост, поджал его и удалился во-свояси.

Я. Н. Хольченко-Мостовой.

УДАР НА МОРЕ БУДЕТ ТАК ЖЕ СОКРУШИТЕЛЕН, КАК И НА СУШЕ

Моряки Краснознаменного Балтийского флота внимательно следят за тем, что делается на другом краю великой советской земли — на Краснознаменном Дальневосточном фронте.

Телеграф принес нам новое известие: вопреки лживым заверениям японских дипломатов японские войки вновь открыли огонь по нашей территории, неся смерть нашим братьям-пограничникам и бойцам-дальневосточникам.

Американские газеты писали недавно, что они отказываются объяснить поведение японской военщины, и назвали ее «то ли сумасшествием, то ли симуляцией сумасшествия». Мы не будем спорить с мнением компетентных американских газет о состоянии умов японской военщины. Однако нам хорошо понятны причины наглых действий Квантунской и Корейской армий. Когда трусливая кошка встречается с более сильным противником, она ошетинивается и хвост поднимает трубой, пытается выдать себя за сильного хищника. Японская военщина хорохорится подобно этой кошке. Китайские партизаны бьют регулярные японские войска. Китайские летчики сбивают десятки японских самолетов, топят японские корабли. Силы японской армии все более и более ослабевают. Внутрь страны все более растет недовольство трудящихся масс. И японским войскам остается только обманным путем набить себе цену: «Вот мы какие,— говорят они,— мы не только с Китаем сможем воевать, но и против СССР пойти готовы».

Хорошо видны на Дальнем Востоке и следы кровавых лап фашистских убийц из Берлина и Рима. Им нужно во что бы то ни стало отвлечь внимание СССР и всего мира от Испании и Чехословакии, где они творят свои гнусные дела.

Японской военщине, видимо, все еще снится Цусима, война 1904 года, которую она вела с бездарным царским правительством. Но японские атташе, которые так недовольно морщат нос на наших парадах, когда мы им показываем малую толику своей вооруженной силы, должно быть, информирова-

Танк-амфибия.

ли японское правительство о военной мощи великого Советского Союза, о том, что от старой, царской России не осталось и следа. Японские офицеры и солдаты, которые попробовали в эти дни перейти границы Советского Союза, также достаточно убедились в силе наших пока еще сдерживаемых ударов.

Они убедились в том, что на сопках Манчжурии теперь будут гибнуть не русские, а японские армии. Кстати сказать, в советском Приморье есть немало могил японских солдат, погибших в позорные для японской военщины годы, когда она, воспользовавшись слабостью молодой Советской республики, тщетно пыталась завладеть советским Дальним Востоком. Японцы опять хотят повторить свои попытки. Что же! Как сказал наш великий русский поэт Пушкин:

Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов.

Нелишне напомнить японским самураям и о новом великом Военно-морском флоте Советского Союза, о том, что наши большие корабли, наши подводные лодки, наши торпедные катеры, наша морская авиация готовы встретить непрощенных японских «гостей» таким сокрушительным ударом, так их надраить, что вряд ли они даже успеют «отдать концы», чтобы отправиться во-свояси.

Краснознаменный Балтийский флот, который бил на Балтике и немцев, и корабли могущественного британского флота, сумеет, если это понадобится, помочь нашему славному Тихоокеанскому флоту уничтожить японские корабли. Для этого у нас есть способы и возможности.

Мы — молодые моряки Краснознаменного Балтийского флота — клянемся нашему правительству, нашей большевистской партии, нашему великому вождю товарищу Сталину, что удар по врагу на море будет не менее сокрушителен, чем удар на суше и в воздухе.

Молодые моряки мечтают о чести проучить японских самураев.

Комсомольцы-краснофлотцы — отличники боевой и политической подготовки Краснознаменного Балтийского флота:

Зенков Г. И., Жирнов Н. И.,
Кукленко В. В., Попов И. А.,
Пугачев С. Т., Жуков М. С., Те-

терев Г. Е., Жильцов Е. М.,
Ноздрачев И. Т., Смирнов
П. С., Смирнов Н. Л., Крепы-
шев Н. Е., Воронко В. В., Пи-
рогов М. И.

«Комсомольская правда».

КАЗАЧЬИ САБЛИ ОТТОЧЕНЫ

*Письмо молодых казаков-трактористов Персиановской МТС
Новочеркасского района штабу Первой (Приморской) армии*

С чувством восхищения и гордости за славных дальневосточников прочитали мы в газетах сообщение штаба Первой (Приморской) армии.

Далеко от наших донских степей до высоты Заозерной, до озера Хасан. Но мысли и чувства молодого казачества — вместе с доблестными красноармейцами, которые вышвырнули японских налетчиков, как собак, обратно за пограничные столбы.

Мы обнажаем головы и свято чтим память верных сынов родины, погибших смертью славных при защите священных рубежей СССР. Мы готовы заменить каждого из погибших героев на боевой и почетной вахте дальневосточника, так же как заменили Котельникова и Лагоду их родные братья. Пусть знают японские провокаторы, что у каждого красноармейца есть тысячи и тысячи братьев, готовых по первому зову партии и правительства прийти на помощь бойцам Дальневосточного Краснознаменного фронта.

Пусть только кликнет клич товарищ Ворошилов, молодые казаки оседлают боевых коней и будут готовы выступить на защиту границ родины, дать сокрушительный отпор врагу. И горе тогда фашистским разбойникам! За каждую каплю крови наших бойцов японцы заплатят своими головами!

Казачьи сабли отточены, рука тверда. Молодые казаки в хуторах и станицах, умелые ворошиловские всадники упражняются в рубке лозы. Так же умело они будут сокрушать поджигателей войны.

Японские фашисты любят кичиться своей воинственностью. Мы знаем подлинную цену самурайской доблести. Напасть ночью врасплох целой дивизией на маленькую пограничную заставу — на это самурайской доблести хватает. Бомбить мирные китайские города, убивать женщин и детей, — здесь самураи — вояки смелые. А вот в поединке с китайскими

летчиками они показали себя жалкими, презренными трусами.

Пусть бряцают оружием фашисты Японии, Италии, Германии! В наших донских музеях еще хранятся немецкие знамена, отнятые донскими казаками в победных боях.

Дух воинственности, лучшие боевые традиции казачества сильны теперь как никогда, и горе врагу, который осмелится посягнуть на нашу счастливую жизнь, на нашу радость!

Не только пикой и шашкой будем мы опрокидывать теперь врага. Молодые казаки владеют передовой военной техникой. Каждый из нас может в любую минуту пересесть с трактора на танк.

Бригадир нашей тракторной бригады № 1 комбайнер Семен Бабин — парашютист, пулеметчик, ворошиловский кавалерист; помощник бригадира Семен Пикин — снайпер, парашютист, ворошиловский кавалерист; тракторист Василий Михайлович Барбаянов — парашютист; тракторист Василий Ильич Барбаянов — ворошиловский всадник; прицепщики Иван Малов и Василий Сержников и трактористы Николай Нужненко и Иосиф Сержников — ворошиловские всадники; помощник комбайнера Прокофий Маслов — ворошиловский стрелок. Все мы — велосипедисты-связисты.

Когда мы уйдем на фронт, наши тракторы и комбайны поведут молодые казачки, которые сейчас успешно изучают технику. Уже сейчас в нашей МТС есть две молодые женщины мастера комбайновой уборки — Евдокия Мельникова и Серафима Григорьева.

На полях наших колхозов работают рядом три тракторные бригады, которыми руководят три родных брата — Семен, Александр и Яков Бабины. Четвертый брат — механик МТС.

Если родина призывает братьев к оружию, они сразу образуют целый танковый экипаж.

Когда народный комиссар иностранных дел товарищ Литвинов заявил японскому дипломату о том, что советское правительство исполнено решимости заставить уважать советские границы, он тем самым выразил единодушную волю всего советского народа, спаянного морально-политическим единством, — горячей любовью к партии и великому Сталину.

Бригадир тракторной бригады № 1 комсомолец-орденоносец Семен Бабин, помощник бригадира Семен Пикин, комсомолец-прицепщик Василий Сержников, тракторист комсомолец В. И. Барбаянов, заправщик

комсомолец Иван Ткаченко, тракторист В. М. Барбзянов, прицепщик Иван Малов, помощник комбайнера Прокофий Маслов, прицепщик Григорий Зоров, бригадир тракторной бригады № 3 Яков Бабин, бригадир тракторной бригады № 5 Александр Бабин.

«Комсомольская правда».

К БОЮ ВСЕ ГОТОВЫ

Письмо молодых рабочих завода «Авиахим»

Мы знаем, чего хотят, чего добиваются японские империалисты, по чьей указке они действуют. Фашисты готовят новую мировую бойню. Им глубоко ненавистна страна социализма, отечество трудящихся. Фашисты хотят закабалить свободный советский народ. Но они мечтают о невозможном.

Наша родина неприступна, наш народ непоколебим.

По первому зову партии и правительства, по первому слову товарища Сталина весь советский народ как один человек встанет на защиту своих священных границ.

Советский народ много раз бил японских империалистов. Новая провокация вызвала гнев и ненависть у граждан социалистической родины. Наш великий народ покажет свою мощь и силу, и у японских фашистов навсегда отпадет охота совать свое свиное рыло в советский огород.

Силы нашего народа, его оборонная мощь неисчерпаемы. Каждый советский патриот старается овладеть военными знаниями. Мы, подписавшие это письмо, работая на заводе, получили одновременно военные специальности. Завтра мы можем сменить станок на самолет, на винтовку, на боевого коня.

Вот наши силы:

Ольга Студенецкая — летчик-инструктор. Она готовит из рабочих завода новых молодых летчиков.

Константин Гунин стал снайпером. Он готовит группу ворошиловских стрелков.

Михаил Брагин учится в летной школе. Он скоро будет управлять самолетом.

Иван Тимофеев — парашютист.

Дмитрий Новиков-Горохов — ворошиловский всадник.

Вера Давыдова — инструктор ПВХО. Она подготовила группу женщин к сдаче норм на значок ПВХО.

Александр Анохин закончил военизированные курсы автомобилистов.

Григорий Князев — пулеметчик.

Иван Орехов учится в военно-морской школе. В этом году он идет в Красную армию. Он добивается, чтобы его послали на Дальний Восток.

Пусть позовет нас родина, и мы двинемся на Дальний Восток, чтобы с воздуха, с земли, с воды громить врага.

В ответ на новую провокацию японских империалистов мы, молодые патриоты, обещаем тебе, родина, еще энергичнее работать на благо советского народа; мы обещаем тебе создавать новые боевые самолеты. Пусть наши гордые соколы — советские летчики, показавшие, как быстро летит самолет от Москвы до Владивостока, докажут, что от Владивостока до любого японского города они полетят еще быстрее. Мы обещаем крепить оборону страны.

Наши мысли хорошо выразил поэт Лебедев-Кумач:

Скажи нам, партия, правительство, скажи,
Когда нам выступать, — мы к бою все готовы!

О. Студенецкая — контролер, К. Гунин — слесарь, М. Брагин — слесарь, И. Тимофеев — медник, Д. Новиков-Горюхов — диспетчер, В. Давыдова — кладовщик, А. Анохин — ФЗУ, Г. Князев — слесарь, Н. Кудрявцев — технолог, И. Орехов — слесарь.

«Комсомольская правда».

ПИСЬМО ПРИЗЫВНИКАМ

От бойцов и младших командиров — участников боев в районе озера Хасан

Дорогие товарищи призывники!

Через несколько дней вы, молодые патриоты нашей великой социалистической родины, явитесь на призывные пункты за долгожданной путевкой в Рабоче-крестьянскую Красную армию. С гордостью, радостью вступите вы в наши стальные красноармейские ряды. В ротках, батареях и эскадронах вас встретят боевые друзья — красноармейцы второго года службы, командиры, комиссары и политработники.

Каждому из вас будет вручено боевое оружие.

Одни, взяв в руки винтовки, будут учиться стрелять без промаха; другие, вооружившись острым клинком, помчатся на

лихом коне; третьи встанут у грозных орудий; четвертые сядут в стальные танки. Пулеметчики, саперы, связисты, танкисты, летчики — все вы будете стремиться к одной цели, все вы будете упорно овладевать своим оружием, чтобы в минуту опасности смело и отважно выступить на защиту нашей родины, за дело Ленина — Сталина, за дело коммунизма. Боевые командиры, комиссары и политруки помогут вам стать мастерами красноармейского оружия, воинами-большевиками.

Недавно мы, бойцы Дальневосточного Краснознаменного фронта, в районе озера Хасан упорно дрались с японскими провокаторами войны, беспощадно уничтожая врага, посмевшего переступить наши священные границы. Нас вели в бой наши командиры, комиссары и политруки. Всюду они были впереди, всюду они воодушевляли нас своим героическим примером.

Товарищ Машляк, руководитель партийной организации части, под губительным огнем первым бросился к проволочным заграждениям, порвал их и открыл путь своему батальону на высоту Заозерную. С именем Сталина на устах майор Соляных вывел своих бойцов на вершину высоты Заозерной. Подняв руку, он крикнул: «Вперед, за мной!»

Мы бросились в атаку и вышибли японских захватчиков.

Зажигая нас своими подвигами, комиссар Пожарский пал смертью героя в решительной схватке с врагом. Наступая на вражеские позиции, мы, воодушевленные самоотверженностью политрука Бредкина, вслед за ним с оружием и пулеметными дисками переплыли озеро Хасан.

Мы гордимся своими командирами, комиссарами и политруками. Идя за ними, мы уверены в победе. Каждый их приказ, команда, каждое их слово — закон для нас. Вы, товарищи призывники, придя в ряды Красной армии, также должны свято хранить наши славные традиции — укреплять железную воинскую дисциплину. На поле боя мы убедились в том, что дисциплина — это все!

Почему рота, которой командовал лейтенант Левченко, устояла перед врагом, численно превышавшим ее во много раз? Потому, что все бойцы были спаяны единой волей командира, выполняли каждую команду и дружно шли в атаку.

Почему батарея, которой командовал старший лейтенант Романов, разгромила десятки огневых точек врага? Потому, что все орудийные расчеты работали спаянно и за командой «огонь!», доносившейся с наблюдательного пункта, немедленно вспыхивали разрывы снарядов.

На поле боя мы еще раз убедились в том, что нужно бережно относиться к каждой минуте учебы. Каждая оценка «отлично», полученная в классе, на стрельбище, полигоне, — верный залог победы в бою. Возьмем, например, пулеметчика Степана Кудинова, пришедшего в Красную армию из колхоза имени Сталина Западносибирского края. Став красноармейцем, он учился, не теряя напрасно ни минуты. Он полюбил свое оружие, мастерски овладел им. Все стрелковые задачи он выполнял на «отлично». Это крепко пригодилось ему в бою. Он заставил замолчать два японских станковых пулемета, он косил нападавших самураев, как траву. Обнаружив японское укрепление, Кудинов метким огнем уничтожил восемь самураев.

Таких примеров можно привести сотни. Орудийный расчет в составе командира орудия курсанта товарища Жигалина, наводчика товарища Киселева, заряжающего товарища Гагарина, замкового товарища Бондаренко, номеров товарищей Старчевого и Максименко на учебных стрельбах постоянно давал отличные показатели. На полигоне четырьмя снарядами они сбивали три движущихся танка. В бою этому орудью пришлось столкнуться с японскими пушками. В артиллерийской дуэли орудие курсанта Жигалина вышло победителем: оно вывело из строя пять японских пушек! Как ни старались самураи, но им не удалось подавить огонь наших артиллеристов. Отважный орудийный расчет хорошо знал тактику боя. Когда японцам после долгих усилий удалось нащупать орудие, оно моментально исчезло в укрытии, а через несколько минут снова открыло огонь по врагу и третьим снарядом разбило японскую пушку.

Каждый боец должен всесторонне изучать свою специальность и прежде всего быть метким стрелком. Только что саперы строили мост для артиллерии, но вот мы уже видим их в своих рядах, они вместе с нами идут в атаку. Мы убеждаемся, что винтовкой они владеют не хуже нас.

Красноармейцы всех специальностей героически вели себя в бою. Оружейный мастер товарищ Турашев, приблизившись к японскому блиндажу, вывел из строя два пулемета. Его гранаты попадали прямо в амбразуры. Затем, замаскировавшись, он бил японских снайперов из пистолета. Ему раздробило правую руку. Он продолжал стрелять левой. Пробиваясь в тыл, он встретил на своем пути двух японских снайперов. Они преграждали ему путь. Стреляя левой рукой, Турашев раздробил им черепа.

Партия, правительство, наша родина вручили нам могучую боевую технику. Наши танки, самолеты, орудия, пулеметы и винтовки созданы руками рабочего класса. Мы наблюдали работу боевой техники — она действовала безотказно. Мы видели, как советская авиация бомбила высоту Заозерную, на которую проникли японцы. Мы видели, как в страхе и ужасе разбегались японские зенитчики, увидев советские бомбовозы. Мы видели, как наша артиллерия огненным шквалом сметала с лица земли японские пушки и пулеметы. А наши танки! Они давили, мяти под своими стальными гусеницами самурайскую мразь.

Товарищи призывники!

Любите, цените и берегите нашу родную технику! С ней мы побеждали, победили и будем побеждать во всех боях.

Наши бойцы, защищая советскую землю, показали немало примеров любви к своему оружию. Комсомолец товарищ Барабанов обнаружил, что самураи подожгли катки его танка. Отстреливаясь от нападающего врага, он выскочил из машины. Обжигая себе руки и лицо, он погасил пожар и спас танк.

Товарищи призывники! С первого же дня, как только получите оружие, — заботьтесь о нем так же, как заботимся мы!

Бесстрашными сынами великой родины воспитывает нас Красная армия. Она воспитывает нас в большевистском духе. Среди нас тысячи коммунистов и комсомольцев. И в учебе, и в бою они впереди. Нам есть у кого учиться, за кем идти. Загораясь их энтузиазмом, каждый из нас жаждал пойти в бой коммунистом, комсомольцем. Тут же под градом пуль мы писали заявления о приеме в партию, в комсомол. Мы шли затем в атаку и еще крепче били врага.

Наша великая родина — страна мира. Ее могучая Красная армия — оплот мира во всем мире. Мы не хотим войны, но и не позволим никому безнаказанно покушаться на нашу любимую советскую землю. В час боевой тревоги тысячи и тысячи героев грудью встанут на стражу священных границ Советского Союза.

Сокрушая наглых захватчиков, вторгшихся в пределы нашей страны, мы дрались так, как учит нас первый маршал Советского Союза товарищ Ворошилов. В атаках, разведках, в штурме высоты Заозерной части Дальневосточного Краснознаменного фронта показали беспримерный героизм.

Товарищ призывник, помни:

Ты будешь героем, защищая счастливую жизнь советского народа!

Ты будешь героем, защищая великое дело коммунистической партии!

Ты будешь героем, потому что с нами великий Сталин!

Товарищи призывники!

Скоро вы станете под боевые знамена Красной армии. Вы будете охранять мирный труд советских граждан, счастье советского человека.

Привет вам, товарищи призывники!

Бойцы и младшие командиры — участники боев в районе озера Хасан: С. Кудинов, Б. Турашев, С. Бозеев-Максименко, И. Приходько, Р. Ибрагимов, И. Оленин, Ф. Рожник, Д. Швецов, М. Жилизин, Н. Пискунов, Х. Гораев, А. Куницын, Н. Курков, А. Бабов, В. Страшнов, С. Панин, Н. Левин, Я. Полянский, И. Разов, И. Степанов, А. Коротаев, В. Хохлов, Ф. Попов, Г. Мартьянов, С. Жуков, М. Сходцев, В. Кононов, А. Макаров, И. Рассамахин, В. Ваганов, Ф. Дрожников, Д. Хлопов, С. Тришкин, А. Жуков, В. Чепчанов, И. Мотовилов, В. Лентьев, В. Ивашина, А. Караульных, Н. Еремин.

Дальневосточный Краснознаменный фронт.

Район озера Хасан, 27 августа.

«Красная звезда».

БУДЕМ РАВНЯТЬСЯ НА ГЕРОЕВ-ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

Письмо призывников Кировского завода, Ленинград

В нашей жизни наступил великий и радостный день. Завтра мы, молодые патриоты социалистической родины, пойдем на призывные пункты.

Призыв в Красную армию в нашей стране — это поистине всенародный праздник.

Прекрасное пополнение дает наш завод родной Красной армии и Военно-морскому флоту. Подавляющее большинство

Коллектив работников турбинного цеха Кировского завода голосует резолюцию, выражающую готовность кировцев встать на защиту социалистической родины.

призывников — стахановцы. 62 процента из них имеют на груди значки ворошиловского стрелка первой ступени, 40 процентов — значки «Готов к труду и обороне», 80 процентов — значки «Готов к противовоздушной и противохимической обороне», 72 процента — значки «Готов к санитарной обороне». 20 призывников уже сдали нормы на значок ворошиловского стрелка второй ступени. Пять призывников идут в армию снайперами. Немало в наших рядах также летчиков, парашютистов, водителей танков. На заводе работают 48 бригад имени призыва в РККА, выполняющих нормы на 150 — 300 процентов.

Наш завод с гордостью посылает в Красную армию таких призывников, как комсомолец Коля Дмитриев — молодой мастер стахановского участка цеха штампов и приспособлений. Он на «отлично» сдал все дисциплины допризывной подготовки, имеет значки «Готов к труду и обороне» и ворошиловского стрелка второй ступени, стал снайпером и зачислен кандидатом в полковую школу.

Слесарь Крупский прошел перед призывом подготовку в военно-морском лагере и просится на службу в Тихоокеанский флот. Настройщик зуборезных станков товарищ Сорокин идет в армию летчиком-инструктором. Он налетал уже 200 часов, научился сложным фигурам высшего пилотажа и сумеет применить их в бою с любым врагом. Подавляющее большинство призывников нашего завода окончили допризывную подготовку с оценкой «хорошо» и «отлично» по всем боевым и политическим дисциплинам.

На-днях с волнением и радостью мы прочли в газетах письмо бойцов и младших командиров — участников боев в районе озера Хасан — ко всем призывникам Советского Союза. Это письмо каждый из нас воспринял как боевой наказ.

Заявляем товарищам дальневосточникам, что мы, ровесники Октября, будем и в учебе, и в бою отличниками боевой и политической подготовки. С гордостью примем мы в свои руки винтовки, острые шашки, грозные орудия и стальные танки. Мы в совершенстве овладеем этим боевым оружием. В наших руках оно без промаха будет разить любого врага!

С именем Сталина на устах шли в бой и побеждали герои-дальневосточники. С этим великим именем на устах будем и мы учиться и овладевать военной техникой. С именем Сталина мы в любую минуту пойдем в бой на защиту своего счастья, своей родины!

Огненными буквами горят в наших сердцах слова героиче-

ских участников боев в районе озера Хасан, обращенные к призывникам:

«Товарищ призывник, помни:

Ты будешь героем, защищая счастливую жизнь советского народа!

Ты будешь героем, защищая великое дело коммунистической партии!

Ты будешь героем, потому что с нами великий Сталин!»

Мы уверены в том, что станем достойными бойцами Красной армии и Военно-морского флота. Всегда и во всем мы будем равняться на великий пример героев-дальневосточников. Лучезарное имя родного и мудрого Сталина будет вести и вдохновлять нас в учебе и в бою!

Призывники-стахановцы Кировского завода: Бабкин, Батраков, Куликов, Смирнов, Савинский, Торопцев, Риккинен.

Ленинград, 31 августа.

«Правда».

МОСКВА.

НАРКОМУ ВОРОШИЛОВУ

*Письма молодежи Народному Комиссару Обороны СССР
маршалу Советского Союза К. Е. ВОРОШИЛОВУ*

ДОРОГОЙ КЛИМЕНТ ЕФРЕМОВИЧ!

С большим негодованием мы встретили извещение о новом вторжении самураев на нашу священную землю.

В ответ на эту подлую вылазку японских стервятников мы, комсомольцы Краснознаменного Криворожского металлургического завода, Пунтус И. Г., Чепурдя Г. М. и Шеремет Д. Н., 1918 года рождения, не дождавшись очередного призыва в РККА, просим Вас, дорогой Климент Ефремович, о зачислении нас на место товарищей, погибших на боевом посту при защите неприкосновенных советских границ.

Клянемся вам, дорогой Климент Ефремович, что, придя в ряды Краснознаменного Дальневосточного фронта, мы на «отлично» овладеем военной техникой и будем зорко, не щадя своих сил, а если потребуется — и жизни, охранять завоевания Великого Октября.

УССР, Кривой Рог.

Убедительно прошу Вас направить меня в ряды Красной армии. Я сын убитого красноармейца, брат мой также погиб в рядах Красной армии за дело коммунизма, и я хочу стать на их место и дать японским самураям сокрушительный отпор, чтобы доказать фашистским псам, насколько крепок наш Великий Советский Союз.

Убедительно прошу, Климент Ефремович, не отказать в просьбе и дать распоряжение о приеме меня в ряды РККА.

Батиев Иван Осипович.

Казахская АССР, Алма-Ата.

Мне 20 лет, и я хочу честно защищать свою родину от фашистской нечисти. Я единственная дочь моих родителей и прошу Вас не только от себя, но и от имени моего отца и матери зачислить меня в какую-либо военную часть. Я дочь рабочего, в 1936 году окончила болотнинскую полную среднюю школу и сразу же пошла работать техником-землеустроителем, с 1936 года работала в отделении Госбанка бухгалтером и в последнее время в той же должности на станции Тогучин по Новосибирской области.

Товарищ нарком! Я очень прошу Вас зачислить меня в ряды нашей доблестной, родной и непобедимой Красной армии. Я хочу вместе с ней защищать неприкосновенность наших границ, хочу вместе с ней учиться бить врагов и крепко отстаивать жизнь наших братьев, сестер, матерей и отцов. Убедительно прошу Вас не отказать в моей просьбе.

А. л. Максимова.

Новосибирская область, Тогучинский район, ст. Тогучин.

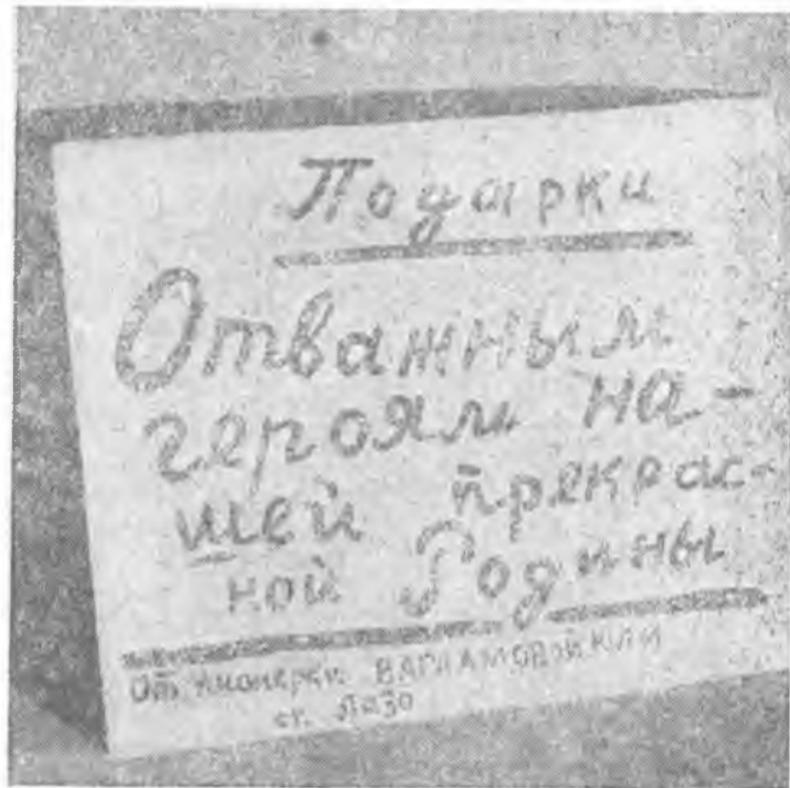
Настоящим довожу до Вас мое желание — поступить на учебу в военные части. Мне 18 лет, я комсомолка с 1936 года. В нашей первичной организации комсомола являюсь секретарем. По комсомольской линии не имею никаких взысканий. Училась в шестом классе в 1936 году, по семейному положению не могла продолжать учение.

Прочитав в газетах сообщение о японских провокациях на Дальнем Востоке, очень захотела овладеть военным делом и имею большое желание служить или учиться в военных частях

Здравствуйте дорогие отважные ге-
рои - красноармейцы! Я горжусь вашей
смелостью и вашей отвагой. Боль-
шое вам спасибо вам за то, что
вы охраняете наши границы и
уходите нам спокойно учиться. Я
пионерка, окончила 3ий класс на
отлично даю обещание, что и в
4ом классе буду учиться на
отлично. Я посылаю вам милые
подарки. Большой и горячий
привет вам братьям нашим
сиротам и пионеротрядам.
Адрес: ст. Лысо ДВК

Варламова Юли
Прошу вас тов. бойцы,
написать о ваших успехах
Доездания

Юли

Письмо и посылка пионерки Юли Варламовой раненым бойцам.

Брат мой служит в Красной армии, и я прошу Вас не отказать мне и удовлетворить мою просьбу.

Д а р а к ч я н Р и п с и к е.

Краснодарский край, Адперский район, Лооского сельсовета, колхоз «Мясникян».

Фашистские хищники уже немало пролили крови в Абиссинии, Испании и Китае, убивая десятки тысяч мирных жителей, женщин и детей. Сейчас они усиленно готовятся напасть на нашу страну, ведущую твердую и последовательную политику мира.

Я сейчас занимаюсь в Днепропетровском аэроклубе при Сталинской ж. д. в группе авиатехников. Теорию сдал на «хорошо». Практику сейчас прохожу на аэродроме. Узнав о наглом нападении японской военщины на нашу территорию, я не могу дожидаться того дня, когда буду зачислен в ряды нашей доблестной непобедимой Красной армии.

Прошу Вас, Климент Ефремович, досрочно зачислить меня в ряды краснокрылого воздушного флота.

Я даю твердое обещание закрепить те знания, которые получил в аэроклубе, и быть отличником по боевой и политической подготовке.

Даю твердое обещание высоко нести знамя ленинского комсомола.

О ч е р е т я н е р М. Н.

Днепропетровск.

От комсомольца Куйбышевской области Инзенского района, с. Мамырова, Мамыровского сельсовета, Гурьянова Василия Елисеевича, рождения 1920 года 19 февраля.

Изъявляю желание непременно поступить добровольцем в Рабоче-крестьянскую Красную армию, чтобы пойти на смену товарищам, героически павшим при защите наших дальневосточных границ от разнузданной собаки — японской военщины. Надеюсь стать таким же верным защитником наших родных дальневосточных рубежей, какими были верные наши товарищи, сражавшиеся в районе озера Хасан. Надеюсь от-

дать все свои способности на то, чтобы оправдать свой долг и свою честь перед нашей любимой родиной.

Прошу не отказать в просьбе.

В. Г у р ь я н о в.

Несколько раз провокаторские банды нарушали границу Советского Союза, но ни одного раза не удалось им успешно кончить свои нападения. Каждый раз приходится вернуться, поджав хвост, в свою берлогу. Каждый раз наши преданные бойцы-пограничники дают сокрушающий отпор всяким вылазкам японского фашизма.

Я, допризывник 1918 года рождения, г. Могилева, Филенков Н. Ф., хочу передать бойцам-пограничникам Дальнего Востока горячий комсомольский привет за преданность Советскому Союзу.

Я заявляю наркому товарищу Ворошилову, что я буду сменой краснофлотцам Тихоокеанского флота.

Н. Ф и л е н к о в.

Мы, казаки, кандидаты партии, Русов К. А. и Большаков И. А., воспитанные партией Ленина—Сталина и ленинско-сталинским комсомолом, узнав о новых наглых провокационных действиях японских самураев против нашей родины, выражаем свое негодование наглостью японских захватчиков.

В ответ на бандитскую вылазку самураев изъявляем свое желание продолжать службу в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии и просим вас, любимый полководец, дать разрешение на перевод нас в ОКДВА. Оказанное доверие мы оправдаем достойной службой на охране дальневосточных рубежей советской земли.

Служащий срочной службы замполитрука И. Б о л ь ш а к о в.
Ст. писарь сверхсрочной службы К. Р у с о в.

Мы, бойцы и командиры Н-ской части, в ответ на наглую вылазку японской военщины даем подарок к 20-летию ВЛКСМ. Наш подарок — остаться пожизненно в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии. Мы просим народного комиссара обороны, маршала Советского Союза товарища Ворошилова отправить нас в ряды бойцов-дальневосточников

на место погибших товарищей на ту заставу, где наши товарищи стояли грудью за нашу любимую родину.

Мы, командиры и бойцы, обещаем вам, товарищ нарком обороны, что с честью будем драться за нашу родину и будем зорко охранять ее рубежи, как охраняли погибшие товарищи.

Мл. командир Матвеев Григорий, мл. командир
Сопляков, красноармеец Сальников.

Просим Вас принять нас досрочно в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии на смену товарищам бойцам, погибшим от пуль наглых японских захватчиков.

Мы, комсомольцы-допризывники 1918 года, значкисты, отличники допризывной боевой подготовки, горим желанием досрочно встать в ряды РККА и стойко охранять неприкосновенные советские границы.

Мы обязуемся перед всем советским народом, что мы будем изучать все военные дисциплины на «отлично», чтобы бить врага без промаха. Очень просим удовлетворить нашу просьбу о зачислении досрочно в РККА на смену погибшим товарищам.

Ляцкий Ф. С., Бокуров И. Н.

Ростовская обл., Родионо-Несветаевский район,
Аграфеновский сельсовет, колхоз «Новый путь».

Прошу вашего распоряжения принять меня в ряды Красной армии, чтобы стать на оборону своей дорогой батьковщины и беспощадно бить любого врага, который нападет на наш Советский Союз. Я хочу стать на смену своему брату, который бьется и защищает нашу родную батьковщину.

Прошу не отказать в моей просьбе.

Работница Запорожстали Анна Шульга.

Прошу вашего разрешения зачислить меня в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии—в часть, где служил мой брат Хомутов Константин Петрович.

Он прослужил 1 год и 1 месяц, но преждевременная смерть вырвала его из рядов Рабоче-крестьянской Красной армии. Я хочу встать на его место с винтовкой в руках и защищать нашу великую социалистическую родину от фашистских захватчиков так, как защищал мой брат Константин.

Я прошел военно-морскую подготовку и был зачислен в Военно-морской флот, но я Вас еще раз прошу зачислить меня в ту часть, где служил мой брат. Я буду служить так же честно и добросовестно, как служил мой брат Константин.

Хомутов Борис.

Серпухов.

Услышав о намерении своего сына Бориса встать в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии на место умершего брата Константина, я целиком и полностью одобряю его желание и прошу Вашего разрешения зачислить моего сына в часть, где служил мой сын Константин. А что он, хороший работник, уходит из нашей семьи, то наша семья от этого не страдает.

Он идет защищать нашу цветущую великую социалистическую родину. Он идет отдать свой почетный долг за дело нашей партии Ленина — Сталина. Я еще раз прошу Вас, дорогой нарком Климент Ефремович, зачислить моего сына Бориса на место умершего брата Константина.

Прошу в моей просьбе не отказать.

Хомутова Евдокия Викторовна.

Серпухов.

Я — демобилизованный младший командир, по специальности артиллерист, вычислитель-разведчик. Комсомолец с 1931 года. Холост. Учитывая международную обстановку и особенно положение на Дальнем Востоке, я решил Вас просить, чтобы Вы дали мне возможность пойти на сверхсрочную службу. Убедительно прошу дать мне возможность служить на той заставе, на которой в боях с японскими захватчиками погибли 13 товарищей. Я хочу свою жизнь посвятить в их честь, защищая границы Дальнего Востока.

Всю свою жизнь я мечтал своим трудом и честью служить трудовому народу Советского Союза и сокрушить гадов-фашистов, когда они навяжут нам войну. Это через них лишился я еще в детстве своего отца и рос сиротой. Отца убили в 1916 году на империалистической войне.

Разрешите Вас заверить в том, что служба моя в армии будет той крепостью, тем бетоном, об каковой не одна сотня японцев разобьет свои лбы. Я не пощажу своей жизни, а буду до последнего стука моего сердца предан Вам, партии

и Сталину и трудовому народу. Я жду Вашего слова и разрешения на пожизненную службу в рядах РККА.

Дмитрий Гуцалов.

УССР, Николаевская обл., Долинский район, с. Кирово.

Я, Петренко, в 1937 году демобилизовался из рядов Красной армии. Ввиду сложившейся военной обстановки на Дальнем Востоке изъявляю большое желание стать в ряды Особой Дальневосточной Краснознаменной Красной армии и зорко охранять советские границы от японской свиньи, старающейся просунуть свое рыло в наш советский огород.

Прошу Вас, товарищ нарком, не откажите в моей просьбе.

Петренко Егор Захарович.

УССР, Николаев.

Я служу в БВО в авиачасти, которой командует капитан Резвых. Осенью я хотел уволиться из рядов РККА, но, услышав по радио о провокациях японской банды на Дальнем Востоке, я возмутился их наглостью и решил в ответ на провокации японских бандитов остаться в рядах РККА пожизненно. Я заверяю нашего любимого наркома, первого маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова в том, что буду овладевать порученной мне техникой только на «отлично» и по первому зову партии и нашего правительства выступлю на защиту нашей любимой, цветущей родины.

Г. М. Серегин.

Мы, комсомольцы и несоюзная молодежь селения Стрелы, Белогиститского сельсовета, Ростовского района, Ярославской области, прочитав на собрании сообщение о новом провокационном выступлении японских агрессоров на Дальнем Востоке, с гневом протестуем против этой провокации и просим партию большевиков, правительство и нашу доблестную Красную армию дать грязным самураям еще более сокрушительный отпор. А мы еще сильнее и крепче сплотимся вокруг нашей партии Ленина — Сталина.

Мы все как один с единодушием просим нашего наркома обороны товарища Ворошилова К. Е. взять нас, комсомольцев и несоюзную молодежь, досрочно на военную службу. Мы будем отстаивать дело мира, мы будем бороться за мир.

Присутствовало на собрании 20 человек. Собрание поручило подписать письмо президиуму общего собрания.

Президиум: Серов Г. А., Силин М. П., Потехин Д. А., Тюрин Н. В., Семенова Г. А.

Прочитавши сообщения о провокационных действиях японской военщины, я глубоко возмущен вылазкой зарвавшихся самураев. Фашистские агрессоры хотят раздуть пожар новой войны. Бешеной японской военщине мало крови, которую она проливает в Китае, убивая беззащитных женщин и детей. Она нападает на границы нашей страны, пытается втянуть японский народ в войну против СССР.

Японские самураи хотят завоевать богатый Дальневосточный край. Но я хорошо помню слова Владимира Ильича Ленина, что «Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашешский», и я буду крепко защищать этот город, все Приморье, весь Дальний Восток и никому не отдам ни одной пяди советской земли.

Мой отец инвалид войны второй группы, пенсионер, но и тот говорит, что он готов по первому зову партии и правительства выступить на защиту советских границ. И плохо придется фашистским гадам, если они попытаются напасть на нашу территорию.

Я уже в 1936 году просил Вас, товарищ Ворошилов, принять меня в ряды РККА досрочно. Вы мне ответили, что молод, а через два года обещали принять. Сейчас, товарищ Ворошилов, мне уже 18 лет, и я прошу Вас дать распоряжение, чтобы меня вместе с призывниками рождения 1919 года приняли в ряды Красной армии и послали служить на Дальний Восток. Советские комсомольцы в любую минуту готовы стать на защиту советских границ и дать отпор любому врагу, который будет совать фашистское свиное рыло в наш советский огород.

Самсонов Иван.

Новосибирская обл., Кожевниковский район, Елгайинский сельсовет, деревня Малый Елгайин.

I

ЛИЦО ЯПОНСКОГО ФАШИЗМА

АНТИСОВЕТСКИЕ МЕЧТЫ И ПЛАНЫ САМУРАЕВ

В 1917 году в Японии была издана карта, по которой через все побережье Тихого океана, от Владивостока до Камчатки, тянулась весьма красноречивая надпись: «Земли, которые должны принадлежать великой Японии». Но не только земли привлекали внимание японских хищников. Охотское море пересекала другая надпись: «Это море следует приобрести силой».

Провал дальневосточной интервенции и жестокий урок, который был получен потомками самураев от славных советских партизан, несколько охладил пыл японских захватчиков. Но уже в 1927 году генерал барон Танака всеподданнейше докладывал императору:

«Божественное провидение хочет, повидимому, чтобы я помог вашему величеству открыть новую эру на Дальнем Востоке и развить новую континентальную империю. Три восточные провинции (т. е. Манчжурия) являются несовершенным пятном на Дальнем Востоке. Ради самозащиты и ради защиты других (?!) Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику «крови и железа».

Политика крови и железа — это и есть та политика, которую проводит японский империализм. И в этой политике откровенных захватов центральной идеей и движущей пружиной является идея антисоветской войны. Свои призывы к антисоветской войне оголтелая японская военно-фашистская клика подкрепляет всякого рода вздорными и демагогическими «документами». Так, например, генерал Мацуи, блистая своими особыми «знаниями» в области географии, клянется

в том, что не только Сахалин, но и рыбные промыслы в северных водах издавна принадлежали Японии. Для большей убедительности своих аргументов японская военщина мобилизует также и «исторические доказательства»: оказывается, Камчатка должна потому принадлежать японским самураям, что еще в XVI веке к ее берегам прибило волной японского рыбака Денбая. Повидимому, это и был «родоначальник» всей системы современного японского шпионажа.

В подкрепление к этим историческим «экскурсам» выдвигаются и другие «дальнобойные» доказательства. Так, знаток «мокрых дел» в международной политике Мацуока не без удовольствия констатирует: «С начала манчжурских событий (так скромно именуется захват Манчжурии японцами) японо-советские отношения ухудшились. Причина этого ухудшения заключается в том, что коммунистическая партия России (!?)... стала постепенно восстанавливать мощь страны». Это обстоятельство, явно от самураев не зависящее, все же их не устраивает.

Поэтому, например, некий Накамура, автор ряда антисоветских брошюр, нередко достаиваемых предисловия «самого» генерала Араки, позволяет себе размечтаться вслух. «Во времена Наполеона Москва была далеко, — бредит вслух этот писака, — ныне, в дни авиации, при условии «независимости» Монголии, Урал и районы, расположенные западнее его, не так далеки».

Отсюда японская газета «Харбин симбун» еще в 1936 году делала следующие весьма недвусмысленные выводы: «Уничтожив в Манчжурии влияние красной России, купив КВЖД, нужно приступить к работам второй очереди по уничтожению этого влияния в Монголии и Сынцзяне. Для этого нет иного способа кроме покорения обеих стран одновременно мечом, завещанным нам отцами». «Работы второй очереди», производимые мечом, — такая яркая характеристика лица военно-фашистской клики Японии! Впрочем, некий профессор Нодзоэ в книге, изданной еще четыре года назад, ухитрился формулировать те же мысли с еще более наглой и вызывающей откровенностью: «Установление центра государства в Сибири явится самым верным, самым прочным путем, который поведет к расцвету Японии... Японо-китайская и японо-русская войны абсолютно неустраимы и предопределены судьбой. Поэтому мы, считаясь с этим, как с уже установленным фактом, в особенности с тем, что японо-русская война — непосредственно близкий, уже определившийся момент, долж-

ны все свое внимание направить на быструю и всестороннюю подготовку».

Так разнузданно, откровенно, воинственно и нахально ведет японская военщина свою провокационную подготовку к войне против СССР. Кто же вдохновляет эти провокации, кто пытается втянуть Японию в войну против СССР, кто стремится противопоставить провокационную тактику армии, расположенной на советско-манчжурской границе, воле всего японского народа и в интересах кучки магнатов и военно-фашистской клики зажечь пожар новой империалистической, захватнической войны?

Не следует забывать, что в настоящее время японская военщина фактически сосредоточила в своих руках всю полноту власти. В состав нынешнего японского правительства входят два генерала и два адмирала.

Военным министром является генерал Итагаки, который совместно с обер-шпионом генералом Доихара разрабатывал план оккупации Манчжурии и непосредственно руководил этой оккупацией, а затем командовал частями, действующими в Китае. Пресловутый генерал Араки — один из наиболее яростных проповедников антисоветской войны — получил «скромный пост» министра просвещения. Адмирал Ионай — морской министр. Адмирал Суэцугу, прозванный за свой буйный и агрессивный нрав «морским Араки», — министр внутренних дел.

Однако вхождением в правительство четырех представителей военщины отнюдь не исчерпывается роль и влияние последней в современной Японии. Наряду с правительством существует так называемая главная ставка, которая по существующим в Японии законам создается в период войны или в других экстренных «случаях». Ставка всецело находится в руках военщины, имеет решающий голос не только в чисто военных вопросах, но и в определении курса внутренней и внешней политики страны. Характерно, что глава правительства входит в состав ставки на правах второстепенного лица. Главная же роль принадлежит военщине.

Однако подлинными хозяевами военно-фашистской клики, всех этих фашистских ландскнехтов и «фюреров» доморощенного японского образца, являются магнаты крупного капитала. Это — концерн Мицуи, объединяющий 1 300 предприятий, концерн Мицубиси, что означает в переводе «три бриллианта», кровавая игра которых озаряет своим «блеском» всю Японию, и, наконец, самый молодой, весьма наглый

и откровенно-грабительский концерн Кухара-Аюкава, с истощающей полнотой воплотивший в себе все отвратительные черты колониционных устремлений японского империализма. Аюкава успел стать фактическим хозяином Манчжурии; он смотрит на Северный Китай как на свою добычу.

Этот концерн принадлежит к числу самых разбойничьих, самых цинично-разнузданных, самых «усовершенствованных» аппаратов для грабежа, когда-либо созданных японским монополистическим капиталом. Японский журнал «Кайдзо» опубликовал «молитву капиталиста военной промышленности». Эта молитва гласит: «Господи, сделай так, чтобы наша военная промышленность развивалась и преуспевала, чтобы прибыль наша росла с каждым днем. В войне счастье. Аминь».

Однако японские пушечные короли, финансовые магнаты и грабители с большой империалистической дороги не склонны ограничиваться одними только «молитвами». Они отнюдь не забывают и своих земных дел. Для осуществления своих планов они призывают к власти военщину, приказывая ей грабить и захватывать территорию Китая, устраивать антисоветские провокации и бешено готовиться к нападению на Советский Союз.

И когда генерал Савва Данилович Араки истерически вопит о том, что «дух императорской Японии должен стать преобладающим для всего человечества», — в этих словах его отражается все тот же повелительный голос истинных вдохновителей самураев — голос наиболее реакционных и воинствующих группировок «отечественной» крупной буржуазии, злейшего врага японского народа, чьи интересы она самым бесстыдным образом игнорирует, продает и предаёт.

ИМПЕРИЯ НА ГЛИНЯНЫХ НОГАХ

Что же представляет собой Япония, как страна, которую империалисты усиленно превращают в один из главнейших очагов военной опасности во всем мире? Японская империя находится на длинной цепи островов, расположенных к востоку от азиатского материка. Ей принадлежат также Корея, находящаяся на юге азиатского материка, и южная часть Сахалина. Япония граничит с Советским Союзом, Китаем и почти соприкасается с тихоокеанскими колониальными владениями США. Общая протяженность территории всех

владений, составляющих Японскую империю, — 680 тысяч квадратных километров (в 14 раз меньше Китая). Население всей территории Японии, включая и остров Формозу, — 90 миллионов (против 450 миллионов в Китае).

Нынешнее положение японской экономики характеризуется недостаточным развитием тяжелой промышленности, разорением сельского хозяйства и крайне напряженным состоянием финансов.

В экономике Японии еще до сих пор сохранились феодальные и полуфеодальные отношения. Они налицо в основном в огромной сети кустарной промышленности, которая существует наряду с предприятиями крупной промышленности. Японская промышленность росла главным образом на почве жесточайшей эксплуатации рабочего класса и крестьянства и за счет неслыханного грабежа колоний.

В настоящий момент тяжелая промышленность развита недостаточно и не справляется с выполнением заказов военного ведомства.

В целом японская экономика в настоящий момент жестоко страдает от недостатка основных видов военно-стратегического сырья. Японская военщина демагогически вопит на этом основании о том, что Япония — страна, обиженная природой. Между тем надо подчеркнуть, что наличных ресурсов для Японии вполне хватило бы, если бы она вела мирную политику. Японский империализм ощущает сейчас нужду в сырье лишь потому, что военно-фашистская клика ведет подготовку к «большой войне», а эта подготовка пожирает все наличные ресурсы страны. К началу захватнической войны Японии в Китае зависимость японской индустрии от ввоза определялась в следующих размерах: железная руда — 80%, алюминий — 70%, медь — 40%, свинец — 94%, олово — 70%, нефть — 45% и каучук — 100%. Таким образом, совершенно ясно, что захватнические планы военно-фашистской клики в Японии не имеют под собой сколько-нибудь твердой экономической базы.

Весьма интересны и характерны те методы, с помощью которых правящие круги Японии стремятся выйти из создавшегося тупика. Речь идет о введении карточной системы на железо, сталь, нефть. Официально рекомендуется не производить ремонта зданий и даже вещей, если для этого требуется металл. Из мусорных ям специальные сборщики вылавливают все металлические отбросы. Вместо алюминиевой посуды выпускается глиняная. Экономия металла ото-

звалась даже на производстве игрушек. Японским детям приходится довольствоваться картонными барабанами во имя того, чтобы китайские дети получали аккуратно свою порцию свинца из рук японских палачей.

Сельское хозяйство Японии находится в чрезвычайно отсталом положении. Необычайная раздробленность крестьянского землевладения, неслыханная помещичья эксплуатация и кабальные условия аренды земли крестьянами — вот основные причины упадка сельского хозяйства Японии. Японская военно-фашистская клика, идеологи «императорского пути» разбоя и захватов распространяют, как известно, легенды о том, что крестьянство задыхается от малоземелья и перенаселенности и что японские империалисты стремятся к «приобретению» новых территорий якобы во имя удовлетворения исконных стремлений японского крестьянина владеть своим участком земли. Какая жалкая, кустарная, лживая демагогия!

Не следует забывать, что в руках крестьян, составляющих 93% всех земельных собственников, находится только половина всей земли. Крупным же помещикам, составляющим 1% земельных собственников, принадлежит свыше одной четверти всей земли. Отсюда и создается такое положение, когда в стране обрабатывается менее одной шестой всей земельной площади, а огромные земельные массивы на острове Хоккайдо вообще не обрабатываются. В то же время одна треть крестьян вообще не имеет своей земли, а обычный крестьянский надел составляет $\frac{1}{2}$ — 1 гектар.

Но и это свое «поместье» крестьянин обрабатывает потом и кровью. Нищета в японской деревне стоит ужасающая: ростовщик, помещик, капиталист высасывают из нее буквально все соки. Даже буржуазная японская печать вынуждена это признать; так, газета «Ници-ници» писала: «Сердце останавливается при виде той нужды и нищеты, в которую ввергнуто крестьянство». Другая газета «Сякай Ундо Цусин» подчеркивала: «Нехватает риса на еду, тяжелый труд не помогает, плачущих девушек продают, взрослые уходят из деревни, остающиеся старики и дети голодают». Недаром в японской деревне существует ходячее выражение — «долговой ад». Одна из газет так прямо и писала: японский крестьянин обрабатывает землю для уплаты долгов, работает для уплаты долгов и живет для уплаты долгов.

Нищая жизнь впроголодь — вот состояние, в котором находится японское крестьянство целого ряда областей. Если при-

нять во внимание, что этот крестьянин, совершенно лишенный собственного рабочего скота, вынужден обрабатывать поле своей мускульной силой, то есть впрягаться в средневековую соху и ковырять землю с помощью двигателя в одну человеческую и притом истощенную голодом силу, то станет ясным, почему на крестьянских землях так сильно падает урожайность. Для полноты картины следует упомянуть, что японское крестьянство задолжало помещикам и ростовщикам огромную сумму в 12 миллиардов иен.

В связи с войной положение в деревне еще более ухудшилось. Нищее крестьянство оказалось главным поставщиком живой силы для армии, поскольку она на 80% состоит из деревенской молодежи. То же голодающее крестьянство вынуждено лишать себя последней щепотки риса, поскольку сейчас японская армия требует для своего прокормления в пять раз больше продовольствия, чем в мирное время. Еще более ухудшившееся положение заставляет вспомнить весьма красноречивые слова одного из японских буржуазных журналистов: «Народ, лишенный продовольствия, это — уже не овца, он может стать голодным тигром или волком. Я этого боюсь».

Отнюдь не лучше положение рабочего класса. В современной Японии из 5,5 миллиона промышленного пролетариата 1,5 миллиона составляют женщины, из них одна пятая — девочки моложе 16 лет. Всего лиц наемного труда в Японии свыше 8 миллионов. Большой процент женщин и девушек отнюдь не является случайностью. Это — прямое следствие использования японскими капиталистами бедственного положения деревни, поскольку работницы являются сплошь крестьянскими девушками, проданными своими родителями в рабство, или, что по существу то же, на фабрику. Для иллюстрации этого положения можно привести отрывок из книги Оядомара Коэй, где говорится:

«Мы уже приводили много случаев, когда разоренные крестьяне, находясь в тяжелейших условиях жизни, продают своих дочерей или сестер. Случаи эти настолько возросли, что число девушек, выходящих замуж, заметно уменьшилось во многих деревнях. Такие деревни мы называем «деревнями без юности»... Мы негодуем против такого вопиющего безобразия, когда деньги, полученные от продажи этих девушек, со слезами ушедших на фабрику или в проститутки, были обложены специальными налогами. Но этим трагедия не исчерпывается. Крестьяне теперь продают своих малолетних дево-

чек. Таких девочек покупают за 3 или 10 иен. Судьба этих несчастных детей, брошенных в мрачную бездну городской жизни, равносильна судьбе заживо погребенных. Доносящаяся до них музыка кажется им похоронной песней, а их родители становятся для них далеким воспоминанием».

Помимо текстильной промышленности женщины и девушки заняты также и в горной индустрии. Предельный срок пребывания работницы на каторге японского капитализма — 1 — 1½ года, после чего они теряют все свои силы и возвращаются в деревню, чтобы уступить место новым тысячам жертв японских фабрикантов. Заработок японской женщины-работницы в четыре раза меньше английской и почти наполовину меньше японского рабочего-мужчины той же квалификации. Тысячи работниц томятся в фабричных общежитиях, напоминающих тюремные камеры и обнесенных колючей проволокой. Неслучайно существует в Японии поговорка: «Текстильщица станет человеком тогда, когда на телеграфном столбе зацветут цветы».

На этом жесточайшем, рабском труде, на крови, слезах и отчаянных усилиях женщин и детей основано в значительной степени благополучие японских предпринимателей. Почти даровой труд дает им возможность конкурировать с капиталистами других стран, а полученные прибыли тратить на ведение захватнических войн.

Положение рабочих-мужчин немногим лучше положения женской части японского пролетариата. Рабочий день для мужчины и в предвоенный период длился 12 — 14 часов при зарплате, которая была в 4—5 раз меньше зарплаты американского рабочего. Почти одну треть всего количества рабочих составляют подростки до 17 лет, зарплата которых совершенно ничтожна.

Значительное удорожание жизни и удлинение рабочего дня в связи с войной против Китая еще более ухудшили положение рабочего класса. Интересно отметить, что в результате обследования крупнейших предприятий обнаружилось резкое увеличение числа несчастных случаев среди рабочих в связи с переходом этих предприятий на обслуживание нужд фронта.

Боясь возмущения народных масс, японские эксплуататоры стремятся одурманить народ не только в переносном, но и в буквальном смысле этого слова. Так, одна из японских газет сообщила об изобретении «весьма эффективного средства» от

переутомления рабочих. Совершенно ясно, что речь здесь идет о средстве, которое дает возможность подстегнуть гаснущие силы трудящихся и выжать из обессиленного вконец организма еще какую-то долю прибылей.

Особенно безрадостной и тяжелой является в Японии судьба трудящейся молодежи. Ирландский профессор О'Конрой в своей книге «Японская угроза» особо подчеркивает, что бедственное положение молодого поколения трудящихся Японии «почти ни с чем не сравнимо».

В одной из японских газет было помещено следующее объявление: «Желаю продать дочь. Посодействуйте! Жизнь так тяжела, что продолжать ее невозможно. Мне угрожает голодная смерть. И как мне ни дорога дочь, но живот на спине не переделаешь. Дочери моей 16 лет — она недурна собой. Роскоши ей не потребуется. Спасите наш дом».

Подобного рода объявлениями, которые следовало бы печатать под рубрикой «крики отчаявшихся о помощи», пестрит японская печать. В трудовых семьях молодое поколение, как правило, является сплошной обузой. Дети — сплошь лишние рты. Найти работу подросткам весьма и весьма затруднительно. Так, до начала японо-китайской войны в одном только Токио было зарегистрировано около 50 тысяч безработных подростков в возрасте до 18 лет. Из них кое-как пристроились — по данным японской печати — четыре тысячи. Газета «Токио Асахи» прямо и недвусмысленно заявляла, что из 150 девушек, ищущих работу, может рассчитывать на то, чтобы продержаться в этой отчаянной борьбе за существование, только одна! О том, что делать остальным 149, газета скромно умалчивает.

«Теперь найти работу, — писал «Джапан таймс», — это все равно, что найти жемчужину на дне глубокого моря. Студенты начинают искать работу задолго до окончания высшей школы. Удастся же это весьма немногим».

Японская трудовая молодежь очень часто голодает в буквальном смысле этого слова. Известно, что в японской деревне молодежь нередко питается... корой от деревьев. Катастрофически растет число недоедающих и просто голодных из среды школьников. Так, по официальным данным отчета министерства народного просвещения, в Японии голодают 200 тысяч школьников.

Безработица, нищета, голод сильно подтачивают здоровье молодого поколения трудящихся. В 1936 году до 45—50% всех призывников оказались забракованными ввиду фактиче-

ской непригодности. Легочные, глазные и венерические заболевания весьма быстро распространяются среди трудовой японской молодежи. Японский профессор Сиогаи открыто высказывается на этот счет. «Состояние здоровья японской молодежи, — утверждает он, — непрерывно ухудшается. Это видно не только из результата освидетельствования призывников. Об этом говорит также изучение условий жизни и труда девушек... Вследствие скверных условий и переутомления эти девочки-работницы ходят сгорбленными и страдают туберкулезом легких. Мы не можем не приходиться в ужас от подобных фактов», восклицает откровенный профессор. И он заключает: «Наша страна зашла в тупик».

Все недостатки физического развития молодежи японская военщина стремится «восполнить» усиленной милитаризацией. Японская школа весьма напоминает казарму, вся система так называемого народного образования в Японии сугубо милитаризована. Из числа кончивших начальную школу не более 10% попадает в среднюю школу, а оттуда — еще меньшее количество — в высшую. Зато весьма развита густая сеть военных школ для молодежи, большая часть которых прямо называется «учебными полками».

Даже в наиболее популярных детских сказках с полного благословения генерала Араки неизменно рассказывается о том, как низкорослый японец благодаря своей силе и ловкости побеждает великана. В дни национальных праздников мальчиков в возрасте от 3 до 7 лет приводят в храм в военной форме.

Американский журналист Рессэль с полным основанием подчеркивал, что «строевая муштра японского школьника вполне может быть сравнима со строевой муштрой английского офицерского корпуса». «Блуждая мимо голых пыльных школьных дворов японских городов, — пишет Рессэль, — в любое время дня можете видеть отряды учащихся, изучающих военное дело». Весьма упорно и настойчиво распространяется среди молодежи самая разнузданная шовинистическая литература, образчиком которой может служить, например, «труд» фашиста Хирата, озаглавленный «Наша армия и флот», снабженный предисловием того же Араки. Хирата подготавливает молодежь к необходимости воевать с Советским Союзом и даже предупреждает: «Красная армия сильна... Но японцы должны о ней помнить... Советский Союз растет, он уже имеет автомобили и аэропланы собственного производства». В связи с этим обстоятельством Хирата призывает молодежь

с еще большим рвением проходить военную муштру. Опека военщины еще более усиливается тогда, когда молодой человек достигает возраста призывника и попадает в армию.

Приведем две «заповеди» из памятки японского солдата, именуемой «Докуха». «Заповеди» эти гласят: «Пока ты жив, ты должен быть потрясен великим императорским милосердием». «После смерти ты должен стать ангелом-хранителем японской империи, тогда ты будешь окружен почетом в храме». Таковы скромные задачи, поставленные военно-фашистской кликой перед молодым солдатом, ревностное выполнение которых оплачивается 3 иенами в месяц. Характерный штрих: больше половины этой суммы солдат не имеет права истратить на свои личные нужды,— в любой момент он может подвергнуться проверке.

Немудрено, что зажатая в тисках нищеты, терпящая отчаянные лишения и не всегда умеющая найти верный выход из положения японская трудовая молодежь нередко выбирает для себя безысходный путь самоубийства. Рост числа самоубийств—тоже весьма яркий показатель положения японской молодежи. Молодые люди, становящиеся благодаря изнурительнейшему труду в раннем детстве и длительным лишениям в юности инвалидами в 20—22 года, кончают жизнь самоубийством. Так, по официальным, то есть весьма сильно преуменьшенным, данным, за прошлый год в Японии покончило с собой 30 тысяч представителей молодого поколения.

В 75 километрах от Токио находится остров Осима, на котором расположен пользующийся печальной славой вулкан Михара. С моря дуют мягкие, влажные, теплые ветры. Цветут азалии и камелии. И на фоне всей этой замечательной тропической природы тысячи несчастных кончают свою жизнь, бросаясь в кратер вулкана.

Японская печать весьма многословно писала об этом острове самоубийц. Туристы целыми потоками устремлялись туда. Фотографы, число которых возросло за несколько лет с 2 до 50, засняли каждый его уголок. 14 отелей гостеприимно предлагают свои услуги всем вплоть до самоубийц,— почему же, в самом деле, не отдохнуть перед тем, как броситься в кратер Михара? К вулкану можно доехать на автомобиле, верховой лошади и даже на верблюде. Нашелся, наконец, даже один журналист, который, боясь обвинений в верхоглядстве и недобросовестности, сам спустился—весьма, впрочем, осторожно—в кратер вулкана и описал страшную панораму, которая раскрылась перед его глазами.

На острове Осима есть все. Нет только людей, которые мешали бы самоубийцам делать их дело. Зачем японской буржуазии стараться спасти всю эту несчастную молодежь, которую она же лишает места в жизни? Кончайте себе жизнь самоубийством на здоровье!

Однако не исключено, что число «клиентов вулкана Мисима» с каждым годом будет становиться все меньше и меньше. Для все возрастающего числа японской трудящейся молодежи путешествие на остров Осима не является выходом из положения. Это заметил даже буржуазный английский профессор Биккертон, когда писал в журнале «Политикал Куотерли»: «Я считаю, что японская молодежь выступит против существующего строя. Если дух и мужество, которые я наблюдал со стороны коммунистов в одном полицейском участке, существуют и на предприятиях во всей японской империи,— а есть все основания полагать, что это именно так,— то совершенно невозможно остановить мощный подъем волны коммунизма».

Не подлежит сомнению, что настроения, о которых говорит профессор Биккертон, еще более усилятся в результате кровавой авантюристической войны, затеянной японской военщиной против китайского народа.

«КИТАЙСКАЯ ЦЫНОВКА», УСЕЯННАЯ ШИПАМИ

В специальной программной брошюре японского военного министерства, изданной в 1934 году, сказано с похвальной откровенностью: «Война — отец творения, мать культуры; она дает стимул к творческому развитию как отдельного индивидуума, так и государства в целом». Вдохновенные подобного рода истинами, японские «рыцари крови и железа», — их можно проще назвать безудержными захватчиками и поджигателями войны, — заявляли о том, что, начиная новый этап грабительской войны в Китае, они сумеют «унести Китай, как цыновку».

Но китайская цыновка оказалась сплошь усеянной такими острыми и притом бронированными шипами, что японская армия вынуждена второй год вести кровопролитнейшие и ожесточеннейшие бои, все глубже и глубже увязая в авантюре, затеянной военщиной. Годовой баланс, подведенный японскими самураями, оказался настолько малоутешительным, что даже столь оголтелый сторонник политики «огня и меча», как все тот же Араки, вынужден был признать, что «не время для нации приходить в состояние экстаза и выпивать за победу»

разумеется, сие не относится к той порции водки, которую выдают обычно перед боем японским солдатам для поднятия их «победоносного духа»).

Да и в самом деле, не от чего приходиться в экстаз не только японскому народу, вынужденному выносить на себе всю кошмарную тяжесть войны, но даже и военщине, которая отнюдь не может похвастать быстрыми и окончательными успехами. Героическое сопротивление китайского народа опрокинуло все расчеты японского командования. Вместо предполагаемой «легкой военной прогулки» («Китай будет покорен с помощью 15 дивизий в 3 месяца») японская военщина очутилась перед необходимостью вести длительную и затяжную войну «на истощение». Достаточно напомнить, что еще под Шанхаем японцы, сосредоточившие трехсоттысячную армию, 250 самолетов, 400 танков и несколько крейсеров, были на протяжении 65 дней совершенно скованы китайскими войсками. Сейчас сила сопротивления, боеспособность, маневренность китайской армии еще более возросли. И японцам в связи с этим приходится в третий раз отодвигать назначенный ими срок «взятия Ханькоу».

Во что же обошлась Японии война с Китаем?

Потери, понесенные японской армией, исчисляются сотнями тысяч человек убитыми и ранеными. Мобилизация около 2 миллионов молодых, наиболее работоспособных мужчин очень сильно отозвалась на общем состоянии народного хозяйства и жизненном уровне японского народа.

В городах, несмотря на рост безработицы (в Японии сейчас насчитывается 1,3 миллиона не имеющих работы), ощущается острая нехватка высококвалифицированных рабочих рук. Стоимость жизни увеличилась более чем на 30%, что, разумеется, в первую очередь отозвалось на широких трудящихся массах.

Финансы Японии в связи с войной напряжены до последней степени. Если военные расходы на ведение японо-китайской войны 1894 года составляли 232,5 миллиона иен, захват Манчжурии обошелся в 1 400 миллионов иен, то год нынешней войны Японии в Китае уже обошелся ей около 10 миллиардов иен, что в три раза превышает весь бюджет, ассигнованный на 1937/38 год.

Огромное напряжение всей экономики Японии, стремительное таяние золотого запаса и падение вывоза привели к новому ухудшению жизненных условий японского народа. Господствующие классы Японии, возглавляемые самими хищническими

и агрессивными элементами в стане японского империализма, резко усилили процесс фашизации внутри страны, прикрываясь лозунгом о необходимости «духовной мобилизации» всей нации. Что означает на деле эта пресловутая «духовная мобилизация»? Под нажимом фашистской военщины у японского рабочего класса сейчас отняты даже те элементарнейшие политические права, которые были им завоеваны в суровой и тяжелой борьбе прошлых лет. Под предлогом «священной войны» с Китаем по всей Японии установлен режим неслыханного политического террора, запрещены стачки, разгромлены левые профсоюзы, подвергаются усиленным преследованиям представители передовой интеллигенции, прогрессивные деятели науки и искусства. Так, небезызвестный адмирал Суэцугу ознаменовал свое вступление в должность министра внутренних дел приказом об аресте 400 «неблагонадежных» общественных деятелей.

Густая сеть явных и тайных шпионов усиленно следит за тем, чтобы кто-либо из непослушных подданных не высказался против политики грабительских войн, проводимой военщиной. В министерстве внутренних дел спешно были составлены «черные списки», куда вносятся все лица, известные в качестве «неблагонадежных». Массовые аресты производятся среди студенчества по обвинению в распространении антивоенных листовок и в ведении антивоенной пропаганды. Интересен и характерен следующий случай: преподаватель начальной школы был арестован за то, что во время лекции на вопрос о положении на фронтах ответил: «Нам все представляют в розовом свете, но истинное положение вещей далеко не такое. На войне уже погибли многие наши соотечественники, но это лишь начало. Во имя чего мы переносим все эти жертвы?»

Японская полиция усиленно следит за всей перепиской в стране. Особенно строгой проверке подвергаются письма, получаемые и посылаемые солдатами. Здесь нередко содержимое конвертов меняется, и адресат, вместо посланного ему письма, получает послание, выдержанное в духе казенного патриотизма, нередко даже отпечатанное типографским способом.

И хотя глава японской охранки Томита однажды торжественно заявил, что «нет больше коммунистов в Японии», — в стране свирепствует террористическая организация «борьбы с коммунизмом», созданная в помощь полиции и построенная по «принципам», заимствованным у гестапо.

Для возбуждения «патриотических» настроений в массах наряду с лживыми реляциями об успехах в Китае или описа-

нием «подвигов» японских солдат в духе деяний пресловутого Кузьмы Крючкова появляются также сообщения такого рода: японский император для поддержания государственной экономики отказался от употребления иностранных вин и заморского табака;

министр финансов Икеда (нынешний хозяйственный диктатор Японии, кстати говоря, запретивший под страхом смертной казни изготовление товаров и предметов «частного потребления» из кожи) обязался носить одну пару ботинок десять лет;

заместитель военного министра Умэдзу в целях экономии горючего решил отныне отправляться на службу пешком. Банзай!

Вся эта наглая и бесстыдная рекламная трескотня даже в соединении с жесточайшим террором не в состоянии остановить роста антивоенных настроений внутри страны, не в состоянии парализовать борьбу широких масс против грабительской войны в Китае.

Несмотря на чудовищный террор, недавно по всей Японии был распространен манифест, в котором говорилось:

«Для японского народа современная война в Китае — великое несчастье. Народ Японии, объединяйся и восстань! Долой японский милитаризм!»

Антифашистские лозунги то и дело появляются на тротуарах в центральных кварталах Токио. Дождь листовок, проливаемый то на одном, то на другом военном заводе, неуклонный рост стачек на предприятиях (лишь в марте 1938 года, несмотря на все строгости военной цензуры, проскользнули сообщения о 81 стачке) заставляют японскую армию открыто подчеркивать, что проблема тыла вызывает у нее крупное беспокойство.

Настроения в тылу быстро передаются на фронт, в ряды армии. Недовольство населения войной находит свое отражение и в среде солдат. Так, за год войны в японской армии было шесть крупных солдатских восстаний. В порту Осака восстали 7 тысяч солдат, отказавшихся идти на фронт и выбросивших лозунг: «Долой агрессию и милитаристов!» У расстрелянных участников восстания были найдены листовки, в которых говорится: «Ради блага нашей родины мы должны подняться против этой грабительской войны!..»

В другом восстании на правом берегу Янцзы принял участие японский пехотный полк в полном составе и со всем вооружением. По японскому кораблю, подошедшему к берегу

с целью рассеять восставших при помощи артиллерии, был открыт огонь. В результате корабль получил повреждения и был вынужден уйти. Только пришедшие крупные части сумели совладать с этим непокорным полком.

В Ханчжоу и Бэнпу одновременно восстали два пехотных батальона. Солдаты потребовали отправки на родину. Из многих портов получают сведения о том, что там идет спешная переброска в Японию отдельных «неустойчивых» частей и что тысячи боеспособных солдат отправляются под специальным конвоем назад из Китая в Японию.

При аресте четверых японцев в Шанхае выяснилось, что туда прибыли 20 членов японской антивоенной лиги для ведения пропаганды в войсках. Один из арестованных заявил, что несколько десятков японских солдат в одной из частей дали друг другу клятвенное обещание в знак протеста против войны покончить жизнь самоубийством, как только они получат приказ отправиться на фронт. Из Циндао в конце мая поступило сообщение о том, что 14 солдат покончили самоубийством. Они оставили письмо, в котором говорилось: «Мы не хотим сражаться против китайского народа. Нас вынуждают к этому».

Эти случаи самоубийств производят огромное впечатление на японских солдат. В японской армии учащаются случаи дезертирства, неповиновения; классовое сознание рабочих и крестьян, насильно одетых в военную форму, пробуждается с каждым днем. Немалое значение в этом деле имеет также и то героическое сопротивление, какое оказывает китайский народ нападению японских «цивилизаторов».

В процессе классового отрезвления японского народа огромную роль играет героическая японская компартия, ведущая свою работу в глубоком подполье, несмотря на угрозу смертной казни. Японская компартия, возникшая 15 лет назад из маленькой революционной группы рабочих, прошла славный и трудный путь. Сейчас она самоотверженно борется за создание народного фронта в Японии, за объединение всех трудящихся, всех антифашистов против разнузданной клики японской военщины и против контрреволюционной троцкистской банды фашистских разведчиков и агентов.

«Китайцы лишены элементарного понятия о той великой миссии, которую несет Япония в Азию. Не Китай страдает от Японии, а Япония от Китая». В таких наглых и провокационных тонах отвечала Япония на доклад английского дипломата Литтона, обследовавшего положение в Манчжурии

после захвата ее японскими войсками. Но и здесь японская дипломатия солгала. Китайский народ прекрасно осведомлен о существовании той кровавой и грабительской «миссии», которую Япония пытается «нести в Азию». И по причине этой своей осведомленности он прилагает сейчас героические усилия для того, чтобы японская военно-фашистская клика на этот раз действительно пострадала от нового, свободного, сильного, демократического Китая.

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Установлению дипломатических отношений между Японией и СССР предшествовала, как известно, кровавая японская интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918 — 1922 годы). Полное военное поражение интервентов, усиленное неблагоприятной для японского империализма международной обстановкой и обострением внутрисполитического положения, заставило японскую военщину отступить и с позором уйти с советской земли.

В 1925 году в Пекине был заключен договор между СССР и Японией, восстанавливающий нормальные дипломатические отношения между обеими странами. Согласно этому договору японская военщина должна была официально отказаться от своих захватнических планов. Советский Союз подписал также соглашение, по которому так называемый Портсмутский договор, заключенный в результате русско-японской войны в 1904 году между царским правительством и Японией, остается в силе. Таким образом, осталась в силе и первая рыболовная конвенция 1907 года, предоставляющая японским подданным право ловить рыбу в водах ДВК.

В 1928 году была подписана новая рыболовная конвенция сроком на 10 лет. Характерно, что уже тогда японская военно-фашистская клика, взбешенная и напуганная успехами, которых добилась наша страна, стала с провокационной целью вопить о якобы имеющем место нарушении рыболовной конвенции советской стороной. Вдохновителями этой провокации являлись наиболее оголтелые круги японской военщины, еще продолжающие бредить планами о захвате Байкала, Сибири и т. д.

Начиная с 1931 года, то есть с момента захвата Манчжурии японцами, так называемая Квантунская оккупационная армия, то есть все те же махрово-реакционные военные круги, не прекращает провоцировать все новые и новые конфликты

на советско-манчжурской границе, неуклюже пытаюсь взвалить вину на Советский Союз.

Советский Союз, неизменно следуя своей политике мира, неоднократно предлагал Японии заключить пакт о ненападении, а также создать постоянную комиссию по урегулированию пограничных инцидентов. Под различными и притом совершенно необоснованными предложениями японские власти неизменно отклоняли эти предложения. Одним из проявлений подлинного миролюбия советского правительства является также и факт продажи в марте 1935 года КВЖД Японии.

Несмотря на то, что при оккупации Манчжурии Япония нарушила некоторые постановления Портсмутского договора, советское правительство, как подчеркивает товарищ Литвинов, «со своей стороны в интересах мирных и добрососедских отношений до сих пор не деносировало означенного договора». Что касается рыболовной конвенции, срок которой истек 1 января 1938 года, то в данном случае советское правительство удовлетворило просьбу Японии и продлило срок действия конвенции на 1938 год.

Японская военно-фашистская клика отвечает на эту неизменно миролюбивую политику Советского Союза непрерывными провокациями, всячески стараясь вовлечь Японию в войну против Страны советов. Отклоняя заключение пакта о ненападении с СССР, Япония в то же время присоединяется к так называемому «антикоминтерновскому пакту».

Этот пакт по существу является свидетельством о заключении антисоветского военного союза между германским фашизмом и военно-фашистской кликой Японии. «Далекая Япония,— мечтательно вещал глашатай фашистской расовой «теории» Розенберг,— первая держава, которая оценила устремления германского возрождения». В ответ на этот комплимент тогдашний министр иностранных дел Хирота сразу узрел, что Япония и Германия являются «естественными друзьями дела и сердца». А все тот же вездесущий генерал Араки подчеркивал: «Япония должна помнить одно: Германия возлагает на нее великие надежды, и Япония не должна довести Германию до раскаяния в том, что она так верила в нее».

Любому пионеру ясно, что «великие надежды», возлагаемые германским фашизмом на Японию, целиком связаны с планами подготовки войны против СССР. В свете этого откровенного признания генерала Араки становится ясной и та роль, которую играл германский фашизм, как подстрекатель

японской военщины в период провокационных столкновений, организованных Японией в районе озера Хасан.

Доблестные части Красной армии не дали возможности генералу Араки «оправдать» надежды, возложенные германским фашизмом на японскую военщину. Антисоветские надежды фашистских стервятников были развеяны в прах могущественной техникой, находящейся в крепких руках советских патриотов, героизмом и доблестью верных сынов нашей родины.

Советский Союз хочет мира, стремится к миру, отстаивает дело мира. В то же время он готов в любую минуту ответить ударом на удар любых поджигателей войны, откуда бы они ни появились.

Б. РОЗЕНЦВЕЙГ

II

КВАНТУНСКАЯ И КОРЕЙСКАЯ АРМИИ

(Краткая справка)

Буржуазно-помещичий блок и военные круги Японии придают особое значение Квантунской и Корейской армиям, возлагая на них авангардную роль в осуществлении своих захватнических планов на азиатском материке. История этих двух армий неразрывно связана с последовательной и настойчивой реализацией агрессивных устремлений японского империализма, мечтающего покорить не только Азию, но и... весь мир. Этим, собственно, и объясняется, что командованию Квантунской и Корейской армий принадлежит веское слово в определении внешней и внутренней политики Японии.

Государственные деятели Японии в своих высказываниях о целях обеих армий заявляют, что вооруженные силы Японии на материке предназначены для «умиротворения» «непокорных» и для «обеспечения мира» в Азии. Фактически же Квантунская и Корейская армии составляют головной отряд японского империализма на материке.

Начав свое существование с небольшой группы войск, размещенной на Ляодунском полуострове и в полосе отчуждения Южно-Манчжурской железной дороги, Квантунская армия из года в год росла численно и качественно за счет систематических перебросок войск из метрополии. Корейская армия, также как и Квантунская, на протяжении последнего десятилетия

стала предметом особой опеки японского генштаба и военного министерства.

Если хотя бы поверхностно присмотреться к состоянию этих двух армий и их военной деятельности после захвата Манчжурии, то без особого труда можно убедиться в том, что эта часть вооруженных сил Японии предназначена исключительно для нападения на советский Дальний Восток и для дальнейшего вооруженного вторжения в Китай. События последних лет с полной ясностью подтвердили это.

Годами непрекращающиеся провокационные вылазки на наших дальневосточных границах, систематическая антисоветская пропаганда, ведущаяся штабами Квантунской и Корейской армий, наконец лихорадочная работа по превращению Манчжурии и Кореи в военно-стратегический плацдарм являются неопровержимыми доказательствами того, что японская военщина готовит нападение на СССР.

Что собой представляют Квантунская и Корейская армии на сегодня? Общая численность обеих армий, по данным иностранной прессы, превышает 400 тысяч человек. Квантунская армия в своем составе насчитывает около десяти пехотных дивизий, трех кавбригад, несколько мотомехбригад, танковые отряды и большое количество артиллерийских и авиационных средств. По приблизительным подсчетам, Квантунская армия располагает 1 500 артиллерийскими орудиями, 600 танками и 500 самолетами. Кроме того штабу Квантунской армии подчинено большое количество пограничных войск и так называемая армия Манчжоу-Го, насчитывающая до 70 тысяч человек. Рядовой состав этой армии в основной своей массе укомплектован китайцами и манчжурами, а командный состав на 70% японский. О боеспособности армии Манчжоу-Го можно судить хотя бы по фактам частых восстаний солдат, оканчивающихся убийством японских офицеров и переходом целых подразделений на сторону манчжурских партизан.

Корейская армия состоит сейчас из двух-трех пехотных дивизий, авиационных, артиллерийских и пограничных частей. Всего в армии насчитывается до 80 тысяч человек, 400 орудий, свыше 100 танков и около 150 самолетов.

Командующие Квантунской и Корейской армиями находятся на особом положении и подчинены непосредственно императору, косвенно подчиняясь также и генеральному штабу.

Основные силы Квантунской армии расположены в северной части Манчжурии и сосредоточены главным образом на более удобных (в смысле рельефа местности, путей сообще-

ния и т. д.) направлениях, ведущих к границам СССР. Иностранные военные наблюдатели не без основания утверждают, что дислокация Квантунской и Корейской армий построена с таким расчетом, чтобы в любой момент иметь возможность начать военные действия против СССР.

Система боевой подготовки японских войск в Манчжурии и Корее приспособлена к специфическим условиям манчжурского театра. Солдаты обучаются действиям в горах, в условиях глубокого снега и в ненастную погоду.

По существующим в Японии законам, в армию допускаются только лица японской национальности. Исключение составляют корейцы, которым недавно разрешено вступать на военную службу в японскую армию, но и то в очень ограниченном количестве. Комплектование войск, расположенных в Корее и Манчжурии, производится в основном призывниками, набираемыми в метрополии. Однако в самой Манчжурии японское командование располагает довольно значительной «скрытой армией» резервистов и русских белогвардейцев, которые очень часто выполняют военные задания японцев.

Японские резервисты расселяются в наиболее ответственных местах и у важных военных объектов. В организационном отношении они объединены по военному принципу. Небольшая группа резервистов, имеющая необходимое вооружение, возглавляется японским кадровым офицером. Группы резервистов проходят систематические военные занятия и периодически отбывают специальные сборы при войсковых частях. По такому же принципу построены организации русских белогвардейцев.

Экономическая жизнь Манчжурии и Кореи целиком отдана в распоряжение военного командования, принимающего энергичные меры к тому, чтобы эти колонии Японии отвечали экономическим и политическим потребностям войны.

За годы, прошедшие со времени оккупации Манчжурии, штаб Квантунской армии развил здесь усиленную работу по созданию нужных для военных целей экономических условий. По данным китайской прессы, с 1931 по 1938 год в Манчжурии резко увеличена длина железнодорожных магистралей. Так, в 1931 году общая длина железных дорог Манчжурии равнялась 6 800 километрам, а в 1938 году она превышает 10 тысяч километров. За эти же годы в Манчжурии созданы до 12 авиабаз, около 140 посадочных площадок и аэродромов. Если в 1931 году емкость казарменных сооружений Манчжурии не превышала 100 тысяч человек, то в 1937 го-

ду эта емкость уже доведена до такой степени, что японское командование может разместить до 16 дивизий.

Параллельно с этим штабы Квантунской и Корейской армий успели возвести целый ряд укреплений, снабдив их мощным вооружением.

Таким образом организация, численность, дислокация Квантунской и Корейской армий и деятельность командования, направленная к всестороннему усилению этих армий, являются показателем того, что японский империализм содержит в Манчжурии и Корее почти полумиллионную армию, которой предназначена роль вооруженного кулака в войне против СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Советской земли никогда никому не отдадим. (Приветствие товарищу Сталину)	21
Боевое задание полностью выполнено. (Приветствие товарищу Ворошилову)	22

I. ЛЮБИМЫЙ КРАЙ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Дальний Восток.—Юр. Жуков и Р. Кронгауз.	23
--	----

II. ШТУРМОВЫЕ НОЧИ СПАССКА, ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ

Разгром японских интервентов.—М. И. Губельман.	71
Решительный отпор.	76
Партизанские отряды занимали города...	89
Подлое нападение.	96
Дальневосточная республика.	107
Генерал в 'Москву собрался, в Волочаевке попался	108
Интервенты откатываются к морю.	112
Последний удар	116
Да здравствует советский Дальний Восток!	119

III. ПРЕДМЕТНЫЕ УРОКИ ЯПОНСКИМ САМУРАЯМ

На страже дальневосточной границы.—Майор А. Агеев	122
Посыет.—Ю. Жуков.	144
Бой на Павловой сопке.—Лейтенанты Н. Афанасьев и А. Демченко.	149
Сын русского народа Василий Баранов.—О. Михайлов.	152
Поединок летчика Слепцова с девятью японскими пилотами.—В. Вагин.	154
Схватка на острове.—В. Хействер и Я. Сиславский.	157

IV. КАК ЯПОНСКИЕ САМУРАИ ХОТЕЛИ ВЗЯТЬ СОПКУ ЗАОЗЕРНУЮ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

12 боевых дней

Что произошло в районе озера Хасан?—Капитан Стеженко.	162
Как это началось.—З. Хирен.	172

Рассказы пограничников о боях с японцами 29 июля 1938 г.	176
Три документа о настроениях японских солдат и офицеров.	216
В эти дни в Гродеково	218

С и л а с о в е т с к о г о о р у ж и я

Доблестные артиллеристы	222
Мужественные танкисты	227
Гордые соколы.	241

С и м е н е м С т а л и н а

Авангардная роль коммунистов в бою.—Ф. Виноградов.	263
Боевой актив.—Лейтенант Шаплюк.	266
Политработа в боевой обстановке.—А. Зуев.	270
Странички из дневника.—Г. Сазыкин.	274
Сталинские питомцы.—И. Машляк.	281
Комиссары.—В. Хействер и В. Чернышев.	285
Жизнь и смерть военкома Пожарского.—В. Хействер.	287

V. В Е Л И К О Е Е Д И Н С Т В О .

Волнующие встречи.—В. Хетагурова.	292
Боевые подруги.—З. Абрамов.	296
Комсомольцы Посыета.—Т. Карельштейн, В. Вагин.	300
Переключка патриотов (письма)	305
Москва, наркому Ворошилову (письма молодежи)	327

П р и л о ж е н и я

I. Лицо японского фашизма.—Б. Розенцвейг.	336
II. Квантунская и Корейская армии	354

СБОРНИК СОСТАВИЛИ: Ю. ЖУКОВ и М. ГОЛЬДБЕРГ.

ОФОРМЛЕНИЕ ХУД. Б. ШВАРЦА

ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ФОТО мт. ДЕБАБОВА,
ШАЙХЕТА, ПРЕЖНЕРА, ТЕМИНА, ХОДАКОВА
и др. ПРЕДОСТАВЛЕНА РЕДАКЦИЯМИ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“ И ЖУРНАЛА „СССР НА СТРОИКЕ“

★

Редактор *К. Севриков.*

Художественный редактор *А. Андреас.*

Технический редактор *М. Лойтерштейн.*

Корректоры *Г. Виноградов* и *И. Кудашев.*

Сдано в производство 13/IX 1938 г.

Подписано к печати I/X 1938 г.

М. Г. 170. Индекс Ю-3.

Формат бум. 82×110¹/₃₂ 22¹/₂ печ. л.

23,7 уч.-авт. л.

Уполном. Главлита Б—52901

Тираж 100 000. (11—100 тыс.) Зак. тип. 713

Тип. „Искра революции“

Москва, Филипповский пер., 13.

